«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

(к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне)

Сборник трудов
VIII Международной
научно-практической конференции
(г. Кострома, 19 сентября 2025 года)

Кострома
КГУ
2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Костромской государственный университет
Костромская митрополия Русской православной церкви
Алматинская Православная духовная семинария
Церковный научно-исследовательский центр Костромской митрополии
АНО «Паломническая служба «Стезя»

Сборник трудов
VIII Международной научно-практической конференции

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

(к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне)

(г. Кострома, 19 сентября 2025 года)

Текстовый электронный сборник на компакт-диске

Кострома
КГУ
2025

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание

УДК 340(0.034)
ББК 67я431я04
И904

Издается по решению редакционно-издательского совета Костромского государственного университета

Рецензенты:
С. Г. Спивак, судья судебной коллегии по уголовным делам
Второго кассационного суда общей юрисдикции,
кандидат юридических наук, доцент;
Е. А. Суманеева, заведующая правовым отделом администрации
Сусанинского муниципального района Костромской области

И904 Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности: сборник трудов (к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне) (г. Кострома, 19 сентября 2025 года) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов, Л. А. Хлестакова; отв. ред. Г. Г. Бриль. – Электронные текстовые, граф. дан. (4,28 МБ). – Кострома : Костромской государственный университет, 2025. – 408, [1] с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM), цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 ГБ; Windows XP с пакетом обновления 3 (P3) и выше; Acrobat Reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024x768 пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.
ISBN 978-5-8285-1351-2

Настоящий сборник составлен по итогам VIII Международной научно-практической конференции «Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности» (к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне), которая состоялась заочно 19 сентября 2025 года в г. Костроме. В сборнике трудов рассматриваются актуальные вопросы сохранения и укрепления цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей; формирования современного правового государства, деятельности государственных и муниципальных органов и судов различного уровня.

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 340(0.034)
ББК 67я431я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

16+
ISBN 978-5-8285-1351-2

© Костромской государственный университет, 2025, оформление

Титул **Сведения об издании** **Выпускные данные** **Содержание**

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. Сохранение и укрепление цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей: теоретико-правовые, исторические и практические аспекты 9
Дергунова С. Н.
Патриотическая культура Костромской области как составляющая российской государственности. Живое наследие и современные пульсации в период специальной военной операции 9
Зайцев Л. Н.
Уездные члены Костромского окружного суда: социально-профессиональный облик (вторая половина XIX – начало XX века) 15
Зименков А. Л., ЧертковаЯ. А.
Преемственность поколений на примере участия дипломатов в событиях Второй мировой войны 24
Иванов В. Е.
Эволюция правового закрепления такой традиционной ценности, как справедливость, в России: от Русской Правды до современных кодификаций 28
Леонов Н. В.
Противодействие экстремизму в аспекте сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей Российской Федерации 34
Луценко Д. А., Птичкина К. В.
Анализ деятельности внутриполитического блока Администрации Президента Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей и исторической памяти 40
Мирошниченко А. А.
Подготовка медиапедагога к воспитательной работе с обучающимися 44
Рыжов Ю. В.
Роль социального служения инославных церквей в становлении и развитии российской государственности 49
Плюснина О. В.
Религиозные символы как объект правовой охраны 58
Савкин А. А.
История развития законодательства о противодействии преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в сфере закупок органов местного самоуправления 63
Семенова И. Ю.
Роль духовно-нравственных ценностей в контексте проводимой государственной семейной политики на современном этапе формирования российской государственности 72
Серебрянский Н. Ю., Яснева Е. В.
Лондонская конференция в преддверии Нюрнбергского процесса 76

Теняков А. В.
Чуждость протестантизма для русской души 82
Трофимова А. М.
Роль судебной власти в защите традиционных ценностей..... 87
Федоров В. Г.
Концептуальная природа патерналистских отношений
в период царствования российского императора Николая I..... 91

СЕКЦИЯ 2. Память о защитниках Отечества и защита исторической правды как одна из основ государственности России..... 101
Заиграева А. А., Кузьмина Е. Н.
Уголовно-правовой анализ геноцида и преступлений
против человечности..... 101
Косинова А. П., Косухина И. В., Котарева Н. И.
Гражданско-патриотическое воспитание молодежи
как одно из направлений работы учреждения
дополнительного образования 105
Щелокова А. Р.
Защита национальной исторической памяти как фактор укрепления
российской государственности..... 108
Чертков А. С.
О сохранении границ исторической памяти
в связи с развитием технологий искусственного интеллекта..... 114

СЕКЦИЯ 3. Правовые и социальные технологии формирования и развития общественных и межнациональных отношений 118
Андриянов Е. А.
Отдельные вопросы законодательства в сфере взаимодействия органов
предварительного следствия и органов дознания..... 118
Афанасьева О. Р., Коимшиди Г. Ф.
Преступления против мира и безопасности человечества
в Российской Федерации в начале XXI века:
состояние и тенденции развития 120
Буду А. М., Костерина В. А., Растегаева Е. В.
Актуальные проблемы прокурорского надзора в сфере исполнения
законодательства в сфере трудоустройства несовершеннолетних 127
Веселова К. А., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В.
Правовые основы наставничества в системе Министерства внутренних дел:
проблемы и перспективы..... 130
Веселова К. А., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В.
Организационные проблемы прохождения службы
в органах внутренних дел и пути их решения..... 134
Воронина И. О., Гулиева А. Ф., Лебедева С. М.
Проблемы регулирования криптовалютной биржи..... 137

Галанова В. Д.
Доктрина административной ответственности:
эволюция подходов и современные проблемы 141
Гузанова В. А.
Институт усыновления в международном праве 144
Гулькина Е. А.
Юридические аспекты потребительского экстремизма 147
Заиграева А. А., Мордзенко Е. А.
Защита прав и законных интересов инвалидов,
проживающих в многоквартирных домах в Костромской области 153
Земцова Е. Д., Проводина Е. В.
Особенности реализации уголовной ответственности за преступления
против загрязнения атмосферы 160
Зуев Д. А., Нестерова О. В.
Взаимодействие органов местного самоуправления
и правоохранительных органов по реализации полномочий
в сфере поддержания общественного порядка: проблемы
и пути их решения 163
Кварталова Н. В.
Сравнительно-правовой анализ законодательства
о муниципальной службе 168
Кварталова Н. В.
Сравнение дисциплинарной ответственности муниципальных служащих
в Российской Федерации и в Германии 172
Кравченко В. А., Сиверская Л. А.
О некоторых вопросах правового статуса следователя-криминалиста
в уголовном процессе Российской Федерации 176
Кравцева П. А., Ташева А. Х.
Проблемы взаимодействия органов прокуратуры и органов
местного самоуправления 180
Комрачков Д. Д.
Государственная измена как преступление:
понятие и причины совершения 185
Корж П. А.
Проблемы заключения политических договоров
исходя из различной правовой культуры сторон 189
Корнева А. С.
Правовое регулирование трудовых отношений с участием инвалидов
в России: историко-юридический анализ 192
Кукушкина А. О., Евстегнеев А. С.
Вопросы отграничения хулиганства
от некоторых сходных преступлений 197
Лапенко Ю.А., Сироткин А. Г.
Проблемы правового регулирования принятия наследства
в Российской Федерации 203

Михайлова Я. Д.
Проблемные аспекты компенсации морального вреда военнослужащим 209
Морозова Е. А.
Совершенствование отдельных норм законодательства
об инклюзивном образовании иностранных студентов в России 214
Наезчиков Д. А.
К вопросу о субъектах профилактики незаконного оборота
наркотических средств..... 220
Носкова А. С., Фомина К. И.
Проблемы института необходимой обороны в судебной практике
Российской Федерации 225
Патрикеева А. А.
Предъявление для опознания в уголовно-процессуальном
законодательстве государств постсоветского пространства 230
ПлюснинаО. В., Эроглу А. В.
Сравнительный анализ требований к гидам и экскурсоводам
в Турецкой Республике и Российской Федерации..... 233
Потемкин И. А.
Правовое регулирование товарных знаков
в странах Европейского Союза 239
Сотников Э. А., Мельников И. Н.
Сравнительно-правовой анализ судебных расходов
в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации 242
Спивак А. В., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В.
Дополнительное наказание как фактор, влияющий на сроки погашения
судимости: пробелы и пути их устранения 246
Спивак А. В., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В.
Судимость и военная служба: проблемы дифференциации сроков
погашения судимости 249
Спивак А. В., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В.
Совершенствование законодательства о сроках погашения судимости:
необходимость законодательной конкретизации 252
Хаврошина А. А., Панфилов П. О.
Принцип неприкосновенности жилища: пределы реализации
и возможность исключения в условиях специальной военной операции..... 255

СЕКЦИЯ 4. Правовые риски в цифровую эпоху..... 260
Абрамова З. А., Соколова Т. Н.
Цифровизация органов прокуратуры 260
Абрегов Д. А., Багдасаров В. А., Филиппов С. А.
Смарт-контракт как вид договора. Преимущества и недостатки..... 265
Баширов Т. В., Кожохин А. С.
Правовые риски применения искусственного интеллекта:
вызовы и перспективы регулирования..... 269

Башмакова А. Н., Кузнецова Д. А.
«Право быть забытым» – элемент защиты персональных данных
в цифровую эпоху 273
Воеводина О. Н.
Защита прав авторов и правообладателей в условиях цифровизации 279
Дадаева М. И.
Интеграция цифровых технологий в уголовно-исполнительной системе
Российской Федерации в условиях соблюдения ограничений и запретов,
связанных со службой в уголовно-исполнительной системе
Российской Федерации 284
Жуколина А. А.
Цифровизация сделок с недвижимостью: новые правовые риски
и способы их минимизации 290
Жуколина А. А.
Электронные договоры купли-продажи:
риски признания недействительными 296
Иванова Е. С., Кузьмина Е. Н.
К вопросу о способах снижения судебной нагрузки
в Российской Федерации и зарубежных странах 300
Кислухин Р. Д.
Внедрение искусственного интеллекта в деятельность судов:
перспективы применения и правовые риски 304
Кокоулина А. М.
Правовые проблемы применения искусственного интеллекта
в сфере медицины 310
Малякин С. М., Ганжа Н. В., Хлестакова Л. А.
Стриминговые сервисы: правовая неопределенность и риски 317
Махмудов М. К., Пивоваров К. М.
Проблемы цифровизации следственной и прокурорской деятельности 321
Мирный Д. С.
О соотношении механизмов превенции и уголовного преследования
«телефонного мошенничества» 327
Потемкин И. А.
Виды, функции и значение товарных знаков в условиях цифровизации 332
Рашидова М. Н., Стукалин А. А.
Социально-правовые аспекты кибербуллинга:
вопросы судебной практики 336
Романченко М. Д., Григорьева О. О.
Применение искусственного интеллекта
в правоохранительной деятельности (на примере ФСИН России) 342
Смирнова Д. Р.
Уголовная ответственность за неправомерный доступ
к компьютерной информации 346

Щукина А. В.
Цифровая гигиена в условиях новых норм противодействия экстремистским материалам в Российской Федерации 352
Червячкова М. С.
Использование искусственного интеллекта в уголовно-правовой деятельности 357
Черков В. А., Черкова М. Ю.
Риски и ограничения искусственного интеллекта в образовании: почему не стоит переоценивать его возможности 360

СЕКЦИЯ 5. Исторические и духовные основания российской государственности 366
Священник Георгий Андрианов
Маршал Василевский: последнее Причастие и отпевание 366
Священник Павел Бочков
Наградная символика общественной организации «Конвой Святого Царя Страстотерпца» (г. Сестрорецк, Россия) 370
Ветелина Л. Г.
Епархиальная печать об утверждении патриаршества в России в начале XX века 380
Жигалов М. И.
Взаимоотношения церкви и государства в контексте календарной реформы в Советской России (1918–1923) 384
Сидоров И. А.
Архимандрит Макарий (Пе́трович) и его «Церькви восточныя православное учение» 389
Иерей Александр Шишлов
Преподобный Сергий Радонежский как выразитель школы исихастского подвижничества на Руси 394
Диакон Рустик (Руслан) Якупов
Взгляд Русской Православной Церкви на искусственный интеллект 400

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание

СЕКЦИЯ 1

СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ И ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 355.233.231.1

Дергунова Светлана Николаевна
кандидат культурологии, преподаватель
Военной академии радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко
г. Кострома, Российская Федерация
s.dergunova@internet.ru

Патриотическая культура Костромской области как составляющая российской государственности. Живое наследие и современные пульсации в период специальной военной операции

Аннотация. *Изучение и анализ патриотической культуры Костромской области, как составляющей российской государственности, является системным подходом к патриотическому воспитанию. В условиях проведения специальной военной операции сохранение и укрепление основ и традиционных духовно-нравственных ценностей приобретает особое значение особый смысл. Они становятся не просто частью патриотического воспитания, но и мощным инструментом формирования мировоззрения, укрепления морально-психологического состояния русского народа и поддержания высокого уровня боевого духа. На примере Костромской области в статье рассматриваются основные закономерности функционирования и развития патриотической культуры, а также ее роль в жизни человека и общества. Изучая основные тенденции формирования патриотической культуры Костромской области, сделан анализ социокультурной динамики патриотического воспитания в период специальной военной операции.*

Ключевые слова: *культурология, Костромской край, патриотическая культура, формирование патриотизма, живое наследие, патриотизм в условиях конфликта, специальная военная операция, воспитание молодежи, культурные инициативы, ценности, «патриотизм», любовь к Родине, ответственность, защита Отечества*.

Dergunova Svetlana Nikolaevna
Military Academy of Radiation,
Chemical and Biological Defense
named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko
Kostroma, Russian Federation

Patriotic culture of the Kostroma region as a component of Russian state hood. Living heritage and modern ripples during a special military operation

Annotation. *The study and analysis of the patriotic culture of the Kostroma region, as a component of Russian state hood, is a systematic approach to patriotic education. In the context*

© Дергунова С. Н., 2025

of a special military operation, the preservation and strengthening of the foundations and traditional spiritual and moral values acquires a special meaning. They become not just a part of patriotic education, but also a power ful tool for shaping the world view, strengthening the moral and psychological state of the Russian people and main taining a high level of morale. Using the Kostroma Region as an example, the article examines the basic patterns of the functioning and development of patriotic culture, as well as its role in human and social life. Studying the main trends in the formation of the patriotic culture of the Kostroma region, ananalysis of the socio-cultural dynamics of patriotic education during a special military operation is made.

Keywords: *cultural studies, Kostroma Region, patriotic culture, formation of patriotism, living heritage, patriotism in conflict, special military operation, youth education, cultural initiatives, values, "patriotism", love of the Mother land, responsibility, protection of the Fatherland.*

Костромская область – это не просто точка на карте России, это настоящая сокровищница культурного наследия, где каждый уголок дышит историей, а традиции живут и развиваются. Изучение этого многогранного мира через призму культурологии позволяет нам не только понять прошлое, но и увидеть, как оно формирует настоящее и влияет на будущее. Костромичи всегда были и остаются патриотами своей земли, своей Родины и Отечества.

Патриотическая культура Костромской области – это не просто объект изучения, это ключ к пониманию души нашего удивительного края. Она позволяет увидеть, как древние корни питают современные ростки, как прошлое и настоящее сплетаются в единый, неповторимый узор, который и составляет культурное богатство Костромской земли. Изучая эти формы, процессы и практики, мы не только узнаем о Костромской области, но и лучше понимаем самих себя и свое место в мире.

Рассматривая патриотическую культуру как систему и совокупность устойчивых компонентов патриотического сознания, традиций, ориентаций и поведения, направленных на сохранение и приумножение духовного, культурного и материального наследия Отечества, мы формируем основы российской государственности. Такая культура реализуется в социальном поведении каждого человека и общества в целом, проявляется в созидании, бережном отношении, передаче социального опыта и традиций от поколения к поколению. Именно поэтому укрепление культуры патриотизма важно для поддержания стабильности страны в сегодняшней сложной обстановке.

Развивая и укрепляя патриотическую культуру, мы формируем национальную идентичность и общественное сознание. Сильное патриотическое чувство способствует укреплению гражданской солидарности, единства и социальной стабильности. Патриотично настроенное население более мотивировано и предано своей стране, что способствует развитию научных и технологических достижений, поддержке социальных программ и содействию росту образовательных стандартов.

Рассматривая патриотическую культуру Костромской области, можно выявить присущие ей черты: многомерность, ориентация на взаимодействие социальных инноваций и исторической памяти, преемственность поколений.

Это отражается и в системной работе с педагогами, и в увековечивании памяти о героях, и в развитие молодежных движений и направлений, в том чис-

ле военно-патриотических классов и тимуровского движения. В Костромской области созданы и пополняются «Книга памяти» и «Книга трудовой славы Костромской области». Инфраструктура патриотического воспитания в Костромской области, по данным на 2024 год, представлена более 330 патриотическими клубами, объединениями и юнармейскими отрядами, действующими на территории региона [1].

Патриотические культурные процессы в Костромской области – это сложный и динамичный диалог между прошлым, настоящим и будущим. С одной стороны, это **сохранение и популяризация исторического наследия.** Активно ведется работа по реставрации памятников архитектуры, издаются книги по истории края, проводятся патриотические мероприятия, которые помогают людям не забывать прошлое и знать достоверное настоящее.

С другой стороны, это **интеграция в общероссийские и мировые культурные тенденции.** Костромская область не изолирована от внешнего мира. Здесь проходят Всероссийские патриотические акции, организуются выставки современных художников СВО, внедряются новые формы патриотического культурного досуга, например, тематические площадки в парках отдыха, в том числе с участием курсантов Военной академии РХБЗ и участников специальной военной операции.

Важным процессом в формировании патриотической культуры является региональная **идентичность.** Жители Костромской области гордятся своим краем, его историей и культурой. Это проявляется в стремлении сохранить уникальные традиции, в поддержке местных талантов, в активном участии в жизни региона. Ценностным компонентом этого направления изучения патриотической культуры Костромской области стал Закон Костромской области от 15.12.2023 № 432-7-ЗКО «О патриотическом воспитании в Костромской области» (принят Костромской областной Думой 14.12.2023) [2].

Настоящий Закон регулирует отношения, связанные с реализацией на территории Костромской области государственной политики в сфере патриотического воспитания. Данный документ является подтверждением системного и целенаправленного подхода к осуществлению формирования и развития патриотической культуры Костромской области. Основная цель которой формирование у граждан высокого гражданского и патриотического сознания, чувства преданности своему Отечеству и малой Родине, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите Отечества. В рамках специальной военной операции данный Закон всецело отвечает требованиям времени и способствует повышению уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации и Костромской области.

Огромную роль в формировании региональной патриотической культуры играют так называемые «**Культурные практики: от семейных традиций до масштабных событий»** [3].

Культурные практики – это то, как люди живут культурой в повседневной жизни. В Костромской области есть свои культурно-патриотические практики:

– Семейные традиции: оформление и издание исторических семейных формуляров, передача опыта от старшего поколения к младшему, участие в Днях памяти, открытии бюстов и памятников героям и т. д.

– Посещение музеев и выставок: жители области активно интересуются своим прошлым, посещая местные музеи, где представлены экспонаты, рассказывающие об истории края, его знаменитых людях и героях различных войн.

– Участие в акциях и мероприятиях патриотической направленности: это яркие и массовые события, где люди все вместе могут отдать дань паями и вспомнить страницы истории, а также научится ценить жизнь и то, что нам дано. Например, патриотические акции Костромской области «Венок памяти» или «Колокол Победы».

– Современные патриотические формы досуга: городской фестиваль – конкурс «Во славу ратных дет», концерты, посвященные памятным датам, фестивали-конкурсы патриотической песни, мастер-классы по плетению маскировочных сетей для СВО, молодежный патриотический конкурс «Армейский Дед Мороз» и т. д.

– Развитие историко-патриотического туризма. Костромская область богата историческим наследием, которое отражается в проведении туристических маршрутов, связанных с историческими событиями Российского масштаба. Например, экскурсия под названием «Тропой Сусанина» в Сусанинский район к месту совершения подвига патриотом земли русской Иваном Сусаниным. Или экскурсия под названием «По улицам героев», рассказывающая о людях, совершивших подвиги и проживавших в городе Костроме.

Важную роль в сохранении и развитии культуры играют **библиотеки и дома культуры.** В период проведения специальной военной операции они являются центрами патриотического воспитания, предлагая широкий спектр услуг: от выдачи книг и проведения литературных вечеров до организации встреч с участниками СВО и размещения выставок. Библиотеки активно оцифровывают свои фонды, делая доступными для широкой аудитории редкие издания и исторические документы. Дома культуры становятся площадками для проведения концертов, спектаклей, выставок и других культурных мероприятий патриотической направленности.

Анализ данных количественного состава населения, охваченного мероприятиями патриотической направленности в Костромской области, за последние четыре года показывает, что численность населения Костромской области, вовлеченного в патриотическое воспитание, неуклонно растет, благодаря вовлечению в социально активную деятельность через увеличение охвата патриотическими проектами и в развитие системы межпоколенческого взаимодействия патриотической направленности в Костромской области (табл., [4]).

Таким образом, патриотическая культура в Костромской области – **это живой процесс** сотрудничества между представителями органов власти, деятелями культуры, общественными организациями и населением нашего края. Это постоянный поиск новых подходов и методов патриотического воспитания, а также стремление к тому, чтобы патриотическая культура Костромской об-

ласти оставалась привлекательной не только для тех, кто интересуется героической историей и традициями региона, но и для всех жителей России.

Таблица

Показатель статистики	2021	2022	2023	2024
Численность детей и молодежи в возрасте до 35 лет, вовлеченных в социально активную деятельность через увеличение охвата патриотическими проектами, чел.	290 000	380 000	450 000	550 000
Численность людей, вовлеченных в развитие системы межпоколенческого взаимодействия и обеспечения преемственности поколений, поддержки общественных инициатив и проектов, направленных на гражданское и патриотическое воспитание детей и молодежи, чел.	22 920	24 020	25 110	26 200

Несмотря на богатое культурно-патриотическое наследие, Костромская область, как и многие другие регионы России, сталкивается с рядом вызовов.

Демографические изменения, такие как отток молодежи в крупные города, уход из жизни старшего поколения, в том числе ветеранов Великой отечественной войны, могут привести к оскудению патриотического потенциала.

Недостаточное финансирование проектов патриотической направленности может привести к потере ориентиров духовных ценностей. В условиях соперничества патриотического воспитания с массовой культурой возникает острая необходимость в поиске инновационных форм и методов, способных привлечь внимание аудитории к духовным ценностям. Эти вызовы открывают и новые возможности.

Развитие креативных индустрий на основе местного культурного наследия может стать драйвером экономического роста и привлечения инвестиций для патриотического воспитания.

Цифровизация культурного контента позволит преодолеть географические барьеры и сделать культурно-исторические богатства Костромской области доступными для широкой аудитории по всему миру.

Развитие волонтерского движения в сфере патриотической культуры может способствовать активному вовлечению жителей в процессы сохранения и популяризации наследия.

Очень важно поддерживать и развивать патриотическую культуру в регионе, особенно в период специальной военной операции. Необходимо готовить специалистов, способных не только понимать и анализировать современную ситуацию, но и способных проводить работу военно-патриотической направленности с населением Костромской области. Важно, чтобы эти специалисты были не просто теоретиками, но и практиками, умеющими работать с различными аудиториями, организовывать патриотические мероприятия, готовить молодежь к защите Отечества, разрабатывать туристические маршруты определенной направленности, создавать креативные проекты на основе местного культурно-патриотического материала.

В эпоху цифровых технологий особое значение приобретает **создание цифрового культурно-патриотического пространства Костромской области.** Необходимо оцифровывать музейные коллекции, архивные документы, библиотечные фонды, создавать виртуальные туры по историческим местам, разрабатывать интерактивные образовательные программы. Это позволит сделать культурное наследие региона доступным для широкой аудитории по всему миру, привлечь туристов, стимулировать интерес к истории и культуре Костромской области.

Таким образом, патриотическая культура Костромской области – это динамичная сфера, сочетающая в себе живое наследие и современные пульсации через призму культурных форм, процессов и практик. Она требует междисциплинарного подхода, использования цифровых технологий и активного вовлечения локальных сообществ. Подготовка специалистов по патриотическому воспитанию и поддержка креативных проектов являются ключевыми для сохранения многовековых исторических традиций и ценностей Костромской области. В конечном итоге, патриотическая культура выступает как инструмент формирования будущего и процветания России в целом, и Костромского края, в частности.

Список источников

1. Доклад по вопросу «О реализации молодежной политики в Костромской области» комитета по делам молодежи Костромской области за 2024 год, стр.7, Дата опубликования: 25-02-2025. URL: https://kdm.kostroma.gov.ru/deyatelnost/plany-i-pokazateli/otchyetnost.php (дата обращения: 21.09.2025).

2. Закон Костромской области от 15.12.2023 № 432-7-ЗКО «О патриотическом воспитании в Костромской области» (принят Костромской областной Думой 14.12.2023). URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4400202312190007 (дата обращения: 21.09.2025).

3. Постановление Администрации Костромской области № 292-А от 21 июля 2025 года «Об утверждении региональной программы патриотического воспитания граждан, проживающих на территории Костромской области, на 2025–2030 годы». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4400202507220018?index=5 (дата обращения: 21.09.2025).

4. Паспорт регионального проекта Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации (Костромская область)// Сайт Администрации Костромской области: URL: https://don.kostroma.gov.ru/upload/iblock/5a5/jbeyy49ann7k2q3kvzfqt5m924wi7r5p/Паспорт%20РП%20Патриотическое%20воспитание%20граждан%202022.pdf URL:https://adm44.ru/news/detail.php/177529 (дата обращения: 21.09.2025).

УДК 93/94

Зайцев Леонид Николаевич
старший преподаватель, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
l_zaycev@kosgos.ru

Уездные члены Костромского окружного суда: социально-профессиональный облик (вторая половина XIX – начало XX века)

Аннотация. *В статье на основе архивных и исторических материалов подробно рассматриваются личности уездных членов Костромского окружного суда пореформенной России. На основании изучения их персонального состава был проведен анализ их личностей. Автором установлены все уездные члены окружного суда, что позволило воссоздать портрет судебных чиновников второй половины XIX – начала XX в. Исследованы их сословное происхождение, образование, благосостояние, семейное положение, служебный статус. При подборе кадров в судебные органы, в том числе в Костромской окружной суд, власть весьма серьезно относилась к кадровым вопросам, что и видно из настоящего исследования. На протяжении своей службы в суде все уездные члены окружного суда добросовестно относились к исполнению своих обязанностей, поддерживая авторитет судебной власти. Они были опытными и грамотными профессионалами, что положительно сказывалось на эффективности правосудия в уездах Костромской губернии во второй половине XIX – начале XX в.*

Ключевые слова: *судебная реформа, Костромской окружной суд, уездный член окружного суда, личный состав.*

Zaitsev Leonid Nikolayevich
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

County members of the Kostroma district court: socio-professional appearance (the second half of the XIX – early XX centuries)

Annotation. *The article, based on archival and historical materials, provides a detailed analysis of the personalities of the district members of the Kostroma District Court in post-reform Russia. Based on the study of their personal composition, an analysis of their personalities was conducted. The author identified all the district members of the court, which allowed for the reconstruction of the portrait of judicial officials in the second half of the 19th and early 20th centuries. The article explores their social background, education, wealth, marital status, and official position. When selecting personnel for judicial bodies, including the Kostroma District Court, the authorities took personnel issues very seriously, as can be seen from this study. Throughout their service in the court, all the district members of the district court performed their duties conscientiously, maintaining the authority of the judiciary. They were experienced and competent professionals, which had a positive impact on the effectiveness of justice in the districts of the Kostroma province in the second half of the 19th and early 20th centuries.*

Keywords: *judicial reform, Kostroma District Court, district member of the District Court, personnel.*

© Зайцев Л. Н., 2025

Судебные учреждения на протяжении своей истории неоднократно подвергались различным преобразованиям, диктуемым меняющимися условиями жизни Российской империи [6, с.79–84].

Судебная реформа 1864 г. упорядочила судебную систему, создав, в том числе, и окружные суды. Однако в ходе «контрреформ» появляются новая судебная должность уездного члена окружного суда, которая была учреждена на основании «Правил об устройстве судебной части в местностях, в которых было введено «Положение о земских участковых начальников» от 12 июля 1889 г.» [8].

Уездный член окружного суда являлся одним из органов судебной власти [3, с. 51].

В его компетенцию входили: 1) все возникавшие в уезде гражданские и уголовные дела, отнесенные судебными уставами к ведению мировых судей и неподсудные земским начальникам и городским судьям; 2) все дела охранительного производства, отнесенные судебными уставами к ведению мировых судей, за исключением дел по выдаче данных и купчих крепостей и вводу во владение недвижимыми имуществами. Кроме того, уездный член окружного суда: 1) присутствовал на судебных заседаниях уездного съезда; 2) исполнял обязанности мирового судьи по исчислению и взиманию пошлин с наследственных имуществ; 3) участвовал в комиссии по составлению очередных списков присяжных заседателей; 4) по поручению окружного суда объявлял приговора, проводил ревизии делопроизводств городских судей и судебных следователей, а также книг и дел нотариусов в пределах уезда; 5) приглашался к участию в выездных сессиях окружного суда в закрепленном за ним уезде, а также в других случаях для дополнения присутствия при недостатке наличных членов; 6) осуществлял непосредственный надзор за судебными приставами, имевшими жительство вне города, где находился окружной суд. Уездному члену присваивались права члена окружного суда. Судебные дела, решаемые уездными членами, производились порядком, предписанным судебными уставами для мировых судей [8].

В Костромской губернии уездные члены Костромского окружного суда начали свою деятельность с 10 января 1890 г., когда Высочайшим приказом № 5 на указанную должность были назначены: надворный советник Н. А. Крупицкий – по Костромскому уезду, губернский секретарь Н. С. Крюков – по Буйскому уезду, губернский секретарь Д. А. Тихонравов – по Варнавинскому уезду, коллежский секретарь И. И. Чернявский – по Ветлужскому уезду, коллежский советник Д. М. Полозов – по Галичскому уезду, губернский секретарь И. М. Рубинский – по Кинешемскому уезду, коллежский советник Я. И. Богданов – по Кологривскому уезду, коллежский секретарь В. Э. Скрутковский – по Макарьевскому уезду, надворный советник М. К. Стратилатов – по Нерехтскому уезду, титулярный советник В. С. Лазовский – по Солигаличскому уезду. Губернский секретарь М. Н. Успенский – по Чухломскому уезду, статский советник А. И. Горицкий – по Юрьевецкому уезду [1, с. 38; 13, с. 93–94].

Нами установлено, что за 26 лет деятельности Костромского окружного суда его уездными членами было назначено 37 человек.

Штатная численность уездных членов Костромского окружного суда первоначально с момента их деятельности была 12 человек по количеству уездов. С 1913 г. были введены дополнительные должности еще по одному уездному члену Костромского окружного суда в трех уездах: Костромском, Кинешемском и Юрьевецком. Таким образом, с этого периода уездных членов окружного суда в губернии по штату стало 15 человек [18, с. 194–195].

Уездные члены Костромского окружного суда назначались Высочайшими приказами по ведомству Министерства юстиции.

Из 37 уездных членов Костромского окружного суда 17 происходили из дворян (Н. С. Крюков, Д. А. Тихонравов, В. Э. Скрутковский, М. К. Стратилатов, В. С. Лазовский, С. О. Горчичевский, Д. Н. Комлев, С. Я. Ахманов, В. М. Колычев, В. Э. Тиден, С. Н. Ширшин, И. И. Николаевский, Н. В. Аликритский, Д. М. Полозов, Н. Е. Власов и А. А. Бартенев, В. П. Исаков) [14, с. 139–140]. На втором месте были выходцы из семей духовенства – 6 человек (Я. И. Богданов, Н. В. Рождественский, Н. Ф. Успенский, Н. А. Вознесенский, Д. А. Виноградов и Л. С. Пономаренко). Третье и четвертое места занимали сыновья военных. Так, четверо происходили из штаб-офицерских сыновей (Л. Ф. Штремберг, Н. И. Щевелев, С. Н. Щуров и И. М. Рубинский) [14, с. 139–140]. Трое были из обер-офицерских сыновей (М. Н. Успенский, А. И. Горицкий и А. П. Розин) [15, с. 268–269]. Трое являлись сыновьями чиновника (И. И. Чернявский, С. П. Соловьев и С. А. Свободов) [18, с. 194–195]. Из мещан был Н. А. Крупицкий. В процентном отношении дворяне составляли 50 %, из духовенства – 18,75 %, из семей военных – 21,75 %, дети чиновников – 9,5 %.

Таким образом, большую часть уездных членов Костромского окружного суда составляли дворяне.

Как показал анализ, большинство уездных членов окружного суда были в основном православного вероисповедания, поскольку в Костромской губернии преобладало православное население [7, с. 94–95]. Соответствовали этой тенденции и уездные члены Костромского окружного суда – 34 человека, или 91,8 % из них были православными, 2 – католика, или 5,4 % (И. И. Чернявский и С. О. Горчичевский, 1 – лютеранин, или 2,7 % (Л. Ф. Штремберг) [16, с. 180–181].

Из 37 уездных членов Костромского окружного суда 36 человек имели высшее юридическое образование, полученное в 7 вузах страны (97,2 %). 1 человек имел среднее образование – 2,8 % (Н. Е. Власов – окончил губернскую гимназию).

На первом месте среди уездных членов суда было образование, полученное в Императорском Московском университете, юридический факультет которого окончили 18 человек, или 48,6 %. Его окончили Н. С. Крюков, Д. А. Тихонравов, Л. Ф. Штремберг, В. С. Лазовский, А. И. Горицкий, А. П. Розин, Д. Н. Комлев, С. Я. Ахманов, В. М. Колычев, Н. И. Щевелев, С. П. Соловьев, С. Н. Ширшин, С. А. Свободов, Н. В. Аликритский, Д. М. Полозов, И. М. Рубинский, А. А. Бартенев и В. П. Исаков [17, с. 182–183; 19, с. 194–195].

Второе место занимали выпускники Ярославского Демидовского лицея. Его окончили 8 человек (Я. И. Богданов, М. К. Стратилатов, М. Н. Яспенский,

Н. Ф. Успенский, Н. А. Вознесенский, Д. А. Виноградов, Л. С. Пономаренко и С. Н. Щуров) [19, с. 194–195].

Императорский Варшавский университет окончили 2 человека – И. И. Чернявский [13, с. 93–94] и С. О. Горчичевский [15, с. 268]. При этом первый в 1867 г. окончил данный университет, который носил в 1862–1869 гг. наименование Варшавская главная школа, являясь на тот момент высшим учебным заведением [4, с. 8–9].

Остальные уездные члены Костромского окружного суда получили образование в следующих учебных заведениях: Н. А. Крупицкий и В. Э. Скрутковский – в Императорском Санкт-Петербургском университете [13, с. 94]. Н. В. Рождественский получил вначале образование в Императорском Санкт-Петербургском университете, а затем продолжил образование в Военно-юридической академии [16, с. 181]. В. Э. Тиден получил образование в Императорском училище правоведения. И. И. Николаевский окончил Императорский Томский университет [19, с. 194].

Таким образом, в Костромском окружном суде 36 уездных его членов (97,3 %) занимали судейские должности, имея высшее юридическое образование, что позволяет сделать вывод о том, что судопроизводство велось профессиональными судьями.

Большинство этих судей назначалось из судебных следователей и товарищей прокуроров окружных судов. Позднее их стали назначать из числа городских судей. Это был институт, связывавший окружной суд с уездом [5, с. 53–95].

Так, перед назначением на указанную должность судебными следователями были А. Н. Крюков, Л. Ф. Штремберг, В. Э. Скрутковский и др. С должности товарища прокурора на должность были назначены Я. И. Богданов, Г. А. Бартенев. Городскими судьями до назначения были Н. В. Алякритский, И. И. Николаевский. Следует отметить, что с должностей членов окружных судов были назначены уездными членами Костромского окружного суда Н. В. Рождественский, Н. Е. Власов.

Проведенным исследованием установлено, что на данную должность назначались довольно опытные служащие судебных учреждений: так, Н. А. Крупицкий, назначенный в январе 1890 г. уездным членом окружного суда по Костромскому уезду служил в Министерстве юстиции с 1868 г., имея общий стаж более 20 лет; Н. С. Крюков – уездный член суда по Буйскому Костромскому уезду находился в должности с января 1890 г., а на службе в ведомстве Министерства юстиции с 1872 г., т. е. – 18 лет; Д. А. Тихонравов, находившийся на службе в Варнавинском уезде также с января 1890 г. и 12,5 лет – в ведомстве Министерства юстиции; Н. Е. Власов с 5 декабря 1896 г. вступивший в должность вместо умершего Н. А. Крупицкого, имел опыт работы в Министерстве юстиции около 28 лет. Последний состав уездных членов Костромского окружного суда перед его упразднением в октябре 1917 г. длительное время в основном оставался неизменным.

Таким образом, можно отметить, что практически все назначенные на должность уездные члены Костромского окружного суда имели необходимый

служебный опыт и обладали достаточной компетенцией для осуществления правосудия. Подбор именно таких чиновников на указанные должности был устоявшейся практикой.

В каком возрасте были назначены чиновники членами Костромского окружного суда? Самым молодым при назначении в Костромской окружной суд был В. С. Лазовский (31 год), а самым пожилым был Н. А. Вознесенский (50 лет). Наибольшее число уездных членов Костромского окружного суда были назначены в возрасте от 31 до 50 лет. Средний возраст составил 40 лет.

Исследование данных о чинах уездных членов Костромского окружного суда за рассматриваемый период позволяет прийти в вывод о том, что большинство членов суда в период его деятельности имели чины: в 1890–1898 гг. от губернского секретаря по надворного советника, соответствовавшие XII–VII классам, в 1899–1909 гг. от коллежского советника до статского советника, соответствовавшие XI–V классам, в 1910–1917 гг. от коллежского советника до действительного статского советника, соответствовавшие XI–IV классам.

Например, в 1916 г. Н. Е. Власов, служивший в Костромском уезде, единственный из коллег имел чин действительного статского советника. Это можно объяснить тем, что на указанную должность он перешел из членов Костромского окружного суда. Чины статского советника в 1916 г. имели И. И. Николаевский, служивший во 2-м участке Костромского уезда; Д. Н. Комлев, служивший по Варнавинскому уезду; Н. Ф. Успенский – по Ветлужскому уезду; В. Э. Тиден – по Галичскому уезду, С. Н. Щуров и Н. А. Вознесенский – соответственно по 1-му и 2-му участкам Кинешемского уезда; С. П. Соловьев – по Кологривскому уезду; С. Я. Ахманов – по Нерехтскому уезду; Н. И. Щевелев – по Солигаличскому уезду; М. Н. Успенский – по Чухломскому уезду. Чин надворного советника в 1916 г. имели С. Н. Ширшин и Л. С. Пономаренко, служившие в Юрьевецком уезде соответственно по 1-му и 2-му участкам. С. А. Свободов имел чин коллежского советника [19, с. 194–195].

То есть при этом уездные члены Костромского окружного суда пользовались всеми правами и преимуществами чинов, соответствовавших классу их должности, а большинство даже выше. Получение высоких чинов свидетельствует об опытности, их высоких служебных отличиях и достоинствах на протяжении их деятельности по осуществлению правосудия в регионе.

Нам важно было восстановить хронологию чинопроизводства чиновников, чтобы понять те нюансы службы, которые позволили им занять должность уездных членов окружного суда.

Рассмотрим получение чинов отдельными членами Костромского окружного суда. Классический пример производства в чины представляют сведения, почерпнутые из формулярного списка Н. А. Крупицкого.

По нашему мнению, чинопроизводство и карьера Н. А. Крупицкого представляет собой типичный пример. Он последовательно получал очередной чин в соответствии с действующим законодательством. Все чины получал за выслугу лет. Свой первый чин коллежского секретаря он получил в 1868 г. после окончания Императорского Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата прав. Последовательно он повышался в чинах, дослужившись до

статского советника. Свою карьеру также начинал с должности с младшего, затем старшего помощника секретаря. Затем был назначен товарищем прокурора, неоднократно исполнял должность прокурора Костромского окружного суда. 28 октября 1880 г. Высочайшим приказом назначен членом Костромского окружного суда. 01 января 1890 г. Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции утвержден уездным членом Костромского окружного суда по Костромскому уезду. 19 декабря 1895 г. в возрасте 52 года Н. А. Крупицкий умер [2, с. 1–8].

Отдельно можно отметить получение чинов Н. Е. Власовым. В 1867 г. он окончил полный курс Кишиневской губернской гимназии, не имея высшего юридического образования, успешно продвигался в чинах. Он начинал свою службу в 1867 г., не имея чина. Первый чин коллежского регистратора – низший гражданский чин XIV класса в Табели о рангах в России, Н. Е. Власову был присвоен только 25 ноября 1869 г. Он был единственным из всего судейского состава Костромского окружного суда, которому был присвоен этот чин. Далее он уверенно получал последующие чины: 27 апреля 1872 г. произведен за выслугу лет в чин губернского секретаря; 30 июля 1874 г. за выслугу лет в чин коллежского секретаря; далее последовало получение чинов титулярного советника, коллежского асессора, надворного советника, коллежского советника; 19 сентября 1895 г. Высочайшим приказом произведен за выслугу лет в статские советники; 1 января 1908 г. Высочайшим приказом за отличие по службе он был произведен в чин действительного статского советника. До такого высокого чина среди уездных членов Костромского окружного суда дослужились только двое: Н. Е. Власов и А. И. Горицкий [18, с. 194–195].

Таким образом, практика производства в чины в Костромском окружном суде была, как в целом по Российской империи, стабильной – с низшего чина к высшему.

Если проследить динамику пребывания в должности уездного члена Костромского окружного суда, то получается следующая картина:

Исследование установлено, что из первого состава уездных членов Костромского окружного суда большая его часть прослужила достаточное время.

Из 37 уездных членов Костромского окружного суда 2 были уволены, прослужив в должности: М. Н. Стратилатов по болезни – 18 лет; А. П. Розин по болезни – 17 лет.

4 умерли, прослужив в должности: М. Н. Успенский 27 лет; А. И. Горицкий 15 лет; А. Н. Крупицкий более 5 лет; Г. А. Бартенев – менее 1 года.

Некоторые уездные члены окружного суда были переведены на аналогичные должности: Н. С. Крюков и Я. И. Богданов – уездными членами Владимирского окружного суда.

Другие продолжили карьеру. Так, Л. Ф. Штремберг был назначен членом Смоленского окружного суда; В. Э. Скрутковский – членом Нижегородского окружного суда; И. М. Рубинский – членом Костромского окружного суда; Н. В. Рождественский – членом Нежинского окружного суда Черниговской губернии.

Следует отметить, что ранее служившие членами Костромского окружного суда Н. А. Крупицкий и Н. Е. Власов перешли на службу в уездные члены Костромского окружного суда, первый в 1890 г. по Костромскому уезду, а второй после смерти первого в 1895 г. в тот же уезд.

Многие уездные члены окружного суда прослужили в указанной должности до 1917 г.: Н. Е. Власов – с 1895 г.; С. А. Свободов – с 1913 г.; С. Н. Щуров, И. И. Николаевский, Н. В. Аликритский – с 1912 г.; С. Я. Ахманов – с 1911 г.; Н. И. Щевелев – с 1909 г. и другие [19, с. 194–195]. Следует отметить, что большинство из последнего состава уездных членов окружного суда после Февральской революции Временным правительством были назначены административными судьями в тех же уездах, где служили до революции [9, с. 104–106].

Из всех уездных членов окружного суда самая успешная карьера отмечается у Я. И. Богданова. В 1916 г. именным указом императора Николая II, данным Правительствующему Сенату *«председателю Барнаульского окружного суда действительному статскому советнику Богданову Всемилостивейше повелеваем быть Членом Консультации при Министерстве юстиции и Товарищем Обер-Прокурора Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената»* [11, с. 127].

Таким образом, более половины назначенных уездных членов суда прослужили в указанной должности длительное время, что свидетельствует о профессионализации состава суда.

Наградная система в ведомстве Министерства юстиции строилась, в основном, на сословном происхождении, а также с учетом конкретных заслуг и достижений по службе. При этом строго соблюдался принцип постепенности – от низшего ордена к высшему с учетом выслуги лет и чина [12, с. 29].

Мы не согласны с мнением О. Ю. Шилохвоста, считавшего, что наградная система гражданских служащих в Российской империи основывалась не на соответствии конкретных заслуг и достижений награждаемого тем или иным орденом, а на его сословном происхождении. Это опровергается проведенным исследованием о награждениях уездных членов Костромского окружного суда.

В основном уездные члены Костромского окружного суда награждались следующими орденами Российской империи: Святого Станислава III, II, I степени, Святой Анны III, II, I степени, Святого Владимира IV, III, II, I степени.

Из 37 уездных членов Костромского окружного суда нами установлено наличие орденов и медалей у 20, у 2 наград не было, у остальных не установлены. При этом Я. И. Богданов, который не был дворянином, а происходил из семьи духовенства, был награжден 7 орденами и 2 медалями [11, с. 130–140]. Л. Ф. Штремберг, происходивший из штаб-офицерских детей, был награжден 3 орденами и 1 медалью. Н. А. Крупицкий, происходивший из мещан, был награжден 2 орденами. Награжденные имели награды от 1 до 7 орденов.

Таким образом, успешная деятельность уездных членов Костромского окружного суда получала надлежащую оценку органов власти и большинство из них «за отлично – усердную и ревностную службу» награждались орденами и медалями.

Что касается имущественного положения, то большинство уездных членов Костромского окружного суда недвижимого имущества не имели, а их семьи жили за счет содержания по службе.

Так, например, уездный член Костромского окружного суда по Кологривскому уезду надворный советник Я. И. Богданов получал: жалование – 1 700 руб., столовых – 650 руб., квартирных – 650 руб., канцелярских – 800 руб., а всего 3 800 руб. Некоторые получали добавочные – 450 руб. [11, с. 130–140].

В 1916 г. содержание уездных членов суда состояло из: жалования – 2 200 руб., столовых – 550 руб., квартирных – 550 руб., а всего 3 300 руб. в год (по состоянию на 01.03.1916)[10].

Жилые дома имели Н. В. Рождественский в Киеве, М. Н. Успенский – в Костроме, А. И. Горицкий – в Костроме, Н. Ф. Успенский – в Ветлуге, Н. А. Вознесенский – в Кологриве.

А. А. Бартенев владел землей в Буйском, Солигаличском уездах.

У родителей В. Э. Скрутковского было имение и земля в Нижегородской губернии. У жены А. П. Розина был дом в Костроме.

Все остальные уездные члены суда недвижимости не имели.

Из 37 уездных членов Костромского окружного суда 31 были женаты (83,78 %), а 6 – холостыми. У женатых были дети от одного ребенка (В. Э. Скрутковский, Н. И. Щевелев) до семи (Н. С. Крюков, А. П. Розин, Н. Е. Власов). Двое женатых не имели детей (Л. Ф. Штремберг, А. И. Горицкий). По двое детей имели В. С. Лазовский, Л. С. Пономаренко; троих детей имели М. К. Стратилатов, М. Н. Успенский, В. Э. Тиден, С. Н. Ширшин, С. Н. Щуров; четверых детей имели Д. А. Тихонравов, С. Я. Ахманов; пятеро детей было у Я. И. Богданова, Д. Н. Комлева, Н. Ф. Успенского, Н. А. Вознесенского; шестеро детей было у И. М. Рубинского. Холостые детей не имели.

Важной составляющей деятельности органов судебной власти являются именно люди, занимающие должности судебных деятелей. Благодаря использованию просопографического метода нам удалось воссоздать портрет среднестатистического уездного члена Костромского окружного суда. Он был человеком довольно молодым – средний возраст 40 лет, что делало большинство из них энергичными чиновниками. Чаще всего это были женатые люди (83,78 %) с количеством детей от 1 до 7 (53 %). Они имели высшее юридической образование (97,3 %), что свидетельствовало об их заинтересованности в работе в судебной системе, а также хорошем знании законодательной базы. По сословию большинство происходили из дворян, вероисповедания – православного.

Таким образом, при подборе кадров в судебные органы, в том числе в Костромской окружной суд, власть весьма серьезно относилась кадровым вопросам, что и видно из настоящего исследования. На протяжении своей службы в суде все уездные члены окружного суда добросовестно относились к исполнению своих обязанностей, поддерживая авторитет судебной власти. Они были опытными и грамотными профессионалами, что положительно сказывалось на эффективности правосудия в уездах Костромской губернии во второй половине XIX– начале XX в.

Список источников

1. Высочайший приказ по Министерству юстиции от 10 января 1890 г. за № 5 // Сенатские ведомости. 1890. № 8 (26 января). С. 38.

2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 340. Оп. 6-2. Д. 557. Л. 1-8. Дело председателя Костромского окружного суда о службе уездного члена суда Костромского окружного суда по Костромскому уезду Н. А. Крупицкого.

3. Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империи : (из лекций по рус. гос. и адм. праву). Одесса : тип. «Техник», 1912. [2], X, 258 с.

4. Есипов В. В. Материалы к истории Императорского Варшавского университета : биогр. очерки. Вып. [1]-2 : 2 т. Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1913–1915, 1915. 53 с.

5. Краковский К. П. Земские начальники и мировая юстиция (реформа местного суда 1889 г.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. № 1. С. 53–95.

6. Патраш Н. В. Уездный член Великолукского окружного суда Н. В. Сыринский-Гиро // Псков. 2017. № 46. С. 79–84.

7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XVIII. Костромская губерния. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1903. С. IV, VIII.

8. Положение о земских участковых начальников» от 12 июля 1889 г. Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗРИ). Собрание III. Т. 9. № 6196. СПб. : В Типографии II Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1891.

9. Приказы по ведомству Министерства юстиции. Приказ № 30 от 31 июля 1917 г. // Журнал Министерства юстиции. Год двадцать третий. № 7-8. Сентябрь – октябрь. 242 с.

10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 544. Д. 6788. Л. 60–63. О службе бывшего члена Владимирского окружного суда Николая Сергеевича Крюкова.

11. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 1247. О службе члена консультации при Министерстве юстиции, учрежденного товарища прокурора Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената Якова Ивановича Богданова.

12. Сенаторы Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, 1866–1917 гг. : краткий биографический справочник / сост. и авт. вступит. ст. О. Ю. Шилохвост. М. : Статут, 2017. 168 с.

13. Список чинам ведомства Министерства юстиции 1890 года, ч. 2 : исправлен по 2 марта. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1890. 330 с.

14. Список чинам ведомства Министерства юстиции 1894 года, ч. 2 : исправлен по 23 февраля. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1894. 513, III, LXII с.

15. Список чинам ведомства Министерства юстиции 1900 года : исправлен по 21 февраля. СПб. : Сенатская типография, 1900. Пг. : [б. и.]. XIV, 1012, С. XXXI.).

16. Список чинам ведомства Министерства юстиции 1907 года : исправленный по 1 мая. СПб. : Сенатская типография. 1907. Пг : [б. и.]. IX, 141, XIX с.

17. Список чинам ведомства Министерства юстиции 1910 года : исправленный по 1 января. СПб. : Сенатская типография, 1910. Пг : [б. и.]. IX, 181, XXIII с.

18. Список чинам ведомства Министерства юстиции 1913 года : исправленный по 1 января. СПб. : Сенатская типография, 1913. [Б. м. : б. и.]. XVI, 1152, С. XXIX с.

19. Список чинов ведомства Министерства юстиции 1916 года: исправленный по 1 января. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1916. XVI, 1090, CXXIV с. : табл.

УДК 94(57)

Зименков Александр Лазаревич
кандидат политических наук, доцент,
заместитель председателя Совета фонда культурного наследия
А. С. Грибоедова
г. Москва, Российская Федерация
griboedovfond@mail.ru,

Черткова Ярослава Алексеевна
студент, Московский государственный университет спорта и туризма
г. Москва, Российская Федерация
griboedovfond@mail.ru

Преемственность поколений на примере участия дипломатов в событиях Второй мировой войны

Аннотация. *В статье исследуются вопросы сохранения исторической памяти о защитниках Отечества в годы Великой Отечественной войны. Авторы подчеркивают, что сохранение исторической памяти о героях Отечества предполагает изучение и популяризацию военной, гражданской, в том числе и дипломатической истории защитников российского государства. Изучение участия дипломатов в деятельности на дипломатических фронтах российской истории XIX, XX веков свидетельствует о преемственности героических традиций в деле защиты Отечества и патриотического воспитания.*

Ключевые слова: *историческая память, фальсификация истории, дипломаты, Вторая мировая война, дипломатическая служба.*

© Зименков А. Л., Черткова Я. А., 2025

Zimenkov Alexander Lazarevich
PhD in Political Science, Associate Professor,
Deputy Chairman of the A. S. Griboyedov Cultural Heritage Fund,
Member of the Russian Historical Society
Moscow, Russian Federation

Chertkova Yaroslava Alekseevna
student, Department of Social Communications and Mass Media of a Modern Metropolis
Moscow State University of Sports and Tourism
Moscow, Russian Federation

The continuity of generations through the participation of diplomats in the events of World War II

Annotation. *The article explores the issues of preserving the historical memory of the defenders of the Fatherland during the Great Patriotic War. The authors emphasize that preserving the historical memory of the heroes of the Fatherland involves studying and promoting the military, civil, and diplomatic history of the defenders of the Russian state. The study of the participation of diplomats in the diplomatic fronts of Russian history in the 19th and 20th centuries demonstrates the continuity of heroic traditions in the defense of the Fatherland and patriotic education.*

Keywords: *historical memory, falsification of history, diplomats, World War II, diplomatic service.*

Сохранение исторической памяти об участии всех слоев советского общества, вставших на защиту своей Родины в годы Великой Отечественной войны, успешно воплощалось в нашей стране на протяжении многих десятилетий. В какой-то период эта работа, требующая знания военной истории, подвига советских людей в тылу, но отдававших все силы и возможности на помощь фронту, в патриотической работе с молодежью стала отходить на второй план. В последнее время в связи с принятием ряда указов президента России ситуация стала изменяться к лучшему.

В вузах введена специальная дисциплина «Основы российской государственности» как элемент реализации Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. [5], а на президентских советах рассматриваются вопросы сохранения исторической памяти, противодействия искажениям советской, российской истории, обращается внимание на работу по сохранению и пропаганде русского языка, литературы. В частности, президент России В. В. Путин 20 сентября 2024 г. на совещании с членами Совета Безопасности России обратил внимание на необходимость комплексной работы с попытками фальсификации истории Великой Отечественной войны, сохранения исторической памяти [4].

В год 80-летия Великой Победы советского народа над фашистской Германией, а также в Год защитника Отечества (2025 г.) как раз и необходимо восстановление исторической памяти о героях предыдущих поколений, в частности, подвига дипломата А. С. Грибоедова, [6] и примеров героизма советских людей в годы Второй мировой войны, подвиг которых не так ярко и полно отражался исторической литературе, но без таких, отчасти безымянных героев, картина всеобщего вклада в дело победы над врагом была бы неполной. Таких

социальных групп, обойденных вниманием историков и деятелей искусства немало. Это относится и к труженикам сельского хозяйства военного периода, и жителям национальных глубинок, и детям войны, и деятелям культуры и искусства, не выезжавших в составе полевых агитбригад, но помогавших фронту на своем участке и др. Необходимо полнее использовать социальные сети и медиакоммуникационные технологии для вовлечения молодежи в историческую тематику, в том числе и по военной истории [1; 7].

Уместно в этой связи вспомнить об участии советских дипломатов в оборонительных сражениях битвы за Москву в 1941–1942 гг. В исторической справке Министерства иностранных дел России сказано: «По постановлению Государственного Комитета Обороны от 4 июля 1941 г. „О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения“ на следующий день, 5 июля, на собраниях коллектива Народного комиссариата иностранных дел, располагавшегося по адресу: ул. Кузнецкий мост, д. 21/5, началась запись в народное ополчение. В число добровольцев записались также все выпускники Высшей дипломатической школы и большинство ее сотрудников.

10 июля 163 сотрудника Наркомата взяли в руки оружие и ушли на фронт в рядах 6-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения. В июле 1941 г. в составе 24-й армии дивизия героически сражалась под Ельней. В кровопролитных боях на Смоленщине погибли 72 сотрудника Наркомата. Оставшиеся в живых в составе вновь сформированной 160-й дивизии в январе 1942 г. участвовали в боях на Наро-Фоминском направлении и освобождении Вереи» [2]. Мемориальные доски в память о дипломатах, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, установлены на здании бывшего Народного комиссариата иностранных дел СССР, в зданиях Института актуальных международных проблем (ИАМП), в Дипломатической академии МИД России. Музейное сообщество Дипломатической академии проводит большую патриотическую работу по сохранению памяти о сотрудниках дипломатической службы военных лет.

Сотрудники Народного комиссариата иностранных дел СССР (НКИД СССР) в условиях военного времени наладили работу по осуждению фашистской агрессии другими странами, устанавливали контакты, вели переговоры с зарубежными представительствами, создавали благоприятные условия для недопущения международной изоляции Советского Союза, решали вопросы организации политической, военной, технической, гуманитарной помощи стране, оказавшейся один на один с агрессором.

Приоритетным направлением работы Наркомата иностранных дел в тот военный период стало разъяснение правительствам стран-союзников справедливого освободительного характера Отечественной войны, осуждение злодеяний фашистской Германии, создание условий для создания антигитлеровской коалиции и открытия Второго фронта. Об оперативности данных решений говорит тот факт, что уже 29 сентября 1941 г. состоялась Первая Московская конференция представителей трех ведущих держав СССР, США (глава делегации – А. Гарриман – специальный представитель президента США в Велико-

британии и СССР) и Великобритании (лорд Уильям Максуэлл Бивербрук). Обсуждение с участием И. В. Сталина военных действий Германии в отношении Советского Союза позволила выявить милитаристскую сущность гитлеровского режима и сподвигнуть союзников начать производство вооружений и другой помощи воюющему Советскому государству. В дальнейшем, на основе решений Московской конференции дипломатическое ведомство предприняло максимум усилий для формирования антигитлеровской коалиции, организации поставок авиации, техники, медицинского оборудования и другого вида сырья для военной промышленности по ленд-лизу.

Помощь союзников осуществлялась на коммерческой основе, советскому правительству пришлось взять на себя обязательства возместить часть ее стоимости и обеспечить поставки вооружения сырьем для производства военного снаряжения.

В целом советские дипломаты в годы Второй мировой войны реализовывали решение трех главных задач, жизненно важных для победы над врагом: создание антигитлеровской коалиции (1 января 1942 г.) и обеспечение регулярной помощи по ленд-лизу, открытие Второго фронта (6 июня 1944 г.) и обеспечение условий для переговорного процесса по ключевым вопросам международного устройства мира – Тегеранская конференция (28 ноября – 1 декабря 1943 г.), Ялтинская конференция (4–11 февраля 1945 г.). Потсдамская (Берлинская) конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.).

В преддверии 80-го юбилея Великой Победы в издательском доме МГИМО вышла в свет коллективная монография «Советская дипломатия в годы Второй мировой войны» [3], рассказывающая о вкладе советских дипломатов. Воспоминания известных дипломатических работников А. С. Громыко, И. М. Майского, А. А. Панюшкина, М. С. Капицы, академика С. Л. Тихвинского, К. А. Крутикова, А. М. Ледовского, Б. Н. Верещагина и др. позволяют восполнить знания о вкладе дипломатии в дело победы над врагом в годы Второй мировой войны.

Таким образом, сохранение исторической памяти о героях Отечества предполагает изучение и популяризацию военной, гражданской, в том числе и дипломатической истории защитников российского государства. Изучение участия дипломатов в деятельности на дипломатических фронтах российской истории XIX, XX веков свидетельствует о преемственности героических традиций в деле защиты Отечества и патриотического воспитания.

Список источников

1. Горбунов Н. В., Чертков А. С. Социальные сети как эффективный канал общественно-политического взаимодействия // Человек – Семья – Общество – Государство – Бизнес: формирование образа будущего России : материалы Всерос. (нац.) науч.-практ. конф., Москва, 22 февраля 2024 г. М. : Московский ун-т им. С. Ю. Витте, 2024. С. 277–285.

2. О вступлении сотрудников Народного комиссариата иностранных дел СССР в ряды народного ополчения // МИД России. Историческая справка.

7 февраля 2014 г. URL: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/news/1747486/ (дата обращения: 16.09.2025).

3. Советская дипломатия в годы Второй мировой войны. М. : МГИМО-Университет, 2025. 499 с.

4. Совещание с постоянными членами Совета Безопасности // Офиц. сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/75148 (дата обращения: 16.09.2025).

5. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873 (дата обращения: 16.09.2025).

6. Чертков А. С. Архивные источники о поступлении А. С. Грибоедова на дипломатическую службу // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2025. № 1(43). С. 135–150.

7. Чертков А. С. Особенности современных медиакоммуникаций в контексте феномена «новая искренность» // Litera. 2025. № 5. С. 241–253.

УДК 347.9

Иванов Владислав Евгеньевич
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
ivlad5980@gmail.com

Эволюция правового закрепления такой традиционной ценности, как справедливость, в России: от Русской Правды до современных кодификаций

Аннотация. *Статья посвящена историко-правовому анализу эволюции категории справедливости в российском законодательстве с периода Древней Руси до советского времени. Исследование проводится на основе анализа нормативных правовых актов различных исторических эпох, включая Русскую Правду, Свод законов Российской империи и Конституцию СССР 1936 года. В работе рассматривается трансформация понимания справедливости через призму юридического равенства, всеобщности права и защиты прав человека. Особое внимание уделяется особенностям правового закрепления принципа справедливости в различные исторические периоды. Выявлены характерные черты интерпретации справедливости в древнерусском, имперском и советском праве. Определены основные векторы развития данной правовой категории в российской юридической традиции. Материалы статьи могут представлять интерес для исследователей в области истории права и теории государства и права.*

Ключевые слова: *справедливость, историко-правовой анализ, Русская Правда, российское законодательство, традиционные ценности, юридическое равенство, права человека, правовая традиция.*

© Иванов В. Е., 2025

Ivanov Vladislav Evgenevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The evolution of the legal consolidation of such a traditional value as justice in Russia: from the Russian Truth to modern codifications

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive historical and legal analysis of the transformation of the mechanisms and principles of the consolidation of traditional spiritual and moral values in Russian legislation during the XI–XXI centuries. The study consistently examines the key stages of this evolution: the value foundations of ancient Russian law, reflected in the Russian Truth; the systematization of the foundations of the Orthodox kingdom in the Conciliar Code of 1649; a radical break with tradition and an attempt to create a new morality in the Soviet period; finally, constitutional restoration and the formation of an integrated system of protection of traditional values in modern Russian legislation. The methodological basis was formed by historical - legal, comparative-legal and formal-legal methods.*

Keywords: *traditional values, historical and legal an alysis, Russkaya Pravda, the Cathedral Code, Soviet law, modern Russian legislation, cultural sovereignty, state policy, law and morality.*

Современный этап общественного развития в России характеризуется повышенным вниманием к вопросам сохранения национально-культурной идентичности. На фоне глобализационных вызовов концепт «традиционных духовно-нравственных ценностей» перешел из области философских дискуссий в сферу активной государственной политики и правового регулирования, что нашло прямое отражение в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 [6]. Среди закрепленного в нем ценностного ряда **особое место занимает справедливость**, выступающая не только как этический идеал, но и как центральная, сквозная правовая категория [6, с.1].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью историко-правового осмысления данной ценности для выработки последовательной государственной стратегии. Без понимания эволюции правовых механизмов, через которые государство в разные эпохи интерпретировало и защищало справедливость, современные инициативы рискуют оказаться поверхностными. Эволюционный анализ позволяет выявить устойчивые элементы национального правосознания, точки преемственности и радикальные разрывы в правовой традиции.

В качестве методологической основы исследования избран подход, предложенный своевременным ученым Д. И. Рябых, который характеризует справедливость как единство юридического равенства, всеобщности и соблюдения прав и свобод человека [7, с. 21]. Соответствие этим принципам будет выступать критерием для анализа исторических нормативных актов, что позволит выявить соотношение «исторической справедливости» с ее современным пониманием и проследить этапы ее трансформации.

Первый опыт масштабного письменного правового закрепления представлений о справедливости в отечественной традиции связан с Русской Правдой – фундаментальном памятнике древнерусского права (XI–XII вв.) [8]. В контексте Русской Правды принцип юридического равенства не может быть

интерпретирован в его современном, либеральном понимании. Напротив, он проявляется здесь в форме формализованного неравенства, где правовой статус индивида жестко детерминирован его сословной принадлежностью. Однако именно эта дифференциация и воспринималась как справедливая, ибо устанавливала четкий, предсказуемый порядок.

Ярчайшим выражением этого является система вир (штрафов) и головничеств (денежных компенсаций за убийство). Так, жизнь свободного общинника-«мужа» (40 гривен) и жизнь зависимого «холопа» или «робы» (5 гривен) оценивались принципиально по-разному [8, с. 1]. С позиции сегодняшнего дня это дискриминация, но для правосознания эпохи это была справедливость, обусловленная соразмерностью: цена жизни человека определялась его социальной ролью и ценностью для общины и князя. Таким образом, равенство существовало не между индивидами, а внутри сословных групп – все свободные общинники были равны перед одинаковой вирой за себе подобных.

Принцип всеобщности в Русской Правде реализован достаточно последовательно, но также в сословных рамках. Памятник создавал единый, обязательный для всей территории Древней Руси нормативный ориентир, подменяя кровную месть и обычай единообразной судебной процедурой. Это был колоссальный шаг к правовой справедливости.

Например, статьи о краже («татьбе») устанавливали единые санкции независимо от региона, тем самым нивелируя локальный произвол. Процедура «свода» (розыска преступника по следам) также была детально регламентирована для всех [8, с. 3]. Всеобщность здесь – это не равенство прав, а единообразие закона и процедуры для всех субъектов, подпадающих под одну сословную категорию. Закон переставал быть личным орудием мести, становясь публичным инструментом улаживания конфликтов.

Русская Правда, безусловно, содержала механизмы защиты определенных прав, хотя их перечень и содержание далеки от современной концепции прав человека. Право на жизнь защищалось системой вир, право на собственность – строгими наказаниями за кражу, потраву, повреждение имущества. Важно отметить и защиту нематериальных благ: за оскорбление действием («удар мечом необнаженным») или словом полагался особый штраф – «за обиду»[2].

Однако эти «права» были не естественными и неотчуждаемыми атрибутами личности, а скорее объектами правовой охраны, вытекающими из статуса. Защищалась не свобода как таковая, а социальный порядок, в котором каждый член общества знал свое место, свои обязанности и свою цену

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что концепция справедливости в Русской Правде существенно отличается от современной. Вместо универсального юридического равенства мы видим сословно-дифференцированное равенство; всеобщность понимается как единообразие закона для статусных групп, а не для индивидов; защищаемые «права» являются производными от социального статуса, а не от природы человека.

Тем не менее, Русская Правда заложила фундаментальный для русской правовой традиции принцип: справедливость есть правовое, а не произвольное воздаяние. Она установила, что разрешение конфликта должно осуществляться

не по усмотрению сильного, а по писаному закону, определяющему меру вины и меру наказания. Этот переход от обычая и мести к формализованной правовой процедуре стал первым этапом в эволюции категории справедливости в российском праве, создав прецедент ее государственно-правового, а не только морального, закрепления.

Следующим этапом эволюции является период Имперской России ознаменовавшейся радикальной трансформацией правового поля, что повлекло за собой сложное переосмысление категории справедливости. На смену партикулярным нормам Русской Правды приходит идея общегосударственного, кодифицированного закона, исходящего от абсолютного монарха.

Эпоха Просвещения привнесла в российскую правовую мысль концепцию юридического равенства как универсального начала. Наиболее ярко это проявилось в «Наказе» Екатерины II (1767 г.), где прямо утверждалось: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» [5, с. 1]. Однако на практике этот принцип сталкивался с непреодоленной сословной структурой общества.

Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 года, по сути, законодательно закрепили иерархию правовых статусов. Права и привилегии дворянства (свобода от телесных наказаний, особый суд, право на владение крепостными) коренным образом отличались от положения крестьянства [1]. Таким образом, в имперский период происходит не отмена, а систематизация сословного неравенства. Справедливость понималась верховной властью как поддержание «установленного порядка», где каждое сословие выполняет свою функцию, а закон охраняет его соответствующий статус. Тем не менее, сама идея единого для всех закона, пусть и по-разному применяемого, была важным шагом вперед.

Принцип всеобщности в имперский период получает мощнейшее развитие благодаря масштабным кодификационным работам, кульминацией которых стало создание Свода законов Российской империи под руководством М. М. Сперанского (1832). Свод объединил разрозненные акты в единую систему, что создавало формальные предпосылки для единообразного применения права на всей территории империи [9].

Закон стал пониматься как общая норма, исходящая от верховной власти. Это способствовало преодолению партикуляризма и становлению правового государства в его «полицейско-бюрократическом» варианте. Однако всеобщность наталкивалась на препятствия: сохранялось особое право для отдельных регионов (например, Финляндии, Царства Польского), а также существовала разветвленная система военных и духовных судов. Несмотря на это, именно в имперский период сложилась идея, что справедливость – это соблюдение единого, писанного закона, а не обычая или произвола отдельного лица.

В имперский период права и свободы не рассматривались как естественные и неотчуждаемые, а являлись **пожалованными государством привилегиями**, объем которых определялся сословной принадлежностью. Закон выступал инструментом их дозированного предоставления, а не универсальным гарантом. **Право на собственность** было одним из наиболее защищенных, особенно для дворянства. Однако до 1861 года закон защищал **право владения**

крепостными, отрицая личную свободу и собственность для большинства населения. **Защита личности** носила избирательный характер. Честь и достоинство дворян и высших купцов охранялись строго, вплоть до защиты от телесных наказаний. Для податных сословий эта защита была существенно слабее, а **неприкосновенность личности** де-факто отсутствовала, что подтверждается широкой практикой административной ссылки вне суда. **Политические права и свободы** (слова, собраний, совести) до 1905–1906 годов законодательно не защищались и были объектом прямых запретов. Манифест 17 октября 1905 года даровал основы гражданских свобод, однако их реализация на практике оставалась половинчатой и часто нарушалась [4].

Таким образом, к началу XX века в России сформировался глубокий правовой дуализм: между передовым, по европейским меркам, судебным процессом и архаичным государственным устройством; между декларируемым равенством перед законом и фактическими сословными привилегиями. Справедливость в эту эпоху перестала быть лишь воздаянием (как в Русской Правде) и начала осмысливаться как равенство в свободе и достоинстве, что создало мощный идеологический запрос на дальнейшие преобразования, реализованные уже в советский период.

Советский период стал временем формирования принципиально новой концепции справедливости, основанной на идеалах социального равенства и защиты трудового народа. В отличие от предшествующих эпох, советское право рассматривало справедливость прежде всего как реальное, а не формальное равенство возможностей для всех граждан.

Советское государство последовательно реализовывало принцип социальной справедливости через создание беспрецедентной системы социальных гарантий. Впервые в истории России право на труд, отдых, образование и медицинское обслуживание стало реальным достоянием миллионов людей. Конституция СССР 1936 года законодательно закрепила эти достижения, сделав социальные права неотъемлемой частью правового статуса советского гражданина [3, с. 1].

Особое значение придавалось обеспечению равных возможностей для всех граждан. Ликвидация безграмотности, доступность высшего образования, развитие системы профессионально-технического обучения – все это создавало прочную основу для социальной мобильности и реализации способностей каждого человека.

Советская правовая система отличалась последовательным единством и всеобщностью. Создание первого в истории России единого свода законов, действовавшего на всей территории государства, обеспечило подлинное равенство граждан перед законом. Исключительное значение имела бессословность советского права – все граждане обладали равными правами и несли равные обязанности независимо от происхождения.

Судебная система гарантировала единообразное применение закона, а прокуратура осуществляла надзор за точным исполнением законодательства всеми учреждениями, должностными лицами и гражданами. Это создавало прочные гарантии защиты прав трудящихся.

Советский подход к правам человека отличался акцентом на реальных, материально обеспеченных правах. Право на труд обеспечивалось всеобщей занятостью и отсутствием безработицы, право на образование – бесплатной и доступной системой обучения на всех уровнях, право на медицинскую помощь – развитой сетью лечебных учреждений.

Особое внимание уделялось защите трудовых прав: 8-часовой рабочий день, ежегодные оплачиваемые отпуска, охрана труда женщин и несовершеннолетних, бесплатная профессиональная переподготовка [8]. Эти гарантии создавали качественно новый уровень социальной защищенности.

Советская модель справедливости представляла собой значительный шаг вперед в развитии правовых представлений о социальном равенстве. Через последовательную реализацию принципов социальной защищенности, создание единой правовой системы и обеспечение реальных социально-экономических прав советское государство продемонстрировало новаторский подход к построению общества, основанного на идеалах равенства и социальной защищенности. Этот опыт оказал существенное влияние на развитие концепции социального государства в будущем российском государстве.

Проведенный историко-правовой анализ эволюции категории справедливости в российском праве, от Русской Правды до современных кодификаций, позволяет сделать основополагающий вывод о непреходящей значимости понимания исторического опыта для дальнейшего укрепления этого принципа в российской государственности.

Каждая из рассмотренных эпох внесла свой уникальный вклад в формирование современного понимания справедливости:

– древнерусское право заложило основы формализованного правового регулирования;

– имперский период утвердил принцип верховенства закона;

– советская эпоха обогатила правовую традицию концепцией социальной справедливости.

Это историческое наследие демонстрирует, что справедливость в России всегда понималась как многоаспектная категория, сочетающая формальное равенство перед законом с социальной ответственностью государства.

Современное закрепление справедливости в системе традиционных ценностей, отраженное в Указе Президента РФ № 809, является закономерным этапом этой многовековой эволюции. Исторический опыт учит, что успешное развитие правовой системы возможно только при учете национальных правовых традиций и специфики российского правосознания.

Только через осмысление исторического пути и сохранение национально-культурной идентичности возможно построение подлинно справедливого правового порядка, отвечающего чаяниям российского общества и стратегическим интересам государства.

Список источников

1. Жалованная грамота дворянству 1785 года: Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. URL:

https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2400/ (дата обращения: 29.09.2025).

2. Исаев И. А. История государства и права России : учебник для вузов. URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/istoriya_gosudarstva_i_prava_rossii_isaev_i_a_uchebnik_2004_3_e_izd_797s.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

3. Конституция СССР 1936 года. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 29.09.2025).

4. Манифест 17 октября 1905 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXV. СПб., 1908. № 26803. URL: https://runivers.ru/lib/book3139/ (дата обращения: 29.09.2025).

5. Наказ Екатерины II 1767 года. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003335891/ (дата обращения: 29.09.2025).

6. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 29.09.2025).

7. Рябых Д. И. Принцип справедливости в налоговом праве. URL: http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/28004 (дата обращения: 29.09.2025).

8. Русская Правда (пространная редакция). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/1 (дата обращения: 29.09.2025).

9. Свод законов Российской империи. Т. 1–15. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1832. URL: https://www.prlib.ru/item/364026 (дата обращения: 29.09.2025).

УДК 343.01

Леонов Николай Владимирович
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
leonovnik36@gmail.com

Противодействие экстремизму в аспекте сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей Российской Федерации

Аннотация. *В статье рассматривается эффективность мер уголовно-правового характера в борьбе с экстремизмом, выступающим главным катализатором невозможности сохранения нравственных ориентиров народа России в условиях глобальных вызовов современности. Анализ уголовной статистики привлечения лиц к ответственности по ст. 282 УК РФ показывает рост числа преступлений экстремистского характера. Автором дела-*

© Леонов Н. В., 2025

ется вывод о необходимости возвращения предыдущей редакции указанной нормы с целью ликвидации административной преюдиции ввиду ее неспособности оказать превентивное воздействие на лиц, распространяющих экстремистские идеи.

Ключевые слова: *экстремизм, духовно-нравственные ценности, административная преюдиция, уголовная политика, принцип гуманизма.*

Leonov Nikolay Vladimirovich
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Countering extremism in the aspect of preserving traditional spiritual and moral values of the Russian Federation

Annotation. *The article considers the effectiveness of criminal-legal measures in the fight against extremism, which is the main catalyst for the impossibility of preserving the moral guidelines of the people of Russia in the global challenges of our time. The analysis of criminal statistics of bringing persons to responsibility under Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation shows an increase in the number of crimes of extremist nature. The author concludes that it is necessary to return the previous version of this norm to eliminate administrative prejudice due to its inability to have a preventive effect on people spreading extremist ideas.*

Keywords: *extremism, spiritual and moral values, administrative prejudice, criminal policy, principle of humanism.*

На протяжении двух с половиной десятилетий XXI века как никогда остро вставал вопрос, связанный с противодействием распространению идеологии нацизма, суть которой сводится к «превосходству» одной расы/нации над другой. В недавнем Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ от 09.11.2022 № 809) В. В. Путин актуализировал представленную проблему, – «угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций…» [7].

Как видится, угрозу представляют не столько экстремистские организации, ввиду несложности выявления экстремистского ядра в их деятельности и разработанного механизма привлечения их руководителей и участников к уголовной ответственности, а сами граждане, оперирующие экстремистскими идеями сначала у себя в сознании, а после в публичных местах, включая социальные сети. Думается, что в случае непринятия должных мер, разрушение духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов народа России может достигнуть своего апофеоза, – тотальное моральное и этическое разложение россиян.

Несмотря на то что Российская Федерация, являясь правопреемником СССР, народ которого понес в годы Великой Отечественной войны наибольшие потери, идеи нацизма все еще продолжают жить. К сожалению, как отмечает В. И. Урсул, «…нацизм, как и любой феномен общественно-политической жизни обладает способностью к развитию или, как минимум, к адаптации, изменяя при этом внешнюю атрибутику, но сохраняя свою сущность» [8, с. 20].

Существенное изменение общественно-политического строя и отведение патриотического воспитания молодежи на второй план в период становления нового Российского государства в начале 90-х годов привели к тому, что так называемый «неонацизм» получил распространение на территории нашего государства. Ситуация была осложнена и тем, что не существовало действенного уголовно-правового механизма, направленного на привлечение к уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Как итог, «…молодые люди, прежде всего из числа школьников и учащихся колледжей… а также определенное число студенчества и рабочей молодежи оказались востребованы именно представителями правого крыла российской политической жизни» [1, с. 147].

Такое положение дел в общественной жизни стало катализатором, направленным на переосмысление уголовной политики и внедрению при принятии Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) 1996 года статьи 282, предусматривающей ответственность за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды.

К сожалению, правоприменительные и судебные органы не ведут статистику совершения ст. 282 УК РФ, объединяя ее в блок преступлений «экстремистской направленности», что осложняет получение полных детерминических данных о применении этой нормы в ее редакциях. Однако, учитывая распространенность преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, следует несколько сократить цифры, отражающие количество приговоров на четверть. Кроме того, необходимо и очертить периоды существования нормы «до» (2003–2018) декриминализации и «после» (2019–2023) для целей более точного отражения эффективности действия нормы на определенном этапе ее развития.

Так, в период времени «до» декриминализации, а именно: с 2003 по 2007 год по указанной норме, приблизительно, было осуждено 250 человек; в 2008 году – 110 человек; 2009 году – 90 человек; в 2010 году – 140 человек; в 2011 году – 170 человек; в 2012 году – 200 человек; в 2013 году – 300 человек [4].

В конце 2013 года Федеральным законом от 03.02.2014 № 5-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были внесены поправки в УК РФ, в результате которых ст. 282 УК РФ стала именоваться следующим образом: возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства [9]. Вместе с тем представленный состав преступления начал охранять новый непосредственный объект уголовно-правовой охраны, – половое, языковое достоинство, происхождение и отношение к религии, а также принадлежность к какой-либо социальной группе.

Как нетрудно заметить, представленная редакция начала оказывать репрессивного воздействие на случаи возбуждения ненависти или вражды к определенной социальной группе, признаки которой, к сожалению, до сих пор не были определены. Следовательно, увеличилось и количество обвинительных приговоров.

Так, возвращаясь к статистическим данным, их стало намного больше: в 2014 году – 400 человек; в 2015 году – 550 человек; в 2016 году – 565 человек; в 2017 году – 660 человек [4].

Видно, что количество преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ с изменениями 2014 года, выросло с 2013 по 2017 год с 300 до 660 человек, т. е. практически в 2 раза.

Относительно дальнейшего периода развития редакции ст. 282 УК РФ, то Федеральным законом от 27.12.2018 № 519-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 УК РФ» в основной состав преступления добавлена административная преюдиция, которая устанавливает уголовную ответственность для лиц, которые ранее совершили административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3.1 КоАП РФ, и обладают признаком административной наказанности [10].

Считаем, что введение административной преюдиции в указанный состав не отвечает требованиям гуманизма, несмотря на задумку введения административной преюдиции, предполагающей превентивное воздействие на лицо в рамках административно-деликтного права. Ведь гуманизм должен касаться не только сокращением уголовной репрессии лиц, совершивших преступление, но и затрагивать вопросы обеспечения безопасности общества, причем не только физической, но и ментальной, выражающейся в защите морально-этических ценностей и патриотического мировоззрения от пагубного воздействия. В этой связи абсолютно права Н. А. Лопашенко: «…наказание служит и демонстрацией того, насколько закон гуманен к каждому законопослушному человеку, насколько он защищает его безопасность» [3, с. 386]. Более того, ранее нами указывалось, что административная преюдиция как таковая противоречит, во-первых, принципу равенства граждан перед законом и судом, вины и основанию уголовной ответственности. Во-вторых, в преступлениях с административной преюдицией не реализуются все признаки преступления, – налицо отсутствие признака виновности и общественной опасности [2, с. 145].

Так, «после» декриминализации цифры следующие: за 2019 год осуждено 230 человек; за 2020 год – 280 человек; за 2021 год – 510 человек; за 2022 год – 600 человек; за 2023 год – 650 человек [4].

По сопоставлению статистических данных видно, что ни о какой гуманизации, которую должна была реализовать административная преюдиция, речи идти не может. На первоначальных этапах появления нормы (2019 год и 2020 год) цифры действительно практически в три раза ниже, чем в 2016 и 2017 году. Однако, начиная с 2020 года количество преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, возросло в три раза и обвинительных приговоров стало такое же, как это было в 2017 году, когда никакой административной преюдиции и не было. Сложно себе представить количество обвинительных приговоров, если бы не административная преюдиция, которая кое-как сдерживает потенциальных экстремистов от уголовной ответственности.

На наш взгляд, уголовно-правовой механизм по борьбе с экстремизмом не настолько эффективен, как в 2014 году. Всему препятствие административной преюдиции, которая не позволяет в должной мере реализовывать как поли-

тику по борьбе с экстремизмом, так и с сохранением духовно-нравственных ценностей.

На наш взгляд, действия, предусмотренные ст. 20.3.1 КоАП РФ, имеют не общественную вредность, а именно общественную опасность, ввиду их распространенности и пагубного воздействия на сознание народа России. Приведем ряд вопиющих примеров.

Так, в одной из социальных сетей Л. М. П. разместил на своей личной страничке следующую информацию: «Сегодняшняя Россия похожа на Нацистскую Германию больше, чем любая страна с 1945 года. Как во внутренней, так и во внешней политиках. …Внутренняя политика: в России государственный капитализм; подавление базовых свобод; преследование меньшинств (религиозных, сексуальных); окончательно оформившееся полицейское государство, заткнувшее, выдавившее, посадившее и убившее всех, громко выражающих несогласие; мощнейшая пропагандистская машина; поверх всего этого идет установление идеологии, консервативно-популистской, с правым уклоном. … ФИО3 с пугающей точностью повторял и повторяет шаги Гитлера, проводя агрессивную внешнюю политику, обосновывая ее национальной повесткой. Гитлер точно так же «боролся» за воссоединение немецкого народа …» [6]. Далее в своем посте лицо осуществляло отождествление политики России с Германией 1933–1945 годов, искажая историю, и тем самым возбуждает у лиц, не обладающих критическим мышлением, ненависть к государственной власти и Вооруженным силам РФ [6].

Немаловажным является и то, что в ряде случаев действия лиц, подпадающих под действие ст. 20.3.1 КоАП РФ, квалифицируются как продолжаемое правонарушение, поскольку чаще всего они руководствуются и единым умыслом, и единой целью своего деяния.

Например, согласно Постановлению № 5-529/2023 от 12.09.2023 г. Ломоносовского районного суда г. Архангельска, Л. Д. А., используя социальную сеть, разметил 10 комментариев, которые в негативном свете освещали события Великой Отечественной войны [5]. В указанном случае он совершил массовую рассылку сообщения подобного содержания в интернет-сообществах, где аудитория составляла несколько сотен тысяч человек, преследуя цель возбуждения ненависти или вражды по отношению к ветеранам Великой Отечественной войны.

Как итог, действующий механизм привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, идет в разрез с действующим законодательством по борьбе с экстремизмом и сохранению духовно-нравственных ценностей. Такого же мнение придерживается Е. В. Шадрина, дополняя тем, что административная ответственность, в отличие от уголовной, не обладает достаточным сдерживающим потенциалом [11, с. 179].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1) наличие административной преюдиции в ст. 282 УК РФ не способно оказать превентивное воздействие на «латентных экстремистов», а значит, не достигает задач, стоящих перед уголовным законом. Об этом говорят статистические данные, приведенные выше;

2) необходимо вернуть редакцию ст. 282 УК РФ от 03.02.2014 г., которая не содержала административной преюдиции в рамках основного состава преступления.

Список источников

1. Кузьмин А. Г. Ультраправые скинхеды в современной России: эволюция политической идеологии и практики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 143–178.

2. Леонов Н. В. Противоречие составов преступлений с административной преюдицией основным принципам уголовного права. Административная преюдиция и уголовный проступок // Юридическая гносеология. 2024. № 3. С. 137–150.

3. Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовно-правовые принципы. Уголовная ответственность. Авторский курс : монография. 2-е изд. М. : Юрлитинформ, 2024. 352 с.

4. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 10.12.2024).

5. Постановление Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 12 сентября 2023 г. по делу № 5-529/2023 // Sudact. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uV3aKsnvtVJa/ (дата обращения: 12.04.2025).

6. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 13 сентября 2023 г. по делу № 12-942/2023 // Sudact. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QpasaCfF2mgw (дата обращения: 11.04.2025).

7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14 ноября 2022 г. № 46. Ст. 7977.

8. Урсул В. И. Неонацизм в глобальных процессах современности // Вестник Военного университета. 2007. № 3(11). С. 20–29.

9. Федеральный закон Российской Федерации от 03.02.2014 № 5-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 10 февраля 2014 г. № 6. Ст. 556.

10. Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.2018 № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31 декабря 2018 г. № 53 (ч. 1). Ст. 8445.

11. Щадрина Е. В. Понятие экстремизма в законодательстве Российской Федерации // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами / под ред. А. Г. Блинова, Е. В. Кобзевой, Н. С. Мановой. Саратов : Изд-во Саратовской гос. юрид. акад., 2023. 388 с.

УДК 323.2

Луценко Дмитрий Андреевич
студент, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
dmitriilutsenko@yandex.ru

Птичкина Ксения Вадимовна
студент, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
ksenia_ptichkina@mail.ru

Анализ деятельности внутриполитического блока Администрации Президента Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей и исторической памяти

Аннотация. *В статье представлены теоретические и практические аспекты деятельности подразделений Администрации Президента Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей и исторической памяти. Проведен анализ основных акторов в данной сфере, в том числе общественно-государственных организаций, дана оценка ключевым мероприятиям в аспекте укрепления внутриполитической стабильности в соответствии с реализациями поручений главы государства. Особое внимание уделено работе с молодежью как наиболее нестабильной социальной группе.*

Ключевые слова: *внутренняя политика, внутриполитическая стабильность, Администрация Президента Российской Федерации, традиционные духовно-нравственные ценности, историческая память.*

Lutsenko Dmitry Andreevich
student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation,

Ptichkina Ksenia Vadimovna
student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation

Analysis of the activities of the internal political unit of the Presidential Administration of the Russian Federation for the preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values and historical memory

Annotation. *The article presents the theoretical and practical aspects of the activities of the departments of the Presidential Administration of the Russian Federation for the preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values and historical memory. The analysis of the main actors in this area, including public and state organizations, is carried out, and key measures are assessed in terms of strengthening domestic political stability in accordance with the implemen-*

© Луценко Д. А., Птичкина К. В., 2025

tation of the instructions of the head of state. Special attention is paid to working with youth as the most unstable social group.

Keywords: *domestic policy, internal political stability, Administration of the President of the Russian Federation, traditional spiritual and moral values, historical memory.*

Государство во все времена стремилось контролировать «смыслы» жизни граждан. То, что действительно важно для населения, чем люди дорожат, что они боятся потерять – именно ценности должны находиться под особым контролем, защитой и поддержкой со стороны власти. Исконно закрепленный приоритет духовного над материальным у русского народа, а также ограниченное государственное вмешательство в экономику в условиях свободного рынка делает регулирование и контроль над материальной сферой жизни общества затрудненным. С эпохой информатизации и глобализации транснациональными корпорациями и «коллективным Западом» внедряется установка на распространение «новых» либеральных ценностей, в числе которых пропаганда нетрадиционных отношений, различных субкультур, вседозволенности и анархии. В 90-е годы прошлого века иностранные государства пользовались политической и социально-экономической нестабильностью в нашей стране и вели работу по лишению нас ценностного суверенитета, при том что Конституция Российской Федерации устанавливает запрет на установление государственной идеологии, признает идеологическое многообразие [2].

Только с началом нового тысячелетия возродилось не только сохранение, но и развитие системы традиционных духовно-нравственных ценностей России. Это связано, прежде всего, со стабилизацией политической и экономической ситуации в стране. На государство сейчас ложится большая ответственность – сохранить русскую идентичность с привязкой ее к одобрению власти, не «закрывшись» от мира и при возможности сформировать альтернативу западной цивилизационной модели.

Необходимость защиты традиционных духовно-нравственных ценностей закреплена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022, закрепляющем их перечень. Однако, стремясь охватить многообразие цивилизационного развития России во всех культурно-исторических парадигмах, в документе коллективизм и приоритет духовного над материальным соседствуют с правами и свободами человека [4] (в том числе экономическими). Также отсутствуют практические рекомендации, примеры мероприятий по защите и укреплению каждой из ценностей, что делает затруднительным применение указа по отношению к разработке политики в сфере патриотического воспитания граждан и его реализацию.

Самой нестабильной группой в этом плане является молодежь. Какие ценности будут заложены социальными институтами людям с самого раннего детства, такие они и пронесут через всю жизнь, такое мировоззрение у них сформируется, такие ценности они передадут своим детям. «Перевоспитание» уже взрослых людей с одной ценностной парадигмы на другую обычно происходит неудачно – показателен пример распада Советского Союза. С началом

специальной военной операции началось явное выстраивание системы идеолого-воспитательной работы детей и молодежи. Для школьников с 1 по 11 класс в сентябре 2022 года был введен внеурочный курс «Разговоры о важном», многие занятия которого посвящены традиционным ценностям – семье, межнациональному единству, патриотизму, милосердию. Другая часть посвящена памятным датам и событиям – воссоединению Крыма с Россией, прорыву блокады Ленинграда, Дню Конституции России и т. д. Проблема преподавания такого курса заключается в его постоянности – с 1 по 11 класс. То есть каждый год детям будет преподноситься в целом одна и та же информация, следовательно, у многих будет пропадать интерес к такому курсу, у некоторых даже может сформироваться негативное отношение к нему и закладываемой в нем информации. С 2026/27 учебного года вводится новый учебный предмет в 5–7 классах «Духовно-нравственная культура России», который, как заявлено, будет направлен «на формирование у детей и подростков мировоззрения на основе традиционных ценностей» [3].

Реализация курса на внедрение «смыслов» в вузах продолжается в рамках проекта «ДНК России». Его основной целью является создание курса «Основы российской государственности», по поручению Президента России, введенного во все вузы страны с 2023/24 учебного года [5]. Дисциплина основывается на ценностных основаниях, перечисленных в статье авторского коллектива под руководством начальника Управления Президента Российской Федерации по обеспечению деятельности Государственного совета Российской Федерации Александра Дмитриевича Харичева «Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России». В ней рассматривается структура «пентабазиса» – модели Человек – Семья – Общество – Государство – Страна [6]. Данная концепция основывается на соотнесении основных ценностей по пяти социальным категориям-общностям. Все эти общности, взаимодействуя, создают целостный образ России в настоящем и позволяют строить прогнозы на будущее в каждой из плоскостей. Взаимодействие с гражданами на каждом из уровней «пентабазиса», таким образом, позволит повысить уровень доверия к власти.

Стоит отметить, что внутриполитическим блоком также ведется работа на формирование предложений по выработке смысловых и ценностных оснований развития России «снизу», т. е. от самой молодежи. Она проходит, в частности, на серии ежегодных форумов, проводимых под эгидой Администрации Президента Российской Федерации, таких как «Территория смыслов», «Дигория» и т. д.

Одним из важнейших аспектов формирования национальной идентичности является работа по сохранению и передаче исторической памяти – памяти о событиях прошлого, славных победах, моментах угнетения русской нации, нашей борьбы за свободу и достойную жизнь. Наличие исторической памяти у народа является не только показателем его самосознания, нитью, связующей прошлое с настоящим, но и средством, позволяющим проводить соответствующие параллели с историей для власти, средств массовой информации, тем

самым поддерживать общественную стабильность и, возможно, даже оправдывать некоторые непопулярные политические действия.

По аналогии с указом № 809 08 мая 2024 года был подписан схожий по форме содержания указ № 314, утверждающий основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения. Ранее, указом № 817 от 02.11.2023 года была создана автономная некоммерческая организация «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации», занимающаяся сохранением и защитой традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, а также реализацией общественных проектов и инициатив в данных сферах. Также определением основных направлений государственной политики по патриотическому воспитанию граждан, в том числе по вопросам подготовки и проведения мероприятий, посвященных памятным событиям истории Отечества, занимается Российский организационный комитет «Победа» – консультативно-совещательный орган при Президенте Российской Федерации, в который, кроме представителей государства, входят руководители ветеранских организаций и религиозных объединений. В 2012 году со сходными задачами (воспитание патриотизма, противодействие попыткам искажения истории) была создана Общероссийская общественно-государственная организация «Российское военно-историческое общество». Таким образом, сейчас в России существует несколько государственных структур, занимающихся сохранением исторической памяти и патриотическому воспитанию граждан, объединить которые планировалось на базе министерства патриотического воспитания и молодежной политики. О планах создания данного министерства сообщалось в апреле 2024 года [1], однако на официальном уровне информация не подтверждалась.

Подавляющее большинство россиян во всех возрастных категориях называют главной ценностью в жизни семью, важную роль также играют патриотизм и безопасность. Однако молодые люди предпочитают ценности индивидуалистического толка – самореализацию, права и свободы человека, дружбу, что говорит о явном влиянии глобализации на мировоззрение молодежи. Государству необходимо и далее проводить меры по сохранению духовных ценностей, укреплению традиций и созданию единого российского национального самосознания, мировоззрения. Проведение тематических «годов», выставка-форум «Россия» на ВДНХ, Международный антифашистский форум – все эти события могут стать ориентирами государственной политики в данной сфере. Главное – сохранять приоритетное внимание молодежи и грамотно противодействовать внешним угрозам.

Список источников

1. В России задумались о создании министерства патриотического воспитания // 360.ru. URL: https://360.ru/news/obschestvo/v-rossii-zadumalis-o-sozdanii-ministerstva-patrioticheskogo-vospitanija/?from=inf_cards (дата обращения: 18.09.2025).

2. Конституция Российской Федерации : принята 12 дек. 1993 г. : с изм. от 14 марта 2020 г. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025).

3. Минпросвещения России вводит предмет «Духовно-нравственная культура России» // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/press/10251/minprosvescheniya-rossii-vvodit-predmet-duhovno-nravstvennaya-kultura-rossii/ (дата обращения: 18.09.2025).

4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025).

5. Путин поручил включить в программы вузов курс «Основы российской государственности». URL: https://tass.ru/obschestvo/16929183 (дата обращения: 18.09.2025).

6. Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. № 3. С. 9–19.

УДК 378.147.88

Мирошниченко Алексей Анатольевич
доктор педагогических наук, профессор
Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В. Г. Короленко,
г. Глазов, Российская Федерация
ggpi@mail.ru

Подготовка медиапедагога к воспитательной работе с обучающимися

Исследование выполнено в рамках научной темы «Разработка системы практик патриотической направленности в подготовке педагога дополнительного образования в области медиакоммуникаций (медиапедагога) в современном образовательном пространстве вуза» (XUJA-2025-0051).

Аннотация. *В статье актуализируется значимость подготовки к воспитательной работе педагога дополнительного образования в области медиакоммуникаций (медиапедагога). Предлагается осуществлять подготовку через освоение медиапедагогом системы воспитательных практик патриотической направленности. Описаны основные результаты разработки методики по определения и реализации системы воспитательных практик патриотической направленности при подготовке будущего медиапедагога. Они включают формирование банка лучших воспитательных практик патриотической направленности, построение модели факторов риска снижения результативности воспитательной работы,*

© Мирошниченко А. А., 2025

корректировку компетентностой модели медиапедагога, алгоритмизированное описание этапов реализации методики и разработку диагностического инструментария.

Ключевые слова: *воспитание, духовно-нравственные ценности, педагог дополнительного образования, медиатехнологии, компетентностная модель медиапедагога.*

Miroshnichenko Alexey Anatolyevich
Glazov State University of Engineering and Pedagogical
named after V. G. Korolenko
Glazov, Russian Federation

Preparing a media educator for educational work with students

Annotation. *The article highlights the importance of preparing for the educational work of a teacher of additional education in the field of media communications (media pedagogue). It is proposed to carry out training through the development of a system of patriotic educational practices by a media educator. The main results of the development of a methodology for determining and implementing a system of patriotic educational practices in the preparation of a future media educator are described. These include the formation of a bank of the best educational practices of a patriotic orientation, the construction of a model of risk factors for reducing the effectiveness of educational work, the adjustment of the competence model of a media educator, an algorithmic description of the stages of implementation of the methodology and the development of diagnostic tools.*

Keywords: *upbringing, spiritual and moral values, teacher of additional education, media technologies, competence model of a media educator.*

Становление многополярного мира, противостояние глобализации и стремления государств сохранить идентичность активизирует развитие технологий, направленных на укрепление или изменение систем духовно-нравственных ценностей граждан. Они, по определению Н. И. Лапина, представляют собой «основание ценностного сознания людей и подспудно влияющих на их поступки в различных областях их жизни» [3, с. 7]. Изменения смысла базовых для каждого государства систем ценностей, таких как, например, патриотизм, гражданственность, Родина, семья – не есть следствие роста прав и свобод населения страны. Более реальным их следствием является потеря – реальная или маскируемая – государством суверенитета в интересах того, кто инициировал изменения. Справедливо и обратное, с укрепления системы духовно-нравственных ценностей граждан начинается укрепление государственности.

В информационном обществе особое место в развитии названных выше технологий занимают медиатехнологии. Под ними понимаются «технологии по разработке медиаданных и создания каналов их распространения» [5, с. 78]. Как отмечает А. В. Федоров, «медиа сегодня – одна из важнейших сфер в жизни людей всей планеты» [7, с. 5]. Благодаря использованию ресурсов глобальных сетей, доступности программного обеспечения, мобильности технических средств медиатехнологии не только проникли в каждый дом. Без преувеличения, они оказывают влияние на формирование той подструктуры личности граждан (подструктура направленности, по определению К. К. Платонова [6]), которая отвечает за их убеждения, мировоззрения, личностные смыслы, инте-

ресы. Так, медиатехнологии стали выполнять функции «круглосуточного воспитателя», стихийно или целенаправленно формируя ту систему ценностей, которую исповедует их создатели. Но кто они? В чьих интересах происходит процесс воспитания? Исследования в области применения медиатехнологий как «мягкой силы» в политических процессах обращают внимание не только на ее эффективность, но и на растущий потенциал [1]. В особой мере влиянию медиатехнологий подвержены дети и молодежь, для которых система духовно-нравственные ценности находятся в стадии становления.

В этих условиях актуализация роли воспитания, обусловленная изменениями в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», является своевременной и необходимой. Конкретизация понятия «воспитание» в нем позволила инициировать системную работу по превращению воспитания в полноценную часть образовательного процесса. В особой мере она проявляется в системе общего образования. Представим основные результаты этой системной работы:

– содержание новых Федеральных образовательных стандартов;

– методическое сопровождение внеклассных мероприятий «Разговоры о важном»;

– введение должности «Советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными организациями»;

– разработка и методическое сопровождение примерной рабочей программы по воспитанию для общеобразовательных организаций;

– возвращение общественно-полезного труда в школы.

Воплощение перечисленного в воспитательный процесс способно обеспечить определенную компенсацию негативного влияния медиатехнологий – стихийного или целенаправленного – на становление системы духовно-нравственных ценностей у современных школьников.

Несколько в ином положении находится система дополнительного образования детей. Согласно концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года (утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.03.2022) оно ориентировано на расширение числа обучающихся и образовательных программ, предлагаемых детям. При этом взаимодействие с медиатехнологиями в системе дополнительного образования рассматривается двойственно. Оно и цель реализации отдельных, пользующихся спросом дополнительных образовательных программ. Оно и средство, повышающее результативность образовательного процесса у программ иной направленности. Названная двойственность стимулирует расширение взаимодействия педагогов дополнительного образования и обучающихся с медиатехнологиями. К сожалению, в профессиональном стандарте «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» не акцентирована значимость воспитательной работы, что сказывается и на ориентирах в подготовке педагогических кадров и их профессиональной деятельности. В особой мере такое акцентирование важно для педагогов дополнительного образования в области медиакоммуникаций (медиапедагогов). В существующих условиях они не только реализуют дополнительные образовательные программы, ориентированные на медиатехнологии. Ме-

диапедагоги оказывают помощь другим педагогам дополнительного образования, для которых медиатехнологии – это только средство обучения. Недостаточная готовность медиапедагога к выполнению воспитательной работы создает риск превращение медиатехнологии только в источник «удовлетворения потребностей» аудитории. Следовательно, возникает риск влияния медиатехнологий на процесс формирования системы духовно-нравственных ценностей детей, осваивающих программы дополнительного образования. В рамках осуществления воспитательной функции медиапедагогу следует обеспечить реализацию «инъекционной», «культурологической» функции медиаобразования [8, с. 24–42]. Ему следует развивать критическое мышление у обучающихся, обеспечить противостояние медийным манипуляционным воздействиям [4]. Но как подготовить медиапедагога к воспитательной работе?

Исследование исходило из существования противоречия между возрастанием роли воспитания в образовательном процессе и недостаточным вниманием к подготовке медиапедагога осуществлять воспитательную работу, в первую очередь, по становлению системы духовно-нравственных ценностей обучающихся.

Для разрешения названного противоречия предлагалось осуществить корректировку существующей компетентностной модели медиапедагога. Корректировка должна осуществляться систему воспитательных практик, которые будущему медиапедагогу предстоит освоить в вузе. Под воспитательными практиками понимается «любой набор действий педагога, целью которого является формирование личностных качеств ученика» [2, с. 8]. В рамках исследования рассматривались практики патриотической направленности. Их освоение должно позволить будущему медиапедагогу, во-первых, обеспечить готовность как противостоять медийным манипуляционным воздействиям. Во-вторых, использовать ресурсы медиатехнологий для формирования и укрепления системы духовно-нравственных ценностей обучающихся. Разработка методики определения и реализации системы воспитательных практик патриотической направленности при подготовке будущего медиапедагога являлась цель описываемого исследования.

При разработке методики были достигнуты следующие результаты:

1. В ходе анализа существующих и перспективных направлений применения воспитательных практик патриотической направленности (анализ проводился в 15 вузах) был сформирован банк лучших практик (32 практики). Практики дифференцированы по условиям реализации в вузе и перспективах профессиональной деятельности будущих медиапедагогов.

2. С помощью экспертных методов построена модель факторов риска снижения результативности воспитательной работы. Медиапедагог должен быть готов к их преодолению (исключению или минимизации) их в ходе своей профессиональной деятельности. Модель содержит 52 фактора риска. Установлена взаимосвязь факторов риска снижения результативности воспитательной работы и компетенциями, входящими в программу подготовки медиапедагога.

3. Уточнено содержание компетентностной модели медиапедагога в контексте его готовности к воспитательной работе. Уточнение включает обоснова-

ние введения трех новых профессиональных компетенций и 8 индикаторов достижения компетенций.

4. Определена роль и место воспитательных практик патриотической направленности в современном образовательном пространстве вуза и в структуре подготовки медиапедагога. Результат представлен в форме корректировки основной профессиональной образовательной программы подготовки медиапедагога в части содержания рабочих программ дисциплин и рабочих программ практик.

5. Проведено алгоритмизированное описание методики определения и реализации системы воспитательных практик патриотической направленности при подготовке будущего медиапедагога. Описание содержит 4 этапа и 153 позиции. Реализация методики предполагает освоение воспитательных практик патриотической направленности будущим педагогом на иерархии уровней. Уровни: наблюдатель (зритель), участник, сопровождающий, проектировщик (архитектор), разработчик, диагност, руководитель.

6. Разработан диагностический инструментарий, позволяющий определить результативность применения системы воспитательных практик патриотической направленности в процессе подготовки будущего медиапедагога. Инструментарий представляет фонд оценочных средств (тестовые задания, педагогические задачи), позволяющих определить степень формирования профессиональных компетенций и индикаторов достижения компетенций.

Представленные результаты исследования не претендуют на полное решение названного выше противоречия. Они акцентирую внимание на необходимость подготовки медиапедагогов к воспитательной работе через корректировку их компетентностной модели. Стоит признать, что динамика развития медиатехнологий опережает изменения в подготовке педагогических кадров. Перспективой исследования видится обеспечение взаимосвязи динамики развития медиатехнологий и корректировки компетентностной модели медиапедагога. Только при этом результаты формирования системы духовно-нравственных ценностей обучающихся будут прогнозируемы. Только при этом они обеспечат укрепление российской государственности.

Список источников

1. Агеева А. В. «Мягкая сила» в онлайн-пространстве: практический опыт применения технологий интернет-коммуникаций // Власть. 2020. Т. 28, № 2. С. 96–100.

2. Воспитательные практики отечественной школы / К. Н. Поливанова, А. С. Струкова, Ю. О. Дементьева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М. : НИУ ВШЭ, 2023. 48 с. (Современная аналитика образования. № 6 (74)).

3. Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М. : Эдиториал УРСС, 1996. 221 с.

4. Левицкая А. А. Медиаобразование студентов педагогических вузов и факультетов как инструмент, противостоящий медийным манипуляционным

воздействиям : монография / А. А. Левицкая, А. В. Федоров. М. : ДиректМедиа, 2022. 188 с.

5. Педагогическая наука как целостная система научного знания и научной деятельности : монография / [Алексеева М. В., Боровская А. К., Вязовая О. В. и др.] ; под ред. Куриной В. А., Подкопаева О. А. Самара : ПНК ; Самара, 2025. 320 с.

6. Платонов К. К. Структура и развитие личности / отв. ред. А. Д. Глоточкин ; АН СССР, Ин-т психологии. М. : Наука, 1986. 254 с.

7. Федоров А. В. Медиаобразование: история и теория. М. : Информация для всех, 2015. 450 с.

8. Федоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. М. : Информация для всех, 2014. 64 с.

УДК 27:94(47)

Рыжов Юрий Владимирович
доктор культурологии, доцент, Южный федеральный университет
г. Таганрог, Российская Федерация
ausculta.fili@gmail.com

Роль социального служения инославных церквей в становлении и развитии российской государственности

Аннотация. *В отечественной историографии процесс формирования российской государственности традиционно рассматривается через призму симфонии властей и ключевой роли Русской православной церкви. Однако поликонфессиональный характер Российской Федерации подразумевает вклад и других религиозных общин. Данная статья ставит целью анализ роли христианских церквей, не относящихся к РПЦ (главным образом, католической и протестантских), в становлении и укреплении российской государственности через их социальную и благотворительную деятельность. Исследование показывает, как деятельность этих конфессий способствовала решению общегосударственных задач, интеграции окраин, развитию человеческого капитала и смягчению социальных противоречий, тем самым выполняя значимую государственную функцию.*

Ключевые слова: *российская государственность, католицизм, протестантизм, благотворительность, социальное служение.*

Ryzhov Yuri Vladimirovich
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Southern Federal University
Taganrog, Russian Federation

The role of the social ministry of non-orthodox churches in the formation and development of Russian statehood

Annotation. *In Russian historiography, the process of forming Russian statehood is traditionally viewed through the prism of the symphony of authorities and the key role of the Russian*

© Рыжов Ю. В., 2025

Orthodox Church. However, the multi-confessional nature of the Russian Federation implies the contribution of other religious communities. This article aims to analyze the role of Christian churches outside the Russian Orthodox Church (mainly Catholic and Protestant) in the formation and strengthening of Russian statehood through their social and charitable activities. The study shows how the activities of these faiths contributed to solving national problems, integrating the suburbs, developing human capital and mitigating social contradictions, thereby fulfilling a significant state function.

Keywords: *Russian statehood, Catholicism, Protestantism, charity, social service.*

Понятие «российская государственность» представляет собой сложный междисциплинарный феномен, выходящий далеко за рамки формальных институтов власти и правовых систем. Оно охватывает всю совокупность исторически сложившихся механизмов управления и включает такие компоненты, как гражданское общество, культурные коды, систему ценностей и религиозно-этические традиции, формирующие уникальный цивилизационный облик страны. Важнейшим, хотя часто недооцененным, фактором формирования и укрепления этой государственности на разных исторических этапах выступала религиозная политика, направленная на интеграцию разнородных этноконфессиональных групп в единое социокультурное и политическое пространство.

До 1917 года стратегической целью этой политики была не просто веротерпимость, а сложный процесс включения разнообразных религиозных сообществ в общегосударственную систему с сохранением их идентичности [1]. В современной России этот вопрос приобретает новое звучание в контексте поиска моделей гражданской солидарности и социального партнерства в условиях многонационального общества. «Взвешенная и ответственная религиозная политика имеет огромное значение для полиэтнического и поликонфессионального российского сообщества, сильного в своем многообразии. Игнорирование этого обстоятельства может привести к последствиям, создающим угрозу для существования светского государства» [3, с. 154].

Центральное место в исследованиях о роли религии в становлении российской государственности вполне заслуженно отводится Русской православной церкви (РПЦ) как духовному и идеологическому стержню нации. Однако вклад инославных христианских конфессий – прежде всего, католичества, а также различных протестантских деноминаций – часто остается на периферии научного дискурса, воспринимаясь как второстепенный. Между тем, их многогранная деятельность в сферах благотворительности, народного образования, медицинской помощи и экономического развития объективно и существенно ранее способствовала укреплению государственных устоев, и продолжает вносить вклад в социальную стабильность современной России [7].

Методологическая основа исследования сочетает историко-системный, социокультурный и компаративный подходы, что позволяет провести многоуровневый анализ роли инославных конфессий в формировании российской государственности. Историко-системный подход дает возможность рассматривать религиозные институты как элементы общегосударственной системы, находящиеся в постоянном взаимодействии с властными структурами и обществом. Социокультурный подход направлен на анализ конкретных практик соци-

ального служения и их влияния на общественные процессы. Компаративный метод позволяет провести сравнение исторических и современных моделей взаимодействия государства и религиозных объединений.

Основное внимание в работе уделяется анализу конкретных практик социального служения – деятельности диаконических общин, сестричеств милосердия, приютов, госпиталей и учебных заведений – и оценке их влияния на социально-экономические процессы в России на протяжении длительного исторического периода с XVIII века по настоящее время. Особый акцент делается на преемственности традиций социального служения и их трансформации в современных условиях. Через рассмотрение этой деятельности раскрывается механизм, посредством которого религиозное многообразие не ослабляло, а, напротив, укрепляло единство России. Таким образом, данное исследование предлагает комплексный взгляд на роль инославных христианских конфессий как важного фактора формирования и укрепления российской государственности.

1. Государственность через интеграцию: католики на западных окраинах Российской империи

Присоединение обширных территорий бывшей Речи Посполитой в результате разделов конца XVIII века кардинальным образом изменило демографический и конфессиональный ландшафт Российской империи. В ее составе оказались миллионы новых подданных, преимущественно католиков (поляков, литовцев, белорусов), чья культурная, правовая и религиозная идентичность радикально отличалась от «имперской» модели. Для правительства интеграция этих «западных окраин» – Царства Польского, литовских и белорусских губерний – стала одной из наиболее сложных и приоритетных задач, от успеха которой зависела внутренняя стабильность и безопасность государства. В этом процессе российская власть столкнулась с Римско-католической церковью, которая обладала развитой инфраструктурой и глубоким влиянием на умы местного населения. Эта церковь не могла быть просто упразднена; ей предстояло найти место в новой системе управления, что превращало ее в сложного и двойственного актора – то стратегического партнера, то идеологического оппонента власти [4].

Важную роль в социальной и культурной жизни региона играли монашеские ордена, каждый из которых внес свой вклад в формирование общественной структуры. Францисканцы и доминиканцы активно занимались призрением бедных и проповеднической деятельностью, выступая хранителями традиционного благочестия и культуры. Однако наиболее показательной в контексте интеграции является деятельность Общества Иисуса (ордена иезуитов). Несмотря на их изгнание из России в 1820 году, именно иезуиты создали одну из самых эффективных сетей образовательных учреждений. Их гимназии и коллегиумы (например, известная иезуитская академия в Полоцке) выполняли двойственную, но полезную для государства миссию. С одной стороны, они, безусловно, сохраняли и транслировали католическую и польско-литовскую культурную идентичность, что вызывало настороженность у властей, с другой – эти учебные заведения готовили элиту, которая была лояльна российскому государству. В них давалось качественное европейское образование, прививались принципы

дисциплины и порядка, а главное – студенты обязаны были в совершенстве изучать русский язык, историю России и государственное право. Таким образом, иезуитские школы объективно становились «социальными лифтами» и «плавильным котлом», готовя из детей местной шляхты не сепаратистов, а образованных, мыслящих государственными категориями чиновников, офицеров и интеллектуалов, интегрированных в общероссийское пространство.

Не менее важным аспектом деятельности католиков была их масштабная благотворительность, которая напрямую влияла на укрепление устоев. Социальное служение осуществлялось как на уровне отдельных приходов, так и через благотворительные общества. Эта система помощи была точечной, эффективной и пользовалась доверием населения. Она была направлена на решение самых острых проблем: нищеты, сиротства, эпидемий, последствий неурожаев. В городах и местечках действовали католические госпитали, сиротские приюты, богадельни для престарелых и инвалидов, столовые для неимущих [8].

Эта деятельность выполняла несколько критически важных для Российской империи функций. Во-первых, она снимала социальную напряженность. Решая бытовые проблемы людей, церковь предотвращала потенциальные бунты и волнения, которые могли быть вызваны отчаянием и безысходностью. Во-вторых, экономила государственные ресурсы. У российской власти, особенно на окраинах, часто не хватало финансов и административных кадров для организации столь разветвленной сети социальной поддержки. Католическая церковь добровольно и безвозмездно брала на себя эти функции. Наконец, она легитимировала государственную власть. Поскольку формально вся эта деятельность проходила с санкции и под контролем государственных органов (например, через Министерство внутренних дел), местное население, получая помощь от своего прихода, косвенно связывало улучшение своей жизни с верховенством российского закона и порядка. Это укрепляло восприятие российского государства не как чужеродной силы, а как источника стабильности и социального благополучия.

Таким образом, интеграция западных окраин осуществлялась не только силой административного давления и русификации, но и через прагматичное сотрудничество с местными институтами, прежде всего с Римско-католической церковью. Через свою образовательную и благотворительную деятельность она объективно способствовала укреплению российской государственности, выступая агентом социальной стабильности и готовя лояльных Российской империи граждан.

2. Модернизация через профессионализацию: вклад протестантских общин

Протестантские общины (лютеран, реформатов, меннонитов, позже – баптистов) сыграли уникальную и многогранную роль в процессе модернизации и экономического развития Российской империи, особенно в сфере промышленности, сельского хозяйства, науки и социального служения. Их деятельность, мотивированная религиозной этикой, напрямую способствовала решению масштабных государственных задач и формированию новых для России социально-экономических практик.

Деятельность немецких колонистов (как лютеран, так и католиков) по освоению целинных земель Поволжья, Новороссии, Северного Кавказа и других регионов является примером эффективного государственно-религиозного партнерства. Приглашая колонистов манифестами Екатерины II и последующих монархов, правительство ставило перед ними конкретные стратегические цели: освоение малозаселенных окраин, создание продуктивных сельскохозяйственных моделей и обеспечение продовольственной безопасности России [4].

Протестанты не просто выполнили эту задачу, но и превзошли ожидания. Они принесли с собой и внедрили передовые для России аграрные технологии: многопольный севооборот, искусственное орошение, новые культуры (картофель, табак, виноград), современные инструменты и методы животноводства. Их трудолюбие, общинная организованность (на принципах самоуправления), законопослушность и высочайшая трудовая дисциплина, основанные на протестантской этике, превратили их хозяйства в образцовые. Эти «островки» европейской культуры стали центрами просвещения и распространения передового опыта для местного крестьянства, а их эффективность увеличивала налоговые поступления и экономику государства.

Далее, именно в протестантской среде с ее акцентом на рациональность, профессиональное мастерство и самодисциплину, благотворительность приобрела системный и профессиональный характер, выходящий за рамки простой раздачи милостыни. Немецкие, шведские, голландские, британские общины в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Риге и других городах создавали не просто приюты, а социальные институты нового типа.

Они открывали профессиональные и ремесленные училища (например, знаменитое Петришуле в Петербурге), где готовили высококвалифицированных мастеров, техников и чертежников, остро востребованных растущей промышленностью. Также протестантские общины стояли у истоков организации современной медицинской помощи, создавая больницы с передовыми по тем временам методами лечения (например, евангелическая больница в Москве) и, что особенно важно, формировали первые в России общины сестер милосердия, вводя понятие профессионального ухода за больными. Организация касс взаимопомощи, пенсионных фондов для вдов и сирот, ссудо-сберегательных товариществ для ремесленников и рабочих – все это способствовало социальной стабильности и формированию нового социального слоя – самостоятельных, квалифицированных и ответственных городских обывателей, ядра формирующегося гражданского общества и капиталистических отношений.

Вклад протестантов в российскую государственность на уровне элиты невозможно переоценить. Начиная с петровских времен, многие виднейшие государственные и военные деятели, ученые, дипломаты, инженеры и предприниматели были протестантами по вероисповеданию. Достаточно вспомнить сподвижников Петра I Б. К. Миниха и А. И. Остермана, мореплавателя И. Ф. Крузенштерна, финансиста А. Л. Штиглица, архитектора А. И. Штакеншнейдера, бесчисленное число медиков и преподавателей [4].

Их служение на благо России напрямую укрепляло все институты государства – от армии и флота до Академии наук и аппарата управления. При этом

их благотворительность часто имела общероссийское значение. Яркий пример – династия Нобелей, которая не только создала нефтяную промышленность в Баку, но и на свои средства финансировала научные исследования, учреждала премии (задолго до Нобелевской), строила больницы и поддерживала образовательные учреждения.

Таким образом, протестантские общины выступили в Российской империи в роли трансляторов передовых европейских практик во всех сферах жизни. Через свою профессиональную этику, общественную активность и интеграцию в правящий класс они объективно стали одним из ключевых драйверов модернизации и укрепления государственности, демонстрируя модель рационального и деятельного служения обществу.

3. Социальное служение как фактор легитимности

В периоды глубоких социальных потрясений – будь то масштабные войны, опустошительные эпидемии или тяжелейшие экономические кризисы – ресурсов государства традиционно не хватало, и его прямые институты зачастую не успевали адекватно реагировать на вызовы. В то же время, известно, что во всех конфессиональных группах первенство отдается духовно-нравственному воспитанию и работе в сфере милосердия и благотворительности [2]. И в критические моменты деятельность инославных христианских конфессий превращалась в жизненно важный элемент и, что еще важнее, в фактор укрепления легитимности государства в глазах населения.

Наиболее ярко этот феномен проявился в ходе крупнейших военных конфликтов, которые Россия вела в XIX – начале XX века. Во время Крымской (1853–1856) и особенно Первой мировой (1914–1918) войн страна столкнулась с невиданным ранее количеством раненых, инвалидов, беженцев и сирот. Государственная медицинская и социальная система была перегружена до предела. В этой ситуации инославные конфессии продемонстрировали образцы высокой организации и самопожертвования.

Так, сестры милосердия из конгрегации Дочерей Милосердия св. Викентия де Поля (викентианки), а также другие католические монашеские ордена, работали в прифронтовых и тыловых госпиталях, беря на себя тяжелый и опасный труд по уходу за ранеными, зачастую заражаясь тифом и другими болезнями. Евангелические (лютеранские) диаконисы по статусу и виду своей деятельности были сходны с сестрами милосердия из Красного Креста, их работа была построена на принципах профессионализма, строгой дисциплины и санитарии [6]. Наконец, баптисты, евангельские христиане, меннониты, чьи убеждения часто запрещали им брать в руки оружие, видели в служении раненым свой гражданский и христианский долг. Они организовывали не только лазареты на собственные средства (как, например, меннонитские санитарные отряды с передвижными госпиталями), но и пункты помощи для беженцев, хлынувших в центральные губернии из западных окраин.

Ключевой особенностью этой деятельности был ее подчеркнуто надконфессиональный, общечеловеческий характер. Помощь оказывалась всем нуждающимся, без малейшего различия по вероисповеданию, национальности или чину. Этот универсализм милосердия приводил к важным социальным последствиям.

Во-первых, отметим смягчение межконфессиональной напряженности. Практическая помощь ломала стереотипы и предубеждения, демонстрируя, что «иноверцы» являются не угрозой, а братьями и сестрами в общем несчастье. Во-вторых, происходил постепенный процесс формирования общероссийской идентичности. Совместное переживание беды и получение помощи от представителей иной веры способствовали ощущению, что все жители России, несмотря на различия, являются частью одного целого. В-третьих, укреплялась лояльность населения государству. Поскольку благотворительная деятельность формально санкционировалась и часто координировалась государством (через органы Ведомства императрицы Марии, Красный Крест), благодарное население ассоциировало получаемую помощь не только с конкретной конфессией, но и с российской властью в целом. Государство начинало восприниматься как защитник и благодетель всех своих граждан.

Таким образом, в кризисные периоды социальное служение инославных конфессий трансформировалось из частной инициативы в публично-политический фактор. Оно стало мощным инструментом «мягкой силы», посредством которого государство, используя авторитет и ресурсы религиозных сообществ, решало задачи, непосильные для чиновничьего аппарата.

Эта благотворительность работала на глубинную консолидацию российского общества, сплачивая его вокруг идеи сострадания и взаимопомощи. Она демонстрировала, что российская государственность – это не только административный контроль и военная мощь, но и сложная система солидарности, где разные группы населения, сохраняя свою идентичность, вносят вклад в общее благополучие и устойчивость Российской империи перед лицом любых испытаний.

Анализ исторического вклада инославных конфессий будет неполным без краткого обращения к их роли в современной России. После периода атеистического советского правления и сложного процесса возрождения в 1990-е годы, католическая и протестантские церкви в XXI веке не только восстановили свои структуры, но и активно развивают традиции социального служения, адаптируя их к новым вызовам.

Современная Римско-католическая церковь в России, сохраняя свой статус религиозного меньшинства, продолжает играть значительную роль в социальной сфере, опираясь на международные связи и многовековой опыт диаконии. Так, например, миссия сестер милосердия ордена Матери Терезы действует в нескольких городах России, оказывая помощь неизлечимо больным, одиноким старикам и бездомным, предоставляя им не только уход, но и достойные условия в конце жизни. Международная католическая благотворительная организация «Каритас» (Caritas Russia) работает в России, специализируясь на системной помощи; ее проекты включают в себя центры для детей с особыми потребностями, программы поддержки мигрантов и беженцев, а также адресную помощь многодетным и кризисным семьям. На локальном уровне многие католические приходы организуют столовые для нуждающихся, пункты раздачи одежды, группы поддержки для зависимых и психологические консультации. Их работа носит точечный, но крайне важный для местных сообществ характер.

Современный протестантизм в России, представленный множеством течений (баптисты, пятидесятники, лютеране, адвентисты и др.), характеризуется особенно широким размахом и разнообразием социальных инициатив, которые стали неотъемлемой частью их религиозной идентичности [5]. Протестантские церкви являются пионерами и крупнейшими операторами в сфере реабилитации нарко- и алкоголезависимых в России. Созданные по принципу «терапевтических сообществ», их центры демонстрируют высокую эффективность и часто сотрудничают с государственными органами. Также необходимо отметить создание кризисных центров для женщин, оказавшихся в трудной ситуации, служб поддержки семьи, устройство детей-сирот в фостерные семьи внутри общин. Протестантские благотворительные фонды оперативно реагируют на стихийные бедствия, организуют сбор и распределение гуманитарной помощи в отдаленные и депрессивные регионы, а также поддерживают социально незащищенные группы населения. Наконец, программы по реабилитации и ресоциализации осужденных, а также помощь их семьям – еще одна традиционная и социально значимая сфера служения.

В современный период отношения инославных конфессий с государством строятся на принципиально новой основе – на концепции социального партнерства. Церкви выступают как поставщики социальных услуг, часто получая государственные гранты на реализацию конкретных проектов (например, в сфере реабилитации зависимых или поддержки инвалидов). Это прямое продолжение исторической модели, когда религиозные общины решали задачи, на которые у государства не хватало компетенций или ресурсов, но теперь в рамках современного правового поля.

Таким образом, традиция социального служения, заложенная инославными церквями в дореволюционный период, не только не прервалась, но и получила развитие в современной России. Католическая и протестантские церкви и сегодня оказывают помощь самым уязвимым слоям населения, тем самым внося свой вклад в социальную стабильность.

Заключение

Проведенный анализ, охватывающий период с XVIII века по настоящее время, позволяет с уверенностью утверждать, что роль христианских конфессий, не относящихся к доминирующей РПЦ, в становлении и укреплении российской государственности была не только значительной, но и структурно необходимой. Эта роль редко проявлялась в форме прямой политической поддержки, а реализовывалась более сложным, опосредованным путем – через эффективную социально-экономическую, образовательную и культурную деятельность, объективно работавшую на общегосударственные интересы как в дореволюционный, так и в современный периоды.

Подводя итоги, можно выделить три важнейшие исторические функции, которые продолжают находить свое отражение в деятельности инославных церквей сегодня.

1. Интегративная функция. Когда-то Римско-католическая церковь, обладая колоссальным авторитетом на западных окраинах Российской империи, выступила ключевым агентом их интеграции, обеспечивая стабильность и лояль-

ность. В современную эпоху эту функцию сменила роль стабилизирующего элемента гражданского общества. Через международные сети (такие как «Каритас») и локальные приходские инициативы католики и протестанты продолжают укреплять социальные связи, оказывая поддержку маргинализированным группам (мигрантам, беженцам, кризисным семьям), тем самым способствуя социальной сплоченности.

2. Модернизационная функция. Исторически протестантские общины выступали главными проводниками практической модернизации, внося вклад в аграрное развитие, профессиональное образование и медицину. Сегодня эта функция трансформировалась в внедрение инновационных социальных технологий. Протестантские церкви являются пионерами в России в области эффективных моделей реабилитации аддикций, организации паллиативной помощи и создания фостерных семей, выступая центрами компетенций и передавая свой опыт государственным структурам.

3. Социально-стабилизирующая и легитимирующая функция. Если в прошлом благотворительность инославных конфессий в кризисы укрепляла легитимность государства, то сегодня она укрепляет легитимность самого института организованной благотворительности и повышает устойчивость общества в целом. Их деятельность по оказанию экстренной гуманитарной помощи, поддержке заключенных и лиц в трудной жизненной ситуации напрямую снижает социальную напряженность и компенсирует неизбежные лакуны в государственной системе социальной защиты.

Таким образом, российская государственность на разных этапах своего развития формировалась и укреплялась как сложная, многоукладная система. В этой системе инославные христианские церкви, наряду с РПЦ, выступали и продолжают выступать не пассивными объектами политики, а активными субъектами социального и экономического развития. Историческая преемственность их служения очевидна: от образцовых хозяйств немецких колонистов и госпиталей сестер милосердия до современных реабилитационных центров и программ работы с сиротами. Эволюционируя от решения задач государственной интеграции и модернизации к формату социального партнерства в рамках гражданского общества, инославные церкви продолжают вносить свой уникальный вклад в укрепление общественной солидарности и устойчивости, оставаясь важным ресурсом социального капитала страны. Данное исследование подтверждает, что эффективное развитие крупных государственных образований всегда требует гибкости и умения задействовать созидательный потенциал всех составляющих его сообществ.

Список источников

1. Верт П. В. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2012.

2. Гаврилов Ю. А., Кофанова Е. Н., Мчедлов М.П., Шевченко А. Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социс. 2005. № 6. С. 46–55.

3. Демченко О. Н., Демченко И. В. Основы религиозной политики государства в современной России // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 2. С. 154–162.

4. Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX в.) : дис. … д-ра ист. наук. Саратов, 2005.

5. Лункин Р. Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // Современная Европа. 2014. № 3(59). С. 133–143.

6. Постернак А. В. Статус и деятельность диаконисс Евангелическо-лютеранской Церкви в Российской империи (середина XIX – начало XX века) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2017. № 74. С. 129–143.

7. Рыжов Ю. В. Забота о других: социальное служение Церкви и духовно-нравственное воспитание // Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики : монография / под ред. Г. А. Овакимяна. Уфа : Омега Сайнс, 2016. С. 126–143.

8. Чаплицкий Б. Католическая благотворительность в России в 1860–1918 гг. Гатчина : СЦДБ, 2009. 403 с.

УДК 27-526.6

Плюснина Ольга Витальевна
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kn-oliga@ya.ru

Религиозные символы как объект правовой охраны

Аннотация. *Статья посвящена исследованию религиозных символов, как охраняемого объекта в современном законодательстве. Проведенное исследование определяет некоторые основания отнесения религиозных символов к объектам правовой охраны.*

Ключевые слова: *символ, религиозные символы, православные символы, христианство, православие, традиционные ценности.*

Pliusnina Olga Vitalyevna
candidate of law, docent, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Religious symbols as a subject of legal protection

Annotation. *The article is devoted to the study of religious symbols as a protected object in modern legislation. The conducted research identifies several grounds for classifying religious symbols as objects of legal protection.*

Keywords: *symbol, religious symbols, Orthodox symbols, Christianity, Orthodoxy, traditional values.*

© Плюснина О. В., 2025

В процессе исторического развития России религиозные символы претерпели сложный и многоэтапный процесс формирования, отражающий эволюцию духовных ценностей и национальных традиций. Кресты и иконы, пройдя через века трансформаций, приобрели статус не только религиозных артефактов, но и мощных культурных маркеров, символизирующих историческую преемственность и культурное наследие.

В современном социуме эти символы сохраняют свою значимость, выступая в качестве ключевых индикаторов связи с духовным наследием и исторической памятью российского народа. Рассматривая данный вопрос, необходимо учитывать многослойность и многогранность воздействия религиозных символов на различные аспекты общественной жизни. В частности, следует обратить внимание на то, как православная символика интегрируется в правовую систему России, становясь важным элементом нормативного регулирования и социальной регуляции.

С точки зрения формирования религиозной идентичности, православные символы играют ключевую роль в процессе самоидентификации верующих, способствуя укреплению их духовной связи с традицией и церковью. В этом контексте необходимо исследовать, как религиозные символы влияют на формирование ценностных ориентаций и мировоззренческих установок в российском обществе. И здесь особое значение приобретает исследование влияния этих символов на формирование правовой системы, религиозной идентичности и национального самосознания.

В рамках настоящей статьи предлагается анализ религиозных символов как охраняемых правом объектов в контексте новаций в российском законодательстве, связанных с социальным запросом на охрану традиционных и религиозных ценностей. Большой общественный резонанс получили недавние изменения в статье 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» [1], связанные с реализацией государственной политики, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В этом документе установлен запрет на использование изображений, копий и иных форм воспроизведения культовых зданий, их характерных элементов, а также других объектов, содержащих религиозные символы, если эти символы не сохраняются в неизменном виде. Ограничение распространяется на средства массовой информации, информационно-телекоммуникационные сети, а также на сферы торговли, оказания услуг и выполнения работ. В том числе запрет касается государственных и муниципальных символов, эмблем, объявлений, вывесок и рекламы.

Данное изменение в регулировании призвано создать благоприятные условия для формирования уважительного отношения общества к духовным ценностям многоконфессионального населения Российской Федерации, а также усилит гарантии защиты религиозных чувств верующих. Принятый акт направлен на реализацию Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 года, определяющих ключевые направления государственной политики в об-

ласти духовно-нравственного развития общества и защиты традиционных ценностей [2].

Для ответа на вопрос, какие объекты попадают под защиту принятой нормы, необходимо проанализировать преамбулу закона, в пятом абзаце которой говорится о том, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляют неотъемлемую часть исторического наследия народов России. При этом в четвертом абзаце преамбулы признана особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры.

Это подтверждают данные о количестве верующих в России (рис. 1). Согласно результатам социологических исследований ВЦИОМ, значительная доля населения Российской Федерации идентифицирует себя как верующие в рамках определенной религиозной традиции, что является важным аспектом социальной и культурной идентичности в современном российском обществе [4].

Рис. 1. Отношение к религии в России

При этом среди форм проявления религиозности православные опрошенные назвали следующие (рис. 2) [5].

Анализ религиозного ландшафта России демонстрирует значительную долю религиозности среди населения, при этом православие занимает доминирующую позицию в качестве традиционной конфессии государства. Исследование религиозной активности православных показывает разнообразие практик, включающих ношение нательного креста, участие в церковных обрядах, чтение духовной литературы и совершение молитв. Эти формы активного религиозного поведения свидетельствуют о глубокой личной приверженности и тесной связи с религиозным сообществом. Примечательно, что православные демонстрируют высокую степень вовлеченности в религиозные праздники и строгое соблюдение религиозных норм, что служит основой для формирования их социального и культурного поведения.

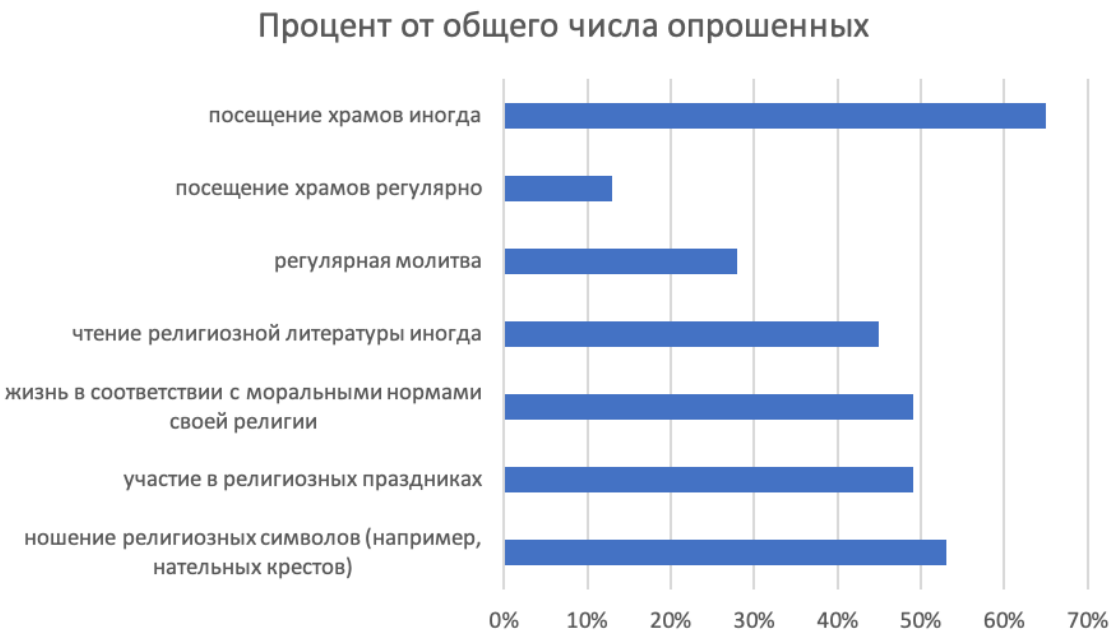

Рис. 2. Формы проявления религиозности

Эти данные подтверждают устойчивость православия как ключевого элемента религиозной идентичности и социокультурного уклада в России, несмотря на вызовы современного мира. Таким образом, православие продолжает играть центральную роль в духовной жизни страны, способствуя сохранению и укреплению традиционных ценностей и норм.

Религиозность населения проявляется в различных аспектах жизнедеятельности верующих и охватывает широкий спектр социальных и культурных явлений. В последние годы наблюдается интенсификация и диверсификация диалога между религиозными и светскими институтами, а также между государством и церковью. Это находит отражение в нормативно-правовой базе и культурных традициях.

Традиционные религиозные конфессии активно применяют современные подходы для выстраивания конструктивного диалога, включая механизмы сотрудничества и прямого взаимодействия. Государственная поддержка инициатив религиозных организаций также играет значимую роль в этом процессе. Религиозная символика прочно вошла в правовую культуру, находя отражение в законодательных нормах и концептуальных документах. Правовое регулирование религиозных вопросов в России основывается на Конституции Российской Федерации, которая признает светский характер государства и равенство всех религиозных конфессий перед законом. В то же время Конституция подчеркивает уникальную роль России как многонационального и многоконфессионального государства с многовековой историей, сохраняющего культурные и духовные традиции предков, а государство осуществляет защиту культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия.

В пояснительной записке к законопроекту [3] акцентируется внимание на изображаемых на религиозных объектах символах признаваемых в России религиозных конфессий (православный или католический крест, мусульманский

полумесяц, звезду Давида, шпиль и колесо Дхармы и других обязательных для соответствующей конфессии символов на религиозных объектах). Анализ законодательных изменений, тем не менее позволил выявить недостаточную конкретизацию объектов правовой охраны (религиозных символов), что может привести к неопределенности в правоприменительной практике и затруднит разрешение спорных ситуаций, связанных с реализацией данного законоположения. Пояснительная записка к закону также не охватывает все многообразие религиозных символов, что усугубляет проблему правовой неопределенности и не позволит осуществить интерпретацию правовых предписаний.

Для всестороннего исследования и определения правового статуса религиозных символов в многонациональной и многоконфессиональной Российской Федерации необходимо провести комплексную научную работу, включающую междисциплинарный подход. В данном контексте требуется привлечение не только специалистов в области юриспруденции, но и теологов, историков, культурологов и искусствоведов, что позволит обеспечить объективный и обоснованный анализ данного вопроса.

Только посредством системного изучения исторических, культурных и религиозных аспектов можно выработать эффективные механизмы определения объектов правовой защиты, учитывающие разнообразие религиозных традиций и символов, существующих в российском обществе.

Список источников

1. Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359 (дата обращения: 07.09.2025).

2. Указ Президента Российской Федерации № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 года. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 07.09.2025).

3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/926231-8 (дата обращения: 07.09.2025).

4. Религия и общество: мониторинг. За последние тридцать лет роль религии в жизни нашего общества несколько возросла. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoringВЦИОМ (дата обращения: 07.09.2025).

5. Новости: Религия и общество: мониторинг. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025(дата обращения: 07.09.2025).

УДК 342.97

Савкин Алексей Александрович
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
savkin1609@mail.ru

История развития законодательства о противодействии преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в сфере закупок органов местного самоуправления

Аннотация. *В статье проводится историко-правовой анализ развития института противодействия коррупции в сфере государственных закупок в России, на основании трех этапов: дореволюционного, советского и современного. Совершенствование законодательства – от первых указов XVII века до формирования современной контрактной системы. Показано, как постепенно складывался комплекс правовых мер, направленных на обеспечение прозрачности, конкурентности и уголовно-правовой охраны закупочных процедур для противодействия злоупотреблениям.*

Ключевые слова: *государственные закупки, историко-правовой анализ, противодействие коррупции, этапы развития, правовое регулирование, контрактная система.*

Savkin Alexey Alexandrovich
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The history of the development of legislation on countering corruption-related crimes committed in the field of procurement by local governments

Annotation. *The article provides a historical and legal analysis of the development of the institution of anti-corruption in the field of public procurement in Russia, based on three stages: pre-revolutionary, Soviet, and modern. The article examines the improvement of legislation from the first decrees of the 17th century to the formation of the modern contract system. It shows how a set of legal measures was gradually developed to ensure transparency, competition, and criminal protection of procurement procedures to counteract abuse.*

Keywords*: public procurement, historical and legal analysis, anti-corruption, stages of development, legal regulation, contract system.*

Анализ института противодействия коррупционной преступности в сфере закупок невозможен без исследования исторического становления его правового регулирования.

Накопленный историко-правовой опыт создания специальных требований к надлежащему исполнению должностными лицами возложенных обязанностей насчитывает несколько столетий.

Периодизация правового развития представляет собой не просто хронологическое разделение исторических событий, а комплексный метод исследования, позволяющий выявить причинно-следственные связи и закономерности формирования правовых норм. Благодаря этому инструменту исследовате-

© Савкин А. А., 2025

ли получают возможность структурировать информацию о становлении и трансформации конкретных правовых институтов, что существенно облегчает анализ их исторического развития.

По мнению И. Н. Данилевского, «выделяемые периоды должны объединять события и процессы, которые рассматриваются как типологически однородные и отличаются по каким-то существенным признакам от событий и процессов как предшествующего, так и последующего периода» [3, с. 238].

Институт закупок работ, товаров и услуг представляет собой довольно специфичное явление, вопросы, касающиеся систематизации отношений в сферы закупок, их правового регулирования и закрепления мер уголовно-правовой охраны, продолжительное время не находились в сфере внимания российских законодателей, однако первые упоминания о «государевых закупках» обнаруживаются в древних правовых источниках.

Н. Д. Георгадзе выделяет три основных этапа развития сферы закупок работ, товаров и услуг: начиная с реформ Петра I до Октябрьской революции 1917 года; Советский период (1917–1991); Современный этап (с 1991 года по настоящее время) [2, с. 5].

Так, в Русской Правде «Урок мостникам», регулирующий отношения с наемными рабочими. Под мостниками на Руси понимались наемные рабочие, которые занимались постройкой или ремонтом мостов [17, с.7].

В Переяславской летописи 1346 года упоминаются «заказники» – княжеские дружинники, уполномоченные заключать договоры от имени казны [9, с. 54].

Первые по-настоящему значимые факты правового регулирования государственных закупок в России появляются в XII веке. Государственной властью в России стали приниматься определенные меры к рациональному использованию средств царской казны, что выражалось в сокращении государственных расходов, пресечении фактов их нецелевого использования, а также введении механизмов государственного заказа, где роль государства выполнял непосредственно монарх и его двор.

К числу документов, содержащих правовое регулирование отношений между заказчиком в лице государства и частными поставщиками, относится Указ царя Алексея Михайловича Романова 1654 года «о цене на обеспечение доставки в город Смоленск сухарей и муки» [10].

Существенный прорыв в развитии правового регулирования института государственных закупок в Российской империи неразрывно связан с масштабными реформаторскими преобразованиями эпохи Петра Великого. Именно в период его правления были заложены фундаментальные основы и сформированы ключевые механизмы правового регулирования данной сферы общественных отношений, определившие дальнейшее эволюционное развитие института государственных закупок.

Реформаторская деятельность Петра I способствовала не только качественному совершенствованию существующих правовых норм, но и созданию принципиально новой системы правового регулирования государственных за-

купок, базирующейся на принципах открытости, состязательности и эффективности использования государственных средств.

В 1702 году издан именной указ Петра 1 «О вершении дел в Камор-Коллегии по доношениям на подрядчиков и о штрафах за недобротно поставленные припасы», регулирующий приемку товаров для государства, который стал важным шагом в развитии системы государственных закупок, заложил основы для учета, предвосхитив создание современного списка недобросовестных поставщиков, впервые установил материальную ответственность за ненадлежащее выполнение госзаказа. Процедура предусматривала осмотр товара представителем заказчика на соответствие количеству, качеству и целостности, с выдачей расписки. Несоответствие влекло за собой штраф, определяемый лично государем. Введение таких санкций указывает на то, что случаи недобросовестного исполнения госзаказов были достаточно распространены, и государство осознавало необходимость контроля и наказания за подобные нарушения, чтобы избежать финансовых потерь и обеспечить выполнение государственных задач [6, с. 201–202].

Именной указ Петра I от 31 марта 1714 года «О вызове подрядчиков для делания пороха», представляет собой значимый правовой акт, который внес революционные изменения в систему государственных закупок того времени.

Данный документ содержал детальное регулирование новой процедуры отбора подрядчиков, что позволяет рассматривать его как прообраз современного механизма запроса предложений.

Значимость указа заключается в том, что он впервые в российском законодательстве осуществил принципиальный переход от системы единоличного назначения поставщиков к сравнительно-конкурсной процедуре, основанной на принципах публичности, письменной подачи условий и объективного критерия выбора победителя. Это заложило фундаментальные основы для развития конкурсных механизмов в системе государственных закупок [7, с. 111].

В 1715 году учреждается Канцелярия подрядочных дел – первый специализированный орган по госзакупкам, в ведении которого находилось заключение государственных договоров, контроль за исполнением государственного заказа и приемка выполненных работ и оказанных услуг [6].

Воинские Артикулы 1715 года создали первую систему наказаний за должностные преступления. В отличие от ранних указов, они ввели единую и детализированную шкалу ответственности для чиновников и офицеров, зависящую от тяжести проступка.

Наказания были выстроены от позорящих и имущественных санкций до телесных наказаний, и смертной казни. Например, артикул 194 устанавливал за корыстное злоупотребление властью (лихоимство) виновный не только подвергался жестокому телесному наказанию, но и мог быть приговорен к вечной каторге. Эта градация создавала механизм противодействия коррупции и злоупотреблениям в том числе в сфере закупок [1, с. 324].

Эволюция контрольных механизмов в сфере государственных закупок получила существенное развитие в период правления Петра I. Важнейшим правовым актом в данной области стал Адмиралтейский Регламент 1722 года, ко-

торый впервые в российском законодательстве систематизировал и нормативно закрепил ключевые аспекты проведения публичных торгов.

Данный правовой документ содержал комплексное регулирование такие элементов закупочной деятельности как: четкое определение этапов проведения торгов, установление конкретных временных рамок для каждого этап, регламентацию процедуры поиска потенциальных подрядчиков, нормирование порядка проведения переговоров с участниками торгов.

Нормативное закрепление указанных положений способствовало повышению прозрачности и эффективности системы государственных закупок, создав прочную правовую основу для дальнейшего развития института закупок. [16, т. 6, с. 642–688].

Регламент Коммерц-коллегии 1732 года ввел комплексный механизм контроля за государственными закупками, основанный на принципах публичности, проверки добросовестности участников и материальной ответственности сторон.

Ключевым нововведением стала обязанность заказчика трижды публиковать объявление о закупке в общегосударственной газете «Русские куранты», что радикально повышало прозрачность и расширяло круг потенциальных поставщиков по сравнению с прежней практикой рассылки билетов. Для предотвращения участия недобросовестных поставщиков введен запрет на допуск к торгам участников без справки из Коммерц-коллегии об отсутствии у них государственных недоимок, долгов по векселям и прочих обязательств, что стало прообразом современных реестров недобросовестных поставщиков и проверки финансовой устойчивости.

Также был усовершенствован механизм реализации торгов, а именно после каждой публикации купцы должны были являться в коллегию для подтверждения или изменения своих предложений, а их выслушивали порознь о ценах и поручителях, что создавало более упорядоченную и детализированную процедуру по сравнению с прежними массовыми опросами [14, с. 642–688].

В процессе исторического развития правовой системы России **первая половина XIX века** ознаменовалась существенным прогрессом в области законодательства. Важнейшим правовым актом данного периода стало **«Положение об обязательствах по подрядам и поставкам»**, утвержденное в 1830 году.

Данный нормативно-правовой акт внес существенные изменения в правовое регулирование договорных отношений, установив **комплексный механизм** регулирования закупочной деятельности. Особое внимание в документе было уделено вопросам **договорной ответственности**, где были четко определены меры наказания за нарушение обязательств.

Кроме того, законодатель впервые на официальном уровне ввел запрет на **недобросовестную конкуренцию** в виде сговора между участниками закупочных процедур, что способствовало формированию более прозрачных и справедливых условий ведения предпринимательской деятельности. Детальная регламентация механизма осуществления закупок позволила создать прочную правовую основу для развития торговых отношений в государстве.

В 1845 году издано «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», в первоначальной редакции которого статьи о взяточничестве и злоупотреблении служебным положением могли быть применены и к случаям коррупции в сфере закупок.

В более поздней редакции 1885 года с целью предотвратить коррупцию и обеспечить надлежащее исполнение заказов, регулированию государственных закупок уделялось значительное внимание,

Так, статьи 285–288 наказывали должностных лиц за участие в закупках, проводимых в местах их проживания или работы, чтобы исключить злоупотребления, связанные с местными связями или давностью службы. Для защиты самой процедуры торгов и коммерческой тайны была предусмотрена статья 489. Статья 494 наказывала чиновников, вовлеченных в государственный заказ как напрямую, так и косвенно. Особое внимание уделялось качеству исполнения: статьи 490–491 устанавливали ответственность за недобросовестный выбор подрядчиков и прием некачественных товаров по сговору с поставщиками. Статья 498 предусматривала наказание за заключение договоров поставки без надлежащего конкурса или при его фиктивности.

Также были запрещены уголовно-правовыми нормами (ст. 495, 500) искажение данных о товарах в документах и их подмена в сговоре с исполнителями. Наконец, статьи 502–505 устанавливали ответственность за нарушение формальных правил проведения закупок.

Можно с уверенностью сказать, что данный нормативный акт демонстрирует высокий для своего времени уровень законодательной техники. Это стало возможным благодаря тому, что он был направлен на решение актуальных социальных проблем, в первую очередь, на борьбу с коррупцией среди чиновников, которая уже тогда наносила существенный ущерб Российскому государству.

Уголовное Уложение 1903 года также содержало специальные нормы о должностных преступлениях, однако их круг был существенно сужен [4, с. 253].

Необходимо отметить, что именно в дореволюционное время появилось законодательное закрепление органов, представлявших государство и действовавших в его интересах, а также осуществлявших контроль за законностью в указанной сфере, сформулированы основные принципы государственных закупок и требования, предъявляемые к их процедуре, а также к участникам, введены строгие санкции, в том числе и уголовно-правового характера, в отношении должностных лиц, злоупотребивших своими полномочиями в корыстных целях.

Этап становления Советской власти характеризовался полной национализацией экономической и общественной жизни.

Существенный поворот в государственном регулировании закупочной деятельности произошел с переходом к новой экономической политике (НЭП). В этот период произошло возрождение договорной системы в сфере государственных закупок, что получило законодательное закрепление в нормативных актах:

1) Положение о государственных подрядах 1921 года [8, с. 538];

2) Положение о государственных поставках 1923 года [15, с. 119].

Важным этапом в развитии правового регулирования государственных заказов стало принятие Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. Данный нормативно-правовой акт содержал наиболее развернутую систему уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за правонарушения в сфере госзаказа. К числу таких правонарушений относились: злоупотребление властью (ст. 110), халатность (ст. 128) и злонамеренное неисполнение договора (ст. 130) [18, с. 153].

Таким образом, период НЭПа характеризуется формированием комплексной системы правового регулирования государственных закупок, включающей как гражданско-правовые, так и уголовно-правовые механизмы защиты интересов государства.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года представлял собой фундаментальный нормативно-правовой акт, который впервые в советской истории содержал систематизированные и наиболее детализированные нормы об уголовной ответственности за правонарушения в сфере государственных заказов.

Система уголовно-правовых норм охватывала широкий спектр противоправных деяний, направленных против интересов государственной закупочной деятельности. Особое внимание уделялось должностным преступлениям и нарушениям договорных обязательств.

Важной особенностью уголовного законодательства того периода являлась четкая дифференциация ответственности в зависимости от тяжести совершенного деяния и наступивших последствий. Это позволяло обеспечить справедливое наказание и действенное предупреждение подобных правонарушений в будущем.

Таким образом, Уголовный кодекс РСФСР 1922 года заложил основы уголовно-правовой защиты государственных интересов в сфере закупок, которые впоследствии получили дальнейшее развитие в советском законодательстве.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года уделял особое внимание защите материально-технического обеспечения Красной Армии и Флота, статья 132 которого устанавливала уголовную ответственность за невыполнение договорных обязательств в условиях боевых действий или при поставках, которые могли подорвать боеспособность армии и флота. За такие преступления предусматривалось суровое наказание, вплоть до расстрела. В контексте усиления милитаризации и напряженной международной обстановки это было вполне оправданным шагом [19].

Из всего спектра преступлений, ранее существовавших в данной области, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года сохранил только одну. Статья 152 предусматривала ответственность за выпуск некачественной, нестандартной или некомплектной продукции. Это касалось случаев, когда директор, главный инженер, начальник отдела технического контроля или лица, исполняющие их обязанности, неоднократно или в значительных объемах производили продукцию, не соответствующую установленным стандартам, техническим условиям или комплектации [20].

После распада Советского Союза в 1991 году произошло крушение системы государственного снабжения, результатом которого стало резкое сокра-

щение государственных расходов, длительные массовые задержки оплаты заказов со стороны государства, а также вывод активов и высокий уровень коррупции и хищений в исследуемой сфере.

В связи с переходом к рыночной экономике и потребностью в свободе предпринимательства было разработано новое законодательство о госзакупках.

В промежуток времени с 1992 по 2013 гг. было принято пять основных законов, регламентирующих сферу закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Каждый из них содержал положения относительно уголовно-правовой охраны указанной сферы.

Одним из первых стал Закон РФ от 28 мая 1992 г. «О поставках продукции и товаров для государственных нужд», определяющий государственные нужды как потребность в продукции, необходимой для решения общенациональных задач, реализации социально-экономических, оборонных, научно-технических, природоохранных и других целевых программ [11, т. 1, с. 342].

Позднее, Федеральный закон от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» сосредоточился на создании федеральных целевых программ для решения ключевых стратегических задач государства, однако эти ранние нормативные акты были краткими и не содержали детальных процедур размещения заказов [12].

В результате их положения не всегда эффективно применялись на практике, а существующие пробелы активно использовались должностными лицами для организации коррупционных схем.

Далее, в связи с ростом коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок, государство предприняло целенаправленные правовые меры для ее пресечения.

К таким мерам относится Указ Президента РФ от 8 апреля 1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» [5].

Указ имел значительное экономическое значение, поскольку служил инструментом оптимизации, прямого сокращения и экономии государственных расходов при размещении заказов федеральной казны, способствовал формированию общей системы проведения конкурсных торгов на поставку стандартных продуктов и товаров для нужд государственных органов всех уровней.

Следующим шагом стало принятие Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который установил основные требования к исполнителям заказов, правила закупок и ограничения по способам выбора поставщиков. Среди допустимых способов закупок были выделены аукцион, конкурс и запрос котировок у единственного поставщика. К недостаткам данного закона часто относили отсутствие четких принципов размещения государственных заказов, недостаточное внимание к документальному сопровождению закупок и ограничение сферы его действия моментом исполнения контрактных обязательств [13].

Ответом на эти вызовы стало принятие в 2013 году Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», представляющий собой фундамент всей контрактной системы государственных закупок [9, с. 1652].

С принятием этого нормативного акта в Российской Федерации началась работа по созданию всеобъемлющей системы государственных и муниципальных закупок, которая призвана регулировать каждый аспект закупочной деятельности, от планирования до исполнения контракта, с целью удовлетворения потребностей государства и местного самоуправления. Она охватывает как действия заказчиков, так и обязанности исполнителей государственного (муниципального) заказа.

Таким образом, исторический анализ показывает, что на протяжении всей истории России злоупотребления в сфере государственных закупок были серьезной проблемой, подрывавшей экономику и обороноспособность страны. Законодатель постепенно, от этапа к этапу, формировал комплекс правовых средств противодействия им, пройдя путь от единичных указов до сложной контрактной системы, основанной на принципах конкурентности, прозрачности и уголовно-правовой охраны.

Список источников

1. Георгадзе Н. Д. Этапы становления системы государственных закупок в Российской Федерации // Московский экономический журнал. 2022. № 8. URL: https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-8-2022-40/ (дата обращения: 02.09.2025).

2. Данилевский И. Н. Тупики периодизации, или Периодизация в тупике // Одиссей. Человек в истории. М., 1999. URL: https://odysseus.igh.ru/uploads/article/file/380/danilevsky2.pdf (дата обращения: 02.09.2025).

3. Новое уголовное уложение: [высочайше утверждено 22.03.1903] : с прил. предмет. алф. указ. Неофиц. изд. СПб. : кн. маг. В. П. Анисимова, 1903, (утратил силу). URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения: 02.09.2025).

4. Об организации закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд : Положение : утв. Указом Президента РФ от 08.04.1997 № 305 // Официальный интернет-портал правовой информации (утратил силу). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/10766 (дата обращения: 02.09.2025).

5. О вершении дел в Камор-Коллегии по доношениям на подрядчиков и о штрафах за недобротно поставленные припасы: именной указ от 11 апр. 1702 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 4 (утратил силу). URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003821637/ (дата обращения: 02.09.2025).

6. О вызове подрядчиков для делания пороха : указ 1714 г. // Российский государственный архив древних актов (утратил силу). URL: http://www.nlr.ru/e-es/law_r/show_page.php?page=81&root=1/5/ (дата обращения: 02.09.2025).

7. О государственных подрядах и поставках (Положение) : декрет СНК РСФСР от 30.09.1921 // СУ РСФСР. 1921. № 68. ст. 538 (утратил силу).

8. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 02.09.2025).

9. О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей : именной указ от 07.07.1654 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 1, № 132. С. 342 (утратил силу).

10. О поставках продукции и товаров для государственных нужд : закон РФ от 28.05.1992 № 2859-I // Российская газета. 1992. 30 июня (утратил силу). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516/ (дата обращения: 02.09.2025).

11. О поставках продукции для федеральных государственных нужд : федеральный закон от 13.12.1994 № 60-ФЗ (ред. от 20.04.2014) // Российская газета. – 1994. – 21 дек. - (утратил силу) - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5205/ (дата обращения: 02.09.2025).

12. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд : федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ (ред. от 02.07.2013) : (документ утратил силу с 01.01.2014) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/ (дата обращения: 02.09.2025).

13. Полное собрание русских летописей. Т. 41: Летописи Переяславля-Суздальского / подгот. текста и ред. Б. М. Клосса ; АН СССР, Археогр. комис. М. : Наука, 1995. URL: https://www.prlib.ru/item/436970 (дата обращения: 02.09.2025).

14. Положение о государственных подрядах и поставках: декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 27.07.1923 // СЗ СССР. 1923. № 9 (утратил силу). URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/359269-dekret-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-polozhenie-o-gosudarstvennyh-podryadah-i-postavkah-27-iyulya-1923-g (дата обращения: 02.09.2025).

15. Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся: [утв. 05.04.1722] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 6, № 3937. URL: http://www.knigafund.ru/books/111725. (дата обращения: 02.09.2025).

16. Русская Правда. Пространная редакция // Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. М. : Проспект, 2015 (утратил силу). URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947 (дата обращения: 02.09.2025).

17. Уголовный кодекс РСФСР: [принят ВЦИК 26.05.1922] // СУ РСФСР. 1922. № 15 (утратил силу). URL: http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523 (дата обращения: 02.09.2025).

18. Уголовный кодекс РСФСР: (утв. ВЦИК 22.11.1926): в ред. 1926 г. (утратил силу). URL: https://coollib.com/b/124310/read (дата обращения: 02.09.2025).

19. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года : [по сост. на 1996 г.] (утратил силу с 01.01.1997). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ – (дата обращения: 02.09.2025).

20. Устав воинский // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Тип. II отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. V. 1713–1719. № 3006.

УДК 342

Семенова Инна Юрьевна
старший преподаватель
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация
iysemenova@mail.ru

Роль духовно-нравственных ценностей в контексте проводимой государственной семейной политики на современном этапе формирования российской государственности

Аннотация. *В статье предпринята попытка оценить роль духовно-нравственных ценностей в контексте проводимой государственной семейной политики на современном этапе формирования российской государственности. Констатируя в условиях сегодняшних реалий факт деформации семейных устоев и традиционных базовых ориентиров духовности и нравственности, автор приходит к выводу, что лишь согласованные действия различных государственных структур, инициатив Русской Православной церкви, небезучастных граждан и общественных организаций смогут сберечь семью как базовую ячейку общества от разрушения.*

Ключевые слова*: государственная семейная политика, семья, традиционные российские ценности, духовность, стратегия народосбережения.*

Semenova Inna Yurievna
Senior Teacher, Chuvash State University named after I. N. Ulyanova
Cheboksary, Russian Federation

The role of spiritual and moral values in the context of the current state family policy at the current stage of the formation of Russian statehood

Annotation. *The article made an attempt to assess the role of spiritual and moral values in the context of the current state family policy at the present stage of the formation of Russian statehood. Stating in the conditions of today's realities the fact of deformation of family foundations and traditional basic guidelines of spirituality and morality, the author comes to the conclusion that only coordinated actions of various state structures, initiatives of the Russian Orthodox Church, not*

© Семенова И. Ю., 2025

indifferent citizens and public organizations will be able to protect the family as a basic unit of society from destruction.

Keywords: *state family policy, traditional Russian values, spirituality, national conservation strategy.*

XXI век является эпохой социальных потрясений. У исследователей различных направлений научных знаний (истории, права, социологии, философии, экономики, психологии и иных) объектом пристального внимания все чаще выступают проблемы семьи как базовой ячейки цивилизации, что является вполне оправданным, учитывая ее значимость как для отдельного человека, так и государства в целом. Сегодня, ни для кого не секрет, в российском обществе наблюдаются деформация семейных устоев и переоценка духовно-нравственных ценностей. Такому положению дел поспособствовали новые цивилизационные вызовы и изменившийся под их влиянием менталитет россиян.

Государство, как никогда в истории, нацелено на защиту института семьи и адекватное оперативное решение ее проблем. Создана и постоянно совершенствуется нормативно-правовая база, направленная на максимальную поддержку российских семей, в первую очередь, многодетных; утверждены государственные программы и концепции развития всех сторон семейной жизни (воспитания, образования и др.) [4; 5; 6; 7; 8]. Поправки в Конституцию Российской Федерации, одобренные на общероссийском голосовании 1 июля 2020 года, заложили прочнейший фундамент для укрепления базовых семейных устоев и брачно-семейных ценностей с опорой на веру в бога и духовную силу многонационального народа [1]. XXIII Всемирный русский собор на очередном собрании, состоявшемся 18 октября 2019 года, поддержал Стратегию народосбережения Российский Федерации на период до 2050 года; вскоре 24 марта 2021 года за номером АГ/9-КС основополагающий для нашей страны документ подучил одобрение Координационного совета при Общественной палате Российской Федерации по национальным проектам и народосбережению [2; 3].

Объемный по своему содержанию документ определил, что крепкая морально-здоровая семья и многодетность – смысл и норма жизни современных россиян, они выступают объектом политики народосбережения. Традиционно-ориентированная культурная среда воспитания молодой личности должна находиться под влиянием позитивного образа многодетной семьи с зарегистрированным моногамным браком. Сегодня наша страна мотивирует своих граждан на ведение физически и нравственно здорового образа жизни; популяризирует кровную семью, имеющую несколько детей; создает благоприятные социально-экономические условия для обеспечения устойчивого роста рождаемости, сокращения смертности и увеличения продолжительности жизни (до 80 лет к окончанию действия нормативного акта). Все запланированные в рамках реализации стратегии мероприятия по задумке правительства должны быть успешно реализованы при активном сотрудничестве государства с Русской Православной церковью и иными традиционными религиями, а также некоммерческими организациями и добровольческими объединениями в интересах укрепления института семьи и всяческой поддержки сохранения традиционных се-

мейных ценностей. Среди таковых, например, улучшение жилищных условий с комфортными условиями проживания для россиян, в первую очередь, семей с детьми; расширение форм социальной помощи семьям, выплачивающим ипотечные кредиты (особенно имеющих детей-инвалидов); внедрение стандарта экономической устойчивости семьи (ее самообеспечения); разнообразие адресной помощи особо нуждающимся по объективным причинам семьям с детьми, в том числе компенсация в части ежемесячных платежей при коммерческом найме и аренде жилья. Подобные остро социальные бытовые проблемы тесно сопряжены с иными, например, психологическими проблемами российских семей (переориентация семейных ценностей с морально-духовных на меркантильно-экономические и иные). Разводы, пропаганда одиночества, отложенное родительство, аборты, насилие в семье (не только физическое, но и экономическое), оторванность от семейных обычаев и традиций с практически полным погружением в интернет-пространство, малодетность и многие другие семейные девиации самым серьезным образом влияют на процессы, тормозящие цели политики народосбережения России.

Посильную помощь в решении проблем семьи в рамках проводимой государственной семейной политики оказывает Русская Православная церковь. Она способна через постулаты любви и уважения к ближнему, семье и богу, почитанию старших, приспособления к труду, заботе о потомстве и иных православных ценностей помочь сохранить российские семьи, максимально удержав их от соблазнов. Церковь однозначно перевоспитывает заблудившуюся духовно личность, которая подвержена асоциальному поведению в обществе. Признание семей с одним мужем и женой, а не иных западных вариаций супружеской жизни (зарегистрированные партнерства, однополые узаконенные сожительства) является направлением проводимой государственной семейной политики, поддерживаемой церковью. Воспитательный и культурно-образовательный потенциал семьи также восполняются духовностью, вытекающей из христианских положений. Совместная социально-трудовая деятельность детей и родителей сближает их. Уникальный опыт работы православия с семьями через духовное наставничество имеет поразительные результаты. Прощение, доверие к близким, сострадание, уважение в семье, взаимовыручка, жертвенная безграничная любовь к детям и иные ценности воспитывают духовно здоровую ответственную личность. Русская Православная церковь оберегает брак между мужчиной и женщиной, настаивая на его сохранности и верности супружеской жизни; поощряет многодетность и морально-здоровое воспитание детей, приученных к труду; настаивает на уважении и почитании старших, передающих своему потомству традиционные российские ценности. В таком же русле реализуются направления государственной семейной политики [6].

Свои инициативы церковь воплощает многопланово: организует летние православные лагеря, в том числе для детей из неблагополучных семей; обучение служению через приобщение к легкому общественно-полезному детскому труду; христианские беседы по вопросам православного воспитания асоциальных родителей; сбор средств и иных видов материальной помощи особо нуж-

дающимся, в том числе организация занятости членов семей для получения стабильного дохода; добровольческие и волонтерские акции в поддержку семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и др.

Таким образом, утрата духовности и потеря уважения к институту семьи, к традиционным семейным российским ценностям приведут к неизбежной нравственной гибели общества. Этого нельзя допустить. Отрадно, что своевременное осознание общественностью и государственными структурами подобной опасности позволило выработать механизмы противодействия таким социальным угрозам. Разумеется, они далеко несовершенны, но ведется активный поиск все новых и новых инструментов, позволяющих сохранить российскую семью и ее многовековые устои. Именно сохранение и продвижение в обществе традиционных семейных ценностей, повышение благосостояния и качества жизни российских семей сегодня являются приоритетом государства. В условиях формирования обновленной российской государственности совместными усилиями органов власти с институтами гражданского общества эти цели успешно достигаются, что позволяет быть уверенными в будущем нашей страны.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. URL: https://consultant.ru(дата обращения: 01.09.2025).

2. Основы Социальной концепции Русской Православной церкви // Офиц. сайт Московского Патриархата: URL: https://www.patriarchia.ru(дата обращения: 01.09.2025).

3. Стратегия народосбережения в Российской Федерации до 2050 года. URL: https://files.oprf.ru/storage/image_store/strategiya_narodosberezheniya.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

4. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: https://consultant.ru (дата обращения: 01.09.2025).

5. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/36787.html (дата обращения: 01.09.2025).

6. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 01.09.2025).

7. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: https://consultant.ru (дата обращения: 01.09.2025).

8. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/ (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 341

Серебрянский Никита Юрьевич
студент, Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
Shippa4@mail.ru

Яснева Елена Васильевна
старший преподаватель
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
yasneva.e.v@yandex.ru

Лондонская конференция в преддверии Нюрнбергского процесса

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы создания и принятия нормативно-правовых актов, на основе которых был проведен первый в истории человечества открытый и справедливый суд Международного военного трибунала над главными военными преступниками нацистской Германии. В августе 1945 года в Лондоне на конференции представителей СССР, США, Великобритании и Франции были разработаны Соглашение и Устав Международного военного трибунала. В статье раскрываются вопросы о сложности переговоров, связанных с согласованием правовых традиций в континентальной и англо-саксонской системах, а также дана краткая характеристика содержания Устава.*

Ключевые слова: *Международный военный трибунал, Лондонская конференция, Соглашение и устав, военные преступления, преступления против человечности.*

Serebryansky Nikita Yuryevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Yasneva Elena Vasilyevna
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The London conference on the eve of the Nuremberg trials

Annotation. *The article discusses the creation and adoption of normative legal acts, on the basis of which the first open and fair trial of the International Military Tribunal over the main war criminals of Nazi Germany was conducted in the history of mankind. In August 1945, in London, at a conference of representatives of the USSR, the USA, Great Britain and France, an Agreement and the Statute of the International Military Tribunal were developed. The article reveals the issues of the complexity of negotiations related to the harmonization of legal traditions in the continental and Anglo-Saxon systems, as well as a brief description of the content of the Charter.*

Keywords*: International Military Tribunal, London Conference, negotiations, war crimes, delegation.*

© Серебрянский Н. Ю., Яснева Е. В., 2025

Нюрнбергский процесс, имея огромное историческое значение как для международного сообщества, показавшего способность объединяться в борьбе с общими угрозами, так и для отдельных государств, пострадавших от варварского уничтожения и геноцида, установил юридический прецедент для преследования за преступления против человечности, совершенные во имя расистских и националистических идей.

Но чтобы Нюрнбергский процесс состоялся, необходимо была политическая воля и нормативно-правовые акты для работы трибунала. Формированию правовой основы Нюрнбергского трибунала предшествовала серьезная дискуссия известных правоведов того времени. После Первой мировой войны была выполнена большая и кропотливая работа по подготовке положения о международном трибунале, но создать в то время трибунал не удалось. В разработку теоретической базы международного уголовного правосудия значительный вклад внесли многие советские правоведы, жизненный путь которых был непосредственно связан с Институтом государства и права РАН. Многие из них имели непосредственное отношение к изобличению злодеяний нацистских преступников. Например, Илья Павлович Трайнин, директор института права. В 1943–1945 года он являлся членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Особенно большое значение имела его монография «Об уголовной ответственности гитлеровцев», опубликованная в 1944 году. Американские юристы, принимавшие участие в разработке Устава Международного военного трибунала, давали этой работе высокую оценку. Так, У. Чэнлер отмечал, что на протяжении двух десятилетий Советский Союз занимает ведущие позиции среди государств, стремящихся юридически закрепить недопустимость войны, и в подтверждение своих слов ссылался именно на труды Трайнина. Д. Максуэлл-Файф, который представлял Великобританию на Лондонских переговорах, а затем занял должность заместителя главного обвинителя от своей страны на Нюрнбергском процессе, высокого оценил монографию И. П. Трайнина. Советский опыт и разработки оказались для англичан крайне важны.

Надежные правовые основы были созданы и в ходе работы 4–11 февраля 1945 года Крымской (Ялтинской) конференцией лидеров трех стран антигитлеровской коалиции: СССР, США, Великобританией, посвященной установлению послевоенного международного порядка. Здесь и появилась политическая воля – быть Международному военному трибуналу над главными военными преступниками нацистской Германии.

Летом 1945 года в Лондоне была созвана Международная конференция по разработке Соглашения и Устава Международного военного трибунала, цель которого – наказание и судебное разбирательство над главными преступниками. От Советского Союза работу возглавлял заместитель председателя Верховного суда СССР И. Т. Никитченко.

В зарубежной историографии нередко подчеркивается, что основой Устава Международного военного трибунала стали преимущественно американские правовые концепции, включая доктрину заговора и положения об ответственности за развязывание агрессивной войны. Однако, признавая значительную

роль американских юристов, таких как руководитель делегации США на Лондонской конференции Р. Джексон, а также М. Бернайс и У. Чэнлер, – важно учитывать и вклад отечественной науки. Российские ученые-криминалисты задолго до окончания войны формулировали идеи, которые нашли отражение в лондонских документах. Так, еще в феврале 1943 года Н. Н. Полянский представил Чрезвычайной государственной комиссии проект, где предлагалось создание международного уголовного суда для осуждения руководителей гитлеровской Германии, введение ответственности за нарушение основ международного мира и раскрытие всей структуры заговора, приведшего к катастрофе мировой цивилизации [2, с. 25–26].

На протяжении шести недель в Лондоне представители СССР, США, Великобритании и Франции обсуждали сложнейшие вопросы, связанные с учреждением Международного военного трибунала. По предложению советской делегации было решено подготовить два документа: Соглашение о создании Трибунала и его Устав. Представленный 2 июля проект соглашения, разработанный И. Т. Никитченко, лег в основу окончательного текста. Уже к 11 июля, на базе американских и советских предложений, был подготовлен сводный вариант Устава, в котором спорные формулировки временно заключили в скобки. После этого началась работа по поиску компромиссов по нерешенным положениям. К 18 июля большая часть вопросов была урегулирована, однако по нескольким пунктам возникли серьезные разногласия, угрожавшие срывом достижения общего соглашения.

Сложность переговоров заключалась в необходимости согласовать две различные правовые традиции: континентальную систему, действовавшую в СССР и Франции, и англо-саксонскую, характерную для Великобритании и США.

Особенно острые дискуссии развернулись вокруг вопроса о признании агрессивной войны международным преступлением. Французский представитель А. Гро отрицал такую квалификацию, тогда как британская делегация признавала агрессию противоправным деянием в свете международного права, но указывала на отсутствие закрепленного уголовного наказания за нее. Советские и американские участники настаивали, что отсутствие четких санкций не отменяет ответственности, напоминая, что и за другие международные преступления, включая нарушение законов и обычаев войны, не были определены конкретные меры наказания. При этом, согласно Женевской конвенции 1929 года, их уголовная наказуемость предусматривалась в принципе [3, с. 73–76]. Но всеобщее признание советская правовая доктрина об агрессивной войне получила в самом процессе Международного трибунала. Р. Джексон [6], в своем вступительном слове 21 ноября 1945 года в Нюрнберге, напомнил об исторической важности судебного процесса над нацистскими военными преступниками и подробно перечислил обвинения, остановившись на значимых, по его мнению, правовых институтах: «Основное положение хартии состоит в том, что планирование, подготовка, инициирование или ведение агрессивной войны или военного нарушения международных договоров, соглашений и заверений, а также сговор или участие в общем плане для этого являются преступлением.

Возможно, слабость этого Устава том, что он не дает определения агрессивной войны. Хотя этот вопрос не является новым. Одним из авторитетных источников международного права по этому вопросу является Конвенция об определении агрессии, подписанная в Лондоне 4 июля 1933 года Советским Союзом, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией». И далее Джексон процитировал Конвенцию и разъяснил, кто является агрессором. Таким образом, продолжавшаяся более 10 лет настойчивая и системная работа советских дипломатов и правоведов достигла своей цели и заняла центральное место в этом первом международной уголовном процессе человечества.

Наибольшие трудности участники конференции испытали при формулировании определения категории «международное преступление», закрепленного в статье 6 Устава Международного военного трибунала. 25 июля заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский направил В. М. Молотову служебную записку, в которой подвел предварительные итоги хода переговоров в Лондоне. В документе отмечалось, что советская сторона не может согласиться с двумя пунктами статьи 6 Устава. Первый касался формулировки о «вторжении или угрозе вторжения, либо инициировании войны в нарушение международных договоров, соглашений, заверений между государствами или норм международного права иными способами». Второй пункт определял «участие в общем плане или мероприятии, направленном на установление господства над другими народами, которое включало или предполагало использование незаконных методов, либо было рассчитано на их применение для достижения цели». Молотов в своем сообщении Сталину изложил содержание переговоров, опираясь на информацию, полученную от Вышинского. Он отметил, что предложенные формулировки статьи 6 Устава слишком расплывчаты и могут привести к ошибочной трактовке оборонительных действий как международных преступлений. В качестве примера приводилось вторжение советских и англо-американских войск на территорию Германии в ходе Второй мировой войны, которое, по очевидным причинам, не могло квалифицироваться как преступление. Советская сторона настаивала на том, что подобные пункты могут быть приняты лишь при условии четкого уточнения: речь идет исключительно о фашистской агрессии. Представителям СССР в Лондоне было предписано твердо возражать против спорных формулировок. Однако Великобритания и США активно отстаивали их сохранение, заручившись поддержкой французской делегации.

Руководитель американской делегации Р. Джексон настойчиво отстаивал позицию, согласно которой квалификация преступных действий не должна зависеть от того, какой стороной они совершены. 26 июля он даже направился в Потсдам, где поставил перед госсекретарем США Дж. Бирнсом вопрос о возможности создания Международного военного трибунала без участия СССР. Однако американская администрация не поддержала такой вариант. В это время ход Лондонской конференции стал предметом обсуждения на встрече «большой тройки» в Потсдаме. В принятом решении было выражено ожидание скорого достижения договоренности и подчеркнуто, что как можно более быстрое начало судебного процесса над руководителями нацистской Германии

имеет исключительное значение. По предложению советского руководства в документе Потсдамской конференции дополнительно зафиксировали, что список обвиняемых должен быть опубликован не позднее 1 сентября 1945 года.

2 августа участники Лондонской конференции смогли выработать компромиссный вариант статьи 6 Устава Международного военного трибунала, разделив ее на две части. В первой закреплялось право Трибунала привлекать к суду и назначать наказания лицам, действовавшим в интересах стран «оси» в Европе. Во второй формулировался перечень деяний, признаваемых преступными и влекущих личную ответственность виновных. В этот же день удалось достичь договоренности и по вопросу о месте проведения судебного процесса: было решено, что он пройдет в Нюрнберге, а постоянной резиденцией Международного военного трибунала станет Берлин [4, с. 41–43].

8 августа состоялось торжественное подписание Соглашения между СССР, США, Великобританией и Францией, а также Устава Международного военного трибунала. Созданный Международный военный трибунал выработал четкую стратегию работ – международную. Это означало, что страны учредители трибунала обязывались действовать в интересах всех Объединенных Наций, а также приглашали присоединиться любое из правительств Объединенных Наций. В дальнейшем Устав Трибунала получил одобрение 19 государств, которые присоединились к этому документу. Устав стал неотъемлемой частью Соглашения.

Устав Международного военного трибунала, созданного для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», состоит из 30 статей, объединенных в семь разделов: организация работы Международного Военного Трибунала; юрисдикция и основные правовые принципы; деятельность Комитета по расследованию дел и выдвижению обвинений; процессуальные гарантии, предоставляемые подсудимым; полномочия Трибунала и порядок судебных заседаний; вынесение приговора; вопросы, связанные с расходами [3, с. 89–91].

Устав закрепил три группы международных преступлений:

1. Преступления против мира – планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны либо войны, нарушающей международные договоры, соглашения или заверения, а также участие в общем плане или заговоре с целью совершения указанных действий.

2. Военные преступления – нарушения законов и обычаев войны. К ним относились убийства, пытки и угон в рабство гражданского населения на оккупированных территориях; расправы над военнопленными и людьми, находившимися на море; убийства заложников; грабеж частной и общественной собственности; разрушение городов и деревень, не оправданное военной необходимостью, и другие подобные деяния.

3. Преступления против человечности – убийства, массовое истребление, порабощение, депортации и иные акты жестокости в отношении гражданского населения как в мирное, так и в военное время, а также преследования по политическим, расовым или религиозным признакам, совершенные в целях реализации или в связи с преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Трибуна-

ла. Эти действия признавались преступными вне зависимости от того, предусматривало ли национальное законодательство страны их наказание [1].

Преступления военные и против человечности Трибунал решил рассматривать вместе. Но на практике судьи столкнулись с трудностями в уголовно-правой квалификации этого вида преступлений, однако выделенное в Уставе и Приговоре особого вида преступлений против человечности имело огромное значение. Это легло в основу принятой в декабре 1948 года Конвенции ООН по борьбе с геноцидом.

Соглашение и Устав не являются произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, он является выражением международного права, которое существовало ко времени его создания. Сформулированные и принятые в Лондоне нормативно-правовые акты, позволили провести Нюрнбергский процесс – первый в истории человечества открытый и справедливый суд Международного военного трибунала над главными военными преступниками нацистской Германии. Эффективно сочетая в себе две процессуальные системы права – континентальную и англосаксонскую, он положил начало формированию международного судоустройства и судопроизводства, а также выполнил возложенные на него задачи, несмотря на начавшийся период «охлаждения» отношений между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Список источников

1. Устав Международного Военного Трибунала от 8 августа 1945 г. // Международное право в избирательных документах. М., 1957. Т. 3.

2. Нюрнбергский процесс. Т. 7. М. : Госюриздат, 1961. 384 с.

3. Лебедева Н. С. Нюрнбергский процесс и его приговор // Вестник МГИМО. 2010. № 6. С. 75–92.

4. Фирсов С. Л. История России : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025. 417 с.

5. Нюрнбергский процесс: история и современность : сб. материалов науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н. Н. Колюки ; сост. С. В. Герасимовский, А. П. Сергеева. Симферополь : Крымский юрид. ин-т Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. Саратов : Амирит, 2021. 272 с.

6. Вступительная речь Главного обвинителя от США Р. Х. Джексона. Произнесена 21 ноября 1945 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163334-vstupitelnaya-rech-glavnogo-obvinitelya-ot-ssha-r-x-dzheksona-proiznesena-21-noyabrya-1945-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 17.09.2025).

УДК 271+2

Теняков Андрей Витальевич
кандидат философских наук
Армавирский механико-технологический институт
Армавир, Российская Федерация
An11298@yandex.ru

Чуждость протестантизма для русской души

Аннотация. *Статья предлагает глубокий анализ исторического и культурного контекста возникновения протестантизма в Западной Европе и православия в России, подчеркивая их уникальные аспекты и различия. Протестантизм, зародившийся в XVI веке, стал важной реакцией на католическую церковь и ее догматы, в то время как православие сформировалось в России на основе византийского христианства, определяя духовные и культурные устои народа.*

Ключевые слова: *православие, протестантизм, душа, традиция, чуждость.*

Tenyakov Andrey Vitalievich
Candidate of Philosophical Sciences
Armavir Institute of Mechanics and Technology
Armavir, Russian Federation

The alienness of Protestantism for the Russian soul

Annotation. *The article provides a deep analysis of the historical and cultural context of the emergence of Protestantism in Western Europe and Orthodoxy in Russia, highlighting their unique aspects and differences. Protestantism, which originated in the 16th century, was a significant reaction against the Catholic Church and its dogmas, while Orthodoxy was formed in Russia based on Byzantine Christianity, shaping the spiritual and cultural foundations of the nation.*

Keywords: *Orthodoxy, Protestantism, soul, tradition, alienness.*

Исторический контекст

Протестантизм возник в Европе в XVI веке как значительная реакция на католическую церковь и ее догматы, что стало важным этапом в истории западного христианства. Этот процесс протестантской реформации был частью более широкого контекста социально-экономических изменений, произошедших в Европе в тот период. Основные фигуры реформаторов, такие как Мартин Лютер и Жан Кальвин, стремились к очищению христианства от коррупции и злоупотреблений, что привело к возникновению множества новых протестантских конфессий и изменению религиозного ландшафта Европы.

В то же время в России православие стало базовой основой духовного и культурного развития[5]. С момента крещения Руси в 988 году православие определяло не только вероисповедание, но и систему ценностей, культурные традиции и даже политическую структуру государства. История России тесно пе-

© Теняков А. В., 2025

реплетена с православной верой, которая стала основой для формирования идентичности русского народа.

Контекст возникновения и развития православия в России отличается от западноевропейского на фоне протестантизма. Православие способствовало развитию уникального русского искусства, литературы и философии, в то время как протестантизм в Западной Европе часто ассоциировался с рационализмом и научным прогрессом [3]. В обоих случаях влияние религии на культуру и общество остается значимым, определяя не только религиозные убеждения, но также и политические, социальные и культурные традиции.

Таким образом, история протестантизма и православия демонстрирует, как религиозные течения формируют культурные и исторические контексты, в которых они развиваются, оказывая значительное влияние на судьбы целых народов.

Культурные различия

Протестантизм и православие представляют собой две крупных ветви христианства, каждая из которых имеет свои уникальные особенности, обусловленные как теологическими, так и культурными различиями. Протестантизм акцентирует внимание на индивидуальной вере и личном общении человека с Богом. Это означает, что верующие сами ищут и интерпретируют духовные истины, что способствует развитию внутреннего мира и индивидуальной ответственности.

С другой стороны, православие подчеркивает значимость общинных практик, церковных таинств и предания, что формирует коллективистский подход к вере. В православной традиции важную роль играют не только личные молитвы, но и участие в литургии, что позволяет укреплять связь не только с Богом, но и с другими членами общины. Эта культура общинного участия создает атмосферу единства и поддержки, которая считается основополагающей для православной веры [1].

Русская душа, как культурный и философский концепт, часто воспринимается как более коллективистская, что делает идеи индивидуализма, присущие протестантизму, чуждыми и даже труднопонимаемыми [2]. В российских культурах защитные механизмы, связанные с общинными ценностями и традициями, оказывают значительное влияние на мировосприятие и духовность.

Таким образом, различия между протестантизмом и православием глубоко укоренены не только в их теологических основах, но и в культурных контекстах, в которых они развивались. Эти различия формируют уникальные традиции и среди верующих, обогащая христианский опыт в разных уголках мира.

Тайны и ритуалы

Православие представляет собой глубокую и многослойную традицию, в которой ритуалы и таинства занимают центральное место в духовной жизни верующих. Среди наиболее важных таинств можно выделить крещение, исповедь и причастие, каждое из которых сопровождается определенными ритуалами и символикой, укоренившейся в истории и культуре. Эти тайны не только служат церковным обрядом, но и представляют собой возможность для верую-

щих укрепить свою связь с Богом и сообществом, что делает их важной частью православной идентичности.

Крещение, как первое таинство, открывает врата к жизни в вере. Во время этого ритуала человек обретает новое духовное рождение и становится частью Церкви. Исповедь, в свою очередь, предлагает возможность очищения и примирения с Богом, а причастие – это соединение со Христом через святые дары. Каждый из этих обрядов насыщен символикой и предназначен углубить духовное переживание и осознание веры.

Протестантизм же, в свою очередь, стремится к упрощению богослужения и индивидуальному подходу к вере, что может восприниматься как недостаток глубины по сравнению с православными традициями. Ритуалы и таинства в протестантизме зачастую ограничены до нескольких обрядов, которые акцентируют внимание на личных отношениях с Богом, а не на церковных церемониях. Это приводит к различиям в понимании и практике веры, где акцент смещается на внутренние переживания и индивидуальное спасение.

Некоторые сторонники протестантизма могут утверждать, что упрощение богослужений делает их более доступными для широкой публики, однако критики подчеркивают, что такая упрощенность может лишить верующих глубоких духовных традиций и ритуалов, которые наполнены смыслом и историей. В то время как тайны православия формируют крепкие основы сообщества и духовности, протестантизм предлагает более личный и менее формализованный подход, что вызывает дискуссии о роли ритуалов в современной религиозной практике.

Таким образом, православие и протестантизм представляют собой два различных подхода к вере, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки, формируя уникальные традиции и культурные контексты.

Мировосприятие

Протестантизм и русская духовная традиция представляют собой два различных подхода к вере, которые могут быть восприняты как противоположные в контексте их акцентов на рационализме и мистицизме [4]. Протестантизм, в значительной степени сосредоточенный на рациональном анализе Священного Писания и личном отношении человека к Богу, часто подразумевает логичный и систематичный подход к вере. Этот акцент на рационализме может привлекать людей, стремящихся найти ясные и четкие ответы на свои вопросы о Боге, о жизни и о смысле существования.

В противоположность этому, русская духовная традиция пронизана глубоким мистицизмом и символизмом, который включает в себя элементы, направленные на переживание трансцендентного, выходя за рамки рационального понимания. Эта традиция обогащена богатым опытом божественного присутствия, которое выражается через ритуалы, иконы, молитвы и таинства. Мистицизм, присущий русскому православию, способствует глубокому внутреннему сопереживанию и единению с Богом, что может вызывать отторжение у сторонников протестантских традиций, привыкших к более логичному и рациональному подходу к вере.

В результате, различия между протестантизмом и русской духовной традицией могут привести к недопониманиям и различным восприятиям веры. Протестантская акцентуация на рационализме порой не позволяет оценить богатую внутреннюю жизнь, предлагающуюся русским православием, где мистицизм и символика играют решающую роль. Так, важно учитывать, что каждая из этих традиций имеет свои уникальные аспекты и предлагает разные пути к пониманию божественного, тем самым обогащая многообразие христианской духовности в целом.

Социальная структура

Православие характеризуется богатой иерархией духовенства, которая служит основой для формирования устойчивой социальной структуры внутри вероисповедания [6]. Эта иерархия, начиная с патриархов и архиереев и заканчивая простыми священниками и диаконами, способствует не только организации церковной жизни, но и созданию ощущения единства среди верующих. Каждый уровень духовенства выполняет свои функции, поддерживая связь между церковью и прихожанами, что в свою очередь укрепляет общинные узы и способствует более глубокому духовному взаимодействию.

В отличие от православной традиции, протестантизм, особенно в его евангелических направлениях, часто демонстрирует более «разрозненную» структуру. Это может быть воспринято как недостаток единства, так как протестантские общины часто работают независимо друг от друга, каждая из которых имеет свои уникальные вероучения и практики. В некоторых случаях это приводит к неопределенности в социальной структуре, где отсутствуют четкие иерархические связи между различными группами верующих. Таким образом, для многих людей протестантизм может казаться менее организованным и, следовательно, более трудным для восприятия.

Тем не менее, несмотря на внешние различия, обе традиции стремятся к одной и той же цели – углублению веры и нравственного совершенствования, что подчеркивает уникальность каждой из них. Важно помнить, что социальная структура, независимо от конфессии, играет ключевую роль в формировании идентичности и принадлежности к религиозной общине.

Заключение

Таким образом, чуждость протестантизма для русской души может быть объяснена совокупностью культурных, исторических и религиозных факторов. Это создает уникальный контекст для восприятия различных течений христианства в России.

Протестантизм, зародившийся в Западной Европе в XVI веке, нес в себе идеи, которые противоречили укоренившимся традициям православия. В то время как русская православная церковь акцентировала внимание на таинствах, святости обряда и авторитете церковной иерархии, протестантизм подчеркивал индивидуальность веры, личное отношение к Богу и важность Библии как единственного источника божественного откровения. Это различие в подходах к вере создавало определенную дистанцию и недопонимание между двумя традициями.

Исторические факторы также играли свою роль. Россия на протяжении веков сохраняла свои уникальные культурные и религиозные традиции, которые формировались под влиянием византийского христианства и многовековой борьбы с западными влияниями. Эти исторические контексты определяли не только отношение к другим религиозным течениям, но и общую психологию российского народа, который воспринимал православие как неотъемлемую часть своей идентичности.

Культурные аспекты также не следует недооценивать. Русская культура, пронизанная православными традициями, стереотипами и образами, сформировала целый ряд представлений о Боге и вере, которые зачастую значительно отличаются от протестантских. Эти культурные коды, которые передавались из поколения в поколение, затрудняют адаптацию протестантизма в российском контексте.

В заключение отметим, что протекание протестантизма в России невозможно рассматривать изолированно от сложной сети взаимодействий культурных, исторических и религиозных факторов. Для более глубокого понимания уникальности русской души необходимо учитывать эту многогранность и сложность, которая делает протестантизм чуждым явлением для большинства русских. Этим объясняется, почему протестантские идеи не нашли широкого отклика в сердцах и умах русского народа, и как до сих пор сохраняется большая доля приверженности традиционным православным ценностям.

Список источников

1. Зальцман Т. В. Приходская община как основание развития социального служения // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 189–215.

2. Колесов В. В. Русская душа // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-dusha (дата обращения: 17.09.2025).

3. Осипов С. К. Социально-политические традиции православия и протестантизма в условиях модернизации российской государственности : дис. … канд. филос. наук. Пятигорск, 2011. 180 с.

4. Суховский А. В. Русский протестантизм и российская культура // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2, № 1. С. 187–196.

5. Цу Ц. Роль православия в формировании русской культурно-цивилизационной идентичности // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5(85). С. 151–156.

6. Чжу С. Церковная иерархия русского православного духовенства // Миссия конфессий. 2022. Т. 11, № 8(65). С. 54–60.

УДК 342.56

Трофимова Алина Максимовна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lina.trofimova.04@list.ru

Роль судебной власти в защите традиционных ценностей

Аннотация. *В данной статье исследуется роль судебной власти в защите и сохранении традиционных ценностей в современном государстве. Анализируя правовые и философские основания для вовлечения судов в этот процесс, рассматривая судебную власть не только как субъект права, который интерпретирует нормы права, а как гаранта стабильности общественно-нравственного консенсуса. В работе выделяются основные механизмы судебной защиты: конституционный контроль, толкование законов в соответствии с традиционными ценностями, а также правоприменительная практика по семейным, гражданским и уголовным делам. На примерах из судебной практики Конституционного Суда РФ и судов общей юрисдикции очень хорошо видно, как правовые принципы сочетаются с традиционными устоями общества. Статья также затрагивает аспекты, связанные с балансом между защитой традиций и соблюдением индивидуальных прав и свобод человека. Делается вывод о том, что судебная власть, действуя в рамках правового поля, выполняет стабилизирующую и интегрирующую функцию, обеспечивая преемственность культурной и нравственной идентичности нации.*

Ключевые слова: *судебная власть, традиционные ценности, конституционный контроль, общественная нравственность, государственный суверенитет, Конституционный Суд РФ, российское законодательство.*

Trofimova Alina Maksimovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The Role of the Judiciary in Protecting Traditional Values

Annotation. *This article explores the role of the judiciary in protecting and preserving traditional values in a modern state. By analyzing the legal and philosophical foundations for involving the judiciary in this process, the article views the judiciary not only as a legal entity that interprets legal norms, but also as a guarantor of the stability of social and moral consensus. The article highlights the main mechanisms of judicial protection, including constitutional review, the interpretation of laws in accordance with traditional values, and the application of law in family, civil, and criminal cases. Examples from the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and general jurisdiction courts show very clearly how legal principles are combined with the traditional foundations of society. The article also addresses aspects related to the balance between protecting traditions and respecting individual human rights and freedoms. It is concluded that the judiciary, acting within the legal framework, performs a stabilizing and integrative function.*

Keywords: *judicial power, traditional values, constitutional control, public morality, state sovereignty, Constitutional Court of the Russian Federation, Russian legislation.*

© Трофимова А. М., 2025

Современный миропорядок характерен динамичными и противоречивыми процессами глобализации, которые ставят перед национальными государствами вызовы, связанные с сохранением собственной культурной и ценностной идентичности. В данном понимании понятие «традиционные ценности» приобретает не только культурологическое, но и правовое значение, становясь объектом защиты со стороны государства. Если роль законодательной и исполнительной власти в этом процессе (через принятие соответствующих нормативных актов и реализацию государственной политики) очевидна, то функция судебной власти требует отдельного глубокого осмысления.

Судебная власть, является независимой и подчиняется только закону, традиционно рассматривается как арбитр, разрешающий споры на основе правовых норм. Однако в условиях, когда сами нормы могут иметь оценочный характер или допускать широкое толкование, судья неизбежно становится субъектом, чьи решения влияют на ценностные ориентиры общества. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления и практического анализа роли судов в формировании и защите ценностного фундамента, на котором основано государство.

Целью статьи является комплексный анализ роли судебной власти в механизме защиты традиционных ценностей в Российской Федерации.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Раскрыть правовое содержание понятия «традиционные ценности» в российском законодательстве и юридической доктрине.

2. Выделить и охарактеризовать основные механизмы и инструменты, используемые судебной властью для защиты этих ценностей.

3. Проанализировать конкретные примеры из судебной практики, прежде всего Конституционного Суда РФ, иллюстрирующие данный процесс.

4. Обозначить проблемные аспекты и найти баланс между защитой традиций и обеспечением прав и свобод личности.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования) методы познания.

Перед тем как начать анализировать роль судебной власти, необходимо определить объект защиты. Понятие «традиционные ценности» не является формализованным в позитивном праве, однако оно прочно вошло в юридический и политический дискурс.

В Российской Федерации на концептуальном уровне система традиционных ценностей закреплена в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809) [6]. К ним относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

На законодательном уровне эти ценности получают конкретизацию. В Семейном кодексе РФ закреплен принцип приоритета семейного воспитания детей, защита института брака как союза мужчины и женщины [8]. В Стратегии национальной безопасности РФ сохранение традиционных ценностей определяется как один из ключевых факторов безопасности страны. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» [7] (ст. 14.1) вводит понятие «защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», что напрямую связано с защитой нравственных ценностей.

Таким образом, суды, применяя право, опираются не на абстрактные представления, а на систему ценностей, получивших прямое или косвенное нормативное воплощение. Их задача – интерпретировать и применять частные правовые нормы в русле этих общих установок.

Судебная власть реализует свою охранительную функцию через несколько ключевых механизмов.

Основным видом контроля является конституционный контроль. Конституционный Суд РФ играет главную роль в легитимации и интеграции традиционных ценностей в правовое поле. Через проверку конституционности законов и их толкование Конституционный Суд РФ фактически формирует ценностно-правовую парадигму. Суд подчеркнул, что традиционная концепция брака соответствует «исторически сложившимся и устоявшимся в обществе духовным, нравственным, культурным ценностям народов России» и защищается государством.

В Определении от 19.01.2017 № 37-О КС РФ прямо указал, что «традиционные семейные ценности, а также интересы ребенка… сами по себе представляют конституционную ценность» и являются основанием для ограничения некоторых прав, если они вступают с ними в противоречие.

Немаловажной функцией судов является, толкование законов. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды, сталкиваясь с неопределенностью правовых норм, часто прибегают к их толкованию через традиционные ценности. Это особенно характерно для споров в области семейного права (о порядке общения с детьми, о месте жительства ребенка, лишении родительских прав), где судья, руководствуясь принципом «верховенства интересов ребенка», применяет традиционные представления о семье, воспитании и морали.

Стоит рассмотреть такой механизм как правоприменительная практика по конкретным категориям судебных дел.

Защита чести и достоинства: Суды, удовлетворяя иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, часто исходят из традиционных представлений о морали и нравственности, особенно когда речь идет о публичных оскорблениях или клевете.

Уголовное судопроизводство: При назначении наказания суды в соответствии со ст. 6 УК РФ (справедливость) и ст. 61 УК РФ (смягчающие обстоятельства) учитывают обстоятельства дела, которые могут отражать традиционные ценности (например, стечение тяжелых жизненных обстоятельств, противоправность поведения потерпевшего).

Наиболее сложной задачей для судебной власти является нахождение справедливого баланса между защитой коллективных традиционных ценностей и обеспечением индивидуальных прав и свобод человека, гарантированных Конституцией РФ. Критики часто указывают на риск использования концепции «традиционных ценностей» для оправдания дискриминационных практик или необоснованного ограничения прав.

Судебная практика демонстрирует найти этот баланс. Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал, что защита традиционных ценностей не должна приводить к отрицанию самих основ конституционного строя, среди которых – признание человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Задача суда в каждом конкретном случае – провести взвешенную оценку и установить, является ли ограничение прав соразмерным и преследующим конституционно значимую цель (в данном случае – защиту нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц).

Например, ограничения, связанные с защитой детей от вредной информации, признаются оправданными, поскольку направлены на обеспечение прав и интересов наиболее уязвимой группы [5]. В то же время любые попытки ограничить права взрослых и дееспособных граждан, апеллируя лишь к абстрактным традициям без конкретной правовой цели, вряд ли будут признаны судом легитимными.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что судебная власть играет и многогранную роль в защите традиционных ценностей в Российской Федерации. Эта роль выходит далеко за рамки простого применения закона.

Во-первых, суды, и в первую очередь Конституционный Суд РФ, выступают в качестве легитимирующего органа, придающего традиционным ценностям статус конституционно значимых ориентиров, на которые должна ориентироваться вся правовая система. Во-вторых, суды являются активным интерпретатором, наполняющим абстрактные правовые нормы конкретным ценностно-нравственным содержанием, адекватным историческому и культурному контексту российского общества. В-третьих, через разрешение тысяч конкретных споров (семейных, гражданских, административных, уголовных) суды общей юрисдикции выступают в роли непосредственного защитника этих ценностей на повседневном уровне, обеспечивая их практическую реализацию и охрану.

Таким образом, судебная власть является не пассивным наблюдателем, а ключевым субъектом в процессе формирования и защиты ценностного суверенитета государства. Ее деятельность обеспечивает необходимый баланс между стабильностью традиционных устоев, без которых невозможно устойчивое развитие общества, и динамичным развитием правовой системы, гарантирующей свободу и права каждой личности. Дальнейшее развитие этого баланса будет оставаться одной из главных задач российской судебной системы в перспективе.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность М. : РЮИД, 2020. 367 с.

2. Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.): Очерки теории и практики. М. : Городец-издат, 2019. 288 с.

3. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М. : Норма, 2019. 416 с.

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025).

5. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М. : Юрайт, 2022. 305 с.

6. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Рос. Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025).

7. По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 4, пункта 3 части второй статьи 24 и пункта 3 части первой статьи 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки С. В. Фельдшеровой : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23.09.2014 № 24-П. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025).

8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 24.02.2021). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 321.015: 321.11

Федоров Владислав Глебович
преподаватель и аспирант кафедры всеобщей истории,
политологии и регионоведения
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
г. Саранск, Российская Федерация
thisisvladislav@mail.ru

Концептуальная природа патерналистских отношений в период царствования российского императора Николая I

Аннотация. *В фокусе внимания зарубежной и отечественной социально-политической философской мысли находится проблематика исследования патерналистских отношений в сфере государственного управления. Обращение к дискурсу патерналистских отношений начинает путь с рассуждений мыслителей древности: древнекитайская (конфуцианская) и античная мудрость. Особый интерес представляет не столько философский разбор сущности патернализма, сколько его диахронное проявление. В статье затрагивается эпоха Николаевкой России середины XIX столетия, как период консолидации концепта*

© Федоров В. Г., 2025

патерналистских отношений в государственном управлении Российской империи. Был проведен критический анализ противоречивых исходов Николаевской политики жесткого патернализма. В результате, отмечены негативные последствия политики жесткого патернализма в нарушении установившегося «контракта опекунства» между властью и обществом.

Ключевые слова: *патернализм, государственный патернализм, жесткий патернализм, насильственный патернализм, Николаевский патернализм, покровительство, иждивенчество, великодержавность, централизация.*

Fedorov Vladislav Glebovich
Lecturer and Postgraduate, Department of General History,
Political Science and Regional Studies
Mordovian State University named after N. P. Ogarev
Saransk, Russian Federation

The conceptual core of paternalistic relations during the reign of the Russian Emperor Nicholas I

Annotation. *The focus of attention of foreign and domestic socio-political philosophical thought is the problematic of the study of paternalistic relations in the sphere of public administration. The appeal to the discourse of paternalistic relations begins with the reasoning of ancient thinkers: ancient Chinese (Confucian) and antique wisdom. Of particular interest is not so much the philosophical analysis of the essence of paternalism, but its diachronic manifestation. The article touches upon the era of Nikolaev Russia in the mid-19th century, as a period of consolidation of the concept of paternalistic relations in public administration of the Russian Empire. A critical analysis of the contradictory outcomes of the Nikolaev policy of strict paternalism was carried out. As a result, the negative consequences of the policy of strict paternalism in violating the established "guardianship contract" between the government and society were noted.*

Keywords: *paternalism, state paternalism, hard paternalism, violent paternalism, Nikolaev paternalism, patronage, dependency, great power, centralization.*

Введение. Практика патерналистских отношений, ядром которых стала «властная плазма» – персонифицированная власть самодержца как высшей апелляционной инстанции в вопросе всеобъемлющего покровительства над подданными, установилась и утвердилась в России с древнейших времен. Укрупнение роли патернализма в «контракте» вертикального диалога между государством и обществом сопровождалось процессом становления в истории Отечества абсолютного монаршего режима. Отчет данной естественно-исторической трансформации государственной формы управления берет начало с царствования Петра I Великого. В это время определилась сущность великого смирения русского человека перед ликом самодержавия, что являлось обратной стороной народной гордости. Вся безграничная преданность русского человека государству, надежда на справедливость, облегчение участи бремени, сводились к личности государя, затуманенной аурой народной сказки [20, с. 144]. Великодержавность и имперское сознание – величайшая фактура русской ценностно-смысловой конструкции. Сформировалась основа русской коллективной идентификации – сильное государство во главе с авторитарным лидером. Имперский этатизм и слабо структурированный диалог государя с обществом.

Историки Ю. Н. Лапыгин и Я. Л. Эйдельман, подчеркивали, что общество, чья ментальность и «привычка» заключены в несостоятельности жить без всеобъемлющей опеки со стороны государства, способствует бесконтрольной мистификации роли государства и культивированию образа самодержца. На этом фундаменте рождается новая мифологическая форма идеологии [16]. Н. А. Бердяев обратил внимание, что «человеку массы свобода не нужна»; образованная устойчивая система социально-психологических откликов и модель «суверенной культуры» нашли признание среди императорского двора, феодальной элиты, а также в большинстве крестьянских общин [4, с. 287].

Перед публикацией стоит цель анализа дискурса патерналистского характера отношений в период царствования российского императора Николая I.

Обзор литературы. В целом, исследование проблематики патернализма восходит еще к древнекитайской и античной философии. В классической западной социально-политической мысли о системе патерналистского властвования писали: Аристотель [1], Р. Филмер [19], Дж. Локк [17], И. Кант [15], Дж. С. Милль [18]. Во второй половине XX столетия, в труде Д. Дворкина «Патернализм» (1972) [26], зарождается полноценное теоретическое направление по изучению патерналистских отношений. В отечественной литературе к анализу патернализму обращались: П. Н. Савицкий [22], Н. А. Бердяев [3–4], И. А. Ильин [12], А. Ш. Кадырбаев [13]. С психологической точки зрения патернализм рассматривался в публикациях Т. И. Бонкало [5], Е. Н. Белинской и С. А. Литвиной [2]. Фокус анализа патернализма как института нашел отражение в работах философа Н. В. Шушковой [25]. Особый спектр исследований новейших форм проявления «мягкого патернализма» наиболее активно обсуждается среди идеологов так называемого «либертарианского патернализма», среди которых можно выделить А. Я. Рубинштейна и А. Е. Городецкого [21]. Особое внимание представляют непосредственные исследования ученой Т. Ф. Ермоленко в оптике «николаевского патернализма» [9–11].

Результаты исследования. Апогеем абсолютизации патерналистских отношений стала политика императора Николая I. Особый тон исторических обстоятельств повлиял на поведение императора, которое послужило драйвером всей политической жизни Российской империи в 20–40-х гг. XIX в. Личность самого Николая Павловича выдавала в нем рьяного милитариста: военная муштра, высокая дисциплинированность, подотчетность и ответственность. Императору была уготована роль военного генерала при братьях Александре Павловиче или Константине Павловиче. У Николая I не было особого соблазна становиться императором-самодержцем. Однако неожиданная смерть Александра I и события 14 декабря 1825 г. поменяли ход отечественной истории.

Декабристское восстание предоставило повод новому императору свернуть надежды на либеральный курс развития России: были законсервированы проекты создания Уставной грамоты Российской империи (конституции), отброшен план отмены крепостного права, отложен в «долгий ящик» макет-прообраз парламента Российской империи и др. Совокупность всех факторов предопределил характер установки в действиях Николая I как строгого, но справедливого «отца» большого семейства. Российское государство вернулось

к временам допетровских реформ, когда правительственные силы стали открыто использовать мифологемы традиционализма, народного единства и поддержки общественных масс.

Почвенническо-охранительный консерватизм возвеличивал духовные практики нравственных заповедей в противовес юридическим нормам. В этой схеме – монарх становился гарантом общественных нравов и проекцией имиджа идеального православного человека. Перед образованной элитой российского государства сложилось и укрепилось представление, что самодержавие как форма правления благочестива и легитимна, тогда и только тогда, когда верховный властитель поощряет иждивенчество подданных, защищает их интерес и улучшает жизнь общества.

В годы правления Николая I кроме сохранения «нравственной чистоты» требовалось балансировать между бурной технической модернизацией и традиционализмом. Промышленный переворот казался угрозой для императорской власти, так как любой технический скачок мог высвободить либеральные или радикальные течения из-под узды III Отделения Собственного Е. И. В. Канцелярии. Воцарение Николая I проходило через призму личностной травмы: жестокое подавление декабристского мятежа поставило крест не только на демократическом преобразовании российского государственного устройства, но и на технологическом развитии [10, с. 36].

Резкий рост строительства в Европе железнодорожного полотна, которое явилось эпохальным символом успеха XIX столетия, стержнем форсированной капиталистической реконструкции и условием создания нового общества, на территории России воспринимался со скепсисом. В Российской империи идея строительства железной дороги впервые обсуждалась 8 июня 1826 г. в кулуарах Главного управления водяными и сухопутными путями сообщения. На рубеже 20–30-х гг. XIX в. вопрос о создании нового вида транспорта не раз поднимался среди сторонников интенсивного прогресса. Император Николая I, кабинет министров и весь бюрократический аппарат критически оценивали инициативу строительства железной дороги. Отец империи диктовал правила игры, даже если они были абсолютно иррациональные. Политическая элита недооценивала влияние путей сообщения на уровень развития государства и общества. Любое высказывание против генеральной линии императорской фамилии жестко цензурировалось. Детищем эпохи стало принятие в 1826 г. «Нового Устава о цензуре» под авторством министра народного просвещения А. С. Шишкова. В народе этот устав был прозван «чугунным», так как декларировал жесткий ценз уже цензурированных публичных материалов. Граф С. С. Уваров подчеркивал, что устав был крайне неудобен в практическом применении по причине наличия множества дробных правил и разночтений.

Фрейлина императорского двора (и дочь поэта Ф. Тютчева) Анна Фёдоровна Тютчева давала следующую оценку императору: «Николай I был Дон Кихотом самодержавия, Дон Кихотом страшным и зловредным… Этот человек, соединявший… сердце горячее и нежное и ум возвышенный и просвещенный… мог быть для России тираном и деспотом, душившим в управляемой им стране проявление инициативы и жизни». “Quod licet Iovi, non licet bovi” – так

можно охарактеризовать стремительный фанатизм императора. Его самодержавие, дарованное милостью Бога, означало неисчерпаемую догму – служение праведности и чистоте, святости Руси и православной веры. Все, от чего защищать нужно самодержавие, так о посягательства чуждого либерализма и рационализма души. Такова была миссионерское устремление Николая I. «Всякая новая неудача – горький упрек, бросаемый на его могилу. Обвиняют его в чисто личной политике, которая ради удовлетворения его собственного самолюбия, ради достижения европейской славы отказалась от исторических традиций России, предала наших братьев, православных славян, и превратила в полицеймейстера Европы государя, который мог и должен был возродить Восток и церковь. Винят в нем его гордыню, которая внушила ему ненависть ко всему, что было мыслящего и до известной степени независимого… Он считал себя призванным подавить революцию. Ее он преследовал всегда и во всех видах» [23].

Кристаллизация патерналистски-охранительной доктрины, которая только укрепила позиции Николая I, стала возможной благодаря созданной в 1833 г. министром народного просвещения С. С. Уваровым «Теории официальной народности». Знаменитая формула «Православие, Самодержавие, Народность» звучала как антитезис французскому либеральному лозунгу «Свобода, Равенство, Братство». Концепция С. С. Уварова артикулировала интерес императорской фамилии, политических элит и всего русского интеллигентного общества к самобытной русской культуры, уникальности русской народности, формировала особый исторический путь развития российского общества под крылом православной веры, самодержавия и народной воли. Идеология «официальной народности» должна была стать альтернативой западноевропейским доктринам, чтобы оправдывать реакционные решения императора Николая I [11].

Аналогичная парадигма отражалась в элитарном политико-философском клубе славянофилов. Западничество в идеях славянофилов являлось суррогатом всех враждебных ценностей для русского человека. А. С. Хомяков полемизирует, что Западной Европе не удалось выразить христианский идеал, так как людей поглотила чума рационализма и утилитаризма: Запад предпочел форму, нежели содержание, иначе говоря, «внешнее устроение» жизни ее внутреннему смыслу. Тогда как Россия за всю историю своего существования не смогла прикоснуться к этому идеалу [8]. Славянофилы видели формой для идеального общества нравственное, разумное и развитое государство. Построение такого государства возбудит у русской нации стремление к осуществлению своей великой миссии. Россия должна была возглавить центр мировой цивилизации, стать манящим, запретным плодом, во всем духе Библейского сказания. По оценке Н. А. Бердяева, славянофильство представляет собой аналог «первой автономной русской идеологии» [4, с. 135].

Некоторый фанатизм, свободная трактовка Священного писания, идеализация схемы возвышения России расходились с реальным положением дел. Спекуляции славянофилов на чувствах либералов и консерваторов превратили течение в сборник антонимичных взглядов, которые не несли практической значимости, но легитимировали режим Николая I. По утверждению Н. А. Бер-

дяева, у историко-философского процесса А. С. Хомякова «есть религиозно-нравственные предпосылки, но нет провиденциального плана» [3, с. 154]

По выражению Т. Ф. Ермоленко, в России оформился гувернаментализм – политический авторитарный режим с опорой на надежный чиновничий аппарат государственного управления, где государство выступает гувернером (патроном) над народом, использует не только силу, но и нравственное право власти [10]. Полицеизм, государственное принуждение и насилие состояло в симбиозе с духовной солидарностью социума. В отличие от других периодов отечественной истории, когда государственный патернализм предполагал, что патрон вынужден выполнять опекунские обязательства перед народом, Николаю I удалось оправдывать ошибки собственного управления через идеологию «официальной народности». Все западные новшества представляли собой угрозу русской самобытности, которым не следует уподобляться. Император избавлял народ от чуждых духовных ценностей, проявлял заботу к своему безропотному населению. Сознательное торможение промышленного переворота – оплот трудов Николая I, так как, по его излюбленному мнению, России был уготован другой, особый путь исторического развития [9].

Николай I как закоренелый военный способствовал выжимке всех экономически активных ресурсов для возведения мощной и боеспособной армии. Вооруженные силы и жандармерия были факторами сдерживания внутриполитической неоднородности и внешнеполитическим столпом противодействия народных революций. Европейские революции являлись истинным страхом императора. При Николае I Российская империя взяла на себя ответственность подавлять любое рациональное движение, отчего получила статус «жандарма Европы». Император возомнил себя не просто отцом нации, а покровителем целого Европейского мира: порочного, бунтующего, циничного и эгоистичного [10, с. 38].

Колоссальные расходы на армию, чиновничий аппарат и полицейщину приводили государственный бюджет к банкротству. Расточительство на объекты, которые не приносили дополнительной прибавочной стоимости, производили огромный дефицит. Промышленное развитие находилось в состоянии стагнации, если не рецессии. Инвестирование в строительство железнодорожных путей сообщения и иных объектов инфраструктуры сознательно тормозилось. Противниками новшеств оставался не только император, но и министр финансов Е. Ф. Канкрин вместе с министром путей сообщения графом К. Ф. Толь.

Е. Ф. Канкрин выдвигал весьма логичные возражения против строительства железнодорожных путей: казна не могла финансировать такие дорогие суперпроекты; железная дорога не представлялась предметом естественной необходимости, которая только принудит людей к изрядному перемещению с места на место; люди будут находиться в состоянии ожидании товаров, нежели самим участвовать в процессе его производства. Кроме того, новый вид транспорта грозился перевернуть общественную иерархию, поскольку он приведет к «равенству сословий, так как и сановник и простак, барин и мужик поедут, сидя рядом в одном посаде» [24].

К. Ф. Толь упирал на то, что железная дорога сулит поколебать вековечные устои России, поскольку они есть инструмент самого демократизма, какое только можно было придумать для реформирования государства [24].

Как писала в своей монографии А. М. Соловьева, советник главноуправляющего путями сообщения, генерал-лейтенант корпуса инженеров путей сообщения М. Г. Дестрем выступал против развертывания строительства железнодорожных линий. Он запретил инженерам и экспертам, которые работали в ведомстве путей сообщения, категорически распространять информацию в защиту строительства железнодорожного полотна. В кабинете министров звучал вердикт: «железная дорога принесет в Россию дух иностранный». Официальная позиция министерства путей сообщения и кабинета министров – неприязнь к строительству железнодорожных путей [22].

Однако были вольнодумцы, которые выступали «за» строительство железных дорог. В. П. Гурьев, М. С. Мордвинов и М. М. Сперанский лоббировали проекты по созданию новой отрасли транспорта [8]. Полноценное серьезное строительство жизненной дороги стало возможно благодаря австрийскому инженеру Ф. А. фон Герстнеру. В 1835 г. Франц Герстнер подал прошение на стол императора Николая I с убедительными заявлениями, чтобы развеять его консервативное мнение. В записке отражались как инженерно-технические аспекты преимущества железнодорожных путей, так и дополнительные аргументы, которые могли задеть тщеславие российского императора. Во-первых, Франц Герстнер подчеркнул, Россия как Величайшая держава до сих пор не обзавелась железной дорогой. В Соединенном Королевстве железная дорога была построена еще в 1825 г. Пока в России размышляли о ценности железных дорог, в Европе уже строили. Во-вторых, австрийский инженер искренне понимал милитаристскую подноготную императора. Он привел пример с действиями английского правительства перебросить военные соединения по железнодорожным путям из Манчестера в Ливерпуль для следования в Ирландский Дублин. На маневр ушло 2 часа пути. Император Николай I согласился с доводами. Активизировалось строительство первой ветки: Царское Село – Санкт-Петербург [6, с. 185].

Кроме самих железных дорог, России необходимо было нарастить целое промышленное производство паровозов. По мнению историка В. С. Виргинского, император не испытывал доверия к отечественным инженерам, чтобы поручать им создание такого сложного инженерного сооружения. Николай I заручился помощи у Ф. Герстнера «отыскать опытных и знающих» людей-иностранцев. Каждый кандидат проходил через проверку «спецслужб» А. Х. Бенкендорфа [7, с. 27]. Были закуплены локомотивы: два с завода Стефенсона («Проворный» и «Лев»), три с завода Хакуорта («Стрела», «Орел», «Слон»), один с завода Коккериля («Россия» – бывш. «Богатырь») и один с завода Тейлора («Вадим») [6, с. 187].

Царскосельская дорога была введена в эксплуатацию в октябре 1837 г. Как подчеркивали многие историки, самих Романовых на открытии железнодорожного пути не было. В 1839 г. Франц Герстнер покинул Россию и уехал в США. Железнодорожная отрасль досталась под управление жандармерии во

главе с А. Х. Бенкендорфом. Под руководством «силового блока» развитие железнодорожного транспорта в России приостановилось. Любая попытка продвинуть проект строительства железнодорожных путей по частной инициативе (Д. Кочубей, П. А. Клейнмихель) – приводила императора в бешенство [24].

По причине небывалой гиперопеки со стороны Николая I от «гнусной» европейской модернизации Российская империя стала чрезвычайно сильно отставать по техническому развитию. Проблема состояла в страхе перемен и революции. Правительство всеми силами стремилось пролонгировать существующую политико-культурную незыблемость, чтобы отсрочить неизбежное – фундаментальные изменения государственного устройства. В 30–40-х гг. XIX в. военное оснащение происходило медленно. Построенный корабль в конце 40-х гг. по инженерно-техническим характеристикам ничем не отличался от фрегата эпохи Петра Великого. Отсутствие современного вооружения, развитой военной инфраструктуры, логистики, включая сохранение пресловутых военных поселений – факторы катастрофического поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. Противоборство с европейскими державами продемонстрировали необходимость кардинальных перемен. Это способствовало также резкая смерть императора Николая I. Как писал В. О. Ключевский: «Узнав о смерти императора Николая I, Россия вздохнула свободнее. Это была одна из тех смертей, которые расширяют простор жизни» [14].

Обсуждение и заключение. В итоге, подчеркнем, Николаевская эпоха привнесла в содержательное насыщение отечественного государственного патернализма немало новшеств. Патернализм всецело поощрял властецентризм, пассивность подданных вольно «ленивым холопам», иждивенчество и подавление инициативности как это было встарь. Несмотря на это, российская социально-политическая мысль стремилась вырваться из «порочного круга» в пользу западно-модернизационной модели цивилизационного развития. Активность, и в некотором роде сопротивление власти, части дворянкой интеллигенции в вопросе предложений новшеств в управление государством, вызывала неодобрение, критику и реакцию со стороны правящего императорского дома. Философы подчеркивали, государству должна быть возложена функция воспитания автономного, правоосознанного и ответственного гражданина. Ответные меры императора способствовали нагромождению насилия, и как следствие, запугивание и подавление. Николай I элиминировал многовековой негласный вертикальный «контракт», где отношения между патерналистом и подданными были устроены: на взаимном доверии и выполнении взаимных обязательств, участии «отца» в благоразумной заботе, обеспечение стабильности строя. Принуждение к труду, тяглое обременение, нарушение баланса естественно-исторического процесса развития – заслуга императора Николая I. Политика жесткого патернализма привела ко многим поражениям России. Частично кризис имперской власти Романовых затормозился при Александре II, который внес существенный вклад к воспитанию автономного гражданина, а также укреплению вертикального «контракта» между властью и обществом. Тем не менее, зерно в традиции государственного управления было посеяно. Постнико-

лаевская императорская власть стала постепенно терять патерналистскую легитимацию.

Список источников

1. Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелев. М. : АСТ, 2024. 384 с.
2. Белинская Е. П. Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 63–70.
3. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. М. : Путь, 1912. 231 с.
4. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Сов. писатель, 1990. 346 с.
5. Бонкало Т. И. Закономерности и механизмы социально-психологического патернализма: на примере патернальных отношений школы и семьи : автореф. дис. … д-ра психол. наук. М. : Московский городской психол.-пед. ун-т, 2011. 50 с.
6. Виргинский В. С. Возникновение русских железных дорог и железнодорожный вопрос в России до начала 40-х годов XIX века. М. : Типолитогр. ВАФ, 1949. 31 с.
7. Виргинский В. С. История техники железнодорожного транспорта. М. : Трансжелдориздат, 1938. Т. 1. 216 с.
8. Гурьев В. П. Об учреждении торцовых дорог и сухопутных пароходов в России посредством компании. СПб. : Тип. Э. Праца и К°, 1836. 92 с.
9. Ермоленко Т. Ф. Патернализм в политической культуре России // Российская историческая политология. М. : Феникс, 1998. 167 с.
10. Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России: культурологический анализ: специальность 24.00.01 «Теория культуры» : автореф. дис. … д-ра филос. наук. Ростов н/Д. : Ростовский гос. ун-т, 2000. 38 с.
11. Ермоленко Т. Ф. Патерналистические традиции российской политической культуры // Власть. 2001. № 1. С. 66–69.
12. Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.
13. Кадырбаев А. Ш. Османская и Российская империи: общее византийское и золотоордынское наследие // Восток. 2003. № 2. С. 145–148.
14. Кандель Ф. Очерки времен и событий: Из истории российских евреев. М. : Слово, 1992. 195 с.
15. Кант И. Сочинения : в 8 т. М. : ЧОРО, 1994. Т. 8. 718 с.
16. Лапыгин Ю. Н. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М. : Наука, 1996. 109 с.
17. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. М. : Социум, 2019. 482 с.
18. Милль Дж. С. О свободе. М. : Юрайт, 2023. 128 с.
19. Мишура А. С., Павлов А. В. «Патриархия»: политическая философия Роберта Филмера // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2014. № 1. С. 92–105.
20. Нестеров Ф. Ф. Связь времен: Опыт исторической публицистики. М. : Мол. гвардия, 1987. 237 с.

21. Рубинштейн А. Я., Городецкий А. Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журнал институциональных исследований. 2018. № 10. С. 38–57.

22. Савицкий П. Н. Россия – особый географический мир: 1. Континент-океан. 2. Географический обзор России – Евразии. Прага : Евразийское кн. изд-во, 1927. 68 с.

23. Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М. : Наука, 1975. 315 с.

24. Царскосельская железная дорога: 26 километров пути в будущее // Комсомольская правда. URL: https://regions.kp.ru/spb/put-v-budushhee/?ysclid=lv82e3m3po531836646 (дата обращения: 03.09.2025).

25. Шушкова Н. В. Этот ускользающий патернализм: попытка построения концепции // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 39–57.

26. Dworkin G. Paternalism // The Monist. 1972. Vol. 56. P. 64–84.

СЕКЦИЯ 2

ПАМЯТЬ О ЗАЩИТНИКАХ ОТЕЧЕСТВА И ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ

УДК 343.3/.7

Заиграева Анастасия Алексеевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
zaigraevaanastasia14082004@gmail.com

Кузьмина Екатерина Николаевна
помощник судьи, Костромской областной суд
г. Кострома, Российская Федерация
ek.kyzmina@mail.ru

Уголовно-правовой анализ геноцида и преступлений против человечности

Аннотация. *В статье проводится анализ Нюрнбергского процесса, как ключевой момент в развитии международного уголовного права и создании прецедента для преследования за преступления против человечности. Актуальность подтверждается тем, уголовно-правовой анализ преступлений геноцида и преступлений против человечности становится особенно значимым, поскольку он служит напоминанием о деяниях, совершенных в период Второй мировой войны, квалифицируемых как тягчайшие международные преступления, совершенных на основе идеологий, отрицающих фундаментальные права и свободы человека, влекущих за собой массовое и систематическое посягательство на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность целых групп населения. Ключевым аспектом исследования является подробный анализ элементов составов этих преступлений. Особое внимание уделяется разграничению данных составов.*

Ключевые слова: *Нюрнбергский процесс, геноцид, преступления против человечности, Трибунал, уголовно-правовой анализ.*

Zaigraeva Anastasia Alekseevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna
assistant judge, Kostroma regional court
Kostroma, Russian Federation

Criminal law analysis of genocide and crimes against humanity

Annotation. *The article analyses the Nuremberg process as a key element in the development of international criminal law and as a precedent for prosecuting crimes against humanity. Relevance is underlined by the fact that the criminal law analysis of the crimes of genocide and crimes*

© Заиграева А. А., Кузьмина Е. Н., 2025

against humanity becomes particularly important, since it serves as a reminder of acts committed during the period of the Second World War, qualified as the most serious international crimes, based on ideologies that deny fundamental human rights and freedoms, leading to massive and systematic attacks on the life, health and physical integrity of entire groups of the population. The key aspect of the study is a detailed analysis of the elements behind these crimes. Special attention is given to the delineation of these compositions.

Keywords: *Nuremberg trial, genocide, crimes against humanity, Tribunal, criminal analysis.*

Нюрнбергский процесс, имеет огромное историческое значение как для международного сообщества, показавшего способность объединяться в борьбе с общими угрозами, так и для отдельных государств, пострадавших от варварского уничтожения и геноцида, установил юридический прецедент для преследования за преступления против человечности, совершенные во имя расистских и националистических идей.

Во втором разделе Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси определялась юрисдикция Трибунала, а также были определены и установлены общие принципы деятельности Трибунала [4]. Согласно ст. 6 Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси выделялось три вида преступлений, которые подлежали юрисдикции Трибунала, а именно: преступления против мира, военные преступления, а также преступления против человечности [4].

При подготовке к Нюрнбергскому процессу центральным стал вопрос о формировании обвинительной базы, и делегации стран-участниц занимались разработкой соответствующих заключений. Основной задачей обвинения являлся сбор документальных доказательств, при этом английские представители сформировали свою категорию преступлений, разделив их на совершенные в западных и восточных регионах, а американская делегация, в свою очередь, предложила начать с общей формулировки видов преступлений, чтобы затем детализировать их по конкретным группам. По мнению А. В. Абдрашитовой, французская делегация внесла предложение о расширении раздела, касающегося преступлений против гражданского населения на оккупированных территориях, включив туда акты убийств и жестокого обращения [1, с. 5–6]. По мнению авторов научной работы, наиболее удачное решение этого вопроса предложили советские представители, которые предложили сначала дать характеристику преступлений по всем разделам, а затем перейти к конкретным преступлениям.

Необходимо отметить, что каждый вид преступлений был подробно регламентирован. В частности, в группу преступлений против человечности входили: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет [4]. Такой вид преступлений касался деяний нацистов в отношении собственного народа и всех тех, кто, согласно нацистской идеологии, относился к «недочеловекам».

Хотя термин «геноцид» прямо не использовался в Уставе Трибунала, действия, составляющие геноцид, рассматривались как крайняя форма преступлений против человечности [4]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «преступления против человечности» значительно шире, чем понятие «геноцид».

Перед Международным военным трибуналом предстали 24 военных преступника. Все они занимали важные государственные посты и входили в окружение Адольфа Гитлера, а именно: Герман Вильгельм Геринг, Рудольф Гесса, Иоахим фон Риббентроп, Роберт Лея, Вильгельм Кейтель, Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Вальтер Функ, Гельмар Шахт, Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, Карл Дениц, Эрих Редер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред Иодль, Мартин Борман, Франц фон Папен, Артур Зейсс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат и Ганс Фриче – все они индивидуально и как члены любой групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: правительственный кабинет, руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (СС), включая группы службы безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (СА), генеральный штаб и высшее командование германскими вооруженными силами [2]. Таким образом, субъектами преступлений против человечности и преступления как геноцид были непосредственно данные лица. Отметим, что Трибунал в ст. 7 Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси установил принцип индивидуальной уголовной ответственности, значительно расширив понимание субъекта международных преступлений, которые ранее рассматривались преимущественно как деяния государств [4]. Также был устранен иммунитет должностных лиц, в том числе глав государств.

Субъективной стороной преступлений против человечности и геноцида являлся прямой умысел. В обвинительном заключении указывалось, что каждый обвиняемый был членом нацистской партии и участником заговора, зная их цели и задачи, или, будучи осведомленным о них, стал соучастником в проведении в жизнь этих целей и задач на том или ином этапе развития заговора [3]. Характерной особенностью субъективной стороны преступлений против человечности и геноцида стала идеология превосходства одной нации над другими, что было отражено в материалах процесса. Однако в субъективной стороне преступления как геноцид важной отличительной особенностью будет являться признак как полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой.

Объектом преступлений против человечности являются фундаментальные права человека и человечности в целом, включая право на жизнь, свободу, человеческое достоинство, физическую неприкосновенность, а также общественные отношения, обеспечивающие мирное сосуществование различных групп населения, вне зависимости от их национальной, этнической, религиозной принадлежности. Уникальность объекта данных преступлений, заключается в его надгосударственном, общечеловеческом характере. Именно поэтому

Трибунал обосновал возможность привлечения к ответственности вне зависимости от того, «являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены». Говоря об объекте геноцида, то можно сказать, что это более узкое значение, т. е. право на существование целых групп людей, которые объединены по национальному, этническому, расовому или религиозному признаку, а также жизнь, здоровье, свобода и другие фундаментальные права членов этих групп.

Говоря об объективной стороне преступлений против человечности, то можно выделить, что в п. «с» ст. 6 Устава как раз описывается объективная сторона преступления, а именно: убийства, истребления, порабощение, высылка и другие бесчеловечные действия, совершенные против гражданского населения перед войной и во время войны [4]. Под другими бесчеловечными действиями понимается преследование, различного рода унижения, ограбления, применение пыток. Отметим, что Трибунал особо выделил следующие характеристики объективной стороны, а именно: преступления носили массовый характер - направленность против групп населения, а не против отдельных лиц, а также систематичность преступлений – планомерность, организованность действий. Важнейшим признаком объективной стороны, установленным на Нюрнбергском процессе, стало отсутствие необходимости наличия вооруженного конфликта как обязательного условия квалификации деяний в качестве преступлений против человечности (хотя фактически все рассмотренные деяния были связаны с войной).

В обвинительном заключении отдельно был выделен элемент объективной стороны геноцида – преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет [3]. Отметим, что преследования проводились в отношении евреев – отдельной этнической группы. Помимо массовых убийств, подтверждение медицинским экспериментам, порабощения в объективную сторону можно отнести незаконные аресты евреев, а также конфискация или уничтожение их имущества. Отличительной чертой объективной стороны геноцида, установленной на Нюрнбергском процессе, стала систематичность и плановость действий, направленных на полное или частичное уничтожение определенных групп. Трибунал предоставил доказательства того, что геноцид осуществлялся по заранее разработанной программе, так называемой «Окончательное решение еврейского вопроса».

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что анализ преступлений против человечности и геноцида подчеркивает их исключительную тяжесть и уникальную опасность для мирового сообщества. Оба понятия, характеризующиеся массовостью и систематичностью, представляют собой грубейшие нарушения фундаментальных прав человека, посягающие на саму основу человеческого достоинства и цивилизованного общества. Геноцид, направленный на уничтожение конкретной группы населения по признакам расы, национальности, этнической принадлежности или религии, является наиболее тяжкой формой преступлений против человечности. Важно отметить, что признание и осуждение преступлений против человечности и геноцида является

моральным долгом перед памятью жертв и важным шагом на пути к построению более справедливого и гуманного мира.

Список источников

1. Абдрашитова А. В. Роль советского обвинения на Нюрнбергском процессе // Исторический путь России: из прошлого в будущее. 2021. С. 3–8. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=45780891(дата обращения: 01.09.2025).

2. Нюрнбергский процесс. 2023. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_92/activity/veterans-rights/nuremberg (дата обращения: 01.09.2025).

3. Обвинительное заключение. Берлин, 6 октября 1945 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163318-obvinitelnoe-zaklyuchenie-berlin-6-oktyabrya-1945-g (дата обращения: 01.09.2025).

4. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейский стран оси // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901737883 (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 37.013

Косинова Анастасия Павловна
педагог-организатор
Центр дополнительного образования «Одаренность»
г. Старый Оскол, Российская Федерация
asay_89@mail.ru

Косухина Ирина Викторовна
методист
Центр дополнительного образования «Одаренность»
г. Старый Оскол, Российская Федерация
emirvik@mail.ru

Котарева Наталья Ивановна
методист
Центр дополнительного образования «Одаренность»
г. Старый Оскол, Российская Федерация
kotareva2009@yandex.ru

Гражданско-патриотическое воспитание молодежи как одно из направлений работы учреждения дополнительного образования

Аннотация. *Память о героическом прошлом своей Родины является важнейшим элементом национальной самоидентификации любого народа. Для россиян особое значение имеет сохранение памяти о подвигах защитников Отечества, особенно в годы Великой Отечественной войны. Эта память формирует нравственный фундамент современного российского государства, воспитывая патриотизм и уважение к истории среди новых по-*

© Косинова А. П., Косухина И. В., Котарева Н. И., 2025

колений. Именно на это нацелено внимание педагогов учреждения дополнительного образования.

Ключевые слова: *память, патриотизм, историческая правда, дополнительное образование.*

Kosinova Anastasia Pavlovna
teacher-organizer
Center for Additional Education "Odarennost"
Stary Oskol, Russian Federation

Kosukhina Irina Viktorovna
methodologist
Center for Additional Education "Odarennost"
Stary Oskol, Russian Federation

Kotareva Natalia Ivanovna
methodologist
Center for Additional Education "Odarennost"
Stary Oskol, Russian Federation

Civic and patriotic education of young people as one of the areas of work of an additional education institution

Annotation. *The memory of the heroic past of one's homeland is an essential element of the national identity of any nation. For Russians, preserving the memory of the heroic deeds of the defenders of the Fatherland, especially during the Great Patriotic War, is of particular importance. This memory forms the moral foundation of the modern Russian state, fostering patriotism and respect for history among new generations. This is precisely what the focus of the teachers at the institution of additional education is on.*

Keywords*: memory, patriotism, historical truth, additional education.*

Историческая правда становится мощным инструментом укрепления единства нации. Именно благодаря сохранению объективной картины прошлого Россия сохраняет свою историческую преемственность, укрепляя культурные корни и национальные ценности. Однако современная реальность требует особого внимания к защите исторической правды от фальсификаций и искажений, которые нередко используются в политических целях противниками нашей страны.

Сегодня в мире активно распространяются мифы и ложные интерпретации исторических событий, направленные на очернение роли Советского Союза в победе над нацизмом. Это проявляется в попытках переписывания истории, преуменьшения вклада Красной армии в разгром фашизма, а также отрицания преступлений нацистского режима. Подобные попытки наносят ущерб моральному здоровью нации, разрушают основы уважения к героям прошлого и ослабляют моральный дух молодого поколения.

Поэтому одним из важнейших направлений внутренней политики Российской Федерации стала борьба с фальсификациями истории. Государством предпринимаются меры по укреплению исторического образования, популяризации истинных фактов и восстановлению справедливости в восприятии клю-

чевых моментов отечественной истории. Проводятся масштабные мероприятия, посвященные годовщинам Победы, устанавливаются памятники погибшим солдатам, открываются музеи и архивы, демонстрируя подлинные свидетельства тех страшных лет.

Государственное внимание уделяется формированию культуры бережного отношения к наследию предков. Программа воспитания молодежи включает элементы изучения героического прошлого России, что способствует развитию чувства гордости за достижения своего народа и предостережению повторения трагедий прошлых эпох.

Защита исторической правды приобретает особую важность в условиях современных глобальных вызовов. Историческое наследие России служит опорой ее национального самосознания, помогает сохранить единство и целостность страны перед лицом внутренних и внешних угроз. В условиях международной конкуренции исторические аргументы становятся частью дипломатической борьбы, отражаясь на имидже страны на мировой арене.

Таким образом, память о защитниках Отечества и защита исторической правды являются важными факторами формирования государственности России. Они обеспечивают связь времен, формируют чувство общности и солидарности среди граждан, способствуя поддержанию стабильности и уверенности в будущем страны. Сохраняя верность своим корням и принципам, россияне способны уверенно смотреть вперед, осознавая значимость и величие собственного наследия.

Формирование уважительного отношения к истории своей страны, воспитание патриотизма и гражданской ответственности среди подрастающего поколения является одной из приоритетных задач системы образования в России. Важнейшую роль в этом процессе играет дополнительное образование детей, которое позволяет расширить рамки традиционного школьного курса и углубленно изучать отдельные аспекты истории Отечества.

Одним из значимых направлений деятельности учреждений дополнительного образования должно стать формирование осознанного восприятия значимости защиты исторической правды и увековечивания памяти героев-победителей. Необходимо создать условия для развития критического мышления учащихся, умения анализировать исторические события и противостоять распространяемым фальшивкам и искажениям.

Основные цели направления:

1. Воспитание патриотизма: Формирование любви и уважения к Родине посредством знакомства с героическими страницами русской истории.

2. Развитие критического мышления: Подготовка школьников к самостоятельному осмыслению исторических событий и документов, выработка способности выявлять недостоверную информацию.

3. Поддержка традиций: Поддержание связи поколений через изучение семейных историй участников войн и локальных конфликтов.

4. Участие в культурных мероприятиях: Организация экскурсий, походов, памятных мероприятий, направленных на укрепление исторической памяти.

В Центре дополнительного образования «Одаренность» организуется работа по следующим направлениям:

1. Организация тематических кружков и секций: Создание клубов юных краеведов, историко-патриотических объединений, участие учеников в поисковых экспедициях и научных конференциях.

2. Проведение конкурсов и олимпиад: Регулярное проведение творческих конкурсов рисунков, сочинений, проектов, викторин и интеллектуальных соревнований, посвященных ключевым датам военной истории.

3. Экскурсионная деятельность: Организация выездных поездок к местам боевой славы, посещение музеев, мемориалов, захоронений советских воинов.

4. Создание образовательных ресурсов: Разработка мультимедийных пособий, фильмов, презентаций, учебников и методических материалов, помогающих глубже изучить историю военных действий и подвигов наших соотечественников.

5. Просветительская работа с родителями: Проведение совместных мероприятий родителей и детей, организация лекций и бесед с ветеранами боевых действий, встреча с исследователями-историками.

6. Использование цифровых технологий: Применение интерактивных платформ, виртуальных туров, онлайн-ресурсов для ознакомления молодежи с историей побед и достижений советского народа.

Таким образом, внедрение данного направления в систему дополнительного образования позволит существенно повысить уровень гражданского сознания и патриотизма у молодого поколения, укрепить чувство сопричастности к судьбе страны и способствовать эффективному противодействию попыткам фальсификации истории и ревизии итогов Второй мировой войны.

УДК 343

Щелокова Анастасия Романовна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
Kioss0@mai.ru

Защита национальной исторической памяти как фактор укрепления российской государственности

Аннотация. *Российской Федерации, находясь в сложных межнациональных условиях, приходится постоянно сталкиваться с информационным противостоянием и отвечать на внешнеполитические вызовы, поэтому необходимо обеспечить поддержку внутреннего единства общества и государства, и именно сохранение исторической памяти играет фундаментальную роль в этом. Историческое наследие формирует и определяет не только направления политики государства, но также способствует формированию в нынешнем и будущих поколениях, как культурного мировоззрения, так и уважения к историческим ценностям. В данной статье были рассмотрены и проанализированы законы и нормативно-*

© Щелокова А. Р., 2025

правовые акты, в которых заключены правовые основания государственной политики, ключевые цели и принципы передачи исторических ценностей, а также меры, принимаемые по сохранению исторической памяти.

Ключевые слова: *историческая память, защита исторической правды, политика государства, российская государственность.*

Shchelokova Anastasia Romanovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Protecting national historical memory as a factor in strengthening Russian statehood

Annotation. *In the context of complex interethnic relations, the Russian Federation is constantly faced with information confrontation and foreign policy challenges. Therefore, it is crucial to ensure the internal unity of society and the state, and preserving historical memory plays a fundamental role in this process. This article examines and analyzes laws and regulations that set the legal framework for state policy, key goals and principles for the transfer of historical values, as well as measures taken to preserve historical memory.*

Keywords: *historical memory, protection of historical truth, state policy, Russian statehood.*

Проблема сохранения исторической правды занимает отдельное и крайне важное место в системе российской государственности. Совокупность мер по ее сохранению находит свое отражение в направлениях развития внутренней политики государства, что способствует повышению уровня патриотизма в обществе, уважению к подвигам предков и предотвращению повторения ошибок прошлых поколений. Фальсификация исторического наследия представляет угрозу для целостности российского государства. Попытки искажения фактов, переписывания истории ведут к ослаблению внутреннего единства и размыванию национальных ценностей. Поэтому деятельность Российской Федерации направлена на развитие объективного восприятия истории и противодействию попыткам искажения прошлого, что наблюдается в законах и нормативно-правовых актах государства.

Высшей юридической силой на территории Российской Федерации обладает Конституция Российской Федерации [4], как основополагающий нормативный правовой акт, который определяет основы государственного устройства и ключевые ценности российского народа. В одних из первых положений преамбулы Конституции РФ закреплено, что почитание памяти предков, уважение и любовь к Отечеству и сохранение исторически сложившегося государственного единства являются основополагающими. Данные принципы находят развитие в части 3 статьи 44 главы 2 [2], посвященной правам и свободам человека и гражданина, где закреплена обязанность граждан Российской Федерации заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также в части 4 статье 68 главы 3 [3], посвященной федеративному устройству, устанавливающей, что культура Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа, она поддерживается и охраняется государством.

Наше поколение – наследники великого поколения Победителей, солдат Великой Отечественной войны. Вопросы защиты исторической правды и исторической памяти – первостепенные направления государственной политики Российской Федерации, а в условиях крайне сложной внешнеполитической обстановки, сохранение исторической правды становится нашим гражданским и нравственным долгом.

Среди наиболее распространенных форм фальсификаций можно выделить попытки преуменьшить роль СССР в победе над фашизмом, очернить героев Великой Отечественной войны, навязывать ложные интерпретации исторических событий и подрывать доверие к отечественной науке и культуре.

Такие действия представляют серьезную угрозу для российской государственности, поскольку они разрушают фундаментальные основы национального сознания и создают предпосылки для раскола общества изнутри.

Несмотря на то, что данный закон официально вступит в законную силу только 01.01.2026 г. мы уже сейчас можем говорить о тех нововведениях, что он в себе несет. Федеральный закон от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» [15], на законодательном уровне признает геноцид советского народа в период Великой Отечественной войны и устанавливает государственные гарантии для увековечения памяти жертв этого преступления. Согласно данному закону, любые попытки реабилитации нацизма и искажения исторической истины являются наказуемы. Немаловажным также является введение строгих правил захоронения и ухода за местами массового уничтожения мирных жителей и военнослужащих, а также установление уголовной ответственности за нарушение порядка захоронения останков жертв геноцида.

Создание мемориальных комплексов, памятников и музеев, посвященных погибшим защитникам Родины, публикации в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» материалов о погибших при защите Отечества, создание произведений искусства и литературы, посвященных их подвигам, организация выставок, является необходимым условием для сохранения исторической памяти, именно Закон Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [1] позволяет обессмертить память о подвигах павших героях.

Необходимость сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, а также реализации общественно значимых проектов и инициатив подтолкнуло государство к принятию Указа Президента Российской Федерации от 02.11.2023 № 817 «О создании автономной некоммерческой организации „Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации“» [14]. Центром занимается координация мероприятий по защите исторической памяти, проведение исследований, публикаций и выставочных мероприятий, направленных на развитие исторического знания и противодействие ревизионизму. Центр также контролирует реализацию государственной политики в области патриотического воспитания и информационной поддержки исторической правды.

Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 08.09.2025 № 224 «Об утверждении Порядка ведения перечня организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими» [8], который утверждает порядок ведения реестра организаций, признанных экстремистскими согласно законодательству РФ, сроки внесения информации об экстремистских организациях. Такой реестр используется для предотвращения злоупотреблений историческими фактами и предотвращает распространение дезинформации, связанной с периодом Второй мировой войны и советской эпохи.

Постановление Правительства РФ от 29.12.2021 № 2556 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2021 г. № 272» [7], данное постановление утвердило государственную программу по проведению мероприятий, направленных на патриотическое воспитание молодежи и противодействие фальсификации истории. Программа включает разработку учебных пособий, публикации книг и статей, научные исследования, создание музея экспозиции и другие инициативы, призванные укрепить связь молодых поколений с историческими корнями и предотвратить попытки переписывания истории.

Ядром современной российской политики в сфере культуры, защиты национальных интересов и традиционных духовно-нравственных ценностей являются четыре основополагающих нормативно-правовых акта: Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808«Об утверждении Основ государственной культурной политики» [13], Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р [9], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [11], и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [12]. Принципы, установленные данными актами, формируют тесно связанную систему представлений о месте, роли и перспективах развития России как современного, целостного и независимого государства, со своей уникальной культурой, многовековым наследием и традициями. Центральное внимание в реализации государственных программ отведено образованию, как основной форме передачи опыта, созданию пространства для реализации творческого потенциала всех групп населения любых возрастов, защите традиционных, в том числе семейных, ценностей, а также исторической правды. Безусловно, международные ситуации и внешнеполитические конфликты требуют от российского государства принятия мер по сплочению и укреплению духовно-нравственных ценностей внутри страны, что напрямую находит свое отражение в решениях, принимаемых органами исполнительной власти.

Наиболее ярким и всем знакомым проявлением политики государства, направленной на сохранение исторической правды, является программа «Разговоры о важном», разработанная по приказу Министерства Просвещения РФ.

Правовое основание данного проекта отражено в четырех актах: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [12], Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.06.2022 № 1688-р «Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года» [10], Письмо Минпросвещения России от 17.06.2022 № 03-871 «Об организации занятий «Разговоры о важном» [6], Письмо Минпросвещения России от 15.08.2022 № 03-1190 «О направлении методических рекомендаций» [5] (вместе с «Методическими рекомендациями по реализации цикла внеурочных занятий «Разговоры о важном». Программа имеет широкий объем обсуждаемых тем, но одним из ее приоритетов является формирование осознанного отношения к прошлому своей страны, понимание исторических корней и культурных традиций народов России. Тематические уроки и беседы включают обсуждение исторических событий, изучение биографий выдающихся деятелей, знакомство с героическими страницами истории и осмысление уроков прошлого.

Разработка Концепции и внедрение ее во всех высших учебных заведениях страны обеспечивают ученикам возможность задуматься о значении исторических событий для настоящего и будущего страны, развивая таким образом патриотический настрой и уважение к историко-культурному наследию.

Законодательство Российской Федерации по защите национальной исторической памяти выступает важнейшим инструментом укрепления российской государственности. Государственное регулирование в области исторической памяти направлено на сохранение объективного представления о прошлом, формирование патриотического сознания и повышение устойчивости общества к попыткам фальсификации истории. Российское законодательство, представленное Конституцией РФ, федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами, создает прочную основу для защиты исторической правды и борьбы с любыми формами ревизионизма. Проведение широкомасштабных мероприятий, направленных на увековечение памяти о героическом прошлом нашего народа, способствует консолидации общества и укреплению внутренних позиций государства. Таким образом, комплексный подход к вопросам исторической памяти обеспечивает стабильность и преемственность поколений, обеспечивая будущее развитие России на принципах справедливости, уважения традиций и верности историческому опыту.

Список источников

1. Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14.01.1993 № 4292-1. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

2. Конституция Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

3. Конституция Российской Федерации. Глава 2. Права и свободы человека и гражданина. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

4. Конституция Российской Федерации. Глава 3. Федеративное устройство. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

5. Письмо Минпросвещения России от 15.08.2022 № 03-1190 «О направлении методических рекомендаций». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

6. Письмо Минпросвещения России от 17 июня 2022 года № 03-871 «Об организации занятий «Разговоры о важном». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

7. Постановление Правительства РФ от 29.12.2021 № 2556 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2021 г. № 272». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

8. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 08.09.2025 № 224 «Об утверждении Порядка ведения перечня организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

9. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

10. Распоряжение Правительства РФ от 24.06.2022 № 1688-р «Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

11. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru(дата обращения: 15.09.2025).

12. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

13. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

14. Указ Президента РФ от 02.11.2023 № 817 «О создании автономной некоммерческой организации. Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

15. Федеральный закон от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 94(57)

Чертков Алексей Сергеевич
кандидат исторических наук
Московский государственный педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
alexchertkov@list.ru

О сохранении границ исторической памяти в связи с развитием технологий искусственного интеллекта

Аннотация. *В статье исследуются вопросы сохранения исторической памяти о защитниках Отечества в годы Великой Отечественной войны. Автор подчеркивает, что современное искусство предпринимает попытки «модернизировать» военное прошлое методами колоризации монохромного изображения в кинематографе, но не добивается этим привлечения к своим произведениям большей аудитории. Обращение к технологиям искусственного интеллекта, по мнению автора, позволяет приблизить виртуальное изображение к реальной «картинке» батальных сражений в художественных лентах. Применение технологий дополненной виртуальной реальности позволяет начать наступление искусственного интеллекта на художественное творчество и общественное пространство социумов. Для регулирования внедрения технологий искусственного интеллекта в границы исторической памяти необходимо обеспечить ее надежную защиту от искажения и фальсификации истории российского общества.*

Ключевые слова*: историческая память, фальсификация истории, цифровые технологии, гибридные войны, кинематограф, виртуальная реальность, дипфейки.*

Chertkov Alexey Sergeevich
Candidate of Historical Sciences
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia

On preserving the boundaries of historical memory in connection with the development of artificial intelligence technologies

Annotation. *The article examines the issues of preserving the historical memory of the defenders of the Fatherland during the Great Patriotic War. The author emphasizes that modern art attempts to "modernize" the military past by colorizing monochrome images in cinematography, but does not thereby attract a larger audience to its works. According to the author, the use of artificial intelligence technologies makes it possible to bring the virtual image closer to the real "picture" of battlefields in art films. The use of augmented virtual reality technologies makes it possible to launch an artificial intelligence offensive on artistic creativity and the public space of societies. To regulate the introduction of artificial intelligence technologies into the boundaries of historical memory, it is necessary to ensure its reliable protection from distortion and falsification of the history of Russian society.*

Keywords: *historical memory, falsification of history, digital technologies, hybrid wars, cinematography, virtual reality, deepfakes.*

В формировании дискурса сохранения исторической памяти о защитниках Отечества в настоящее время наблюдается динамика в сторону актуализа-

© Чертков А. С., 2025

ции героического прошлого, связанного с подвигами советских воинов в годы Великой Отечественной войны. Советское искусство в произведениях мастеров литературы, кинематографа, музыки, театра, живописи, скульптуры, фотографии создали классические образцы народного подвига художественными средствами, превзойти которые современным художникам пока не удается. В попытке «модернизировать» военное прошлое, запечатленное, например, в кинематографе, используются новейшие технологии, которые также не возымели отклика ни у старшего поколения, воспитанного на черно-белых картинах и на игре актеров-кумиров прошлого, ни у молодежи, вовлеченной в виртуальное пространство. Речь идет о колоризации – раскрашивании кадров в кино, преобразовании монохромного движущегося изображения в цветное.

Использование в современном кинематографе цифровых технологий для имитации батальных сцен даже в картинах с солидным бюджетом выявляет их «искусственность», неестественность по сравнению с реальными постановками, в которых задействована военная техника и вооружения. Обращение к технологиям искусственного интеллекта позволяет приблизить виртуальное изображение к реальной «картинке» батальных сражений или эпизодов, но вмонтирование их в художественные ленты также будет выглядеть чужеродным рудиментом.

Сторонники цифровых технологий в культуре новаций могут пойти и по пути создания полноценных проектов на военную тематику, демонстрацию батальных сцен с применением технологий дополненной виртуальной реальности.

Такие проекты недалекого будущего станут сигналом полномасштабному наступлению искусственного интеллекта в художественное творчество, общественные пространства. Применимо ли это к военной тематике, отражающей героические страницы прошлого российской истории, – серьезный и глубокий вопрос, требующий широкого обсуждения с привлечением специалистов и потребителей такого вида искусства. Совсем скоро общество ожидает и выход компьютерных геймеров из интернет-пространства, в котором они сейчас создали игровую и бизнес-среду, соревновательные процессы, управляемые электронными «правительствами», в повседневную жизнь социумов. Компьютерная игра не может бесконечно долго развиваться в виртуальном пространстве без вовлечения в нее все большего числа акторов, без отвоевания у социумов интеллектуальных, ментальных, физических агрегатных состояний. Однако обращения к патриотической тематике в игровом компьютерном бизнесе не наблюдается, да и осуществить это намного сложнее, так как для создания таких цифровых образцов требуются не только навыки в диджитал-производстве, но и знание как истории, так культуры повседневности воплощаемого периода.

Современным социумам предстоит «сражение» с превосходящими силами технологий виртуальной реальности – дипфейками, которые постепенно отвоевывают у человечества пространство, заменяют его с помощью поддельных изображений, видео или звука, порой игнорирующих моральные нормы [1]. Такие технологии уже проходят «обучение» и внедрение во время осуществления сторонами конфликта гибридных, информационных войн, в политической жизни общества, применяются как элементы избирательных кампаний политиче-

ских партий [3], отдельных политиков, нацелившихся добиться внимания электората или дискредитировать соперника.

В обществе виртуального контента человечеству предстоит пребывать постоянно, а не эпизодически как сейчас. Вследствие чего многократно усиливается ответственность интеллектуальной технократической элиты общества, специалистов и ученых, политиков и государственного руководства к созданию законодательных мер, ограждающих или регулирующих некоторые сферы человеческой деятельности от воздействия современных технологий, изменяющих сложившуюся картину реальности и особенно всего, что связано с исторической памятью. Государственный подход как раз и заключается в том, чтобы не только хранить память о героических страницах прошлого своего Отечества, но и обеспечить ее надежную защиту от искажения отдельных эпизодов до фальсификации целых периодов истории российского общества. Выработка действенных механизмов противодействия таким запросам и действиям – важнейшая государственная задача, затрагивающая все без исключения уровни управления.

О том, что такие попытки искажения российской истории не прекращаются, говорил президент России В. В. Путин 20 сентября 2024 г. на совещании с членами Совета Безопасности России: «В последние годы история очень часто используется в современной политике как средство достижения определенных политических целей в отношении нашей страны. Причем делается это зачастую весьма недобросовестным способом. А это, конечно, уже касается сегодняшней текущей политики и отношения к этому со стороны официальных властей, нашей страны» [4]. Обратим внимание: речь идет о переносе фактов искажения исторических фактов, итогов различных этапов российской истории, так и о дискредитации военачальников, результатов выигранным им военных баталий и др. Важное значение в работе по сохранению исторической памяти отводится и внедрению в образовательный процесс высших учебных заведений страны мировоззренческой дисциплине «Основы российской государственности», в которой изучаются вопросы российской цивилизационного пространства и традиционные российские духовно-нравственные ценности [2; 5].

Список источников

1. Лебедева О. П. Социолингвистические средства обоснования морали // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных и экономических наук : межвузовский сб. науч. и науч.-метод. тр. Т. 1. М. : Московский гос. индустр. ун-т, 2002. С. 195–205.

2. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей / С. В. Перевезенцев, О. Е. Пучнина, А. Б. Страхов, А. А. Шакирова // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 4. С. 113–133.

3. Политические технологии: вопросы теории и методологии формирования процессов / О. П. Лебедева, А. А. Кучеренко, С. Д. Козлов [и др.]. М. : Ин-т мировых цивилизаций, 2016. 40 с.

4. Совещание с постоянными членами Совета Безопасности. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/75148 (дата обращения: 18.09.2025).

5. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873 (дата обращения: 18.09.2025).

СЕКЦИЯ 3

ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК343. 142

Андриянов Евгений Александрович
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
n7evgeni@mail.ru

Отдельные вопросы законодательства в сфере взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания

Аннотация. *В данной статье рассматриваются проблемные вопросы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания. Предлагаются способы решения указанных проблем путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации, а именно в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации*

Ключевые слова: *органы предварительного следствия, органы дознания, взаимодействие, проблемные вопросы взаимодействия, законодательство в сфере взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания.*

Andriyanov Evgeni Aleksandrovich
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Specific legislative issues regarding the interaction between preliminary investigative bodies and preliminary inquiry bodies

Annotation. *This article examines problematic issues in the interaction between preliminarily investigative bodies and preliminarily inquiring bodies. It proposes ways to address these issues by amending Russian legislation, specifically the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Keywords: *preliminarily investigative bodies, preliminarily inquiring bodies, interaction, problematic issues in interaction, legislation regarding the interaction between preliminarily investigative bodies and preliminarily inquiring bodies.*

Статья 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержит исчерпывающий перечень видов доказательств [1]. Результаты ОРД в зависимости от их формы и содержания могут выступать в качестве таких видов доказательств как иные документы или вещественные доказательства. «Иные документы», в том числе отражающие результаты ОРД, могут использоваться в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыва-

© Андриянов Е. А., 2025

нию. При этом сам термин «документы» понимается расширительно, и содержащиеся в них сведения могут быть зафиксированы как в письменном, так и в ином, в том числе в электронном виде. В случае получения или изъятия в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности предметов, веществ или документов, соответствующих признакам, предусмотренным ст. 81 УПК РФ, они могут признаваться вещественными доказательствами [1].

Нельзя обойти вниманием тот факт, что в научной литературе все еще встречаются негативные оценки возможности использования результатов ОРД непосредственно в качестве доказательств. Такие суждения основываются на неверном толковании ст. 89 УПК РФ, сформулированной в запретительном ключе. Указанная норма не исключает возможность использования результатов ОРД в доказывании, а лишь требует неукоснительного соблюдения законодательства при их получении и использовании.

Законодатель в статье 89 УПК РФ императивно закрепил, что в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам [1].

Для того, чтобы результаты ОРД стали доказательствами по уголовному делу, необходимо соблюдение конкретной процедура, которая четко регламентирована Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [2].

Таким образом, сведения, которые получены путем ОРД, могут быть использованы в уголовно-процессуальном доказывании, но только после их подтверждения следственными органами.

Но здесь возникает самая главная проблема: ведь результаты ОРД, приобретая статус доказательств, не меняют свое содержание, а меняют лишь процессуальную форму, так почему же нельзя упростить данную процедуру и признать результаты ОРД бесспорными доказательствами по уголовному делу?

Предлагается дополнить пункт 6 части 2 статьи 74 УПК РФ. После дополнения, с учетом предложенных изменений, указанный пункт будет выглядеть следующим образом: «6) иные документы, а также результаты оперативно-розыскной деятельности, признанные доказательствами по уголовному делу в установленном законом порядке».

Так, часть 2 статьи 74 УПК РФ, с предлагаемыми изменениями должна выглядеть следующим образом:

2. В качестве доказательств допускаются:

1) показания подозреваемого, обвиняемого;

2) показания потерпевшего, свидетеля;

3) заключение и показания эксперта;

3.1) заключение и показания специалиста;

4) вещественные доказательства;

5) протоколы следственных и судебных действий;

6) иные документы, а также результаты оперативно-розыскной деятельности, признанные доказательствами по уголовному делу в установленном законом порядке.

Предлагаемые изменения позволят расширить перечень доказательств по уголовному делу, а также поспособствует увеличению раскрываемости уголовных дел, увеличит количество расследованных уголовных дел.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.09.2025).

2. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» : зарег. В Минюсте России 05.12.2013 № 30544. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 343.3/.7

Афанасьева Ольга Романовна
доктор юридических наук, доцент
Университет имени О. Е. Кутафина,
профессор кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права имени В. Е. Эминова
г. Москва, Российская Федерация
afanasevaor@yandex.ru

Коимшиди Георгий Феофилактович
кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
г. Москва, Российская Федерация
koim@mail.ru

Преступления против мира и безопасности человечества в Российской Федерации в начале XXI века: состояние и тенденции развития

Аннотация. *Исследование посвящено анализу динамики и структурных характеристик преступлений против мира и безопасности человечества в Российской Федерации за период 2001–2024 гг. Цель работы – выявить количественные тенденции преступлений против мира и безопасности человечества и обусловленные ими закономерности развития с учетом изменений уголовного законодательства и международной обстановки. Проведен статистический анализ официальных данных ФКУ «ГИАЦ МВД России» о зарегистрированных преступлениях. Основные результаты: выделены три хронологических этапа разви-*

© Афанасьева О. Р., Коимшиди Г. Ф., 2025

тия преступности: 2001–2010 гг., 2011–2020 гг. и 2021–2024 гг. Установлено, что число преступлений против мира и безопасности человечества возросло с всего 11 деяний в первом десятилетии до 519 преступлений во втором и достигло 1697 случаев в 2021–2024 гг. Обнаружен резкий скачок количества зарегистрированных преступлений в 2014 г. и особенно в 2022 г., на который пришлось свыше 70 % всех преступлений третьего периода. Прослежена эволюция структуры преступлений: если в 2010-х гг. преобладали военные преступления (применение запрещенных средств и методов ведения войны, ст. 356 УК РФ) при существенной доле деяний, связанных с реабилитацией нацизма (ст. 354.1 УК РФ), то в 2022 г. абсолютное большинство зарегистрированных преступлений составили военные преступления, тогда как в 2023–2024 гг. их удельный вес снизился на фоне относительного роста доли преступлений, связанных с реабилитацией нацизма. Отмечены также значительные территориальные диспропорции: в отдельные годы до половины всех таких преступлений регистрировалось в г. Москве. Таким образом, полученные результаты анализа свидетельствуют о стремительном росте и трансформации преступности против мира и безопасности человечества в РФ в начале XXI века, что коррелирует с криминализацией новых деяний и обострением международных конфликтов в рассматриваемый период.

***Ключевые слова**: преступления против мира и безопасности человечества, геноцид, реабилитация нацизма, состояние преступности, тенденции преступности.*

Afanaseva Olga Romanovna
Doctor of Law, Associate Professor
Kutafin University,
Professor of the Department of Criminology
and Criminal Executive Law named after V. E. Eminov
Moscow, Russian Federation

Koimshidi Georgy Feofilaktovich
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher
All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Crimes against peace and security of humanity in the Russian Federation at the beginning of the 21st century: state and development trends

***Annotation.** The study is devoted to analyzing the dynamics and structural characteristics of crimes against peace and security of humanity in the Russian Federation during the period 2001–2024. The aim of the work is to identify quantitative trends in such crimes and the resulting patterns of their development, taking into account changes in criminal legislation and the international situation. A statistical analysis was carried out based on official data from the Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia regarding registered crimes. Main results: three chronological stages of crime development were identified: 2001–2010, 2011–2020, and 2021–2024. It was established that the number of crimes against peace and security of humanity increased from only 11 offenses in the first decade to 519 crimes in the second, reaching 1,697 cases in 2021–2024. A sharp surge in registered crimes was observed in 2014 and especially in 2022, which accounted for more than 70 % of all crimes of the third period. The structural evolution of such crimes was traced: while in the 2010s war crimes (use of prohibited means and methods of warfare, Art. 356 of the Criminal Code of the Russian Federation) predominated, with a significant share of acts related to the rehabilitation of Nazism (Art. 354.1 of the Criminal Code), in 2022 the overwhelming majority of registered crimes were war crimes. By contrast, in 2023–2024 their share decreased amid a relative increase in crimes connected with the rehabilitation of Nazism. Significant territorial disparities were also noted: in certain years, up to half of all such crimes were registered in Moscow. Thus, the results of the analysis demonstrate the rapid growth and*

transformation of crimes against peace and security of humanity in the Russian Federation at the beginning of the 21st century, correlating with the criminalization of new offenses and the escalation of international conflicts in the period under study.

Keywords: *crimes against peace and security of humanity, genocide, rehabilitation of Nazism, state of crime, crime trends.*

Преступления против мира и безопасности человечества относятся к числу деяний, посягающих на фундаментальные основы существования международного сообщества. Они угрожают стабильности межгосударственных отношений, подрывают гарантии прав и свобод личности и способны дестабилизировать целые регионы. Впервые их уголовно-правовое закрепление появилось в ходе Нюрнбергского процесса 1945–1946 гг., а затем было кодифицировано в Уставе ООН (1945), Женевских конвенциях 1949 г. и Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г.

Российская Федерация, признавая приоритет международного права, имплементировала соответствующие нормы в главу 34 Уголовного кодекса РФ. Она включает статьи, предусматривающие ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ), публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354), реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ), разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ), мародерство (356.1 УК РФ) геноцид (ст. 357 УК РФ), экоцид (ст. 358 УК РФ), наемничество (ст. 359 УК РФ), нападения на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой, либо угроза его совершения (ст. 360 УК РФ), а также акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

Анализ уголовного законодательства свидетельствует, что процессы криминализации, а, следовательно, и развитие уголовного законодательства в сфере преступлений против мира и безопасности человечества в России тесно связано с международными тенденциями. Если в советский период особое внимание обращалось на уголовно-правовое противодействие агрессивной войне и пропаганде нацизма, то в постсоветское время законодательство существенно расширилось, включив ответственность за экоцид, международный терроризм, наемничество, мародерство, что, безусловно, отражается на современных тенденциях анализируемой преступности.

На фоне продолжающейся специальной военной операции и в условиях сохраняющихся внешних угроз безопасности Российской Федерации представляется важным осознавать состояние и тенденции развития преступлений против мира и безопасности человечества [1, с. 145]. Анализ официальных статистических данных, отражающих состояние преступности против мира и безопасности человечества за последние 25 лет, позволяет выделить несколько основных периодов ее развития: с 2001 по 2010 гг., с 2011–2020 гг. и 2021 по 2024 гг.

Так, в период с 2001 по 2010 гг. на территории Российской Федерации было зарегистрировано всего 11 преступлений против мира и безопасности человечества (рис. 1). Динамика по годам в этом десятилетии была неравномер-

ной: три случая было зарегистрировано в 2010 г., два – в 2002 г., ни одного – в 2003 г. и 2007 г., а в каждый из остальных годов зафиксировано по одному такому преступлению.

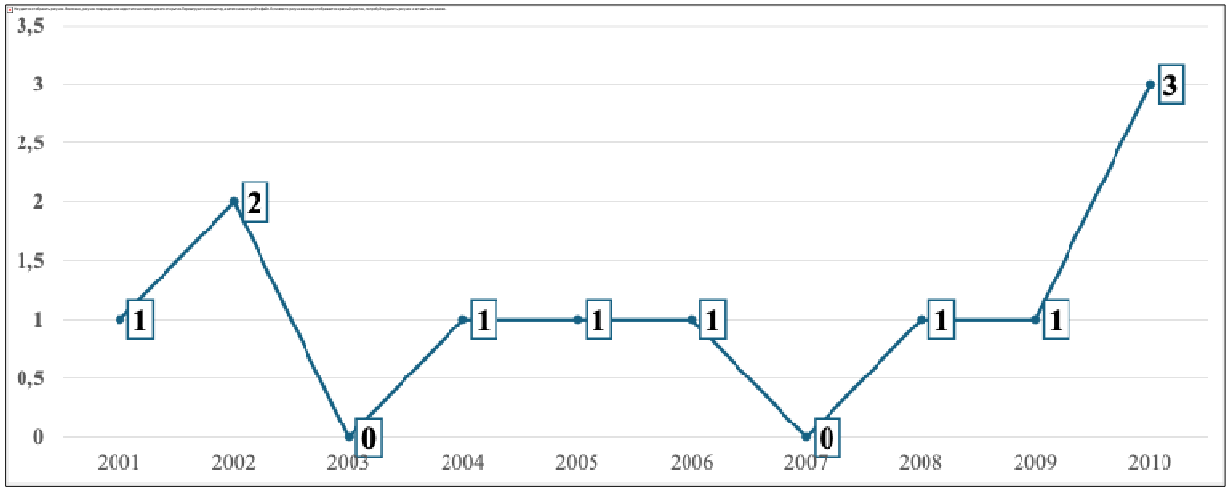

Рис. 1. Динамика количества зарегистрированных в Российской Федерации преступлений против мира и безопасности человечества в 2001–2010 гг.

Почти половина (5 из 11) из числа зарегистрированных преступлений первого десятилетия квалифицированы как «Наемничество» (ст. 359 УК РФ) – по одному случаю в 2002 г., в 2004–2006 гг. и в 2010 г. Кроме того, было зарегистрировано два преступления квалифицированных как «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» (ст. 356 УК РФ) – по одному в 2009 и 2010 г. По одному случаю за десятилетие пришлось на каждое из следующих преступлений: «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения» (ст. 355 УК РФ, зафиксировано в 2002 г.), «Геноцид» (ст. 357 УК РФ, 2008 г.), «Экоцид» (ст. 358 УК РФ, 2001 г.) и «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, либо угроза совершения такого нападения» (ст. 360 УК РФ, 2010 г.).

Во втором десятилетии XXI века (2011–2020 гг.) масштабы рассматриваемых преступлений значительно возросли – за этот период в Российской Федерации зарегистрировано уже 519 преступлений против мира и безопасности человечества (рис. 2). В первые годы десятилетия показатели оставались низкими: в 2011 г. зарегистрировано только 1 деяние, в 2012 г. – ни одного, в 2013 г. – 3 преступления. Однако в последующие несколько лет произошел резкий скачок – ежегодное количество анализируемых преступлений выросло на порядок. Так, в 2014 г. зарегистрировано 20 деяний, в 2015 г. – 21, а в 2016 г. – 40 преступлений. Максимальные же показатели второго десятилетия пришлись на период 2017–2020 гг., когда ежегодно фиксировалось 139, 95, 108 и 92 преступления соответственно.

Из числа зарегистрированных в 2011–2020 гг. преступлений две трети (60,7 %) были квалифицированы как «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» (ст. 356 УК РФ) – 315 из 519 преступлений. В отдельные годы конца десятилетия доля этой категории была особенно высокой: в 2017 г. она составляла почти *четыре из пяти* преступлений данного вида (79,1 %, или

110 из 139 случаев), в 2018 г. – *три из четырех* (74,7 %, или 71 из 95), в 2019 г. – *две из трех* (68,5 %, или 74 из 108), а в 2020 г. резко снизилась до 42,4 % (39 из 92).

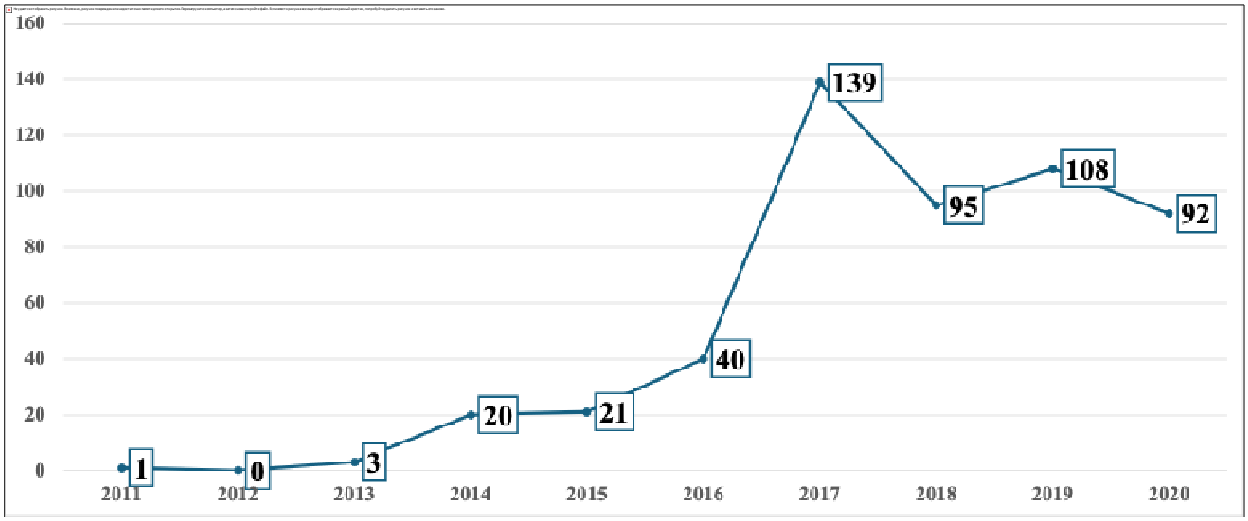

Рис. 2. Динамика зарегистрированных в Российской Федерации преступлений против мира и безопасности человечества в 2011–2020 гг.

Каждое четвертое преступление второго десятилетия (23,1 %) было квалифицировано как «Реабилитация нацизма» (ст. 354.1 УК РФ) – таких деяний было зарегистрировано 120 из 519. При этом динамика их доли по годам существенно менялась: если в 2017 г. на данное преступление приходилось примерно каждое шестое–седьмое из числа зарегистрированных (15,1 %, или 21 из 139), в 2018 г. – каждое шестое (16,8 %, или 16 из 95), в 2019 г. – каждое пятое (20,4 %, или 22 из 108), то в 2020 г. анализируемое преступление составило уже 43,5 % всех преступлений анализируемого вида (40 из 92).

Каждое двенадцатое преступление (8,3 %) в 2011–2020 гг. было квалифицировано как «Наемничество» (ст. 359 УК РФ) – всего 43 деяния из 519. Наибольшее число таких преступлений зарегистрировано в 2014 г. – 13 деяний, что составило 65,0 % от всех анализируемых преступлений в 2014 году (13 из 20). Для сравнения, в 2015 г. зафиксировано 6 фактов наемничества (28,6 % из 21), в 2016 г. – 9 (22,5 % из 40), в 2017 г. – 5 (3,6 % из 139), в 2018 г. – 5 (5,3 % из 95), в 2019 г. – 1 (0,93 % из 108) и в 2020 г. – 1 (1,09 % из 92).

За первые четыре года третьего десятилетия (2021–2024 гг.) в Российской Федерации было зарегистрировано в общей сложности 1 697 преступлений против мира и безопасности человечества (рис. 3). Абсолютное большинство из них пришлось на 2022 г. – 1 231 преступление (72,5 % от общего числа). Для сравнения, в 2021 г. было зарегистрировано 128 деяний (7,5 %), в 2023 г. – 143 (8,4 %), а в 2024 г. – 195 деяний (11,5 %). Динамика этого резкого роста количества преступлений представлена на рисунке 3.

Два из трех преступлений, зарегистрированных в 2021–2024 гг., квалифицировались как «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» (ст. 356 УК РФ). Таких преступлений было зарегистрировано 1 138 из 1 697 (67,1 %). При этом вклад данной категории в общую структуру резко варьиро-

вался по годам: в 2022 г. он достигал примерно *шести из семи* случаев (85,8 %, или 1 056 из 1 231), тогда как в 2021 г. составлял около *двух из семи* (28,1 %, или 36 из 128), в 2023 г. – 14,0 % (20 из 143), а в 2024 г. – 13,3 % (26 из 195). Практически каждое четвертое преступление за указанный четырехлетний период (26,7 %) было квалифицировано как «Реабилитация нацизма» (ст. 354.1 УК РФ), что в абсолютном выражении составляет 453 случая из 1 697. При этом в 2023 г. на данное деяние приходилось до 72,7 % всех преступлений рассматриваемого вида (104 из 143), в 2021 г. – 69,5 % (89 из 128), в 2024 г. – 66,2 % (129 из 195), тогда как в 2022 г. – лишь 10,6 % (131 из 1 231). Подобная динамика преступности связывается с тем, что в 2022 году подавляющее большинство преступлений против мира и безопасности человечества относилось к другим составам (прежде всего к военным преступлениям), тогда как в 2023–2024 гг. доля случаев реабилитации нацизма резко возросла на фоне спада активности по военным преступлениям.

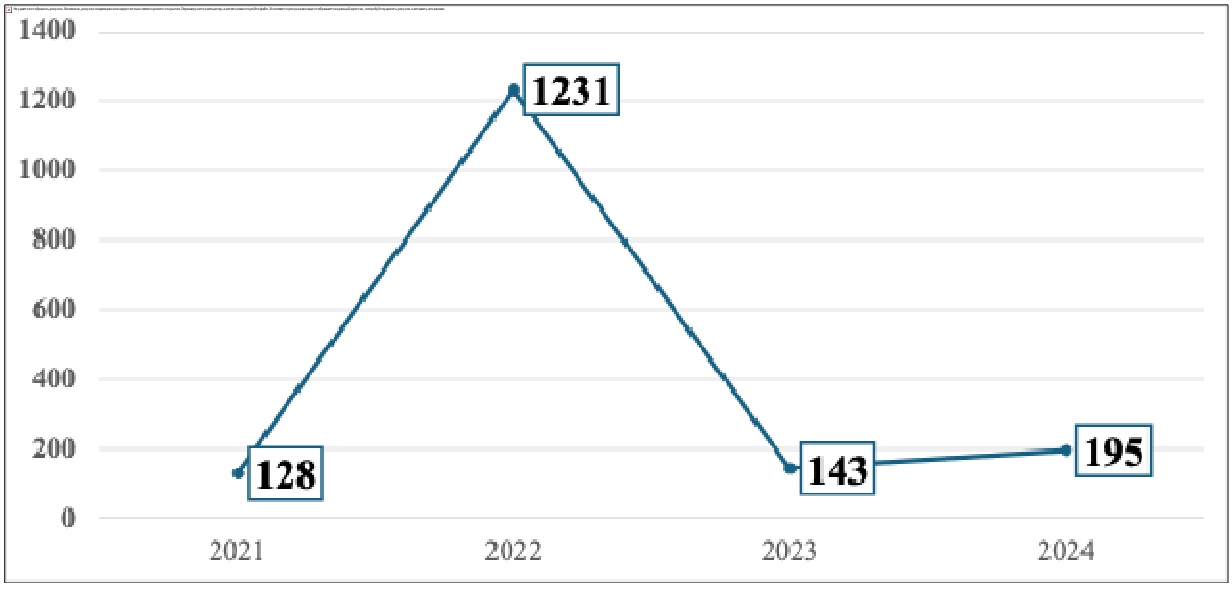

Рис. 3. Динамика зарегистрированных в Российской Федерации преступлений против мира и безопасности человечества в 2021–2024 гг.

Рассматривая территориальную распространенность анализируемой преступности, следует отметить, что для 2022 г. характерна высокая концентрация преступлений против мира и безопасности человечества в столичном регионе. Почти половина всех преступлений этого года зарегистрирована в городе Москва – 47,2 %, или 581 из 1 231 случая. Для сравнения, в Смоленской области было зафиксировано 14 преступлений (1,14 %), а в Республике Крым и г. Санкт-Петербурге – по 11 случаев, что составило по 0,89 % от общероссийского количества зарегистрированных преступлений. Еще в 45 субъектах Российской Федерации число преступлений против мира и безопасности человечества, зарегистрированных в 2022 г., не превышало 7 (т. е. находилось в диапазоне от 1 до 7 случаев).

Уровень рассматриваемой преступности в 2022 г. составил 0,84 преступления на 100 тыс. населения. При этом наблюдался значительный межрегио-

нальный дисбаланс по федеральным округам: в Центральном ФО уровень преступности против мира и безопасности человечества достиг 1,519 на 100 тыс. жителей, тогда как в Северо-Западном ФО он составил лишь 0,162, что почти в десять раз меньше. При этом, наименьший показатель был отмечен в Приволжском федеральном округе – 0,066 преступления на 100 тыс. населения.

Десять процентов населения России проживают в пяти регионах, где уровень преступности против мира и безопасности человечества в 2022 г. оказался наивысшим: Москва – 4,46 преступления на 100 тыс. населения; Чукотский автономный округ – 4,17; Смоленская область – 1,58; Магаданская область – 0,74; и Республика Мордовия – 0,64. Средний уровень по этой условной группе регионов составляет около 4,10 на 100 тыс. жителей.

В 2024 г. география преступлений против мира и безопасности человечества вновь характеризовалась концентрацией значительной их части в отдельных регионах, хотя картина отличается от 2022 года. Около одной трети (33,8 %) всех случаев 2024 г. зарегистрировано в шести субъектах РФ: г. Москва – 18,5 % (36 из 195 случаев), г. Санкт-Петербург – 5,1 % (10 случаев), а также по 2,6 % (по 5 случаев) в Республике Дагестан, Новосибирской, Свердловской и Самарской областях.

В Республике Татарстан за 2024 г. было учтено 5 преступлений рассматриваемого вида, и еще в 47 субъектах Российской Федерации число зарегистрированных преступлений против мира и безопасности человечества составило от 4 до 1 случая. Иными словами, география распространения таких преступлений в 2024 г. была достаточно широкой (преступления зарегистрировано в 54 регионах из 85), однако их число во многих регионах незначительно.

Таким образом, выявленные закономерности развития преступности прямо коррелируют с эволюцией уголовного законодательства РФ и внешнеполитической ситуацией. Расширение главы 34 УК РФ новыми составами преступлений (принятие статей о реабилитации нацизма, акте международного терроризма, мародерстве и др.) создало правовые предпосылки для роста количества регистрируемых преступлений данного вида. В то же время активизация международных конфликтов и угроз (кризис 2014 г., антитеррористические операции на Ближнем Востоке, вооруженное противостояние 2022 г. и последующие) определили всплески криминальной активности в сфере преступлений против мира и человечества. Следовательно, тенденции рассматриваемой преступности в начале XXI века обусловлены комплексом факторов: законодательным признанием новых общественно опасных деяний и реализацией действующего законодательства в ответ на реальные события, угрожающие миру и безопасности человечества.

Список источников

1. Обзор итогов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Долговские чтения) «Борьба с посягательствами против мира и безопасности человечества, исторической памяти о Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2.

УДК 347.963

Буду Анита Мергеновна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
anitabudu.ru@mail.ru

Костерина Валерия Александровна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
kosterinavaleria85@gmail.com

Растегаева Елена Васильевна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
Elenar2323@yandex.ru

Актуальные проблемы прокурорского надзора в сфере исполнения законодательства в сфере трудоустройства несовершеннолетних

Аннотация. *В данной статье анализируется действующий механизм осуществления прокурорского надзора в сфере соблюдения трудовых прав несовершеннолетних. Акцентируется внимание на «пассивной» роли органов прокуратуры РФ в рамках представленной деятельности, которая, по мнению авторов, должна быть заменена на обратную ей.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, трудовое право, несовершеннолетние, трудоустройство несовершеннолетних, прокуратура РФ.*

Budu Anita Mergenovna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Kosterina Valeria Alexandrovna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Rastegaeva Elena Vasilyevna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Current problems of prosecutorial supervision in the field of enforcement of legislation in the field of employment of minors

Annotation. *This article analyzes the current mechanism of prosecutorial supervision in the field of compliance with the labor rights of minors. It focuses on the "passive" role of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in this activity, which, according to the author's, should be replaced by the opposite.*

Keywords: *prosecutorial supervision, labor law, minors, employment of minors, Russian Prosecutor's Office.*

© Буду А. М., Костерина В. А., Растегаева Е. В., 2025

Одним из приоритетных направлений развития государства является забота о будущих поколениях, протекционная деятельность их развития и воспитания и обеспечение возможностей самореализации с ранних лет. В целях обеспечения поставленных задач привлекаются все необходимые органы государственной власти и государственные образования, совместная деятельность которых должна способствовать обеспечению необходимыми ресурсами наших потомков. Защита прав и свобод несовершеннолетних выступает одной из важнейших задач, стоящих перед государством, а ключевой орган обеспечения данной защиты – прокуратура РФ – наделена комплексом полномочий и правовых инструментов, используемых для достижения поставленных целей.

На сегодняшний день в России выработался определенный механизм защиты прав несовершеннолетних во всех сферах их возможной жизнедеятельности – учебной, жилищной, медицинской и др. Однако одной из наиболее уязвимых сфер являются трудовые права несовершеннолетних, которыми в силу специфики своего предмета нередко пренебрегают работодатели. Несмотря на то, что действующим законодательством был выработан комплекс превентивных, восстановительных и карательных мер, применяемых сотрудниками правоохранительных органов, в том числе и прокуратурой РФ, ситуация на трудовом рынке для несовершеннолетних оставляет желать лучшего и нуждается в совершенствовании.

На сегодняшний день одним из специализированных актов, регламентирующих порядок осуществления прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних, является Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 13 декабря 2021 года № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и интересов» [4]. В нем определены основные направления деятельности органов прокуратуры, осуществляемые в заданных целях: анализ положений упомянутого подзаконного акта показывает, что его содержание в большей степени выстроено посредством наблюдательных мер, ведения мониторинга деятельности организаций и осуществления в них трудовых функций несовершеннолетних и др. Иными словами, отечественный законодатель диктует рекомендации принятия пассивной, «выжидающей» позиции по данному направлению прокурорского надзора, в то время как обстоятельства на трудовом рынке последних лет диктуют необходимость обратного.

Стоит признать, что несовершеннолетние работники являются наиболее уязвимой категорией граждан, чьи права нередко становятся предметом нарушения со стороны недобросовестных работодателей или работодателей так называемого «теневого» рынка труда. Молодые поколения XXI века все чаще становятся субъектом трудовых отношений по достижению возраста 14 или 16 лет, вместе с тем, условия труда последних могут не совпадать с установленными действующим законодательством. Сегодня несовершеннолетние в силу сложной ситуации на рынке труда могут привлекаться в работу самых различных сфер производства, эксплуатироваться по местам постоянной или временной работы, а также привлекаться к участию в преступной деятельности [1]. На наш взгляд, данная проблема основывается на слабо выраженной позиции го-

сударства в обеспечении рабочих мест для несовершеннолетних, отсутствии поддержки в решении вопросов трудоустройства. Как показывает обыденная практика и констатируется в современной научной литературе, самыми частыми нарушениями в сфере трудоустройства несовершеннолетних становится использование бесплатного детского труда в организациях бытового обслуживания, общественного питания, строительства и других сфер. Более того, в эпоху расцвета преступности в глобальной сети Интернет несовершеннолетние могут привлекаться к эксплуатации труда в сфере распространения наркотиков, индустрии сексуальных услуг и порнографической продукции [3]. Прокурорский надзор в данном случае практически не имеет смысла, поскольку корень проблемы лежит в использовании превентивных инструментов прокурорского надзора, а не в мерах прокурорского реагирования по факту выявленных с помощью обращений правонарушений. Кроме того, несовершеннолетние работники являются особо уязвимой категорией граждан для манипуляций со стороны работодателей, которые пользуются незнанием детьми основ действующего законодательства и страхом отстаивания своих прав перед взрослой категорией населения [2]. На основании этого, целесообразно «переформатировать» подход законодателя к сущности прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних.

Безусловно, превалирующая доля нарушений трудового законодательства при устройстве на работу несовершеннолетних сосредоточена в частном секторе экономики, контролировать который возможно лишь при активной и инициативной деятельности и правоохранительных органов путем проведения выездных проверок. В свою очередь, это позволит органам прокуратуры охватить больший сектор контроля и надзора, выявить нарушения трудовых прав несовершеннолетних без обращения последних или их представителей в органы опеки и попечительства, трудовую инспекцию и др., тем самым в полной мере своих возможностей исполнить превентивную функцию прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних.

Резюмируя содержание проблем, сложившихся в сфере трудоустройства несовершеннолетних и ведения прокурорского надзора в исследуемой области, считаем необходимым введение в действующее законодательства норм, регламентирующих право сотрудников органов прокуратуры осуществлять регулярные выездные проверки в целях контроля исполнения трудового законодательства. Кроме того, следует упорядочить систему взаимодействия прокуратуры РФ с иными правоохранительными органами, государственной инспекцией труда, а также органами опеки и попечительства в целях усиления контроля за соблюдением законодательства при трудоустройстве несовершеннолетних. В частности, установить каналы обмена необходимой информацией о случаях выявления соответствующих нарушений, поступления жалоб или вопросов, а также ведения контрольного учета работы организаций, в которые чаще всего обращаются несовершеннолетние граждане для трудоустройства и которые ранее уже привлекались к ответственности за подобные нарушения (объекты бьюти-индустрии, рестораны и кафе, строительные организации и т. п.).

Список источников

1. Дылдина О. В. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних // Форум молодых ученых. 2018. № 9. С. 259–265.

2. Кабделова А. М., Волошина М. Д. Прокурорский надзор за защитой трудовых прав несовершеннолетних // Крымские юридические чтения. Прокуратура России: в преддверии 300-летия. 2021. № 1. С. 125–128.

3. Москвин А. О. Прокурорский надзор за исполнением законов о труде несовершеннолетних // Аллея науки. 2024. № 1. С. 1–5.

4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 13 декабря 2021 года № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и интересов» URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 09.09.2025).

УДК 34.09

Веселова Ксения Александровна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
veselov_a.v@mail.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
n_ganzha@kosgos.ru

Правовые основы наставничества в системе Министерства внутренних дел: проблемы и перспективы

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы отсутствия нормативного закрепления института наставничества в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Подчеркивается значение наставничества для адаптации и профессионального становления молодых сотрудников органов внутренних дел. Анализируется современное состояние правового регулирования службы, отмечается необходимость дополне-*

© Веселова К. А., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В., 2025

ния Федерального закона № 342-ФЗ положениями, закрепляющими наставничество как элемент прохождения службы. Предлагаются направления совершенствования законодательства и организационных основ кадровой политики в системе МВД.

Ключевые слова: *наставничество, органы внутренних дел, прохождение службы, кадровая политика, правовое регулирование, адаптация сотрудников.*

Veselova Kseniya Alexandrovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna
candidate of pedagogical sciences
associate professor of the department
of civil law disciplines Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal basis of mentoring in the system Ministry of Internal Affairs: problems and prospects

Annotation. *The article examines the problems associated with the lack of legal regulation of the mentorship institution in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The importance of mentorship for the adaptation and professional development of young employees is emphasized. The current state of legal regulation of public service is analyzed, and the necessity of amending Federal Law No. 342-Federal Low by introducing provisions that establish mentorship as an element of service is discussed. The article proposes directions for improving legislation and organizational mechanisms within the personnel policy of the Ministry of Internal Affairs.*

Keywords*: mentorship, internal affairs bodies, service, personnel policy, legal regulation, staff adaptation.*

Система органов внутренних дел Российской Федерации представляет собой сложный государственно-правовой механизм, обеспечивающий охрану общественного порядка, защиту прав и свобод граждан, противодействие преступности и обеспечение национальной безопасности [1]. Эффективность деятельности МВД напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки кадров, их морально-психологической устойчивости и способности к адаптации в условиях повышенной ответственности [2].

В последние годы кадровая система МВД сталкивается с рядом вызовов: текучесть кадров среди молодых специалистов, эмоциональное выгорание, дефицит мотивации и недостаточная вовлеченность руководителей среднего звена в процесс адаптации сотрудников [3]. Одним из инструментов решения данных проблем является институт наставничества – форма индивидуальной профессиональной поддержки, которая позволяет не только ускорить адаптацию, но и укрепить преемственность служебного опыта [4; 5].

Несмотря на то, что наставничество используется в кадровой практике МВД, оно не имеет закрепления на уровне федерального законодательства. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» [6] не содержит ни определения, ни порядка реализации наставнической деятельности.

Некоторые аспекты отражены в подзаконных актах, например в Приказе МВД России от 26 марта 2013 г. № 170 «Об организации работы по профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» [7]. Однако этот документ лишь частично регулирует подготовку молодых специалистов, не устанавливая системности наставничества, его целей, задач, прав и обязанностей наставника и подопечного.

По мнению М. А. Шелеповой и Ж. К. Маликова, отсутствие единой нормативной модели наставничества приводит к разрозненности практик на местах и снижает эффективность кадровой адаптации [4]. С этим согласны Н. П. Маюров и В. С. Бялт, которые подчеркивают, что кадровая работа в органах внутренних дел требует не только юридической, но и организационно-методической унификации [5].

Результаты эмпирического исследования, проведенного среди курсантов и сотрудников органов внутренних дел, показали, что 61 % респондентов заявили об отсутствии в их подразделениях формальной системы наставничества, а еще 22 % отметили, что она существует лишь «на бумаге» [6]. При этом подавляющее большинство (82 %) считают, что наличие наставника облегчает процесс профессиональной адаптации и снижает риск увольнения в первые два года службы [4; 7].

Отсутствие структурированного наставничества усиливает текучесть кадров: молодые сотрудники не получают поддержки, теряют мотивацию и уходят из системы. В условиях высокой психологической нагрузки молодые сотрудники нуждаются не только в контроле, но и в эмоциональной и профессиональной поддержке со стороны опытных коллег [5; 7].

Таким образом, институт наставничества должен рассматриваться не как формальность, а как неотъемлемая часть кадровой политики МВД, обеспечивающая формирование профессиональной идентичности сотрудника [4; 5].

Для устранения выявленных проблем представляется необходимым включить в Федеральный закон № 342-ФЗ отдельную статью, устанавливающую наставничество как элемент прохождения службы.

Предлагаемая формулировка:

«Наставничество в органах внутренних дел – это деятельность опытных сотрудников, направленная на профессиональную адаптацию, развитие и обучение сотрудников, проходящих службу менее двух лет. Наставник назначается приказом руководителя подразделения из числа лиц, имеющих стаж службы не менее пяти лет. Порядок организации наставничества определяется Министерством внутренних дел Российской Федерации» [6; 7].

Подобная норма обеспечит правовую определенность статуса наставника, закрепление гарантий для молодых сотрудников, обязательность организации наставничества во всех подразделениях и единые требования к подготовке и ат-

тестации наставников. Также необходимо разработать методические инструкции и рекомендации для наставников, составить перечень обязанностей наставника, предусмотреть штатное расписание и разработать соответствующие документы для закрепления наставничества на уровне подразделения [4; 5].

Закрепление наставничества на законодательном уровне будет способствовать решению ряда кадровых задач: снижению текучести кадров через системную адаптацию и укрепление доверительных отношений между сотрудниками; повышению качества профессиональной подготовки за счет передачи практических навыков и этических стандартов; укреплению корпоративной культуры МВД, формируя атмосферу взаимопомощи и ответственности; формированию кадрового резерва, где наставники становятся потенциальными лидерами и управленцами [4; 5]. Наставничество также снижает уровень тревожности у новичков, повышает уверенность и чувство принадлежности к коллективу, что в совокупности способствует росту эффективности службы и укреплению авторитета МВД [6; 7].

Наставничество в органах внутренних дел является стратегическим элементом кадровой политики. Его отсутствие на уровне федерального закона приводит к фрагментарности практики и потере управляемости кадровыми процессами. Закрепление института наставничества в Федеральном законе № 342-ФЗ создаст единые правовые рамки, повысит профессиональный уровень сотрудников и обеспечит преемственность служебного опыта. Для эффективного внедрения необходимо разработать методические документы, инструкции, перечень обязанностей наставников, штатное расписание и другие регламентирующие документы, которые закрепят наставничество как полноценный инструмент кадрового развития и адаптации сотрудников МВД [4; 5].

Список источников

1. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342/ (дата обращения: 03.09.2025).

2. Приказ МВД России от 26.03.2013 № 170 «Об организации работы по профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170/ (дата обращения: 03.09.2025).

3. Приказ МВД России от 28.12.2018 № 1013 «Об утверждении Положения о подготовке кадров для органов внутренних дел Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1013/ (дата обращения: 03.09.2025).

4. Шелепова М. А., Маликов Ж. К. Особенности прохождения государственной службы в органах внутренних дел: поступление и аттестация. URL: https://www.urait.ru/book/ostatki-gosudarstvennoy-sluzhby-34265 (дата обращения: 03.09.2025).

5. Маюров Н. П., Бялт В. С. Актуальные вопросы нормативного правового регулирования порядка прохождения службы в ОВД, служебного времени

и времени отдыха. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-normativnogo-regulirovaniya-prohozhdeniya-sluzhby (дата обращения: 03.09.2025).

6. Скачкова И. И., Антимонова О. Н., Камышанова Л. В. Кадровая политика в органах внутренних дел РФ. URL: https://www.norma.ru/catalog/kadrovaia-politika-v-ovd/ (дата обращения: 03.09.2025).

7. Яковцов С. А., Пашин В. М. Ретроспективный анализ и перспективы кадровой политики МВД. URL: https://www.russianlawjournal.ru/article/retrospektivnyy-analiz-kadrovoj-politiki-mvd (дата обращения: 03.09.2025).

8. Скачкова И. И., Антимонова О. Н., Камышанова Л. В. Кадровая политика в органах внутренних дел РФ. URL: https://www.norma.ru/catalog/kadrovaia-politika-v-ovd/ (дата обращения: 03.09.2025).

9. Яковцов С. А., Пашин В. М. Ретроспективный анализ и перспективы кадровой политики МВД. URL: https://www.russianlawjournal.ru/article/retrospektivnyy-analiz-kadrovoj-politiki-mvd (дата обращения: 03.09.2025).

УДК 349.3

Веселова Ксения Александровна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
veselov_a.v@mail.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
n_ganzha@kosgos.ru

Организационные проблемы прохождения службы в органах внутренних дел и пути их решения

Аннотация. *В статье рассматриваются основные организационные проблемы прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, выявленные в ходе эмпирического исследования. Анализируются факторы, влияющие на эффективность служеб-*

© Веселова К. А., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В., 2025

ной деятельности сотрудников: повышенная нагрузка, текучесть кадров, слабая система наставничества, недостаточная мотивация. Предлагаются меры организационного и нормативного характера, направленные на совершенствование кадровой политики и повышение эффективности прохождения службы.

Ключевые слова: *органы внутренних дел, прохождение службы, кадровая политика, наставничество, текучесть кадров, профессиональное выгорание, организация службы.*

Veselova Kseniya Alexandrovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna
candidate of pedagogical sciences
associate professor of the department
of civil law disciplines Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Organizational problems of service in the internal affairs bodies and ways to solve them

Annotation. *The article examines the main organizational problems of service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, identified through empirical research. The factors affecting the efficiency of employees' service activities are analyzed: increased workload, high staff turnover, weak mentoring system, and insufficient motivation. The paper proposes organizational and legal measures aimed at improving personnel policy and increasing the efficiency of service in the Ministry of Internal Affairs system.*

Keywords*: internal affairs bodies, service, personnel policy, mentoring, staff turnover, burnout, organization of service.*

Органы внутренних дел Российской Федерации являются основным институтом, обеспечивающим защиту прав и свобод граждан, поддержание общественного порядка и безопасность общества [1]. Эффективность деятельности системы МВД напрямую зависит от профессионализма, мотивации и психологической устойчивости сотрудников [2].

В последние годы наблюдается тенденция к росту текучести кадров, снижению интереса выпускников вузов МВД к продолжению службы, а также увеличению числа увольнений по собственному желанию в первые годы после поступления на службу [3; 4]. Эти явления отражают системные организационные проблемы, требующие не только управленческого, но и нормативного решения. Проблема организационных аспектов прохождения службы особенно актуальна в контексте реформирования государственной службы и повышения требований общества к качеству правоохранительной деятельности [5].

Для выявления актуальных проблем прохождения службы было проведено эмпирическое исследование, включающее анкетирование 152 респондентов: сотрудников органов внутренних дел (72 человека), курсантов образовательных

организаций МВД России (45 человек), а также преподавателей и юристов, специализирующихся на вопросах государственной службы. Дополнительно проведено 12 интервью с представителями различных подразделений – участковых уполномоченных, инспекторов ГИБДД, сотрудников дежурных частей и кадровых служб [6].

Во-первых, высокая служебная нагрузка. Более 70 % опрошенных сотрудников отметили, что ненормированный график, переработки и частые дежурства без компенсации приводят к эмоциональному истощению и профессиональному выгоранию. В условиях дефицита кадров нагрузка распределяется неравномерно, что снижает общую эффективность подразделений [6].

Во-вторых, проблема текучести кадров. Согласно данным опроса, около 57 % респондентов указали, что в их подразделениях наблюдается регулярная сменяемость личного состава, особенно среди молодых сотрудников со стажем менее трех лет. Среди курсантов вузов МВД 43 % признались, что не рассматривают службу в органах внутренних дел как долгосрочную карьеру [6]. Основные причины — высокая нагрузка, низкий уровень материальной мотивации и отсутствие перспектив профессионального роста.

В-третьих, слабая система наставничества. 61 % респондентов заявили, что официального института наставничества в их подразделениях нет или он существует лишь формально [6]. Молодые сотрудники нередко сталкиваются с трудностями адаптации и недостаточной поддержкой со стороны руководства.

Кроме того, были выявлены организационные дефициты: неэффективное планирование служебного времени, отсутствие систематической оценки качества труда, слабое использование психологических и адаптационных механизмов. Все это приводит к снижению мотивации, росту утомляемости и, как следствие, увеличению числа увольнений по собственному желанию.

Для решения выявленных проблем целесообразно предпринять следующие меры:

1. Совершенствование нормативного регулирования служебного времени – введение обязательного учета переработок и компенсационных дней отдыха.

2. Введение в Федеральный закон № 342-ФЗ нормы о наставничестве как обязательного элемента прохождения службы для сотрудников со стажем менее двух лет.

3. Развитие системы кадрового мониторинга с целью анализа причин текучести и разработки индивидуальных программ профессионального развития.

4. Повышение уровня социальной поддержки сотрудников, включая расширение пакета гарантий для молодых специалистов.

5. Организация программ психологической и профессиональной адаптации, направленных на профилактику эмоционального выгорания.

Реализация этих мер позволит укрепить кадровый потенциал органов внутренних дел, повысить привлекательность службы и снизить уровень текучести. Анализ показал, что организационные проблемы прохождения службы имеют комплексный характер и обусловлены как кадровым дефицитом, так и несовершенством правового регулирования [4].

Внедрение системы наставничества, совершенствование режима служебного времени, повышение прозрачности карьерного роста и развитие кадрового

мониторинга позволит укрепить профессиональный состав органов внутренних дел и обеспечить надлежащее качество исполнения служебных обязанностей.

Список источников

1. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342/ (дата обращения: 03.09.2025).

2. Приказ МВД России от 26.03.2013 № 170 «Об организации работы по профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170/ (дата обращения: 03.09.2025).

3. Демидов А. В., Киселёв С. В. Организация службы в органах внутренних дел: кадровая политика и практика. URL: https://www.urait.ru/book/organizacionnaya-sluzhba-ovd (дата обращения: 03.09.2025).

4. Миронов В. Г., Фролов А. П. Текучесть кадров и адаптация сотрудников в органах внутренних дел. URL: https://www.mvd.ru/vestnik/issue/4-2022 (дата обращения: 03.09.2025).

5. Павлов Д. В., Иванова Н. А. Наставничество и профессиональная подготовка в органах внутренних дел РФ. URL: https://www.norma.ru/catalog/nastavnichestvo-ovd/ (дата обращения: 03.09.2025).

УДК 347.2.3:004

Воронина Ирина Олеговна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
voroninai2004@gmail.com

Гулиева Алина Фуадовна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
guliyeva.lina@inbox.ru

Лебедева Софья Максимовна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
sonalebedeva04@mal.ru

Проблемы регулирования криптовалютной биржи

Аннотация. *Сегодня мир стоит на пороге цифровой революции, которая затронет все сферы общественной жизни. Криптовалюты являются одной из наиболее актуальных тем, когда речь заходит о диджитализации экономики. В данной статье дается определе-*

© Воронина И. О., Гулиева А. Ф., Лебедева С. М., 2025

ние криптовалют, а также отдельно описывается технология блокчейна, являющаяся основой их функционирования. Авторы выделяют преимущества блокчейна и криптовалют и демонстрирует механизм их работы. В статье анализируется эволюция криптовалют и классифицируются причины, позволившие им занять свое место в современной финансовой системе. По мнению авторов, объективная технологическая ценность криптовалют как распределенной криптографической платформы для обмена платежными единицами была на первом этапе поддержана представителями диджерати, которые развили идейную составляющую. Впоследствии криптовалюты привлекли внимание нелегального бизнеса и спекулянтов, что негативно сказалось на их перспективах как «валюты будущего». Сегодня они выступают как специфический цифровой актив, обладающий рядом качеств, которые в дальнейшем могут позволить стать ему конкурентом фиатным валютам.

Ключевые слова: *криптовалюты, Bitcoin, биткойн, виртуальная экономика, цифровизация.*

Voronina Irina Olegovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Guliyeva Alina Fuadovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Lebedeva Sofya Maksimovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of regulation of the cryptocurrency exchange

Annotation. *Today, the world is on the threshold of a digital revolution that will affect all spheres of public life. Cryptocurrencies are one of the most relevant topics when it comes to the digitalization of the economy. This article defines cryptocurrencies, and separately describes the blockchain technology, which is the basis of their Functioning. The author's highlights the advantages of blockchain and Cryptocurrencies and demonstrates the mechanism of their work. The article analyzes the evotion of cryptocurrencies and classifies the reasons that allowed them to take their place in the modern financial system. According to the author's, the objective technological value of cryptocurrencies as a distributed cryptographic platform for the exchange of payment units was supported at the first stage by representatives of the didgerati, who developed the ideological component. Subsequently, cryptocurrencies attracted the attention of illegal businesses and speculators, What? Had a negative impact on their Prospects as "currency of the future". Today they act as a specific digital asset with a number of qualities that may allow it to become a competitor to fiat currencies in the future.*

Keywords: *Cryptocurrencies, Bitcoin, Bitcoin, virtual economy, digitalization.*

Криптовалютные биржи играют центральную роль в современной цифровой экономике. Они выступают как связующее звено между участниками рынка, позволяя обменивать криптовалюты на традиционные деньги и другие цифровые активы. Кроме того, они предоставляют услуги по хранению средств и инструменты для торговли. Однако высокая степень анонимности, возможность совершать сделки в любой точке мира и отсутствие единых правил игры создают серьезные препятствия для правоохранительных органов и государств, стремящихся регулировать этот сектор финансового рынка [2].

Данная работа ставит своей целью изучить сложности, связанные с правовым регулированием криптовалютных бирж. Мы проанализируем действующее законодательство и выявим основные противоречия, которые мешают созданию эффективной правовой системы.

1. Юридический статус криптовалютных бирж

1.1. Международный контекст

Подходы к регулированию криптовалютных бирж сильно разнятся по всему миру.

В США налоговая служба (IRS) считает криптовалюты имуществом, а Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) и Комиссия по торговле товарными фьючерсами (CFTC) рассматривают их как ценные бумаги или товары, в зависимости от типа токена. Биржи обязаны регистрироваться как операторы денежных переводов и соблюдать правила по борьбе с отмыванием денег (AML/KYC).

Европейский союз в 2023 году принял Регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets), который устанавливает единые правила для поставщиков крипто-услуг, включая требования к лицензированию бирж и обеспечению прозрачности операций.

Япония законодательно закрепила обязательное лицензирование криптобирж в рамках закона о платежных услугах.

Таким образом, мировая практика показывает явную тенденцию к легализации криптобирж путем их интеграции в систему финансового надзора.

1.2. Российское законодательство

В России правовой статус криптовалют определен Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Ключевые моменты:

Цифровая валюта не является законным платежным средством.

Разрешены операции по покупке и продаже цифровых активов, но их использование для расчетов на территории РФ запрещено.

Деятельность операторов по обмену цифровой валюты находится под контролем Банка России.

Введены требования по идентификации пользователей (аналогично KYC).

Тем не менее, классические криптовалютные биржи (такие как Binance, Coinbase и другие) в России фактически существуют вне правового поля. Отсутствует четкий механизм лицензирования, регулирования трансграничной торговли и налогообложения таких операций.

С 2025 года в России планируется усилить контроль за доходами от криптовалют. Ожидается введение реестра майнеров, установление лимитов для физических лиц, применение двухступенчатой системы налогообложения доходов от операций с криптовалютой, а также введение обязательной отчетности.

С 19 августа 2024 года действует запрет на рекламу криптовалют. Это включает запрет на рекламу цифровых валют, продвижение товаров и услуг,

связанных с оборотом криптовалют, а также публичные призывы к инвестированию в криптовалюты.

2. Основные вызовы в регулировании криптовалютных бирж

2.1. Трансграничный характер сделок

Криптовалютные биржи действуют по всему миру, но законы, регулирующие их деятельность, принимаются на уровне отдельных стран. Это создает путаницу, когда сделки совершаются между людьми из разных государств, что усложняет контроль со стороны национальных властей.

2.2. Анонимность и риски незаконного оборота средств

Даже с существующими мерами по борьбе с отмыванием денег и проверке клиентов (AML/KYC), криптовалюты по-прежнему позволяют сохранять высокий уровень анонимности, особенно на децентрализованных платформах (DEX). Это делает их привлекательными для финансирования терроризма, уклонения от уплаты налогов и легализации доходов, полученных преступным путем.

2.3. Отсутствие единых правил для получения лицензий

Даже в странах, где криптовалютные биржи регулируются, требования к ним сильно различаются. Это подталкивает участников рынка к регистрации в офшорных зонах с менее строгими правилами, что снижает уровень защиты для инвесторов.

2.4. Неопределенность в налогообложении

Во многих странах, включая Россию, правила налогообложения операций с криптовалютами либо неясны, либо регулируются лишь частично. Сложности возникают при определении суммы, с которой нужно платить налог, момента получения прибыли и при трансграничном характере сделок.

2.5. Технологические уязвимости

Криптовалютные биржи могут стать жертвами кибератак, что ставит под угрозу средства миллионов инвесторов. В настоящее время законодательство не предусматривает четких механизмов компенсации ущерба клиентам в случае взлома биржи.

Пути улучшения регулирования

Экспериментальный правовой режим: В России с марта 2025 года вводится специальный режим для торговли криптовалютами, доступный только для очень состоятельных инвесторов (с капиталом от 100 млн рублей или доходом от 50 млн рублей в год).

Международное сотрудничество: необходимо разработать общие правила для лицензирования криптобирж и наладить обмен информацией между регуляторами разных стран.

Специальное законодательство: России нужен отдельный закон, который бы четко определял статус криптовалютных бирж, требования к их капиталу, ответственность и механизмы контроля.

Современные технологии для надзора: Использование искусственного интеллекта для отслеживания транзакций и выявления подозрительной активности.

Защита инвесторов: Введение обязательного страхования вкладов клиентов криптобирж, подобно тому, как это работает в банковской системе.

Ясные налоговые правила: Создание понятных и прозрачных правил для декларирования и уплаты налогов с операций с цифровыми валютами [1].

Регулирование деятельности криптовалютных бирж представляет собой одну из наиболее комплексных и актуальных задач, стоящих перед современным правовым полем. Государство, будучи заинтересованным в стимулировании развития цифровой экономики и привлечении инвестиционных потоков, одновременно сталкивается с необходимостью обеспечения макроэкономической стабильности, пресечения незаконных финансовых операций (включая отмывание доходов) и защиты прав инвесторов. Анализ международного опыта указывает на целесообразность интеграции криптовалютных бирж в существующую систему финансового регулирования, при условии сохранения гибкости и учета специфических технологических характеристик. В контексте Российской Федерации, ключевыми направлениями станут разработка специализированного нормативно-правового акта, формирование института лицензирования и создание правовых инструментов для обеспечения защиты субъектов рынка.

Список источников

1. Баева А. С., Рак А. В. Изменчивость курса биткоина // Индустрия современного банковского обслуживания: настоящее и будущее : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Владивосток : Дальневосточный федер. ун-т, Школа экономики и менеджмента, 2023. С. 107–111.

2. Кудряшова Е. В. Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // Финансовое право. 2022. № 6. С. 7–11. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 06.11.2025).

УДК 342.9

Галанова Варвара Дмитриевна
студент, Сибирский государственный университет путей сообщения
г. Новосибирск, Российская Федерация
varvaragalanova8@gmail.com

Доктрина административной ответственности: эволюция подходов и современные проблемы

Аннотация. *Статья посвящена исследованию эволюции доктрины административной ответственности, анализу ключевых подходов к ее пониманию и современным проблемам правоприменения. Рассматриваются исторические этапы формирования административной ответственности, изменения в законодательстве и доктринальных интерпретациях. Особое внимание уделяется актуальным вопросам, таким как дифференциация ответ-*

© Галанова В. Д., 2025

ственности, баланс публичных и частных интересов, а также проблемы процессуальных гарантий.

Ключевые слова: *административная ответственность, эволюция правовых подходов, административные правонарушения, законодательные реформы, процессуальные гарантии.*

Galanova Varvara Dmitrievna
student, Siberian State University of Railway Transport
Novosibirsk, Russian Federation

The doctrine of administrative responsibility: the evolution of approaches and modern problems

Annotation. *The article examines the evolution of the doctrine of administrative liability, analyzing key approaches to its understanding and contemporary challenges in law enforcement. It explores the historical stages of the formation of administrative liability, changes in legislation, and doctrinal interpretations. Special attention is given to current issues, such as the differentiation of liability, the balance between public and private interests, and problems related to procedural safeguards.*

Keywords: *administrative liability, evolution of legal approaches, administrative offenses, legislative reforms, procedural safeguards.*

Административная ответственность, являясь неотъемлемым элементом механизма государственного управления, играет ключевую роль в обеспечении законности и правопорядка в различных сферах общественной жизни.

Совершенствование законодательства об административных правонарушениях и оптимизация правоприменительной практики, обеспечивающие баланс между защитой публичных интересов и гарантией прав и свобод граждан, невозможны без глубокого анализа эволюции доктринальных подходов к административной ответственности и выявления современных проблем, препятствующих ее функционированию.

В юридической доктрине административная ответственность рассматривается с различных позиций. Так, И. А. Галаган [2], Е. В. Зенькович [3], М. В. Шустикова [7] трактуют ее как самостоятельный правовой институт, включающий материальные и процессуальные нормы, регулирующие основания и порядок привлечения к ответственности, а также применение административных наказаний. Н. В. Витрук [1] и В. И. Иванов [4] определяют ее как механизм государственного осуждения и правоприменения, направленный на восстановление нарушенного правопорядка и предупреждение дальнейших правонарушений.

Формирование административной ответственности как самостоятельной формы ответственности за малозначительные правонарушения связывается учеными с принятием в 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

С началом советского периода истории российской государственности институт административной ответственности получает самостоятельное нормативно-правовое закрепление в законодательстве. В качестве первых основополагающих нормативных правовых актов, изданных в 20-е гг. XX столетия

и предусматривавших общие правила применения мер административной ответственности, можно назвать Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) от 27 июля 1922 г. «О порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [6] и т. д.

Позднее Постановлением Верховного Совета РСФСР от 20 июня 1984 г. был принят Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (КоАП РСФСР) с введением его в действие с 1 января 1985 г.

После распада Советского Союза в 1991 г. и возникновения по сути нового государства – Российской Федерации КоАП РСФСР продолжил свое действие на территории постсоветской России. Федеральным законом от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ был утвержден Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, который введен в действие с 1 июля 2002 г. [5].

Административная ответственность в России представляет собой динамично развивающийся правовой институт, который, несмотря на свою систематизированность в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), сталкивается с рядом проблем. Одной из ключевых проблем является нестабильность и противоречивость законодательной базы. КоАП РФ подвергается частым изменениям, что приводит к правовой неопределенности и усложняет его применение. Например, регулярное ужесточение санкций за отдельные виды правонарушений (такие как нарушения ПДД или экологические нормы). Это порождает ситуацию, когда нормы, принятые в целях усиления контроля, на практике оказываются избыточными и создают дополнительную нагрузку на граждан и бизнес.

Серьезной проблемой остается произвол и коррупционные риски в деятельности правоохранительных и контролирующих органов. Несмотря на формальное закрепление процессуальных гарантий, на практике сохраняются случаи необоснованного привлечения к ответственности, особенно в сфере предпринимательской деятельности. Так, внеплановые проверки бизнеса зачастую проводятся без достаточных оснований, а штрафные санкции применяются без учета реальных масштабов нарушения. Это подрывает доверие к институту административной ответственности и требует усиления механизмов судебного и общественного контроля за действиями должностных лиц.

Цифровизация административного процесса, также порождает новые вызовы. Внедрение автоматизированных систем фиксации правонарушений (таких как камеры фото- и видеофиксации) привело к росту количества налагаемых штрафов, но одновременно выявило проблему технических ошибок и отсутствия эффективных способов их оспаривания. Кроме того, масштабное использование информационных систем повышает вероятность утечек и несанкционированного доступа.

Эволюция доктрины административной ответственности в России демонстрирует ее сложный и противоречивый путь развития – от фрагментарных полицейских наказаний до систематизированного, но не лишенного недостатков правового института в современном КоАП РФ[5].

Однако сегодня перед этим институтом стоят серьезные вызовы. Ужесточение административных санкций, проблемы правоприменения, включая коррупционные риски и злоупотребления со стороны контролирующих органов, подрывают доверие к системе. Одновременно цифровизация административного процесса, при всех ее преимуществах, порождает новые сложности – от ошибок автоматизированных систем до угроз конфиденциальности персональных данных.

Список источников

1. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 432 с.
2. Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. 252 с.
3. Зенькович Е. В. Административная ответственность в ряде стран Европы: сравнительное исследование : монография. М. : Норма, 2023. 128 с.
4. Иванов В. И. Административная ответственность: системно-правовой анализ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3(65). С. 16–23.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2024). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.09.2025).
6. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. О. И. Чистяков. М. : Юрид. лит., 1988. 432 с.
7. Шустикова М. В. Особенности административной ответственности как формы юридической ответственности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6(9). С. 258–263.

УДК341.9

Гузанова Вероника Анатольевна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
guzanova.veronika@yandex.ru

Институт усыновления в международном праве

Аннотация. *В данной работе рассмотрены проблемы международного усыновления, обусловленные тем, что оно затрагивает интересы не только детей и родителей, но и также государств, участвующих в процессе.*

Ключевые слова: *усыновление, международное право, семейное право, усыновление иностранными гражданами, усыновление лицами без гражданства, Российская Федерация.*

© Гузанова В. А., 2025

Guzanova Veronika Anatol'evna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The institute of adoption in international law

Annotation. *This paper examines the problems of international adoption, due to the fact that it affects the interests not only of children and parents, but also of the States involved in the process.*

Keywords: *adoption, international law, family law, adoption by foreign citizens, adoption by stateless persons, Russian Federation.*

Институт усыновления представляет собой важный аспект семейного права, который затрагивает не только внутренние правовые системы государств, но и международные нормы. Усыновление, как процесс, направленный на создание новых семейных связей и защиту прав детей, требует четкого правового регулирования, чтобы обеспечить безопасность и благополучие всех участников. В условиях глобализации и увеличения миграционных потоков, вопросы усыновления становятся все более актуальными, что подчеркивает необходимость изучения особенностей правового регулирования этого института в международном праве.

Сотрудничество между государствами в сфере усыновления является важным аспектом, который способствует созданию безопасных условий для усыновления и защите прав детей.

Международный контекст усыновления требует особого подхода, так как в разных странах существуют различные культурные, социальные и правовые нормы, влияющие на процесс усыновления. Эти различия могут создавать препятствия для осуществления транснационального усыновления, когда усыновители из одной страны хотят усыновить ребенка из другой. Правовое регулирование в этой сфере играет жизненно важную роль, помогая установить стандарты и гарантии, которые должны соблюдаться в процессе усыновления, и обеспечивая защиту прав всех участников.

Конвенция о правах ребенка [1], принятая в 1989 году, стала важным этапом в признании прав детей. В ней закреплены основные принципы, такие как право на жизнь, развитие, защиту от насилия и на участие в жизни общества. Эти принципы налагают обязательства на государства обеспечить наилучшие интересы ребенка при любых действиях, включая усыновление. Документ предполагает, что только те усыновления, которые соответствуют интересам ребенка, могут быть признаны законными и действительными, тем самым гарантируя защиту уязвимых группы детей.

Конвенция о защите детей и о сотрудничестве в сфере иностранного усыновления [2], подписанная в 1993 году, рассматривает иностранное усыновление в контексте защиты прав ребенка на полноценную семью. Этот документ устанавливает рекомендации и процедуры, которые должны соблюдаться всеми участниками процесса усыновления.

Правовое регулирование института усыновления сталкивается с множеством проблем, которые препятствуют его эффективному функционированию на международном уровне. Одной из ключевых трудностей является отсутствие единообразия норм в разных юрисдикциях. Каждое государство придерживается собственных представлений о том, что такое усыновление, что создает правовую неопределенность и может привести к конфликтам юрисдикций. На практике усыновление может быть затруднено из-за различий в национальных процедурах и требованиях, что ставит под угрозу интересы детей и потенциальных усыновителей [3].

Эти различия также осложняют унификацию норм, так как государства часто рассматривают этот процесс как вмешательство в свои внутренние дела. Причинами такого сопротивления могут быть культурные и религиозные особенности, а также стремление сохранить суверенитет. В результате, несмотря на существующие международные соглашения, такие как Гаагская конвенция о международном усыновлении, эффективная координация между странами остается под вопросом.

Другая проблема – это недостаток механизмов мониторинга и ответственности на международном уровне. Страны могут не выполнять свои обязательства, указанные в международных договоренностях, что снижает стимулы к соблюдению норм. Это также подрывает доверие к системам усыновления. Отсутствие обязательных стандартов, которые могли бы регулировать последствия ненадлежащего исполнения норм, усугубляет ситуацию [4].

Конфликты интересов между государственными учреждениями и частными лицами становятся еще одним серьезным вызовом. На фоне недостаточной координации между различными ведомствами, занимающимися вопросами усыновления, может возникнуть ситуация, когда интересы детей остаются на втором плане.

Для всех этих проблем видится одно решение – отмена международного усыновления в России. Известно, что в 2024 году вице-спикер Госдумы Анна Кузнецова сообщила, что процесс усыновления иностранцами детей из РФ полностью остановлен. По ее словам, за семь лет иностранцы усыновили 699 российских детей, больше всего – граждане Италии (67 % от всех усыновленных детей), граждане Испании (8 %), Франции, Аргентины и Германии (по 7 % и 5 % соответственно).

Это может быть обусловлено несколькими факторами, как внешними, так и внутренними. К внутренним фактам стоит отнести стремление государства не допустить уменьшение населения, в частности граждан РФ. Также сюда можно отнести и психологический фактор, ведь воспитание ребенка за рубежом иностранными гражданами в условиях иной, отличной от российской, культуры, традиций, под влиянием иного мировоззрения может вызвать некий диссонанс в голове у усыновляемого, если он находится уже в возрасте той или иной степени осознанности.

К внешним факторам следует отнести тот факт, что на данный момент политическая обстановка в мире говорит о том, что многие страны не дружественно настроены по отношению к России. И в связи с этим иностранные граж-

дане при выборе детей на усыновление из других государств скорее отдадут предпочтение при выборе в тех странах, которые наиболее близки к их политическим интересам и взглядам.

Таким образом, существующие рамки правового регулирования усыновления в международном праве требуют критического пересмотра. Неэффективность действующих стандартов и разрозненность норм создают значительные препятствия для достижения глобального согласия и защиты прав всех участников процесса усыновления. Решение данных проблем может привести к более эффективному и гуманному подходу к усыновлению.

Список источников

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.09.2025).

2. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления (Заключена в г. Гааге 29.05.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.09.2025).

3. Коленцова В. В., Тараканов А. В. Международное усыновление. // Право и государство: теория и практика. 2021. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 12.09.2025).

4. Авдеева Л. А., Назина М. А. Усыновление в международном частном праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 12.09.2025).

УДК 347

Гулькина Екатерина Алексеевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Россия
ekaterinagulkina2004@gmail.com

Юридические аспекты потребительского экстремизма

Аннотация. *Статья посвящена исследованию феномена потребительского экстремизма, который представляет собой злоупотребление правами потребителей с целью извлечения необоснованной выгоды. Рассматриваются правовые основания защиты прав потребителей, установленные Гражданским кодексом РФ, Законом РФ «О защите прав потребителей» и судебной практикой Верховного Суда РФ. Анализируются способы выявления признаков недобросовестного поведения покупателей и предлагаются рекомендации по предупреждению и противодействию таким действиям. Статья также затрагивает проблемы квалификации действий потребителя как добросовестных либо недобросовестных*

© Гулькина Е. А., 2025

и перспективы совершенствования действующего законодательства в части предотвращения злоупотреблений правом.

Ключевые слова: *потребительский экстремизм, потребитель услуг, злоупотребление правом, гражданские права, защита прав потребителя.*

Gulkina Ekaterina Alekseevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal aspects of consumer extremism

Annotation. *The article is devoted to the study of the phenomenon of consumer extremism, which is the abuse of consumer rights for the purpose of obtaining unjustified benefits. This article examines the legal basis for consumer protection established by the Civil Code of the Russian Federation, the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights," and the case law of the Supreme Court of the Russian Federation. It analyzes methods for identifying signs of unscrupulous consumer behavior and offers recommendations for preventing and combating such actions. The article also addresses the issues of classifying consumer actions as good faith or bad faith and prospects for improving current legislation in terms of preventing abuse of rights.*

Keywords: *consumer extremism, consumer of services, abuse of rights, civil rights, consumer protection.*

Современная экономика характеризуется значительным ростом числа потребителей, защищенных законодательно установленными гарантиями. Одним из результатов такого подхода является феномен потребительского экстремизма.

Потребительским экстремизмом принято считать недобросовестное поведение потребителей (покупателей), которое выражается в сознательном нарушении норм действующего законодательства, в частности – Гражданского кодекса Российской Федерации, Закона «О защите прав потребителей». Как правило, это поведение обусловлено желанием обогатиться или нанести ущерб бизнесу. Выражается данное противоправное поведение в предъявлении чрезмерных или необоснованных требований продавцу.

Важно отметить, что закон защищает права добросовестных потребителей, обеспечивая механизм восстановления нарушенных прав и компенсации ущерба. Вместе с тем, закон признает существование ситуаций, когда поведение потребителя выходит за рамки разумного и законного и становится инструментом для извлечения необоснованной выгоды. Явной проблемой в данном вопросе является отсутствие четкого законодательного закрепления термина «потребительский экстремизм» в российском праве. В судебной практике, как правило, опираются на ст. 10 ГК РФ, которая лишь раскрывает понятие «злоупотребление правом». Принцип добросовестности в подобных ситуациях является ключевым инструментом. Согласно данному принципу, лица обязаны действовать разумно и осмотрительно, если судом будет установлен факт злоупотребления правом, то последствии реализации данного права могут быть ограничены или отменены. Однако применение данного принципа вызывает ряд сложностей, так как в законе отсутствуют четкие критерии принципа доб-

росовестности. Практическое решение вопроса зависит от усмотрения суда, что порождает неопределенность и снижает предсказуемость судебных решений.

Законодатель устанавливает общие правила защиты прав потребителей, но оставляет открытым вопрос о конкретных признаках злоупотребления такими правами. Например, Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» закрепляет обязанность поставщика возмещать покупателю нанесенный материальный ущерб и моральный вред, однако не предусматривает ограничений на обращение с подобными требованиями [1]. Судебная практика также демонстрирует разнообразие подходов к оценке действий потребителей. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ №17 от 28 июня 2012 г. [4], при рассмотрении гражданских дел судами должна учитываться степень вины каждой из сторон, однако критерии оценивания остаются неопределенными [2]. Именно подобная неопределенность позволяет лицам действовать незаконно и вынуждать поставщиков соглашаться на выполнение необоснованных требований.

Данная проблема обострилась в последние годы, что обусловлено рядом факторов. В настоящий момент увеличивается правовая грамотность населения, граждане стали активнее защищать свои права, однако некоторые из них злоупотребляют своими правами, и используют различные механизмы для извлечения необоснованной выгоды [5, с. 348]. Также особую остроту данная проблема приобретает в условиях цифровой экономики, так как современные технологии позволяют быстро получить доступ к информации о правах потребителей, методах подачи жалоб и судебных процедур, соответственно, рост осведомленности потребителей растет. А сам процесс подачи претензий упрощается за счет развития различных онлайн-сервисов и социальных сетей.

Распознать потребительский экстремизм не всегда бывает просто, однако есть некоторые признаки, которые помогают усмотреть в действиях потребителей злоупотребление правом. Одним из таких признаков является предъявление заведомо абсурдных требований к продавцам, например, потребитель требует замены дорогостоящего товара по незначительным поводам или заявляет о серьезных дефектах товара, но не может подтвердить их фактическими доказательствами. Также, нередко потребительские экстремисты действуют систематически и регулярно, и подают жалобы или обращаются в суды многократно по одному типу товара или услуги. В отношениях с самим производителем или продавцом недобросовестный потребитель может создавать искусственные основания для предъявления претензии. Это может выражаться в намеренном нарушении инструкции по эксплуатации товара, повреждении упаковки или поделке документов, подтверждающих покупку. Требование о выплате несоразмерных компенсаций без достаточного доказательства наличия реального ущерба так же может свидетельствовать о злоупотреблении правом. Нередки случаи, когда потребители отказываются от досудебного урегулирования вопроса и предпочитают сразу переходить к судебным процедурам.

Потребительский экстремизм встречается во всех сферах предоставления услуг, однако наиболее часто данное явление можно встретить на онлайн-сервисах, что связано с повышением популярности различных маркетплейсов

в последние годы. Покупатели возвращают товар/вещь после использования, ссылаясь на какие-либо дефекты или недостатки, говоря, что не заметили этого сразу. Наиболее часто происходят возвраты одежды и обуви, около 50 % от общего числа возвратов. Согласно опросу Федерального общества сетевой торговли в 2024 году 62 % продавцов на маркетплейсах сталкивались с явлением потребительского экстремизма, что подтверждает актуальность выбранной темы [6].

Получает распространение и такой термин, как «пациентский» экстремизм. Данное явление встречается в сферах стоматологии, косметологии и пластической хирургии. В ситуации, когда врачом была совершена какая-либо ошибка в процессе оказания услуги, клиент, обратившись с заявлением о компенсации ущерба, будет прав. Однако нередки случаи, когда пациенты, получив качественную услугу, доказывают обратное и провоцируют конфликт с клиникой для возврата денежных средств за оказанную услугу и получения компенсации [3, с. 69].

Таким образом, проблема потребительского экстремизма в современных реалиях стоит очень остро, а его последствия затрагивают различные стороны общественных отношений. В первую очередь потребительский экстремизм отражается на бизнесе. Компании несут значительные убытки и финансовые потери на оплату штрафов, компенсаций и юридических расходов, что отрицательно сказывается на финансовом положении организации. Помимо этого, ухудшается деловая репутация организации, среди потребителей, партнеров возникают негативные ассоциации, что усложняет процесс привлечения новых клиентов и поиска каналов инвестирования.

Следствием потребительского экстремизма также является недоверие граждан к институту защиты прав потребителей. Широкая распространенность экстремизма порождает сомнения в эффективности существующих механизмов защиты, что порождает недоверие к государственным органам и судебной системе. Также социальным последствием является нарушение принципа равенства всех перед законом, создается ситуация двойных стандартов, когда одни потребители получают преференции за счет других участников рыночных отношений.

Потребительский экстремизм сказывается и на экономике в целом, увеличивается себестоимость товаров и услуг, так как производители вынуждены закладывать дополнительные средства на покрытие рисков, связанных с возможным возникновением споров, что увеличивает себестоимость товара или услуги. Также, замедляется экономический рост, в связи с тем, что предприниматели начинают страховать себя от рисков за счет снижения объемов инвестирования, замедляя тем самым темпы развития экономики.

На сегодняшний день существует ряд механизмов для борьбы с потребительским экстремизмом. Сами предприниматели стараются минимизировать риск возникновения ситуаций злоупотребления правом в отношениях с участием потребителей. Это повышение правовой осведомленности бизнеса, анализ покупательского поведения, оптимизация внутренних процедур, профессиональная помощь квалифицированных юристов. Но государство также предпри-

нимает различные меры в борьбе с явлением потребительского экстремизма. Правительство проводит различные разъяснительные кампании и семинары потребителей, чтобы повысить уровень осведомленности о действительном содержании закона и последствиях злоупотреблений. Расширяется роль органов надзора и контрольных инстанций, которые смогут проверять законность требований потребителей и принимать необходимые меры. Но наиболее важной мерой среди вышеупомянутых служат законодательные инициативы. Одной из таких является поправка в Закон «О защите прав потребителей». Согласно проекту Федерального закона № 958802-8, внесенному в Государственную Думу в июле 2025 года, планируется внесение изменений в действующий закон. Одним из главных нововведений станет введение механизма, который позволит государству взымать штрафы за несоблюдение требований потребителей не в пользу последних, а в пользу государственного бюджета. Эта мера призвана ограничить возможность злоупотребления системой компенсаций и уменьшить стимулы для потребительского экстремизма.

Как было выяснено ранее, первостепенной проблемой в данном вопросе является отсутствие законодательного закрепления термина «потребительский экстремизм». К сожалению, пока что нет законопроекта, который был бы направлен на законодательное закрепление термина «потребительский экстремизм» и его критериев. Таким образом, предлагается внести изменения в Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей», путем внесения в закон новой статьи 47.

Статья 47. Потребительский экстремизм.

1. Потребительский экстремизм – это злоупотребление правами потребителя, предусмотренными настоящим Федеральным законом, с целью получения необоснованной выгоды, нанесения ущерба продавцу (исполнитель, изготовителю) или искусственного создания конфликтных ситуаций.

2. Действия потребителя могут быть квалифицированы как потребительский экстремизм при наличии одного или нескольких из следующих признаков:

– систематичность претензий: неоднократное предъявление необоснованных требований к разным продавцам (исполнителям, изготовителям) в короткий промежуток времени;

– фальсификация доказательств: умышленное искажение фактов, предоставление ложных сведений или подделка документов для обоснования претензий;

– манипуляция законодательством: использование норм закона в целях, не защитой связанных законных интересов потребителя;

– несоразмерность требований: предъявление требований, явно превышающих размер возможного ущерба.

Введение данной статьи в Закон «О защите прав потребителей» окажет значительное влияние на правоприменительную практику, предоставив четкие ориентиры для судов и других органов, занимающихся разрешением споров между потребителями и продавцами. Статья впервые вводит официальное определение потребительского экстремизма, что позволит избежать двусмысленности и субъективных трактовок. Это дает правоприменителям ясное понима-

ние, какие действия потребителя могут быть квалифицированы как злоупотребление правами. Перечисленные в статье критерии потребительского экстремизма предоставят конкретные ориентиры для оценки поведения потребителей. Это облегчит судам и другим органам процесс принятия решений, позволяя более объективно и последовательно подходить к рассмотрению дел.

Но введения новой статьи в закон недостаточно, так как для решения проблемы потребительского экстремизма необходим комплексный подход. Необходимо повышать уровень информированности потребителей и обслуживающего персонала о их правах и обязанностях (зачастую, сами продавцы не знают законодательство о защите прав потребителей и на первой стадии, не желая выполнить требования потребителя, доводят дело до более серьезного конфликта), так же компании должны предоставлять полную информацию о продуктах и услугах во избежание недоразумений и неоправданных ожиданий со стороны потребителей [1, с. 382].

Феномен потребительского экстремизма представляет серьезную опасность для нормального функционирования рыночной экономики. Его распространение нарушает принципы справедливого распределения ресурсов, снижает эффективность хозяйственного механизма и угрожает стабильности всей системы общественного устройства. Поэтому совершенствование законодательства и внедрение эффективных профилактических мер необходимы для преодоления сложившейся тенденции.

Список источников

1. Бельдина О. Г., Бурлака С. Н. Потребительский экстремизм в современных реалиях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11(239). С. 382–383.

2. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 03.09.2025).

3. Кадыров Ф. Н. Способы противодействия «потребительскому (пациентскому) экстремизму» при оказании платных медицинских услуг // Право. 2021. № 2. С. 64–73.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8304/(дата обращения: 03.09.2025).

5. Сторожева А. Н., Дадаян Е. В., Горелова А. С. Потребительский экстремизм // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 347–349;

6. Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/?ref=toptrafficsites/ (дата обращения: 14.09.2025).

УДК 349.444

Заиграева Анастасия Алексеевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
zaigraevaanastasia14082004@gmail.com

Мордзенко Егор Андреевич
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
mordzenkoeg@vk.com

Защита прав и законных интересов инвалидов, проживающих в многоквартирных домах в Костромской области

Аннотация. *Данная статья посвящена актуальным проблемам обеспечения прав и законных интересов инвалидов, проживающих в многоквартирных домах на территории Костромской области. Анализируются существующие нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы доступности жилой среды и социальной инфраструктуры для маломобильных групп населения. Исследуются практические аспекты реализации этих норм, в том числе доступность подъездов, лифтов, придомовой территории, а также наличие специализированного оборудования и услуг. Выявляются основные препятствия, с которыми сталкиваются инвалиды в многоквартирных домах. На основе проведенного анализа, авторами предлагаются конкретные меры по совершенствованию системы защиты прав и законных интересов инвалидов, включая внесение изменений в региональное законодательство.*

Ключевые слова: *инвалиды, многоквартирный дом, доступная среда, маломобильные группы населения, региональное законодательство.*

Zaigraeva Anastasia Alekseevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Mordzenko Egor Andreevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Protection of the rights and legitimate interests of disabled people living in apartment buildings in the Kostroma region

Annotation. *This article is devoted to the actual problems of ensuring the rights and legitimate interests of disabled people living in apartment buildings in the territory of the Kostroma region. It analyzes the existing normative and legal acts regulating the issues of accessibility of the living environment and social infrastructure for immobile groups of population. The practical aspects of the implementation of these norms are studied, including the accessibility of entrances, elevators, adjacent territory, as well as the availability of specialized equipment and services. The main obstacles faced by persons with disabilities in apartment buildings are identified. Based on the analysis, the authors propose specific measures to improve the system of protection of the rights and legitimate interests of the disabled, including amendments to regional legislation, strengthen-*

© Заиграева А. А., Мордзенко Е. А., 2025

ing control over compliance with accessibility requirements, raising awareness of the disabled about their rights and opportunities, as well as the development of mechanisms for public control and participation of the disabled in decision-making concerning their lives.

Keywords: *persons with disabilities, apartment building, accessible environment, low mobility groups, regional legislation.*

Согласно статье второй Конституции Российской Федерации [4], человек, его права и свободы, являются высшей ценностью. Согласно части первой статьи седьмой Конституции Российской Федерации [4], Российская Федерация является социальным государством, что подразумевает его обязательства по материальной и нематериальной поддержке граждан. Эти принципы подтверждают, что в России каждому гражданину гарантируется не только поддержка со стороны государства, но и создание условий для комфортной и доступной жизни.

Особенно важно обеспечение удобств для маломобильных граждан, которые испытывают трудности в передвижении и получении необходимых услуг. В последние годы государство уделяет особое внимание этой категории населения, стремясь обеспечить реализацию их прав и свобод, поскольку одной из актуальных задач является приспособление жилого фонда, так как большинство жилых домов сложившейся застройки были построены по проектам, не отвечающим требованиям доступности для инвалидов. Важным направлением является проведение работ по приспособлению квартир инвалидов-колясочников и входных групп подъездов, в которых они проживают. В условиях, когда строительство нового жилья, приспособленного для инвалидов с ограниченной мобильностью, строится недостаточно, попытки улучшить доступность жилых помещений для этой категории инвалидов путем использования специальных технических средств (пандусов, подъемников) сталкиваются в регионах с серьезными трудностями.

По данным Федеральной службы государственной статистики на 2023 год в Костромской области проживает 52 347 инвалидов, из них 5 341 человек – инвалиды 1 группы, 20 495 человек – инвалиды 2 группы, 24 077 человек – инвалиды 3 группы, 2 434 детей-инвалидов. На основании поступивших заявлений от граждан льготной категории и в соответствии с индивидуальной программой реабилитации и абилитации в рамках заключенных государственных контрактов, путем выплаты компенсации за самостоятельное приобретение, а также посредством электронного сертификата, Отделением Социального Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Костромской области за счет средств федерального бюджета кресло-колясками различных модификаций обеспечено получателей: в 2021 году – 431, в 2022 году – 405, в 2023 году – 508, в 2024 году – 499 [5]. В связи с проведением специальной военной операции увеличилось число граждан, которые получили инвалидность разной степени. Данная проблема приобрела особую актуальность, так как теперь больше граждан нуждается в беспрепятственном доступе к объектам жилой инфраструктуры.

Подробнее остановимся на том, кто же такие маломобильные группы населения и инвалиды. Законодатель дал достаточно краткие, но в то же время доступные для понимания определения. Согласно Приказу Минспорта России, Минтруда России, Минпромторга России «Об утверждении Методических рекомендаций «Обеспечение соблюдения требований доступности при предоставлении услуг инвалидам и другим маломобильным группам населения» [8] маломобильными группами населения являются люди, которые испытывают затруднения при самостоятельном передвижении, получении услуги, необходимой информации или при ориентировании в пространстве. К маломобильным группам населения в данном случае отнесены: инвалиды, люди с временным нарушением здоровья, а также беременные женщины, люди старших возрастов, люди с детскими колясками и т. п.

Согласно первой статье Федерального закона от 24.11.1995 № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [13], инвалидами признаются лица, которые имеют нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты.

Одной из важных инициатив стала государственная программа «Доступная среда» [6], которая была запущена в 2011 году. Ее целью является создание условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни. Однако, несмотря на видимые результаты этой программы на улицах городов, основные трудности остаются внутри жилых помещений.

Как отмечает Е. В. Барашева, в настоящее время сложным является вопрос по установке пандуса в многоквартирном доме. Отсутствие пандуса в части многоквартирных домов является нарушением права инвалида-колясочника на свободное передвижение, т. е. доступную среду, так как в своем большинстве нет возможности преодолеть несколько ступеней инвалиду на первом этаже – по причине отсутствия специального приспособления, он не имеет возможности самостоятельно выйти за пределы квартиры, в связи с чем отсутствует беспрепятственный доступ к объектам социальной инфраструктуры [1, с. 6]. С данной точкой зрения можно согласиться, так как отсутствие пандуса в многоквартирном доме приносит очень много трудностей для инвалида, с которыми в одиночку ему не справиться.

Также Е. В. Барашева затронула важный аспект: оборудовать пандус, который бы отвечал всем техническим параметрам не представляется возможным без получения на это согласия собственников помещений многоквартирного дома [1, с. 8]. Это обусловлено тем, что содержание пандуса входит в счет оплаты за содержание общедомового имущества, а многие собственники не желают нести дополнительные расходы.

В 2016 году Постановлением Правительства Российской Федерации «О мерах по приспособлению жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме с учетом потребностей инвалидов» [7] были утверждены новые требования к доступности жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме для инвалидов. Проект постановления разрабатывался Ми-

нистерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации в рамках реализации Конвенции о правах инвалидов с учетом замечаний и предложений общественных организаций инвалидов. Постановлением утверждены Правила обеспечения условий доступности для инвалидов жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме. Наличие законодательной базы и государственных программ, направленных на социальную поддержку и защиту маломобильных групп населения, свидетельствует о важности этой проблемы для общества. Однако необходимы дальнейшие усилия для обеспечения реальной доступности жилых помещений и общественных мест для всех граждан.

Немало важной проблемой является и то, что собственники квартир отказываются содержать в надлежащем состоянии пандусы. Дело в том, что содержание пандусов является очень затратным и входит в счет оплаты за содержание общедомового имущества. Е. В. Барашева предлагала решить данную правовую проблему с помощью исключения решения собственников многоквартирного дома вопроса установки пандуса в подъезде многоквартирного дома [1, с. 6]. Автор данной работы считает спорной эту позицию, поскольку она нарушает права других собственников. Как уже ранее упоминалось, пандусы являются общедомовым имуществом и их содержание достаточно затратное. Чтобы минимизировать расходы за содержание пандусов, предлагается ввести поощрительные меры поддержки собственников, а именно: ввести льготы по капитальному ремонту. Данная мера поможет повысить мотивацию собственников обслуживать пандусы.

Статьей 26.11 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [11] и статьей 50 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12] предусматривается на региональном и муниципальном уровне содержание имущества, предназначенного для обеспечения жизнедеятельности инвалидов, за счет средств соответствующего бюджета.

Необходимо упомянуть судебную практику, которая позволит определить методы решения данной проблемы не только на территории Костромской области, но и в других, близлежащих регионах, например, Ивановской области.

Из судебной практики Пучежского районного суда Ивановской области [9], можно выделить судебное дело, в котором требования истца, который является инвалидом № группы, по установке и вводу в эксплуатацию пандуса с первого до второго этажа в подъезде, были отклонены. Это было обосновано тем, что истцом суду не представлено относимых и допустимых доказательств необходимого способа (приспособления) для беспрепятственного доступа инвалида к жилому помещению на втором этаже в многоквартирном доме. Кроме того, истцом также не представлено доказательств нарушения или неисполнения ответчиками требований пункта 1 статьи 15 Федерального закона от № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [13]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходимо собрать необходимую дока-

зательственную базу, чтобы доказать в суде, что нет доступной среды для лиц с ограниченными возможностями.

Однако при анализе судебной практики можно заметить злоупотребления правом со стороны истца. В Костромской области существует подобный случай [10]. Свердловский районный суд города Костромы в судебном заседании рассмотрел дело, в котором истец обратилась в суд с иском, указав в обосновании, что является собственником жилого помещения, на основании свидетельства о государственной регистрации права. Совместно с ней в жилом помещении зарегистрирован и проживает ее отец, который является инвалидом № группы, участник Великой Отечественной войны. В 2012 году истцом выполнена перепланировка жилого помещения: выполнен выход из окна квартиры по согласованному и подписанному архитектурному проекту, путем разборки подоконного пространства кирпичной стены с заменой деревянного оконного блока на металлический дверной блок с устройством некапитального металлического крыльца с пандусом. Ширина оконного проема при этом не изменилась. Перепланировка была выполнена с учетом требований строительных и санитарных правил и норм. Переустройство жилого помещения было выполнено в соответствии с проектной документацией. Данная перепланировка была выполнена за счет собственных средств истца. Перепланировка жилого помещения была необходима для обеспечения беспрепятственного доступа отца истца к объектам социальной инфраструктуры, поскольку техническая возможность по установке пандуса в подъезде жилого дома отсутствует. В период с 2013 по 2018 годы истец неоднократно обращалась в Администрацию города по вопросу устройства отдельного входа в квартиру, согласовании переустройства жилого помещения, однако ей было отказано в связи с не предоставлением документа, подтверждающего согласие всех собственников помещений многоквартирного дома на устройство отдельного входа. Решение общего собрания собственников истец получить не может, ввиду отказа некоторых из собственников жилых помещений от принятия решения на устройство отдельного входа в квартиру. Истец считает, что квартира может быть сохранена в переустроенном (перепланированном) состоянии, поскольку сохранение перепланировки квартиры не нарушает чьих-либо прав, выполнена за счет средств истца. В данном судебном разбирательстве истцу было отказано, поскольку не представлено достаточных доказательств, свидетельствующих о том, что с целью приспособления общего имущества в многоквартирном доме к потребностям отца истца требовались именно проведенные в 2012 году истцом строительные работы по изменению конфигурации оконного проема и организации отдельного входа в квартире, а также указанные мероприятия повлекли уменьшение размера общего имущества, изменение режима использования части земельного участка, занимаемого жилым домом и прилегающего к нему. Таким образом, при решении установки пандусов в многоквартирном доме должно учитываться мнение собственников, проживающих в нем. В данном судебном разбирательстве, мнение собственников не было учтено, что породило нарушение прав третьих лиц.

Стоит отметить, что Костромская областная Дума выходила с законотворческой инициативой в Государственную Думу. Предлагалось внести изме-

нение в часть 1 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации [2], согласного которого к общему имуществ многоквартирного дома не относится механическое оборудование (подъемные платформы), приспособленное без привлечения денежных средств собственников помещений в многоквартирном доме и обслуживающее исключительно инвалидов со стойкими расстройствами двигательной функции, сопряженными с необходимостью использования кресла-коляски, иных вспомогательных средств передвижения. Расходы на содержание такого оборудования предлагается осуществлять за счет бюджетных средств в зависимости от вида жилищного фонда. Финансирование мероприятий по обеспечению доступности жилых помещений инвалидов будет осуществляться за счет средств бюджетов всех уровней в соответствии с утвержденными в установленном порядке государственными и муниципальными программами, направленными на обеспечение социальной поддержки инвалидов.

Однако Комитет Государственной Думы по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству не поддержал проект федерального закона № 916612-7 «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» [3] и рекомендовал его отклонить, посчитав, что механизм, предлагаемый в законопроекте, потребует увеличение расходных обязательств. Расчет бюджетных обязательств органов власти не прилагается, исходя из чего, не представляется возможным сделать вывод о размере дополнительной финансовой нагрузке на бюджеты.

По истечении 4 лет после отклонения закона проблема доступности жилья не была решена, наоборот, на основании количества обращений инвалидов и родителей детей-инвалидов в органы власти и общественные организации инвалидов жилищная проблема усугубилась. Авторами данной статьи был разработан и предложен проект Закона Костромской области «О внесении изменений в Закон Костромской области «Об организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории Костромской области», направленный на создание условий для беспрепятственного доступа инвалидов к объектам жилой инфраструктуры, путем предоставления возможности компенсации из средств фонда капитального ремонта Костромской области на установку специальных средств (подъемных платформы) для передвижения инвалидов со стойкими расстройствами двигательной функции, сопряженными с необходимостью использования кресла-коляски. Считаем, что подобный механизм позволит улучшить качество жизни граждан, проживающих многоквартирных домах, а принятие подобного акта на федеральном уровне, или распространение опыта, полученного в Костромской области на региональное законодательство субъектов Российской Федерации, если не решит проблему в полном объеме, то создаст правовое поле для развитие нормативной базы и законодательного совершенствования в данной сфере.

Список источников

1. Барашева Е. В. Проблемы реализации права инвалида на доступную среду URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29029249 (дата обращения: 18.09.2025).

2. Жилищный кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025).

3. Заключение Комитета Государственной Думы по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству на проект федерального закона № 916612-7 от 16 сентября 2019 г. «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» (в части создания условий для беспрепятственного доступа инвалидов в жилые помещения и их приспособления для проживания инвалидов), внесенный Костромской областной Думой. URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 18.09.2025).

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.09.2025).

5. Общая численность инвалидов по группам инвалидности по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (дата обращения: 18.09.2025).

6. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 363: по состоянию на 15.11.2023 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025).

7. Постановление Правительства РФ от 9 июля 2016 г. № 649 «О мерах по приспособлению жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме с учетом потребностей инвалидов». URL: http://www.consultant.ru/(дата обращения: 18.09.2025).

8. Приказ Минспорта России № 787, Минтруда России № 791, Минпромторга России № 4260 от 08.11.2023 «Об утверждении Методических рекомендаций „Обеспечение соблюдения требований доступности при предоставлении услуг инвалидам и другим маломобильным группам населения“». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025).

9. Решение Пучежского районного суда Ивановской области от 09.06.2021 № 2-270/2021. URL: http://www.sudact.ru (дата обращения: 18.09.2025).

10. Решение Свердловского районного суда города Костромы от 11.06.2019 № 2-174/2019. URL: http://www.sudact.ru (дата обращения: 18.09.2025).

11. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025).

12. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025).

13. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025).

УДК 349.6

Земцова Екатерина Дмитриевна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
katerinazemcova10163@gmail.com

Проводина Елена Валерьвена
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права.
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
lysenko-elena12@yandex.ru

Особенности реализации уголовной ответственности за преступления против загрязнения атмосферы

Аннотация. *В статье рассматриваются нормы уголовного права российского законодательства в области экологических преступлений, проводится сравнительный анализ статьи 251 Уголовного кодекса РФ. Исследования научной литературы и действующих нормативно-правовых актов позволяют изучить такое понятие, как «экологический мониторинг».*

Ключевые слова: *атмосфера, экологические преступления, экологический мониторинг, атмосферный воздух, механизм экологического мониторинга.*

Zemtsova Ekaterina Dmitrievna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Provodina Elena Valeryevna
candidate of law, associate professor,
associate professor of the department of criminal
and penal enforcement law
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Specifics of the implementation of criminal liability for crimes against atmospheric pollution

Annotation. *The article examines the criminal law norms of Russian legislation in the field of environmental crimes, and provides a comparative analysis of Article 251 of the Criminal Code of the Russian Federation. Studies of scientific literature and current regulatory legal acts allow us to study such a concept as "environmental monitoring".*

Keywords: *atmosphere, environmental crimes, environmental monitoring, atmospheric air, environmental monitoring mechanism.*

Атмосферный воздух является важнейшим ресурсом для жизни человека. В отличие от воды, которую можно специально очистить перед использовани-

© Земцова Е. Д., Проводина Е. В., 2025

ем, воздух из-за своих физических свойств не имеет выраженной зональности. Поэтому загрязнение воздуха в одной области может привести к ухудшению его качества на обширной территории.

В Российской Федерации за загрязнение атмосферного воздуха предусмотрена уголовная ответственность согласно статье 251 Уголовного кодекса (далее – УК РФ). В зависимости от последствий, статья определяет основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы преступления.

Общественная безопасность и общественный порядок является родовым объектом этого преступления.

Видовой объект этого и других преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, – это группа схожих общественных отношений, возникающих в процессе взаимодействия общества и природы. Эти отношения включают в себя вопросы рационального природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Непосредственный объект преступления – общественные отношения в области экологической безопасности, охраны атмосферы и ее рационального использования.

Объект воздействия в данном случае – атмосфера. В уголовном кодексе РФ это понятие не уточняется. Стоит отметить, что в российском законодательстве в этой области нет единого подхода к терминологии.

В УК РФ говорится об атмосфере как об объекте воздействия, а природно-ресурсном законодательстве речь идет об охране атмосферного воздуха. В научных источниках атмосферу описывают как газовую оболочку, окружающую Землю, одну из геосфер. Ее внутренняя поверхность покрывает гидросферу и частично земную кору, а внешняя граничит с околоземным пространством.

В Федеральном законе «Об охране атмосферного воздуха» не указаны внешние границы охраняемого объекта. Поэтому, непонятно, подлежит ли правовой охране по статье 251 УК РФ, например, озоновый слой Земли. Для устранения терминологических противоречий необходимо привести данные нормы к единому пониманию. Это можно сделать путем изменения соответствующих определений или конкретизации предмет посягательства в акте толкования. Можно дополнить пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» дополнительным подпунктом.

Еще один пример, статья 251 УК РФ направлена на защиту отдельных компонентов природной среды, в данном случае – атмосферного воздуха. Другие нормы запрещают определенные действия, которые могут нанести вред окружающей среде в целом (например, статья 246 УК РФ). Именно поэтому на практике возникает конкуренция между этими двумя видами норм об экологических преступлениях. Так, деяние, предусмотренное частью 2 статьи 247 (нарушение правил транспортировки экологически опасных веществ и отходов), может привести к загрязнению воздуха.

Важной частью по защите окружающей среды, является экологический мониторинг. Экологический мониторинг лежит в основе реализации уголовной ответственности и представляет собой систему наблюдений за состоянием окружающей среды, оценки и прогнозирования ее изменений под воздействием природных и антропогенных факторов. Внедрение технологии мониторинга направлено не только на обнаружение недостатков в правовых нормах, но и на поиск особенностей реализации определенных правовых норм с целью эффективности их использования.

Объектом экологического мониторинга является совокупность экономических, экологических и социальных процессов, которые существенно могут влиять на здоровье населения, занятость, демографическую ситуацию, определяют уровень жизни населения, и т. д.

Необходимо учитывать, что субъектом этих взаимосвязанных процессов является человек, активно реализующий определенную политику и определяющий вектор развития, также, необходимо выделить объект воздействия как еще один элемент механизма экологического мониторинга. Исходя из того, что «объектом профилактики являются отношения в виде потребностей, формируемых сознанием и волей индивида из внешних факторов, обусловленных определенным социальным результатом, достигаемым совершением общественно опасного посягательства (умышленных общественно опасных посягательств) или поведением, что непосредственно порождает общественно опасные последствия (неосторожные общественно опасные посягательства». Следовательно, при осуществлении экологического мониторинга, объектом превентивного воздействия являются общественные отношения по осуществлению экологической безопасности, в виде потребностей формируемых из сознания и воли индивида из внешних факторов, которые задаются определенным результатом, достигаемым через совершения определенных действий.

Механизм экологического мониторинга позволяет решить основные задачи в этой области, а точнее: возможность оценивать экологические риски, выявлять нарушения в сфере экологической безопасности, определять круг лиц, нарушающих требования по обеспечению экологической безопасности.

Суть данного механизма заключается в устранении отношений, направленных на обеспечение экологической безопасности и защиту окружающей среды. Это достигается через использование комплекса установленных методов, правил, приемов и техник, связанных с планированием мониторинговых мероприятий. Важными этапами являются сбор необходимой информации, ее фиксация, обобщение, анализ и оценка, публикация результатов, а также осуществление практических шагов на основе полученных данных. Субъекты представляют собой участников, вовлеченных в процесс, направленный на охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности. Разработанная модель механизма экологического мониторинга может быть адаптирована для использования в различных сферах, в зависимости от реализации определенного вида превентивных мероприятий. Она способна эффективно функционировать в условиях строгого правового регулирования, которое четко устанавливает статус, права и обязанно-

сти участников отношений, ориентированных на защиту окружающей среды, а также при наличии соответствующих мер.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что опыт использования разнообразных механизмов, предназначенных для охраны окружающей среды в области природопользования, подчеркивает необходимость их обновления в свете возникших рисков. Тем не менее, техническое прогнозирование и экологическая оценка нередко оказываются недостаточными для преодоления трудностей. Исследование актуальных проблем в данной сфере показало явную нехватку правового регулирования в процессе экологического мониторинга. Недостаток необходимой нормативно-правовой базы, регулирующей работу субъектов, занимающихся контролем за соблюдением установленных норм в области природопользования, а также отсутствие единого нормативного акта, который бы определял ключевые понятия и принципы профилактики преступлений в сфере охраны окружающей среды в Российской Федерации, реализуемой через экологический мониторинг.

УДК 34.08

Зуев Дмитрий Алексеевич
студент, Мичуринский государственный аграрный университет
г. Мичуринск, Российская Федерация
dimazuev808@yandex.ru

Нестерова Оксана Вячеславовна
кандидат исторических наук, доцент
Мичуринский государственный аграрный университет
г. Мичуринск, Российская Федерация
nstrvoksana@yandex.ru

Взаимодействие органов местного самоуправления и правоохранительных органов по реализации полномочий в сфере поддержания общественного порядка: проблемы и пути их решения

Аннотация. *В статье рассмотрены ключевые механизмы и порядок взаимодействия органов местного самоуправления с органами правопорядка по поддержанию общественного порядка и обеспечения безопасности муниципальной территории. Проведен анализ нормативно-правовой базы обеспечения общественного порядка на муниципальной территории. Выявлены основные проблемы, которые возникают при реализации полномочий органами местного самоуправления в названном вопросе и показаны барьеры, препятствующие эффективному взаимодействию с органами правопорядка.*

Ключевые слова: *общественный порядок, органы местного самоуправления, правоохранительные органы, разделение полномочий, нормативно-правовые акты.*

© Зуев Д. А., Нестерова О. В., 2025

Zuev Dmitry Alekseevich
student, Michurinsk State Agrarian University
Michurinsk, Russian Federation

Nesterova Oksana Vyacheslavovna
candidate of historical sciences, associate professor, associate professor
Michurinsk State Agrarian University
Michurinsk, Russian Federation

Interaction of local self-government bodies and law enforcement agencies in the implementation of powers in the field of maintaining public order: problems and ways to solve them

Annotation. *The article discusses the key mechanisms and procedures for the interaction of local governments with law enforcement agencies to maintain public order and ensure the security of the municipal territory. The analysis of the regulatory framework for ensuring public order in the municipal territory is carried out. The main problems that arise when exercising the powers of local governments in this matter are identified and the barriers that hinder effective interaction with law enforcement agencies are shown.*

Keywords: *public order, local government bodies, law enforcement agencies, division of powers, regulatory legal acts.*

Охрана общественного порядка является одной из ключевых функций государства, обеспечивающей безопасность граждан и стабильность общества. Органы местного самоуправления, как наиболее приближенные к населению структуры, играют важную роль в реализации этой задачи. Однако их деятельность сталкивается с рядом системных проблем, требующих комплексного анализа и поиска путей их решения. Поэтому изучение механизмов реализации органами местного самоуправления полномочий в сфере поддержания общественного порядка на муниципальной территории и особенно механизмов их взаимодействия с органами правопорядка является на сегодняшний день остается актуальным.

Любая страна, какой бы она не была по своей форме государственного устройства, заинтересована в обеспечении на своей территории общественного порядка, который является основой ее социально-экономического развития и благополучия. Ведь в самом широком смысле, понятие «общественный порядок» обычно относят к совокупности норм, правил и принципов, которые регулируют общественные отношения и обеспечивают стабильность, безопасность и гармонию в обществе. В более узкой трактовке, общественный порядок – это «каркас» повседневной жизни, обеспечивающий, чтобы действия одних лиц не ущемляли права других. Он создает условия для мирного сосуществования в рамках установленного правового поля.

Муниципальная власть наделяется широким кругом полномочий, среди которых есть и полномочия в сфере охраны и поддержания общественного порядка. Данные полномочия были закреплены в ст. 132 Конституции РФ до 2020 г. [2]. Данный факт является свидетельством того, что общественная безопасность является одной из важнейших составляющих национальной безопас-

ности РФ. Однако после внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 г. полномочия по «осуществление охраны общественного порядка» были исключены из текста статьи [1]. Вместо этого в статье появляется формулировка «решают иные вопросы местного значения» [1], которая сохраняет за органами местного самоуправления названные выше полномочия. Данный вывод подтверждает и А. Ш. Гаджиев, отмечая, что «исключение данной функции из конституционных положений не влечет за собой отстранение органов местного самоуправления от обеспечения общественной безопасности» [8, с. 41], а также охрана общественного порядка на уровне муниципальных образований продолжают оставаться приоритетным направлением деятельности нашего государства.

Помимо Конституции полномочия органов местного самоуправления закреплено в федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» [5]. Статья 16 данного федерального закона относит к вопросам местного значения участие в профилактике правонарушений и охране общественного порядка. Однако в современном законодательстве отсутствуют конкретные механизмы реализации данных полномочий и тем более, механизмы взаимодействия муниципальной власти и правоохранительных органов, что создает определенные правовые проблемы для обеих сторон. В качестве примера можно привести тот факт, что нет четкого закрепления ответственности между органами федеральной, региональной и муниципальной власти, что в свою очередь приводит к дублированию функций. В то же время по ряду вопросов может возникать бездействие властей, в том числе и муниципальных.

Анализ действующего законодательства показал, что полномочия муниципальных органов власти в сфере поддержания и охраны общественного порядка можно разделить на две категории – это собственные полномочия органов местного самоуправления и субсидиарные полномочия, связанные с оказанием содействия при реализации государственно-властных полномочий [9].

Рассмотрим основные проблемы, возникающие при взаимодействии органов местного самоуправления и правоохранительных органов. Наиболее часто органы муниципальной власти взаимодействуют с прокуратурой и полицией. Несмотря на то, что местное самоуправление, согласно Конституции, самостоятельно в пределах своих полномочий, его органы должны действовать в рамках закона. Но, как отмечает ряд исследователей, до сих пор правовое регулирование взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры является недостаточным для обеспечения законности.

Как известно, прокурорский надзор строится на межведомственном взаимодействии прокуратуры и органов местного самоуправления. Если раньше прокурорский надзор был ориентирован на проверку законности уже вступивших в силу муниципальных нормативно-правовых актов, то теперь упор делается на превентивную работу. В первую очередь прокуратура участвует в нормотворчестве и осуществляет антикоррупционную экспертизу нормативных актов. С другой стороны, органы местного самоуправления могут обращаться в прокуратуру за разъяснениями по правовым вопросам. Возможно также совместное участие в профилактике правонарушений, например, муниципальные программы по безопасности или борьбе с коррупцией.

Однако именно здесь возникают проблемы взаимодействия. В федеральном законодательстве не установлены обязательства прокурорской проверки принимаемых муниципальных нормативно-правовых актов и тем более их проектов. Данные положения могут быть закреплены в муниципальных правовых документах, но и это положение не всегда реализуется на практике, т. е. органы муниципальной власти могут и не предоставлять нормативно-правовые акты для прокурорской проверки, или предоставлять выборочно. Но даже в случае, когда такая проверка проведена, органы местного самоуправления могут не устранять выявленные замечания, так как нет юридической нормы, которая обязывает их это делать. Таким образом, у прокуратуры остается единственная возможность достижения законности на территории муниципального образования – оспаривание муниципальных нормативно-правовых актов в судебном порядке [3; 4]. Но и здесь проявляется двойственно: можно оспорить только действующие нормативно-правовые акты, в том время как оспаривание проектов документов не предусмотрено. В то же время существует практика, когда прокуроры добивались закрепления в регламентах органов муниципальной власти обязательного представления проектов муниципальных нормативно-правовых актов для прокурорской проверки [7]. Но в большинстве муниципальных образований это отсутствует.

Таким образом, необходимо дальнейшее совершенствование механизмов взаимодействия между муниципальной властью и органами прокуратуры.

Не лишено проблем и взаимодействие органов местного самоуправления с полицией. В России взаимодействие регулируется упоминаемым выше федеральным законом № 131-ФЗ и федеральным законом № 3-ФЗ «О полиции» (ст. 10, 12), обязывающим полицию сотрудничать с органами местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка [6]. Однако, кроме названных федеральных законов, региональные власти могут принимать собственные нормативно-правовые акты, что приводит к тому, что в зависимости от регионов это взаимодействие может различаться.

На сегодняшний день выделяют несколько основных форм взаимодействия полиции и органов местного самоуправления. Это создание координационных структур, например антитеррористические комиссии, группы по профилактике правонарушений, экстремизма, детской преступности. В рамках взаимодействия происходит обмен информацией, что позволяет повысить состояние общественной безопасности, а также планировать и проводить совместные операции (патрулирование в «горячих точках», обеспечение порядка на массовых мероприятиях (праздники, митинги)). Помимо этого, в рамках взаимодействия полиции и органов местного самоуправления, а также организаций, расположенных на территории муниципального образования, ведется профилактическая работа, например борьбе с наркоманией, бытовым насилием, участие участковых уполномоченных в заседаниях комиссий по делам несовершеннолетних.

Однако действующие нормативно-правовые акты, регулирующие порядок взаимодействия органов местного самоуправления и полиции по поддержанию и охране общественного порядка показывают, что данная деятельность

осуществляется на основе ведомственных правовых актов и поэтому ни полиция, ни органы местного самоуправления не могут действовать на основании нормативно-правовых актов, принятых другой стороной. Для устранения данного правового пробела необходимо принятие единого нормативного акта, регулирующего совместную деятельность как органов местного самоуправления, так и полиции [10]. В первую очередь это необходимо для того, чтобы законодательно определить субъектов данных правоотношений, их права обязанности и сферу ответственности.

Таким образом, сотрудничество полиции и органов местного самоуправления необходимо выстраивать на основе определения модели этого сотрудничества. В основу данной модели должен быть положен принцип согласованности полномочий между правоохранительными органами и органами местного самоуправления.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изм. , одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.09.2025).

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_28399/ (дата обращения: 07.09.2025).

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_176147/ (дата обращения: 07.04.2025).

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 07.09.2025).

5. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_44571/ (дата обращения: 07.09.2025).

6. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу 28.12.2024 № 518-ФЗ). URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_ LAW_110165/ (дата обращения: 07.09.2025).

7. Приказ Генпрокуратуры России от 02.10.2007 № 155 (ред. от 20.02.2020) «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления». URL: https://www.consultant.ru(дата обращения: 07.09.2025).

8. Гаджиев А. Ш. Проблемы обеспечения общественного порядка на уровне местного самоуправления // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 36, № 4. С. 41–45.

9. Жукова В. В. Взаимодействие органов местного самоуправления с органами прокуратуры в Российской Федерации. URL: https://moluch.ru/archive/407/89626/ (дата обращения: 07.09.2025).

10. Карапетян Э. Г. Актуальные проблемы взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов местного самоуправления. URL: https://moluch.ru/archive/337/75227/ (дата обращения: 07.09.2025).

УДК 349.2

Кварталова Наталия Валерьевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nata.kvartalova@mail.ru

Сравнительно-правовой анализ законодательства о муниципальной службе

Аннотация. *В статье рассматривается законодательство о дисциплинарной ответственности муниципальных служащих в Российской Федерации действующее на данный момент с тем, которое ему предшествовало. Проводится сравнение соблюдения прав муниципальных служащих при дисциплинарной ответственности в Российской Федерации в новом законодательстве с тем, которое было ранее. Анализируются основные особенности, отличия и сходства.*

Ключевые слова: *муниципальный служащий, дисциплинарная ответственность, законодательство, муниципальная служба, дисциплинарные взыскания, дисциплинарное производство, дисциплинарный проступок, права муниципальных служащих.*

Kvartalova Natalia Valerievna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Comparative Legal Analysis of Municipal Service Legislation

Annotation. *The article examines the current legislation on disciplinary liability of municipal employees in the Russian Federation and compares it with the previous legislation. It also compares the observance of the rights of municipal employees in the context of disciplinary liability in the Russian Federation under the new legislation with the previous legislation. The article analyzes the main features, differences, and similarities.*

Keywords: *municipal employee, disciplinary liability, legislation, municipal service, disciplinary penalties, disciplinary proceedings, disciplinary offense, rights of municipal employees*.

Муниципальная служба является неотъемлемой частью системы государственной власти в Российской Федерации, обеспечивая реализацию полномочий органов местного самоуправления. Ее эффективное функционирование напрямую зависит от законного и четкого правового регулирования. Совершенствование законодательства о муниципальной службе способствует повышению

© Кварталова Н. В., 2025

эффективности работы органов местного самоуправления, укреплению доверия населения и обеспечению качественного оказания муниципальных услуг. Поэтому будет целесообразно рассмотреть и сравнить в нашей научной статье Федеральный закон от 02.03.2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон № 25-ФЗ) и Федеральный закон от 08.01.1998 года № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» [5] (далее – Федеральный закон № 8-ФЗ), который действовал ранее.

Как Федеральный закон № 25-ФЗ, так и Федеральный закон № 8-ФЗ регулировали муниципальную службу в Российской Федерации. Однако новый закон существенно изменил и усовершенствовал правовое регулирование дисциплинарной ответственности муниципальных служащих. Проанализируем основные различия вышеуказанных федеральных законов.

Так, что касается ответственности муниципального служащего, то Федеральный закон № 8-ФЗ содержал лишь одну статью, которая посвящалась дисциплинарной ответственности муниципального служащего и называлась она «Ответственность муниципального служащего». Новый Федеральный закон № 25-ФЗ усовершенствовал данную статью и преобразовал ее в отдельную седьмую главу, которая теперь называется «Поощрение муниципального служащего. Дисциплинарная ответственность муниципального служащего». Данная глава теперь содержит три статьи, посвященные поощрению муниципальных служащих, дисциплинарной ответственности муниципальных служащих и взысканиям за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Таким образом, новый закон закрепил вид ответственности, указав его в наименовании статьи, а также законодательно закрепил ответственность за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, что в настоящее время способствует эффективному и законному прохождению муниципальной службы и обеспечению недопущения коррупции на местном уровне.

Также, что касается основания привлечения муниципального служащего к дисциплинарной ответственности, то Федеральный закон № 8-ФЗ содержал такое понятие как «должностной проступок», в новом же Федеральном законе № 25-ФЗ это понятие заменили на «дисциплинарный проступок», которое стало более четким, определяя вид юридической ответственности муниципального служащего. Также в новом федеральном законе к понятию «дисциплинарный проступок» добавили признак виновности муниципального служащего, что дает гарантию соблюдения прав муниципального служащего и недопущения привлечения его к дисциплинарной ответственности незаконно. Так как вина является обязательным признаком, в случае ее отсутствия привлекать к дисциплинарной ответственности муниципального служащего недопустимо.

Федеральный закон № 8-ФЗ [5] также не содержал видов дисциплинарных взысканий, применяемых к муниципальному служащему за совершение им

дисциплинарного проступка. В законе лишь была отсылка на то, что дисциплинарные взыскания предусмотрены нормативными правовыми актами органов местного самоуправления в соответствии с федеральными законами, законами субъекта Российской Федерации. Федеральный закон № 25-ФЗ определил конкретные виды дисциплинарных взысканий, к которым относятся: замечание, выговор, увольнение с муниципальной службы по соответствующим основаниям [2]. Таким образом, новый федеральный закон обеспечил возможность наложения на муниципальных служащих только четко определенных в федеральном законе видов дисциплинарных взысканий. Тем самым муниципальный служащий будет определенно знать и понимать, какое дисциплинарное взыскание может повлечь, будучи совершенный им дисциплинарный проступок.

Федеральный закон № 25-ФЗ закрепил отдельную стать, о которой мы упоминали выше, о взысканиях за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Данная статья также направлена на укрепление законности и правопорядка при прохождении муниципальной службы. Так, за несоблюдение ограничений, запретов, требований и обязанностей на муниципального служащего может быть наложено одно из дисциплинарных взысканий, которые закреплены в статье 27 Федерального закона № 25-ФЗ. Однако муниципальный служащий освобождается от ответственности за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных Федеральным законом № 25-ФЗ и другими федеральными законами в целях противодействия коррупции в случае, если несоблюдение таких ограничений, запретов и требований, а также неисполнение таких обязанностей признается следствием не зависящих от него обстоятельств. Данная статья закрепляет защиту муниципального служащего от незаконного привлечения его к дисциплинарной ответственности. Здесь также присутствует признак вины, который законодатель добавил в новый федеральный закон для защиты прав муниципальных служащих. Также в данной статье законодатель закрепил виды документов, на основании которых представитель нанимателя (работодатель) может применить к муниципальному служащему дисциплинарное взыскание. К ним относятся:

1) доклад о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы соответствующего муниципального органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений или в соответствии со статьей 13.4 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [4] уполномоченным подразделением Администрации Президента Российской Федерации;

2) рекомендация комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов в случае, если доклад о результатах проверки направлялся в комиссию;

3) доклад подразделения кадровой службы соответствующего муниципального органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений о совершении коррупционного правонарушения, в котором излагаются факти-

ческие обстоятельства его совершения, и письменного объяснения муниципального служащего только с его согласия и при условии признания им факта совершения коррупционного правонарушения (за исключением применения взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия);

4) объяснения муниципального служащего;

5) иные материалы.

Важно учесть, что данный перечень документов не является исчерпывающим. Что дает возможность представителю нанимателя (работодателю) использовать и другие документы для наложения на муниципального служащего дисциплинарного взыскания.

Таким образом, рассмотрев общие положения законодательства о дисциплинарной ответственности в действующей редакции и в той, которая уже утратила силу, можно сделать вывод, что Федеральный закон 02.03.2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» значительно улучшил правовое регулирование дисциплинарной ответственности муниципальных служащих по сравнению с Федеральным законом от 08.01.1998 года № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации». Он внедрил более четкую и справедливую систему, обеспечив большие гарантии прав муниципальных служащих и более эффективный механизм привлечения к дисциплинарной ответственности. Новый федеральный закон ориентирован на предотвращение произвола и обеспечение справедливого рассмотрения дел о дисциплинарных проступках. Тем не менее, некоторые аспекты по-прежнему требуют уточнения и совершенствования в практике применения.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

2. О муниципальной службе в Российской Федерации Российская Федерация : Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (с изм. в ред. от 30.09.2024) принят Государственной Думой 7 февраля 2007 года : одобрен Советом Федерации 21 февраля 2007 года. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ принят Государственной Думой 5 марта 2025 года : одобрен Советом Федерации 14 марта 2025 года. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

4. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года : одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

5. Об основах муниципальной службы в Российской Федерации : Федеральный закон от 08.01.1998 № 8-ФЗ принят Государственной Думой 17 декабря 1997 года : одобрен Советом Федерации 24 декабря 19977 года. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

УДК 349.2

Кварталова Наталия Валерьевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nata.kvartalova@mail.ru

Сравнение дисциплинарной ответственности муниципальных служащих в Российской Федерации и в Германии

Аннотация. *В статье рассматривается законодательство о дисциплинарной ответственности муниципальных служащих в Российской Федерации и в Германии. Проводится сравнение соблюдения прав муниципальных служащих при дисциплинарной ответственности в Российской Федерации и в Германии. Анализируются основные особенности, отличия и сходства муниципальных служащих вышеуказанных стран.*

Ключевые слова: *муниципальный служащий, дисциплинарная ответственность, законодательство, муниципальная служба, дисциплинарные взыскания, дисциплинарное производство, дисциплинарный проступок, права муниципальных служащих.*

Kvartalova Natalia Valerievna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Comparison of disciplinary responsibility of municipal employees in the Russian Federation and in Germany

Annotation. *The article examines the legislation on disciplinary liability of municipal employees in the Russian Federation and Germany. A comparison is made of the observance of the rights of municipal employees in disciplinary liability in the Russian Federation and Germany. The main features, differences and similarities of municipal employees of the above-mentioned countries are analyzed.*

Keywords: *municipal employee, disciplinary responsibility, legislation, municipal service, disciplinary sanctions, disciplinary proceedings, disciplinary offence, rights of municipal employees.*

Дисциплинарная ответственность муниципальных служащих в Российской Федерации – это сложный механизм, призванный обеспечить эффективную работу органов местного самоуправления и пресекать нарушения служебной дисциплины. Он балансирует между необходимостью наказания за дисциплинарные проступки и защитой прав и законных интересов самих муниципальных служащих. Однако существование в современном мире различных моделей муниципальной службы в определенной степени определяет особенности правового статуса муниципальных служащих и непосредственно отражается на особенностях организации и процедурных аспектах реализации правоотношений, связанных с дисциплинарной ответственностью муниципальных служащих. Анализ зарубежной практики дает возможность выявить, какой опыт, какие концепции реформирования и в какой мере могут быть применены на рос-

© Кварталова Н. В., 2025

сийском законодательстве, позволяет лучше понять логику реформирования отечественной модели муниципальной службы и определить пути повышения ее эффективности.

Для государств континентальной или романо-германской модели особенностями организации муниципальной службы являются: тенденция к кодификации правовых норм, сложная классификация муниципальных служащих, детальная регламентация их деятельности, иерархичность муниципальной службы. В нашей научной статье мы бы хотели рассмотреть дисциплинарную ответственность муниципальных служащих в Российской Федерации и в Германии, провести сравнительно-правовой анализ данного института и выявить его отличительные черты в разных странах. Сравнение соблюдения прав муниципальных служащих при дисциплинарной ответственности в Российской Федерации и Германии показывает существенные различия, обусловленные различными правовыми системами и культурными ценностями. Выбор именно Германии обусловлен тем, что это страна имеет развитую систему местного самоуправления и четко регламентированную систему служебной дисциплины.

Дисциплинарная ответственность муниципальных служащих в Российской Федерации и Германии имеет свои особенности, которые проявляются в законодательстве, видах взысканий, порядке рассмотрения дел и сроках давности.

Так, в Российской Федерации дисциплинарная ответственность муниципальных служащих регулируется Федеральным законом от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [1]. В статье 27 вышеуказанного закона закреплены виды дисциплинарных взысканий и порядок их применения.

В Германии же отсутствует отдельный закон, который регулирует именно дисциплинарную ответственность муниципальных служащих. Дисциплинарная ответственность государственных служащих, включая муниципальных, регулируется Федеральным дисциплинарным законом ФРГ от 9 июля 2001 года. Он определяет основания ответственности, меры дисциплинарного воздействия и порядок разбирательства. Можем рассмотреть и сравнить положения законодательства о муниципальной службе в Германии и в Российской Федерации.

Так, в Германии дисциплинарное производство начинается с административной стадии. Затем следует судебная стадия, если вышестоящая инстанция полагает, что вменяемые в вину действия слишком серьезны. Дисциплинарные органы земель вправе применять такие санкции, как:

1) письменное порицание определенного поведения федерального служащего. Устное напоминание о служебном долге или замечание не являются дисциплинарными мерами;

2) денежный штраф – может быть наложен в размере до суммы одной месячной зарплаты или суммы доплат за месяц. Если федеральный служащий получает только пособие, то может быть наложен штраф в размере до 500 евро. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что штраф может применяться в случае, когда есть потерпевшие от проступка федерального служащего;

3) сокращение оклада – максимально может достигать размеров до одной пятой части оклада на срок до трех лет и распространяется на все должности, замещаемые в этот период времени. Применяется с календарного месяца, следующего за месяцем, когда такое решение вступило в силу. В период действия этой меры никаких дополнительных денежных поощрений федеральному служащему не назначается, и он не может быть повышен в должности. В случае выхода федерального служащего на пенсию, если срок действия данной меры не закончился, его пенсия уменьшается до окончания действия решения о сокращении выплаты заработной платы и в таком же размере;

4) понижение в должности – федеральный служащий переводится на нижестоящую должность того же профессионального направления с меньшим окладом, лишаясь в том числе и служебных полномочий по прежней должности. Срок действия данного взыскания – до пяти лет. Правовые последствия понижения в должности сохраняются при переводе на другую должность;

5) увольнение с государственной службы. Федеральный служащий утрачивает право на вознаграждение и льготы, в том числе и на пособие по случаю потери кормильца, а также право иметь официальное (почетное) звание и звание, присвоенное ведомством, носить униформу. Федеральный служащий, уволенный с государственной службы, получает в течение шести месяцев пособие на содержание, равное 50 % причитающегося ему вознаграждения. Если федеральный служащий до применения решения об увольнении добровольно уходит в отставку, то увольнение не применяется. В случае увольнения чиновника с государственной службы за служебный проступок он не может быть принят на службу повторно. В Российской Федерации дисциплинарные взыскания подразделяются на: замечание, выговор и увольнение с муниципальной службы по соответствующим основаниям [2]. Из этого мы можем сделать вывод, что в Германии значительно больше видов дисциплинарных взысканий, что характеризует муниципальную службу в этой стране более ужесточенной. В Германии строгие дисциплинарные меры применяются только дисциплинарным судом. При этом руководитель вправе отказаться от дисциплинарных мер, в том числе если факт проступка доказан.

Дисциплинарное производство в Германии прекращается, если не доказан факт совершения служебного проступка, применение дисциплинарных мер нецелесообразно и в других случаях. В Российской Федерации дисциплинарное взыскание налагается представителем нанимателя (работодателем) в порядке подчиненности с учетом тяжести проступка, степени вины служащего и других обстоятельств. Также и в Германии дисциплинарная мера должна применяться с учетом личности служащего и быть соразмерной тяжести проступка и степени утраты доверия, которую повлекло соответствующее поведение. Здесь четко видно, что права муниципальных служащих защищаются, так как соразмерность тяжести дисциплинарного проступка – это важный аспект соблюдения прав муниципальных служащих в целом.

Если говорить о сроках давности применения дисциплинарного взыскания к муниципальному служащему, то в Российской Федерации дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев со дня совершения

проступка, а по результатам ревизии или аудиторской проверки – позднее двух лет. В эти сроки не включается время производства по уголовному делу.

В Германии же сроки давности различны для разных видов взысканий:

1) для письменного порицания – 2 года;

2) для денежного штрафа, сокращения оклада и сокращения пенсии – 3 года;

3) для понижения в должности – 7 лет.

Подводя итог сравнения дисциплинарной ответственности муниципальных служащих двух различных стран – Российской Федерации и Германии, можно сделать вывод о том, что в двух этих странах есть как общие черты, так и отличительные. Так, в Германии перечень дисциплинарных взысканий шире, чем в Российской Федерации, что говорит о повышенной строгости к совершению муниципальным служащих дисциплинарного проступка. Так, совершив дисциплинарный проступок, муниципальный служащий Германии может лишиться достойной пенсии, что говорит о нарушении его права на получении пенсии по завершении муниципальной службы. В то время как в Российской Федерации нет такого вида дисциплинарного взыскания, что дает муниципальному служащему гарантию на получение достойной заслуженной пенсии по завершении своей службы. Что касается общих положений, то, как и в Российской Федерации, так и в Германии, учитывается тяжесть совершенного муниципальным служащим дисциплинарного проступка. Этот аспект имеет важное значения для законного и эффективного прохождения муниципальной службы. Учитывая тяжесть совершенного проступка, законодатель подчеркивает законность и соблюдение прав муниципальных служащих.

Анализируя муниципальную службу разных стран, мы также пришли к выводу, что каждая из стран имеет свои особенности в привлечении муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности. Они выработаны правовой практикой и культурными ценностями каждой из стран.

Список источников

1. О муниципальной службе в Российской Федерации Российская Федерация : Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (с изм. в ред. от 30.09.2024) принят Государственной Думой 7 февраля 2007 года : одобрен Советом Федерации 21 февраля 2007 года. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

2. Лещина Э. Л. Административно-правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственных служащих ФРГ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoe-regulirovanie-distsiplinarnoy-otvetstvennosti-gosudarstvennyh-sluzhaschih-frg (дата обращения: 03.09.2025).

УДК 343.1

Кравченко Виктория Александровна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
v.kravchenko.2003@mail.ru

Сиверская Людмила Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lsiverskaya@yandex.ru

О некоторых вопросах правового статуса следователя-криминалиста в уголовном процессе Российской Федерации

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы законодательного расширения процессуального статуса следователя-криминалиста в связи с возможностью использования современных инновационных достижений науки и техники в сфере искусственного интеллекта для раскрытия и расследования преступлений.*

Ключевые слова: *следователь-криминалист, искусственный интеллект, научно-технический прогресс, Следственный комитет Российской Федерации, процессуальный статус.*

Kravchenko Victoria Aleksandrovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Siverskaya Lyudmila Anatolievna
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On some issues of the legal status of a criminal investigator in the criminal process of the Russian Federation

Annotation. *The article discusses the issues of legislative expansion of the procedural status of a criminal investigator in connection with the possibility of using modern innovative achievements of science and technology in the field of artificial intelligence to solve and investigate crimes.*

Keywords: *criminologist investigator, artificial intelligence, scientific and technological progress, Investigative Committee of the Russian Federation, procedural status.*

С декабря 2008 года в отечественном уголовном процессе появился новый участник со стороны обвинения – следователь-криминалист [5]. По истечении пятнадцати лет можно с уверенностью констатировать, что правильность решения и действия законодателя подтверждена практикой деятельности След-

© Кравченко В. А., Сиверская Л. А., 2025

ственного Комитета России, в штатное расписание которых и входит данное должностное лицо.

Согласно статистическим показателям следственной работы следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области за 2024 год, общее число расследованных тяжких и особо тяжких преступлений составило 432 уголовных дела [4].

В расследовании 396 уголовных делах, 91,6 % принимали участие следователи-криминалисты, которые активно применяли криминалистическую и специальную технику, в том числе с использованием новейших высокотехнологичных достижений науки, компьютерных, информационно-коммуникационных технологий и нейросетей, интеллектуальных систем, искусственного интеллекта и других, без использования которых невозможно представить себе деятельность по расследованию преступлений.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин отметил, что использование современных инновационных возможностей в раскрытии преступлений прошлых лет позволило в текущем 2024 году раскрыть 4 169 преступлений прошлых лет, что на 5 % больше аналогичного периода прошлого года [3].

С этими процессами связана актуальность и необходимость исследования вопросов информатизации и использования возможностей искусственного интеллекта в криминалистике и уголовно-процессуальной деятельности следователя, дознавателя, следователя-криминалиста.

По мнению Д.А. Кравцова: «Обеспечение приемлемого уровня безопасности является приоритетным направлением в функционировании государства в целом, в связи с чем, способность искусственного интеллекта собирать, отслеживать и анализировать такой огромный поток всевозможных данных для этой деятельности, является весьма эффективной» [2, с. 109].

Представляется, что для расширения использования возможностей использования искусственного интеллекта в деятельности следователя-криминалиста законодателю целесообразно внести дополнения в Приказ Следственного комитета России от 08.08.2013 года №53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации», а именно в пункты «1.2. В сфере криминалистического сопровождения производства предварительного расследования осуществлять следующие полномочия:

4) интегрировать и внедрять в следственную практику новые технико-криминалистические средства и программное обеспечение предварительного расследования, иные средства и методы криминалистики, в том числе на основе использования систем и моделей искусственного интеллекта, а также положительный опыт расследования и раскрытия преступлений;

5) применять инновационные технико-криминалистические средства с использованием систем искусственного интеллекта, осуществлять:

– исследование и анализ существующих методов и технологий в области ИИ, разработок новых подходов и моделей;

– обработку и анализ больших объемов данных с помощью специализированных инструментов и программного обеспечения;

– оценку эффективность разработанных моделей и алгоритмов, поддержку и сопровождение разработанных систем;

– внесение обоснованных предложений о необходимости изменений для оптимизации алгоритмов применяемых систем и моделей ИИ.

1.5. В сфере профессиональной подготовки сотрудников Следственного комитета РФ по вопросам тактики и методики расследования преступлений:

2) проводить обучение следователей, имеющих опыт практической работы, сотрудников подразделений процессуального контроля Следственного комитета по вопросам применения криминалистической техники, тактики производства отдельных следственных действий, методики расследования преступлений, в том числе созданных на основе технологии систем искусственного интеллекта».

Внесение вышеуказанных дополнений в данный ведомственный нормативный акт окажет положительное влияние на профессиональный уровень подготовки следователей. Уточнение и расширение нормативной базы будет способствовать более глубокому пониманию методики расследования, повысит правовую грамотность и практические навыки сотрудников, что, безусловно, улучшит качество следственных действий, повысит эффективность раскрытия и расследования преступлений, а также укрепит законность и обоснованность принимаемых процессуальных решений.

Также существует проблема участия следователя-криминалиста в расследовании преступлений по поручению руководителя следственного органа.

Данная проблема возникла в связи с отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации точной формулировки того, в каких случаях по поручению руководителя следственного органа следователь-криминалист участвует при производстве следственных и процессуальных действий, а в каких случаях он осуществляет их самостоятельно.

Так, Е. В. Касьянова полагает, что следователь-криминалист при принятии решения о проведении следственных действий самостоятельно или совместно со следователем должен учитывать объем работы, сложность расследования и раскрытия преступления, в том числе фиксации следов преступления, использование при проведении следственного действия новой криминалистической техники, апробирование новых методик расследования, опыт работы следователя [1, с. 120].

Для решения данной проблемы мы полагаем целесообразным внести дополнения в п. 11.1 ч. 1 ст. 39 уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и изложить их в следующей редакции: «давать письменные поручения следователю-криминалисту об осуществлении предварительного следствия по уголовному делу, а также о совместном участии со следователем в производст-

ве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий без принятия уголовного дела к своему производству».

Внесение данного дополнения в УПК РФ позволит устранить законодательные пробелы, однозначно определить процессуальный статус следователя-криминалиста и существенно снизить целый спектр проблем правоприменительной деятельности.

Полагаем, что предложенные законодательные изменения, учитывая текущую динамику и вызовы, позволят упорядочить полномочия следователя-криминалиста, что обеспечит четкое разграничение сфер ответственности и устранит правовые неопределенности. Закрепление процессуального статуса данного субъекта уголовного судопроизводства повысит его значимость и позволит более эффективно реализовывать специализированные знания и навыки. Установление единообразного толкования и правоприменения создаст прочную основу для стабильной и предсказуемой следственной практики, способствуя повышению качества и объективности расследования.

Список источников

1. Касьянова Е. В. О некоторых проблемах участия следователя-криминалиста в производстве расследования преступлений по поручению руководителя следственного органа // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 1(39). С. 117–123.

2. Кравцов Д. А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 108–110.

3. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 13.04.2025).

4. Статистические показатели следственной работы следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области за 2024 год. URL: http://kostroma.sledcom.ru/ (дата обращения: 13.04.2025).

5. Федеральный закон от 02.12.2008 г. № 226 «О внесении изменений в УПК РФ». URL: https://www.consultant.ru/law/ podborki/fz_o_vnesenii _izmenenij_v_upk_rf/?ysclid=ludtenb7kz155444762 (дата обращения: 13.04.2025).

УДК 342.25

Кравцева Полина Александровна
студент, Сибирский юридический университет
г. Омск, Российская Федерация
polinakravceva4@gmail.com

Ташева Адель Ханатовна
студент, Сибирский юридический университет
г. Омск, Российская Федерация
tadel3002@mail.ru

Проблемы взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления. Авторы статьи, ссылаясь на мнения ученых и анализируя законодательства в сфере обеспечения законности выносимых органами местного самоуправления нормативных актов, приходят к выводу о необходимости усовершенствования механизма взаимодействия прокуратуры и органов местного самоуправления.*

Ключевые слова*: местное самоуправление, органы прокуратуры, нормативно-правовой акт, взаимодействие, соглашение, проект нормативно-правового акта.*

Kravtsova Polina Aleksandrovna
student, Siberian Law University
Omsk, Russian Federation

Tasheva Adel Khanatovna
student, Siberian Law University
Omsk, Russian Federation

Problems of interaction between prosecutor's offices and local government organs

Annotation. *The article discusses the problems of interaction between the prosecutor's office and local self-government bodies. The authors of the article, referring to the opinions of scientists and analyzing the legislation in the field of ensuring the legality of regulations issued by local self-government bodies, conclude that it is necessary to improve the mechanism of interaction between the prosecutor's office and local self-government organs.*

Keywords: *local self-government, prosecutor's office, legal act, interaction, agreement, draft legal act.*

На сегодняшний день широкий спектр правомочий в правотворческой деятельности, приходится на органы местного самоуправления. Так, значительно увеличилось количество принимаемых органами местного самоуправления нормативно-правовых актов, которые являются обязательными для исполнения на всей территории муниципального образования, что говорит о еще большей

© Кравцева П. А., Ташева А. Х., 2025

необходимости в обеспечении надлежащего прокурорского надзора и контроля за такими правовыми актами.

Прокуратура активно взаимодействуют с публичными органами власти, в частности с органами местного самоуправления. Так, в соответствии с реестром поступивших актов контролирующих органов за 1 квартал 2025 года прокуратурой внесено 10 актов прокурорского реагирования об устранении нарушений в адрес Администрации города Омска [5].

Стоит отметить, что на сегодняшний день в юридической литературе до сих пор нет единообразного подхода к пониманию взаимодействия органов местного самоуправления и органов прокуратуры.

Попытаемся разобраться, в сущности, взаимодействия этих двух ведомств.

Взаимодействие прокуратуры и органов местного самоуправления находит объективное выражение в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» в виде закрепления за органами прокуратуры компетенции по надзору за исполнением органами местного самоуправления и их должностными лицами законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также за соответствием законам издаваемых указанными органами правовых актов [6].

Поскольку нет законодательно закрепленного определения взаимодействия органов местного самоуправления и органов прокуратуры, считаем, что целесообразно выделять два подхода к толкованию данного вида деятельности: узкий и широкий подходы, которые также выделяются и другими учеными юристами [2].

Узкий подход предполагает под собой взаимодействие, заключающееся в добровольном сотрудничестве между данными субъектами за пределами надзорной деятельности, например взаимное координирование и предоставления информации по вопросам состояния законности и предупреждения преступлений, консультативно-информационное взаимодействие.

При широком подходе во взаимодействие входят и те отношения, которые возникают при осуществлении прокуратурой своей надзорной деятельности, в частности это и проверка нормативных актов, издаваемых органами местного самоуправления.

В юридической литературе традиционно сложились две формы взаимодействия прокуратуры и органов местного самоуправления. Так, взаимодействие происходит в императивной форме, по-другому еще называют реакционной, а также в диспозитивной форме, или, иначе говоря, в инициативной. В основе данного деления лежит характер возникающих правоотношений.

Императивные формы взаимодействия закреплены в законодательных и подзаконных НПА. Такое взаимодействие возникает при осуществлении прокуратурой, возложенных на нее публично-властных полномочий. Прокуратура осуществляет проверку законности того или иного нормативного акта, и по результатам принимает меры прокурорского реагирования. Органы местного самоуправления в данном случае принимают больше пассивную роль, нежели активную, они должны исполнить указания прокуратуры.

Однако, когда возникает равноправная и добровольная совместная деятельность двух органов, то в таком случае речь идет о диспозитивной форме взаимодействия. Например, информационный обмен, осуществляемый между органами прокуратуры и местного самоуправления, совместное определение приоритетов в сфере борьбы с преступностью, совместная разработка и принятие в последующем соответствующих комплексных программ по борьбе с преступностью [4].

Таким образом, разобравшись с тем, что же такое взаимодействие и в чем оно проявляются, мы можем выделить ряд проблем, возникающих при взаимодействии органов прокуратуры и местного самоуправления.

При осуществлении взаимодействия двух вышеназванных субъектов возникают следующие проблемы: отсутствие баланса императивных и диспозитивных форм взаимодействия прокуратуры и органов местного самоуправления; отсутствие работы по развитию правового сознания должностных лиц, позволяющей предотвратить вынесение незаконных актов; невозможность проведения всестороннего и глубокого анализа актов органов местного самоуправления, в связи с повышенной нагрузкой на органы прокуратуры; отсутствие в законодательстве указаний на предоставление органами местного самоуправления проектов нормативных актов органам прокуратуры, что могло бы значительно повысить уровень законности и защищенности прав граждан; отсутствие внедрения практики заключении соглашений между органами местного самоуправления и органами прокуратуры в правовой обиход.

Остановимся поподробнее на последних двух проблемах, которые на наш взгляд являются более острыми и спорными.

Так, существенным правовым пробелом является отсутствие указания в нормативно правовых актах федерального уровня на предварительное предоставление издаваемых органами местного самоуправления правовых актов в прокуратуру на проверку соответствия этих документов нормам конституции и федерального законодательства. Часто в ведомственных и иных документах муниципалитета есть указание на предоставление проектов отдельных актов в прокуратуру. Однако отсутствует правовое закрепление обязанности предоставлять акты для предварительной проверки, что в свою очередь может повлечь за собой многочисленные нарушения прав и законных интересов граждан. В связи с этим считаем необходимым закрепить на законодательном уровне обязанность по предоставлению проектов актов и принятых нормативных правовых актов органами местной власти. Введение данной нормы позволит не допустить нарушений закона на первоначальных этапах принятия правового акта и обеспечить превентивную функцию прокуратуры по обеспечению предупреждения нарушений.

В правовой литературе возникает вопрос о том, должны ли осуществлять прокуроры надзор за исполнением муниципальных правовых актов. Согласно ч. 1 ст. 77 Федерального закона от 06 октября 2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» прокуроры осуществляют надзор за исполнением органами местного самоуправления и их должностными лицами как Конституции РФ и законодательных актов, так

и уставов муниципальных образований, муниципальных правовых актов. Прокуратура осуществляет, таким образом, проверку и контроль за соблюдением законности в уставах муниципальных образований и иных муниципальных правовых актов при решении ими вопросов местного значения [7]. В данном случае мы солидарны с позицией законодателя и считаем, что органы прокуратуры должны осуществлять надзор за исполнением муниципальных правовых актов для обеспечения единообразного применения правовых норм на всей территории РФ.

Дискуссионным является вопрос о заключении соглашения о взаимодействии между органами прокуратуры и местного самоуправления. Многие юристы считают, что заключение таких соглашений может способствовать эффективному взаимодействию местной власти и прокуратуры.

Так, доктор юридических наук, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Университета имени О. Е. Кутафина С. Х. Джиоев в своей статье «Некоторые направления совершенствования законодательной регламентации правотворческой деятельности прокуроров» указывает, что в целях улучшения взаимодействия в сфере обеспечения законности нормативных правовых актов и обеспечения полноты правового регулирования необходимо внедрить в систему заключение соглашений на осуществление взаимодействия. Соглашения будут предусматривать сроки на предоставление в органы прокуратуры проектов НПА, условий для принятия тех или иных решений по рассматриваемому проекту, а также способы обжалования таких решений [1].

Также одним из показательных примеров эффективного взаимодействия по средству заключения соглашения является Республика Татарстан. Так между прокуратурой Татарстана и органами местного самоуправления были подписаны односторонние соглашения. В соответствии с данными актами главы муниципальных районов предоставляют органам прокуратуры все проекты муниципальных нормативных правовых актов до их принятия и в течение 10 дней с момента принятия всех муниципальных нормативных правовых актов для их изучения и проведения экспертизы по проверке соответствия представленных актов действующему законодательству. Органами прокуратуры Республики Татарстан был принят приказ от 21.06.2013 № 252 «О совершенствовании прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства органами государственной власти, местного самоуправления, иными органами и организациями». После вступления в силу данного приказа прокурорами Республики Татарстан изучено 9782 проекта, что на 3960 больше, чем до заключения соглашения о взаимодействии. При этом по требованию прокуроров из 1819 проектов исключены не соответствующие законодательству положения [3]. В соответствии с этим можно сделать вывод о том, что заключение соглашения способствовало качественному изменению динамики выявления нарушений в лучшую сторону в сфере муниципального нормотворчества.

Считаем, что такая практика способна оказать положительное влияние на состоянии законности на территории субъекта Российской Федерации и значи-

тельно повысить качество нормотворческой деятельности органов местного самоуправления.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что есть необходимость во внесении изменений в законодательство, регулирующее взаимодействие органов прокуратуры и органов местного самоуправления. Представляется необходимым предусмотреть обязанность предварительного направления органами местного самоуправления в прокуратуру проектов нормативных правовых актов. Для этого будет целесообразно установить сроки, в течение которых будут направляться такие проекты, в течение какого срока они будут рассмотрены органами прокуратуры, и какие решения могут быть приняты по результатам рассмотрения.

Кроме того, мы считаем, что в рамках усовершенствования системы взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления, можно закрепить на законодательном уровне обязанность заключения соглашения между двумя этими ведомствами. Такое новшество позволит повысить эффективность в борьбе с незаконными актами, что снизит количество нарушений прав и законных интересов лиц, подпадающих под действие таких нормативно-правовых актов.

Список источников

1. Джиоев С. Х. Некоторые направления совершенствования законодательной регламентации правотворческой деятельности прокуроров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8. С. 40–46.

2. Надин А. Н. Формы взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления: проблемы нормативно-правового регулирования Журнал российского права. 2025. № 3. С. 158–167.

3. Загидуллин Р. И. Участие прокуроров в нормотворческой деятельности органов местного самоуправления // Законность. 2014. № 6. С. 1–5.

4. Настольная книга прокурора. В 2 т. Т. 1 : практ. пособие / под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус ; науч. ред. А. Ю. Винокуров. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015.449 с.

5. Реестр поступивших актов контролирующих органов, рассмотренных в Администрации города Омска в 1 квартале 2025 года. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.04.2025).

6. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.04.2025).

7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 01.09.2019). URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.04.2025).

УДК 343.21

Комрачков Денис Дмитриевич
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Балаково, Российская Федерация
komrad715@mail.ru

Государственная измена как преступление: понятие и причины совершения

Аннотация. *Статья посвящена раскрытию понятия «государственная измена» как преступление, а также выявлению основных причин его совершения. Демонстрируется актуальность данной темы, которая подкрепляется судебной статистикой с начала СВО. Затрагивается исторические примеры патриотизма, его необходимость для России. Рассматриваются возможные причины совершения данного преступления: личные, идеологические и принуждение; их субъективная подоплека. Также приводится в пример реально существующую схему по принуждению, которая используется противником, к совершению государственной измены гражданами РФ.*

Ключевые слова: *государственная измена, уголовно-правовые нормы, преступление, юридическая ответственность, юридическая практика.*

Komrachkov Denis Dmitrievich
student, Balakovo branch Saratov State Law Academy
Balakovo, Russian Federation

High treason as a crime: the concept and reasons for its commission

Annotation. *The article is devoted to the disclosure of the concept of "high treason" as a crime, as well as to the identification of the main reasons for its commission. The relevance of this topic is demonstrated, which has been supported by judicial statistics since the beginning of Special Weapon Operation. Historical examples of patriotism and its necessity for Russia are touched upon. The possible reasons for the commission of this crime are considered: personal, ideological and coercion; their subjective background. It also provides an example of a real-life coercions cheme used by the enemy to commit high treason by citizens of the Russian Federation.*

Keywords*: high treason, criminal law norms, crime, legal responsibility, legal practice.*

Вопрос верности своему государству, его идеалам и методам ведения политики как внешней, так и внутренней, актуален с момента появления еще первых зачатков государств, в привычном его понимании. Страна всегда заинтересована в лояльно настроенных граждан, готовых осуществлять ее идеи, развивать ее, и приносить пользу. Особенно, когда речь заходит о военных действиях. Патриотически настроенный человек эффективнее притворяет в жизнь замыслы государства, потому что он понимает всю важность и ответственность идеи, видит ее полезность как для общества в целом, так и для себя в частности. В качестве примера можно привести общество в Союзе Советских Социалистических Республик. Общая идея сплотила граждан и направила усилия всего социума воплотить ее в жизнь, государство же создавало условия для ее воплощения.

© Комрачков Д. Д., 2025

Так же стоит вспомнить Великую Отечественную Войну, где отчетливо виден патриотизм советских людей, стремление защитить свою землю и своих граждан. Это одна из причин победы наших дедов и прадедов в этой войне.

Как известно, история циклична, и нашему государству всегда нужны патриоты, чтобы защитить ее границы, интересы и жизнь людей [1]. Но есть и такие индивиды, которые не заинтересованы в защите Родины и ее процветании. Чаще всего, общество определяет их как предателей и изменников, законодатели же использовали более научный подход, который был реализован в статье с номером 275 в Уголовном кодексе Российской Федерации под названием «**Государственная измена**» [2]. Преступления, совершенные по этой статье, довольно редкие в обычной гражданской жизни и, как правило, резонансные, особенно в момент ведения боевых действий они становятся наиболее общественно-опасные. С момента начала Специальной военной операции, их совершение стало и остается до сих пор, большой угрозой обороноспособности государства.

Статья 275 УК РФ говорит о том, что государственная измена – это совершенные гражданином РФ шпионаж, выдача иностранному государству, международной или иностранной организации, или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или иных случаев, а также переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи, направленной против безопасности России [3]. Данная статья охватывает довольно большой спектр объектов, которые могут стать основанием для возбуждения уголовного дела.

Согласно данным судебной статистики, в 2022 году за госизмену было вынесено 16 обвинительных приговоров. В 2023 году российские суды вынесли обвинительные приговоры в отношении 39 человек по этой статье. В первом полугодии 2024 года осудили 52 человека [4].Оправдательных решений суда нет. Указанные данные можно считать достаточными для создания угрозы безопасности нашей страны.

Возникает логичный вопрос, который заключается в том, что является мотивом совершения анализируемого вида преступлений?

Есть несколько причин, почему граждане могут совершить подобное противоправное виновное деяние:

1. **Личные мотивы**. Это достаточно обобщенная причина. В основном – желание обогащения. Порой спецслужбы, организации, и т. п., иностранных государств, особенно с кем Россия находится в конфликтных отношениях, готовы предложить баснословные суммы денег, за то, что гражданин Российской Федерации будет действовать в их интересах. С 2022 года и до настоящего момента подобным активно занимается Служба Безопасности Украины (СБУ), США и Великобритании. Индивиды, которые соглашаются на такие сделки, думают, что, в случае обнаружения их противоправных действий, им окажут помощь и поддержку, кто предложил им эту «работу», но исход неизменен – возбуждается уголовное дело за госизмену, и они отбывают назначенное судом наказание,

в виде лишения свободы сроком от двенадцати до двадцати лет в исправительных учреждениях.

2. **Идеологическая причина**. Как правило, причина связана со становлением личности, окружением и воспитанием лица, которое совершило преступление. Это может быть обида на государство за не решение социальных проблем индивида, политические взгляды, в том числе и окружения, неудовлетворенность в решениях представителей власти. Подобные граждане, в большинстве случаях, несут свою неприязнь в общество, чтобы найти единомышленников. Этим активно пользуются спецслужбы других государств, потому что такому человеку не обязательно предлагать вознаграждение, он уже готов совершить деяние, направленное против государства, таким образом удовлетворяя свою потребность. Невозможность закрепить государственную идеологию в России является подспорьем для процветания другой идеологии, которая, как правило, направлена против безопасности и развития нашей страны.

3. **Принуждение**. Под этим тезисом подразумеваются обстоятельства, которые вынуждают гражданина работать в интересах иностранных государств. Стоит отметить, что человек мог придерживаться патриотических взглядов или относиться нейтрально к политике страны. Но заинтересованные агенты других государств используют и более коварные методы, например, шантаж или угроза расправы. Важно отметить, что способов получения важной информации, в том числе и государственной тайны, на данный момент множество, и их постоянно совершенствуют. О некоторых таких способах повествует Д. В. Безсонов в книге «Методы информационно-психологического влияния»[5]. Разберем один из них. Незадолго до начала СВО украинские службы проводили операцию под названием «Молодежное движение «Рейв» в стиле Alternative Reality Game – игры в альтернативной реальности, интерактивный сюжет с игровыми элементами, использующие в качестве площадки реальный мир, зачастую через социальные сети или мессенджеры. Данное движение стало оппозиционным и предусматривало ненасильственные акции гражданского неподчинения путем митингов, шествий, пикетов и т. д. По началу участникам предоставлялись простые задания, которые были безобидными, например, сфотографировать стадион «Донбасс-Арена», какой-нибудь магазин, неизвестную квартиру, дом, парки и т. п. Далее, с развитием игрового процесса, игроки получали более сложные поручения определенной направленности – к примеру, сфотографировать автомобиль «Урал» (на территории Донбасса данные автомобили принадлежат исключительно армии), обозначить на карте контрольно-пропускные пункты, расположение воинских частей. Раскрытие подобных сведений уже дает основания на возбуждение уголовного дела по статье 275 и 276 УК РФ, но участники игры не понимают этого, пока не приходит осознание. Следующий шаг организаторов игры был выявить самых рейтинговых игроков и попытаться их завербовать, угрожая предоставить все их данные в органы безопасности за отправку тем самых фотографий, в некоторых случаях были угрозы расправы. Бывали случаи, когда игроком оказывался ребенок военнослужащего, тогда шантажировать пытались уже его. Тем, кто соглашался сотрудничать, давали уже опасные задания, по сути являющиеся диверсиями. В таком положении

гражданин вынужден подчиняться противнику, но это ни в коем случае не освобождает его от ответственности.

Совершение государственной измены является знаковым для функционирования государства и общества. Ведь это дает понять, каковы граждане, которые могут нанести ощутимый вред стране, и, соответственно, необходимо принимать меры для предотвращения в будущем таких инцидентов. Целесообразно не только проводить работу по борьбе с ними на самостоятельной основе, но и совершенствовать методы их выявления и расследования. Каждое подобное преступление имеет индивидуальный характер, что подразумевает определенные субъективные причины. Но для большей эффективности и сведению таких преступлений к минимуму, а в идеальном исходе – к абсолютному нулю, государству необходимо создать благоприятные условия по воспитанию патриотически настроенных граждан, которые будут заинтересованы в сохранности, защите и процветанию родного государства. Стоит уточнить, что это должен быть не «слепой» патриотизм, когда человек не задумывается о необходимости и рациональности тех или иных решений органов власти, а критический, т. е. гражданин анализирует возможности государства, его особенности, потребности, готов занимать активную позицию в реализации проектов и идей, которые принесут, в первую очередь, пользу обществу нашей великой страны.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ). URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.04.2025).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : в ред. от. 28.02.2025. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.04.2025).

3. Середа И. М., Ступина С. А. Государственная измена: отдельные вопросы квалификации // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1. С. 79–90.

4. Информация о привлечении к уголовной ответственности лиц по ст. 275 УК РФ. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/ (дата обращения: 15.03.2025).

5. Безсонов Д. В. Методы информационно-психологического влияния. Мелитополь : Реклама Плюс, 2024. 97 с.

УДК 34.038

Корж Павел Анатольевич
старший преподаватель кафедры уголовного, государственного права
и исполнительного производства
Западно-Уральский институт экономики и права
Пермь, Российская Федерация
korzh2006@gmail.com

Проблемы заключения политических договоров исходя из различной правовой культуры сторон

Аннотация. *В статье рассматриваются, проблемы, с которыми сталкивается Россия при заключении договоров со странами Запада. Это связано с различными правовыми традициями государств. Во-первых, отмечается непризнание нас равными «белой расе» и, как следствие, не субъектностью. Во-вторых, отмечается, что наши противники стремятся узаконить только нынешнее положение вещей, без взятия на себя обязанностей в будущем. В то время как договорная политика России направлена на будущие отношения. Все это не дает возможности выстраивать нам долгосрочные договорные отношения.*

Ключевые слова: *развитие права, субъекты права, национальные особенности права, право международных договоров.*

Korzh Pavel Anatolyevich
senior lecturer at the Department of Criminal, State Law
and Enforcement Proceedings
at the West Ural Institute of Economics and Law
Perm, Russian Federation

Problems of concluding political agreements based on the different legal cultures of the parties

Annotation. *The article discusses the problems that Russia faces when concluding agreements with Western countries. This is due to the different legal traditions of the States. First, there is the non-recognition of us as equal to the "white race" and, as a result, non-subjectivity. Secondly, it is noted that our opponents seek to legitimize only the current state of affairs, without assuming responsibilities in the future. While Russia's contractual policy is aimed at future relations. All this makes it impossible for us to build long-term contractual relations.*

Keywords: *development of law, subjects of law, national peculiarities of law, the law of international treaties.*

В последнее время, Российская Федерация начинает выходить из многочисленных договоров, прежде всего, европейских. В ряде случаев, это бывает связано с истечением сроков, но в основном причиной является неисполнение европейскими «партнерами» принимаемых на себя обязательств по договорам. В последние годы мы, наконец-то, стали обращать на это внимание.

Рассуждая о причинах неисполнения условий договора, обычно обращается внимание на откровенно сложившуюся за последние годы русофобию. По-

© Корж П. А., 2025

лагаем, что это вторично. Первично же провосознание Европы, сложившееся за века формирования европейского права, даже не рассматривая пока различий между романо-германской и англо-саксонской правовыми семьями. И историческое складывание правосознания в нашей стране. Именно это создает проблемы исполнения международных политических договоров между Европой и Россией. И в этом плане можно отметить два важных момента.

Во-первых, это правовой статус участников договора.

В нашей правовой культуре, договоры между собой могут заключать равные. Поэтому, по нашему праву, если это равенство изначально отсутствует, более сильная сторона ограничивается законом (например, потребительские и трудовые договоры). Можно отметить, что к общественному равенству наша страна всегда стремилась. Да, в классовом феодальном обществе это было недостижимо. Но соборность и народность – это ведь не просто лозунги, равно как достаточно давние традиции местного самоуправления в России. Можно вспомнить, что иностранец, желая поступить на службу России, обязан был принять православие и принимался с сохранением своего статуса. Вспомним именитые дворянские фамилии, берущее начало из монгольских, немецких, грузинских родов. А после революции 1917 г. в нашей стране исчезло и сословное неравенство.

Европа же развивалась как общество рабовладельческое. То есть с изначальным неравенством внутри общества (что нашло отражение в римском праве, на основе которого континентально-европейская правовая семья и сформировалась). Вспомним, что по римскому праву статус лица слагался из трех составных элементов: свободы (свободные и рабы), гражданство (римляне и остальные свободные), семейного статуса (самостоятельные и alienejuris) [2, с. 58–59]. Плюс еще можно вспомнить и колонов.

В дальнейшем, в связи с процессом гуманизации, рабовладение плавно перетекло в колониализм. Разница была в том, что рабы не вывозились, а оставались на своей земле и работали на своего завоевателя. Но граждане колоний никогда не становились равными гражданам метрополии. Можно вспомнить известнейший стихотворный цикл Редьярда Киплинга – «Бремя белого человека». И его наказ из этого цикла (стихотворение «Мировая с Медведем»): «Не заключайте договор с Медведем, что ходит как мы» [1, с. 163]. Намек на медведя достаточно прозрачный. Да и расовая теория Гитлера ведь не сама по себе возникла, а как процесс осмысления европейской истории.

Перенося это в сферу политики, Россия, договариваясь с другими странами, по умолчанию предполагает равенство сторон. Но вот для «европейского белого человека» все остальные всегда были потенциальными (или реальными) рабами. Или унтременшами. И «европейским белым человеком» сейчас считают себя Германия, Франция, Великобритания. Остальная Европа – рангом пониже, ею можно командовать. Все остальные – недочеловеки, ими можно только владеть. Отсюда вопрос, какой договор они могут заключать с русскими дикарями? И какова будет его юридическая сила? Поэтому никакие договоры с нами они и не считают обязательным исполнять. Потому что нет равной стороны, а, значит и договор является ничтожным.

Президент Франции Э. Макрон ведь недавно сказал, что «Европа будет вынуждена воевать до последнего украинца». То есть это европейские люди решают, кто за них будет воевать. Остальные должны это исполнять.

Еще дальше пошли Соединенные Штаты. Они вообще считают возможным договариваться только внутри себя. Договор со всеми остальными не стоит ничего, особенно после очередной смены президента, достаточно вспомнить «Ядерную сделку» с Ираном. И один первых Президентов США Б. Франклин, например, определял демократию как «когда 20 белых, свободных, вооруженных мужчин могут договориться о том, как им жить дальше». Обратите внимание: только свободные, белые, мужчины и вооруженные (готовые за себя постоять) могут между собой договориться о том, как будет жить общество. С остальными субъектами договариваться вообще не имеет смысла. Их только информируют о том, как они должны будут жить.

Вывод. Евро-американские страны не считают нас субъектом договора с ними. А значит, и любой договор, подписанный с нами, никакой юридической силы для них не приобретает. И это надо понимать, уповая на международные договоры. В качестве примера можно отметить Минские соглашения. Все их европейские подписанты открыто заявили, что выполнять их не собирались. Естественно. Договор, заключенный с не-субъектом, юридической силы не имеет.

Во-вторых, это период регулирования договора.

Мы в России всегда жили будущим. Мы его создавали. Пусть мы жили не богато, но мы знали, что мы хотим создать. И к этому стремились. К Третьему Риму, к Коммунизму, к светлому будущему, в конце концов. Поэтому и право создавалось на будущее. Да, у нас строгость законов компенсируется слабостью их исполнения. Естественно. Закон заглядывает в совершенное будущее, а живем мы в несовершенном настоящем. Отсюда и исполнить полностью не можем. И, кстати, когда мы приходили на новые земли, мы сразу начинали строить. Не выкачивать оттуда все, что можно. А строить – вкладываться в будущее. Даже, зачастую, в ущерб метрополии.

Экономика же Европы традиционно развивалась за счет грабежей. Грабежей колоний, пиратства, крестовых походов. Поэтому и право призвано было закрепить настоящее. Узаконить нынешнее положение вещей, не вдаваясь в вопросы, откуда это появилось. Европейский рационализм. И еще более рационализированный американский. Типичная присказка американских миллионеров: «Я могу отчитаться за каждый заработанный доллар. Кроме первого миллиона». Правильно – награбить, узаконить и дальше развиваться. Еще в римском праве появилось основание признания права собственности – манципация (от лат. Manus – рука). Кто первый руку наложил. При этом, как это будет развиваться дальше – покажет будущее. Главное – зафиксировать настоящее.

Так, например, и не были официально закреплены Стамбульские соглашения 2022 года. Они содержали четкие гарантии на будущее (демилитаризация, ограничение вооружений, политическое переустройство и т. д.). Но другой стороне этого не надо. Это будут решать они потом. Можно вспомнить «Зерновую сделку». Мы открывали Одессу и могли торговать зерном. А они снимали

санкции с Россельхозбанка и подключали к SWIFT. Мы Одессу деблокировали, а потом год ждали, когда они выполнят свою часть, прежде чем из этого договора выйти. Поэтому, когда Президент США Д. Трамп в январе 2025 предложил продлить эту сделку, мы потребовали предварительного исполнения их части. И все сразу заглохло. Естественно, они ведь выполнять ничего не собирались.

Отсюда и сегодняшние требования прекращения огня на территории Украины и Донбасса. Вот сейчас, прямо здесь, примириться, не стрелять. А потом будем думать, что делать дальше. Причем думать будут они. А нам этого не надо. Мы смотрим в будущее. Мы хотим договориться о том, чтобы больше войны не было. А им надо остановиться сейчас. Брать на себя какие-либо обязательства на будущее они не желают. Отсюда и споры между европейскими политиками признавать или не признавать частью России «спорные территории». Им это важно – если признать, значит закрепить наши права. То есть признаться в поражении. А нам – все равно. Они уже наши. Нам не важно, признают их или нет. Все равно, будущее расставит все по своим местам.

Вывод. Они не понимают нашей переговорной позиции. Они не хотят ограничивать себя на будущее. Им важно здесь и сейчас. А нам настоящее неинтересно – нам важно обеспечить мирное развитие нашей страны на среднесрочную перспективу.

Таким образом, учитывая различные подходы к пониманию природы договора, серьезные договоренности с Европой и евроатлантикой практически невозможны. И это необходимо учитывать, выходя на переговорные треки в рамках нынешней внешнеполитической ситуации.

Список источников

1. Киплинг Р. Бремя белых. М. : Амфора, 2012. 239 с.
2. Новицкий И. Б. Римское право. М. : ТЕИС, 2003. 310 с.

УДК 349.2

Корнева Анна Сергеевна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
anna.korneva01@inbox.ru

Правовое регулирование трудовых отношений с участием инвалидов в России: историко-юридический анализ

Аннотация. *В данной статье проводится историко-юридический анализ эволюции правового регулирования трудовых отношений с участием инвалидов в России. Автор выделяет ключевые этапы развития законодательства, начиная с дореволюционного периода и заканчивая современностью, и рассматривает смену правовых парадигм: от благотвори-*

© Корнева А. С., 2025

тельного подхода к медицинской модели и далее к современной социально-реабилитационной и правозащитной модели, основанной на принципах инклюзии и недискриминации. Цель исследования – выявить системные закономерности и проблемы в формировании правового механизма обеспечения трудовой занятости инвалидов. Методологическую основу работы составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. В результате исследования делается вывод о том, что современное российское законодательство в целом соответствует международным стандартам, однако его эффективная реализация на практике требует преодоления сохраняющихся социально-экономических и административных барьеров.

Ключевые слова: *инвалиды, трудовые права, правовое регулирование, квотирование рабочих мест, реабилитация, исторический аспект, дискриминация, юридический анализ.*

Korneva Anna Sergeevna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal regulation of labor of persons with disabilities in Russia: historical and legal analysis

Annotation. *This article provides a historical and legal analysis of the evolution of legal regulation of labor relations involving persons with disabilities in Russia. The author identifies the key stages of legislative development, starting from the pre-revolutionary period up to the present day, and examines the shift in legal paradigms: from a charitable approach to a medical model, and further to a modern social-rehabilitative and human rights model based on the principles of inclusion and non-discrimination. The aim of the study is to identify systemic patterns and problems in the formation of the legal mechanism for ensuring employment of persons with disabilities. The methodological basis of the work is historical-legal, comparative-legal and formal-legal methods. As a result of the study, it is concluded that modern Russian legislation generally complies with international standards, but its effective implementation in practice requires overcoming persistent socio-economic and administrative barriers.*

Keywords: *persons with disabilities, labor rights, legal regulation, job quotas, rehabilitation, historical aspect, discrimination, legal analysis.*

Обеспечение права на труд для инвалидов является не только важнейшим условием их социальной интеграции и экономической самостоятельности, но и показателем зрелости гражданского общества и гуманности государства. Правовое регулирование в этой сфере прошло сложный и противоречивый путь, отражающий изменение общественного сознания по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья. Историко-юридический анализ этого процесса позволяет понять генезис современных правовых институтов, выявить их системные слабости и определить векторы дальнейшего совершенствования.

Целью настоящего исследования является ретроспективный анализ трансформации правовых норм, регулирующих трудовые отношения с участием инвалидов в России, через призму смены доминирующих правовых парадигм.

Этапы развития трудовых отношений с участием инвалидов в России:

1. Дореволюционный период: парадигма призрения и церковно-общественной благотворительности

В Российской Империи вплоть до конца XIX века государственное правовое регулирование труда инвалидов как системы отсутствовало. Господ-

ствующей была «благотворительно-призренческая парадигма», в рамках которой инвалид рассматривался как объект жалости и христианского милосердия. Основными субъектами помощи выступали Церковь, монастыри, земства и частные благотворители.

Зарождение элементов системного подхода можно связать с петровскими реформами, когда впервые на законодательном уровне (в частности, в указах о создании «гошпиталей» для увечных солдат) была обозначена обязанность государства заботиться об отдельных категориях инвалидов – прежде всего, военнослужащих. Однако эта обязанность реализовывалась эпизодически и не формировала общего права.

Труд инвалидов в этот период носил нерегулярный, часто принудительно-благотворительный характер (например, в работных домах). Отсутствовало понятие «реабилитация» или «трудоустройство», а правовой статус инвалида не был определен. Таким образом, право на труд не признавалось в качестве неотъемлемого права личности.

2. Советский период: утверждение медицинской модели и системы государственного патернализма

С установлением советской власти произошел кардинальный сдвиг. Государство монополизировало социальную сферу и провозгласило труд всеобщей обязанностью и правом. В рамках этой идеологии инвалиды были включены в трудовую систему, но на особых условиях, сформированных под влиянием медицинской модели инвалидности. В данной модели инвалидность трактовалась как личностный недостаток, медицинская патология, требующая коррекции и опеки.

Этот подход материализовался в ряде ключевых правовых институтов:

Создание специализированной производственной инфраструктуры: предприятия Всероссийского общества слепых (ВОС) и Всероссийского общества глухих (ВОГ) стали основными каналами трудоустройства. Они создавали щадящие условия труда, но одновременно формировали «закрытую» среду, ограничивающую интеграцию в открытый рынок труда.

Введение квотирования: Постановление СНК РСФСР 1919 года и последующие акты закрепили обязанность предприятий принимать инвалидов на работу в определенной доле. Это был новаторский для своего времени механизм, но он носил административно-командный характер и часто выполнялся формально, без учета реальных возможностей и потребностей инвалида.

Развитие системы медико-трудовой экспертизы (МСЭ): Институт МСЭ был призван определять степень утраты трудоспособности и рекомендовать виды труда, доступные инвалиду. Однако в рамках медицинской модели рекомендации МСЭ часто были ограничивающими, закрепляя за инвалидом определенный, узкий перечень профессий.

Трудовая мотивация подменялась иждивенческими установками, а индивидуальный потенциал человека не являлся приоритетом.

3. Постсоветская трансформация (1990–2000 гг.): поиск новых путей в условиях рыночной экономики

Распад СССР и переход к рынку разрушили прежнюю систему. Специализированные предприятия ВОС и ВОГ пережили глубокий кризис, а админи-

стративный механизм квотирования в условиях частного предпринимательства потерял свою эффективность.

Принятие в 1995 году Федерального закона № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [3] стало попыткой адаптировать советские подходы к новым реалиям. Закон сохранил квотирование, но дополнил его новыми элементами:

· Создание специальных рабочих мест за счет средств федерального бюджета.

Предоставление налоговых льгот предприятиям, использующим труд инвалидов.

Закрепление понятия «реабилитация инвалидов».

Однако в этот период доминирующей оставалась «реабилитационная модель», являющаяся переходной от медицинской к социальной. Акцент сместился с простого трудоустройства на комплексную реабилитацию, но инвалид по-прежнему воспринимался скорее, как объект реабилитационных усилий, а не как активный субъект права.

На практике закон 1995 года работал слабо: финансирование было недостаточным, контроль – неэффективным, а льготы – не всегда привлекательными для бизнеса. Начал накапливаться разрыв между прогрессивными законодательными нормами и их реализацией.

4. Современный этап (после 2012 г.): влияние Конвенции ООН о правах инвалидов и утверждение правозащитной парадигмы

Переломным моментом стала ратификация Россией в 2012 году Конвенции ООН о правах инвалидов (КПИ) [1]. Это запустило процесс глубинной гармонизации российского законодательства с международными стандартами и утвердило правозащитную (социальную) модель инвалидности. В рамках этой модели инвалидность понимается как эволюционирующее понятие и результат взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами.

Имплементация КПИ в трудовое законодательство выразилась в следующих ключевых изменениях:

Запрет дискриминации по признаку инвалидности: Статья 3 Трудового кодекса РФ была дополнена прямым запретом дискриминации, включая отказ в заключении трудового договора по мотивам инвалидности [2]. Это изменило правовую позицию судов, которые стали чаще рассматривать такие дела в пользу инвалидов.

Внедрение принципа «разумного приспособления» (ст. 22.1 Закона № 181-ФЗ). Это центральное понятие КПИ, обязывающее работодателя вносить необходимые и подходящие изменения и коррективы в рабочее место для обеспечения участия инвалида в трудовом процессе. Невыполнение данного требования трактуется как дискриминация.

Повышение роли ИПРА (Индивидуальной программы реабилитации или абилитации): ИПРА трансформировалась из рекомендательного документа в обязательный для исполнения работодателем (с оговоркой «в соответствии с ИПРА» в ст. 224 ТК РФ). Все специальные условия труда (сокращенное рабо-

чее время, дополнительные перерывы, технические средства) должны устанавливаться на ее основе.

Развитие механизма квотирования: Региональное законодательство детализировало порядок квотирования, были введены административная и даже уголовная ответственность за отказ в трудоустройстве инвалидов в рамках квоты. Однако сохранились проблемы с контролем за качеством создаваемых рабочих мест.

5. Проблемы правоприменения и векторы дальнейшего совершенствования

Несмотря на значительный прогресс в законодательстве, его имплементация сталкивается с системными вызовами:

1. Экономические барьеры: Затраты на создание специальных рабочих мест и предоставление разумного приспособления ложатся на работодателя, что снижает его мотивацию. Существующие компенсационные механизмы часто являются бюрократизированными и недостаточными.

2. Правоприменительные проблемы: Слабая судебная практика по делам о дискриминации, связанной с невыполнением требований ИПРА или отказом в разумном приспособлении. Недостаточная осведомленность самих инвалидов о своих правах.

3. Социокультурные стереотипы: Устойчивые предубеждения работодателей относительно низкой производительности и высокой проблемности труда инвалидов.

Перспективными направлениями совершенствования правового регулирования являются:

– развитие государственно-частного партнерства в создании инклюзивных рабочих мест;

– внедрение гибких механизмов финансовой поддержки (например, субсидий, грантов) для работодателей, принимающих на работу инвалидов;

– популяризация идей инклюзии и успешных кейсов трудоустройства;

– цифровизация взаимодействия между службами занятости, бюро МСЭ, работодателями и инвалидами.

Проведенный анализ демонстрирует траекторию развития правового регулирования труда инвалидов в России: от полного отсутствия государственного вмешательства через этап жесткого административного квотирования в рамках медицинской модели к современной сложной системе, основанной на принципах недискриминации, инклюзии и индивидуального подхода в русле правозащитной парадигмы.

Эволюция законодательства свидетельствует о прогрессивном движении от восприятия инвалида как объекта социальной помощи к признанию его полноправным, автономным субъектом трудовых правоотношений. Российское законодательство в целом завершило формальный переход к стандартам Конвенции ООН о правах инвалидов.

Однако основная проблема сместилась с правотворчества на плоскость правоприменения. Эффективная реализация провозглашенных прав требует преодоления глубоко укорененных экономических, административных и куль-

турных барьеров. Дальнейшее развитие должно быть сконцентрировано не на принятии новых законов, а на создании комплексного механизма их реализации, включающего экономическое стимулирование, просвещение, изменение правоприменительной практики и разрушение стереотипов. Только такой междисциплинарный подход позволит превратить декларируемые права инвалидов на труд в реальные и равные возможности для каждого.

Список источников

1. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года). URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.04.2025).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2024). URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.04.2025).

3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 24.04.2024) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.04.2025).

УДК 342.7

Кукушкина Анастасия Олеговна
студент Костромского государственного университета
г. Кострома, Российская Федерация
kukuschkinan2005@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
Костромского государственного университета
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Вопросы отграничения хулиганства от некоторых сходных преступлений

Аннотация. *Статья посвящена вопросам отграничения хулиганства от некоторых сходных преступлений. В статье приводится анализ определения понятию признаков хулиганства как преступления. Приведено соотношение объективных и субъективных признаков хулиганства, как с однородными, так и разнородными преступлениями. В частности, осуществлено соотношение хулиганства с массовыми беспорядками и вандализмом, с нарушением права на свободу совести и вероисповедания, а также некоторых преступлений против собственности.*

Ключевые слова: *хулиганство, общественная безопасность, общественный порядок, неуважение к обществу, насилие, кража, грабеж, разбой.*

© Кукушкина А. О., Евстегнеев А. С., 2025

Kukushkina Anastasia Olegovna
Student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstigneev Alexey Sergeevich
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Issues of distinguishing hooliganism from some similar crimes

Annotation. *The article is devoted to the issues of delineating hooliganism from some similar crimes. The article provides an analysis of the definition of the concept of the signs of hooliganism as a crime. The correlation of objective and subjective signs of hooliganism, both with homogeneous and heterogeneous crimes, is given. In particular, the correlation of hooliganism with mass riots and vandalism, with violations of the right to freedom of conscience and religion, as well as some crimes against property, is carried out.*

Keywords: *hooliganism, public safety, public order, disrespect for society, violence, theft, robbery, and assault.*

В настоящее время хулиганство является одним из преступлений, которое проявляется в грубом нарушении общественного порядка, правил проживания граждан и др. В ходе хулиганских действий может быть причинен вред здоровью, а также законным правам и интересам как граждан, так и организаций. Согласно анализу статистических данных о движении уголовных дел за 2023 год за хулиганство из 992 рассмотренных судом дел 977 человек осуждены за данное преступление. Несмотря на то, что этот показатель, по сравнению с аналогичным периодом 2022 года, снизился на 6,1 %, настоящая тема не становится менее актуальной.

В действующем уголовном законодательстве (ст. 213 УК РФ) под хулиганством понимается грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое может быть сопряжено: а) с применением насилия или угрозой его применения в отношении граждан либо; б) может быть совершено по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды в отношении какой-либо социальной группы; в) а также на транспорте общего пользования [1, ст. 213]. В то же время различные специалисты понятие «хулиганство» рассматривают несколько иначе.

Так, В. М. Лебедев полагал, что грубым нарушением следует считать такие действия, которые причинят существенный ущерб личным или общественным интересам и выражаются в злостном нарушении общественной нравственности, а также, грубым нарушением общественного порядка могут являться такие деяния, которые являются посягательствами, но не предусмотрены Уголовным кодексом РФ в качестве отдельных составов преступлений [5].

А. С. Романова считает, что грубым нарушением общественного порядка необходимо признавать такое нарушение, которое причиняет ему значительный вред [6]. Мы полагаем, что эти определения не являются полными, раскры-

вающими сущность хулиганства. Исходя из этого, предлагаем следующее определение, под грубым нарушением признается такое нарушение общественного порядка, которое влечет причинение существенного вреда здоровью человека, его правам и законным интересам, сопряженное с применением насилия либо угрозой применения такого насилия, а также оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Анализируя понятие хулиганства, специалисты выделяют такие признаки данного преступления, как грубое нарушение общественного порядка, явное неуважение к обществу, применение насилия или угроза его применения, уничтожение или повреждение чужого имущества, использование оружия или предметов, используемых в качестве оружия, мотивация поведения.

По нашему мнению, под грубым нарушением общественного порядка следует понимать такое поведение человека, которое создает серьезные проблемы для спокойствия и безопасности общества, а также транспортным организациям. Это может включать в себя агрессивные действия, которые нарушают нормальное развитие общества и могут угрожать спокойствию граждан.

Понятие явности неуважения к обществу раскрывается как поведение, посредством которого лицо демонстрирует свое пренебрежение к правилам общежития, моральным нормам, законам и ценностям, принятым в какой-либо социальной группе или обществе в целом. К действиям явного неуважения к обществу можно отнести оскорбительные высказывания, нарушение общепринятых норм поведения на публике, игнорирование законов и правил, которые регулируют общественные отношения в обществе.

Исходя из сказанного, анализируя понятие хулиганства, мы полностью согласны с законодателем, что хулиганство – это грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу.

Хулиганство может сопровождаться насилием или угрозой его применения в отношении граждан, а также может быть мотивировано политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью, либо враждой по отношению к определенным социальным группам, включая ситуации на общественном транспорте, например, когда один из пассажиров в состоянии опьянения грубо нарушал общественный порядок, оскорблял проводников и пассажиров, а также применял физическую силу к одному из пассажиров.

Действующее уголовное законодательство России устанавливает уголовную ответственность за ряд преступлений, которые имеют сходства с анализируемым преступлением. В связи с этим следует отличать хулиганство от других деяний, причиняющих вред личности, обществу их правам и интересам.

К числу таких преступлений, как нам представляется, следует отнести нарушение права на свободу совести и вероисповеданий [1, ст. 148]; массовые беспорядки [1, ст. 212]); действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств [1, ст. 267.1]; вандализм [1, ст. 214].

Как следует из диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ: «Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих», сложно отличить от хулиганства, совер-

шенного по мотивам религиозной ненависти или вражды. Вместе с тем, объект посягательства в первом случае – конституционное право граждан на свободу совести и вероисповедания, а во втором – общественный порядок. Также лица, совершающие преступление, предусмотренное ст. 148 УК РФ преследуют единственную цель – оскорбить чувства верующих, в то время как хулиган желает противопоставить себя обществу, продемонстрировать свое пренебрежительное отношение к нему[1, ст. 148].

При отграничении хулиганства от массовых беспорядков следует иметь в виду, что в качестве родового объекта выступают общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок, а в качестве видового – выступает совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок. Полагаем, что хулиганство, в отличие от массовых беспорядков, отличается спонтанностью, за исключением квалифицирующего признака: хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в то время как массовые беспорядки, как правило, организуются заранее и предполагают распределение ролей среди участников.

Как мы видим, законодатель, в ч. 1 ст. 212 УК РФ устанавливает уголовную ответственность организатора массовых беспорядков. Следовательно, субъектом преступления, предусмотренного ч.1 ст. 212 УК РФ может быть лицо, организовавшее массовые беспорядки, а именно вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обладающее организаторскими способностями сплотить в своем окружении группу лиц, готовую совершать действия, сопровождавшиеся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и т. д. Субъектом хулиганства может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Часть 2 ст. 212 УК РФ устанавливает уголовную ответственность каждому участнику массовых беспорядков [1, ст. 212]. В данном случае, как и в случае совершения хулиганства, предусмотренного частями 2 и 3 ст. 213 УК РФ субъектом преступления может быть вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления 14-летнего возраста. Анализируя субъективные стороны данных преступлений, можно констатировать то, что они отличается друг от друга – направленностью умысла. Умысел виновного при участии в массовых беспорядках должен быть направлен непосредственно на участие в массовых беспорядках, сопровождающееся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ, в то время как при хулиганстве – на совершение хулиганских действий, т. е. действий направленных на грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу.

Таким образом, завершая рассмотрение отграничения рассматриваемых составов друг от друга, можно отметить, что просматриваются существенные их отличия в конструкции объективной стороны посягательства, а также субъективной стороны – по направленности умысла.

Как нам представляется, следующим преступлением, имеющее некоторое сходство с хулиганством и подлежащим отграничению является вандализм, содержание которого изложено в ст. 214 УК РФ. Описание объективной стороны данного преступления изложено в диспозиции ч. 1 ст. 214 УК РФ «Вандализм» [1, ст. 214]. Тщательный анализ объективных признаков сравниваемых преступлений указывает на то, что они посягают на одни и те же родовой и видовой объекты, однако при хулиганстве виновный посягает на общественные отношения, обеспечивающие нормальный общественный порядок, на что прямо указано в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ, то, как мы полагаем, при вандализме виновный одновременно посягает на общественные отношения обеспечивающие безопасность и общественный порядок. Наряду с этим, в отличие от хулиганства, законодатель, описывая объективную сторону вандализма, прямо указал на предметы, которым при совершении преступного посягательства может быть причинен вред. К их числу он отнес: здания или другие сооружения, имущество общественного транспорта или имущество, находящееся в других общественных местах. При этом следует иметь в виду, что культурные ценности будут выступать в качестве предмета преступного посягательства при вандализме, только в случае если они являются зданиями или иными сооружениями, подвергнувшимися осквернению. В то же время в диспозиции ст. 213 УК РФ законодатель прямо указывает на совершение действий, грубо нарушающих общественный порядок, при этом не называет, какие предметы могут быть подвергнуты преступному воздействию, следовательно, это могут быть любые предметы, находящиеся на месте совершения хулиганских действий.

Проводя анализ субъективных признаков, мы можем констатировать, что субъективная сторона обоих преступлений характеризуется умышленной формой вины и прямым умыслом, однако наблюдаются различия в целях. Так, если при хулиганстве цель четко не просматривается, то при вандализме цель – осквернение зданий или иных сооружений; порча имущества на общественном транспорте и порча имущества в иных общественных местах.

Кроме этого, как следует из разъяснений п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 (в ред. от 26 ноября 2024 г.) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»: «Вандализм, совершенный по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, следует отличать от хулиганства, совершенного по тем же мотивам. При вандализме нарушается не только общественный порядок, но и причиняется вред имуществу путем осквернения зданий и иных сооружений, порчи имущества на транспорте или в иных общественных местах. В тех случаях, когда наряду с вандализмом (статья 214 УК РФ) лицо совершает хулиганство, ответственность за которое предусмотрена статьей 213 УК РФ, содеянное следует квалифицировать по совокупности названных статей Уголовного кодекса РФ» [2, п. 15].

Также представляется целесообразным привести разъяснения высшей судебной инстанции по вопросам отграничения хулиганства от грабежа и разбоя.

Так, в подпунктах 2 и 3 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывается, что в тех случаях, когда незаконное изъятие имущества совершено при хулиганстве, необходимо устанавливать, с какой целью лицо изъяло это имущество. Если лицо преследовало корыстную цель, содеянное им в зависимости от способа завладения имуществом должно квалифицироваться по совокупности – как соответствующее преступление против собственности и хулиганство[3, п. 7].

И, как верно отмечает В. Е. Батюкова, объединение хулиганства и грабежа возможно в ситуациях, когда действия, изначально начатые как хулиганские, перерастают в преступления против собственности. В таких случаях после хулиганских проявлений у правонарушителя формируется намерение открыто завладеть имуществом пострадавшего. Только в подобной ситуации правоприменителю следует тщательно и всесторонне исследовать субъективную сторону совершенного деяния, чтобы избежать необоснованное привлечение невиновных к уголовной ответственности [4].

Мы также согласны с этим автором и в том, что при отграничении хулиганства от разбоя следует учитывать то обстоятельство, что разбой представляет собой нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Поскольку при разбое нападение совершается с целью хищения чужого имущества, а при хулиганстве такая цель не просматривается, то перерастание хулиганских действий в разбойное нападение невозможно [4].

Исходя из сказанного, мы приходим к выводу, что отличие между хулиганством и преступлениями против собственности заключается в основных непосредственных объектах преступлений. В случаях совершения грабежа или разбоя таким объектом является право собственности, тогда как при хулиганстве – общественный порядок. Также просматриваются отличия и в отдельных положениях субъективной стороны анализируемых преступлений. В частности, мотивы этих действий также различаются: Так, если в преступлениях против собственности просматривается корыстный мотив, то при – хулиганстве хулиганские побуждения. Кроме этого, при совершении грабежа или разбой преследуется цель – завладение чужим имуществом, в то время как при хулиганстве этого нет.

В целом же с учетом сделанных в статье выводов предлагаем внести следующие изменения, направленные на совершенствование уголовного законодательства, регулирующего ответственность за хулиганство. Мы считаем, что не следует исключать из содержания состава хулиганства признак применения насилия, поскольку сама сущность хулиганства предполагает вплетение в действия преступника применение насилия. А также полагаем целесообразным привести разъяснения таким понятиям, как «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу» и ввести данные дефиниции в качестве примечания к ст. 213 УК РФ для того, чтобы обеспечить единообразное применение законодательства об уголовной ответственности за хулиганство.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.09.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.09.2025).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412 (дата обращения: 10.09.2025).

4. Батюкова В. Е. Вопросы о классификации и разграничении хулиганства и иных преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений // Образование и право. 2013. № 10(50). С. 170–196.

5. Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М. : Юрайт, 2013. 298 с.

6. Рагулин А. В. К вопросу о содержании понятий «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу» как элементов объективной стороны хулиганства // Евразийская адвокатура. 2017. № 3(28). С. 59–62.

УДК 347.66

Лапенко Юлия Александровна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lapenkoulia358@gmail.com

Сироткин Алексей Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
a_sirotkin@kosgos.ru

Проблемы правового регулирования принятия наследства в Российской Федерации

Аннотация. *Актуальность выбранной темы обоснована значением наследственного права в жизни современного российского общества, в котором сформировался значительный круг собственников не только вещей личного пользования, но и производственных объектов. Небезразличное отношение к имуществу после собственной смерти делает тему наследования насущной для многих граждан. Статья посвящена проблемам правового регулирования принятия наследства в Российской Федерации. Рассматриваются особенности*

© Лапенко Ю. А., Сироткин А. Г., 2025

принятия неоформленного наследственного имущества. Исследуются проблемы, существующие в рамках совместной собственности, а также определяются перспективы оформления наследственных прав. Представлены перспективы совершенствования гражданского законодательства в отношении института принятия наследства.

Ключевые слова: *гражданское законодательство, наследство, наследственное право, принятие наследства, супружеская доля, неоформленное наследственное имущество.*

Lapenko Yulia Alexandrovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Sirotkin Aleksey Gennadievich
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of legal regulation of inheritance acceptance in the Russian Federation

Annotation. *The relevance of the chosen topic is justified by the importance of inheritance law in the life of modern Russian society, which has a significant number of owners not only of personal belongings, but also of production facilities. The importance of property after one's own death makes the topic of inheritance relevant for many citizens. This article focuses on the legal regulation of inheritance in the Russian Federation. It examines the specifics of accepting unregistered inheritance property. The article explores the challenges associated with joint ownership and identifies the prospects for establishing inheritance rights. It also presents suggestions for improving civil legislation related to inheritance.*

Keywords: *civil law, inheritance, inheritance law, acceptance of inheritance, marital share, unformulated inherited property.*

Проблемы, возникающие при реализации прав граждан, иллюстрируют недостатки правового регулирования. Для оценки масштаба влияния недостатков правового регулирования наследственных правоотношений на реализацию этих прав необходимо рассмотреть данные статистики по вопросам наследования в Российской Федерации.

Например, в 2022 году суды рассмотрели 144,5 тысячи споров, связанных с наследством. В статистике Судебного департамента России они разделены на шесть групп. Рассмотрим группы дел о наследственных правах, рассматриваемых в российских судах.

О долгах наследодателя – 31 %. Данная категория дел является самой широкой. Наследники отвечают по долгам наследодателя, если приняли наследство, в части стоимость полученного. В связи с большой закредитованностью российского населения, соответственно и споров по этому поводу тоже большое количество.

О восстановлении сроков для принятия наследства – 30 %. Сроки восстанавливаются в суд в подавляющем большинстве случаев. Доказывание уважительности причин пропуска ограниченного срока лежит на наследнике. Суд оценивает все обстоятельства: причину пропуска, срок пропуска, интересы других наследников.

О признании завещания недействительным – 1,2 %. Завещание как вид сделки может быть признано недействительным по различным основаниям. Наследники не согласные с волей наследодателя или сомневающиеся в его адекватности обращаются в суд за признанием ничтожной или мнительной сделки. Недействительность завещания влечет вступление в действие порядка наследования по закону. По этим делам самый низкий процент удовлетворенных исков – 29 %.

О разделе имущества – 0,7 %. В данную категорию дел относятся вопросы о выделе супружеской доли пережившего супруга из наследства, которое должно быт распределено между всеми наследниками. Выдел доли пережившего супруга – это право, а не обязанность супруга, поэтому объем дел данной категории присутствует в судебной практике. В 2022 г. суды рассмотрели 1079 таких дел – и в 82 % требования истцов удовлетворили.

О признании недостойным наследником – 0,5 %. Наследник может быть признан недостойным в связи с серьезными причинами. Недостойный наследник вследствие своего злонамеренного умысла не должен претендовать на имущество наследодателя. Доля положительных решений равняется – 35 %.

В оставшуюся категорию входят все остальные дела, это примерно 37 %, связанные с реализацией наследственных прав граждан. К ним можно отнести споры о составе наследственной массы.

Рис. Группы дел о наследственных правах, рассматриваемых в российских судах

Итак, число споров наследников за имущество умершего можно оценить примерно в 60 тысяч дел на почти 2 млн умерших россиян. Это примерно три случая из тысячи. Рассмотрение проблем оформления наследственных прав привело к выводу, о необходимости внесения изменений в нормы действующего законодательства [3, с. 46–47].

Проблема неоформленного в собственность имущества является острой для нотариальной деятельности. Примером неоформленного имущества может быть дачный участок и дом, расположенный на нем, или жилой дом в сельской

местности. На такие объекты собственности сохраняются выписки из домовых или похозяйственных книг. Верховный Суд РФ определил, что право собственности, возникшее до вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (т. е. до 1998 года), не зарегистрированные в ЕГРН, имеют юридическую силу. Однако на практике некоторые суды игнорируют правовую позицию Верховного Суда РФ.

Еще одной проблемой является оформление ранее неоформленной недвижимости. Добросовестный приобретатель такой недвижимости, не подозревающий о других наследниках, приводит недвижимость в порядок, оформляет необходимые документы, и после этого момента наследники обращаются в суд с требованием о признании их законными наследниками. Добросовестный приобретатель остается не защищенным в данной ситуации.

Проблема отсутствия зарегистрированных прав в ЕГРН встречается очень часто, поскольку многие граждане приобрели права на недвижимое имущество еще до того, как их государственная регистрация стала обязательной. В итоге выходит, что собственник у недвижимого имущества есть, но в государственном реестре прав на недвижимое имущество отсутствуют сведения об этом праве. В связи с этим можно выделить одну из наиболее часто встречающихся проблем, с которой сталкивается нотариус при оформлении наследства – право собственности наследодателя не было зарегистрировано [2, с. 18].

Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) был создан для упорядочения информации о собственниках недвижимых объектов, для упрощения процедуры государственной регистрации перехода прав на недвижимость. ЕГРН является единым источником правовой информации по всей России. Если собственность была оформлена до введения в действие ЕГРН, то такое право считается незарегистрированным, однако фактически право собственности не утратило своей силы в отношении определенной недвижимости и также подлежит наследованию. На незарегистрированную недвижимость в ЕГРН должны существовать какие-либо документы, устанавливающие личную собственность определенного лица. Такой документ старого образца и отсутствие сведений в ЕГРН об этой недвижимости и о другом собственнике позволяют нотариусу выдать свидетельство о праве на наследство. Но если никаких документов, подтверждающих собственность наследодателя, не имеется, то в таком случае остается только судебный порядок для восстановления в наследственных правах заинтересованного родственника.

Определенную проблему в оформлении наследственных прав составляет необходимость выделения супружеской доли в наследстве. Так как нажитое в браке имущество находится в совместной собственности, то необходимо пройти следующие два этапа: вначале осуществляется выдел из совместной собственности супругов доли пережившего супруга. Доля выделяется из всего совместно нажитого имущества, кроме личной собственности; и оставшееся после выдела доли супруга имущество или имущественные права делятся поровну между всеми наследниками и пережившим супругом.

На практике выдел супружеской доли осложняется тем, что обращение за получением свидетельства о праве собственности – это право, а не обязанность. Нотариус не имеет полномочий оказывать давление на наследников совершать какие-либо юридические действия. И если между пережившим супругом и остальными наследниками возникают споры, то такую ситуацию способен разрешить только суд. Заставить пережившего супруга выделить долю в наследстве нотариус не может, однако, если между пережившим супругом и остальными наследниками разгораются споры, которые невозможно решить по согласию сторон, то один из несогласных наследников умершего подает заявление с просьбой отложить выдачу свидетельства о праве на наследство нотариусу и соответствующий иск в суд, и окончательное решение о распределении доли имущества выносит судья [4, с. 1313–1315].

Следующая проблема связана с фактическим принятием наследства. Наследник, фактически принявший наследство, рассчитывает в дальнейшем пройти процедуру оформления наследственных прав. При владении имуществом как своим собственным неизбежно возникают расходы на поддержание его состояния, на оплату услуг, связанных с использованием и эксплуатацией имущества. Наследнику, принявшему имущество от наследодателя, необходимо тщательно сохранять все письменные доказательства, подтверждающие владение наследственным имуществом. При отсутствии таких доказательств наследнику будет крайне сложно доказать фактическое принятие имущества к своему владению [5, с. 3114].

Пропуск срока по уважительной причине и отсутствие доказательств фактического принятия наследства – это основания для прямого обращения в судебные органы для защиты своих наследственных прав.

Принятие наследства осуществляется фактически и формально. Отказ может быть совершен так же фактически и формально. Отказ, как и принятие, может быть выражен в течение 6 месяцев. Теоретически может возникнуть ситуация, когда наследник фактически принял наследство, растратил его, а потом заявил отказ. Такой выход свидетельствует о злоупотреблении правами наследника о его корыстном мотиве. Данную лазейку для недобросовестных наследников необходимо устранить, дополнив положение абзаца второго пункта 2 статьи 1157 Гражданского кодекса Российской Федерации указанием на добросовестность наследника: «Если наследник совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства (пункт 2 статьи 1153), суд может по заявлению этого наследника признать его отказавшимся от наследства и по истечении установленного срока, если найдет причины пропуска срока уважительными при добросовестном поведении указанного наследника» [1].

Первоначально разработка новых законов и других актов предполагает тщательное толкование прежних действующих источников нормативных предписаний для точного уяснения их истинного смысла. В толковании сходятся и соединяются вместе в одно направление и теоретические и практические юридические знания, и достигнутый уровень правовой культуры, и соответствующее юридическое искусство [6, с. 32].

В связи с указанными в настоящей статье недостатками правового регулирования представляется необходимым внести изменения в действующие нормы Гражданского кодекса РФ. В частности, предлагаются следующие изменения:

– дополнить содержание статьи 1155 ГК РФ нормативным положением о действии презумпции положительной добросовестности законных наследников, не обладающих своевременной информацией о призыве к наследованию. Заблуждение для действия презумпции должно быть добросовестным. Такое закрепление устранит возможность судам формально отказывать наследникам в восстановлении срока;

– внести содержательные изменения в ст. 1152 ГК РФ, касающиеся интересов наиболее незащищенной категории граждан: недееспособные, малолетние и несовершеннолетние лица. Необходимо в статье указать, что данная категория наследников автоматически принимает наследство, по умолчанию. Данное изменение позволит обеспечивать имуществом иждивенцев наследодателя в бесспорном порядке;

– в продолжение предыдущего изменения, предлагаем также установить в ст. 1149 и 1175 ГК РФ основание исключения обязанности нетрудоспособного гражданина или несовершеннолетнего лица отвечать по непогашенным долгам и обязательствам наследодателя.

В целях оптимизации работы нотариуса необходимо предоставить доступ к информационным базам органов ЗАГС для оперативного получения сведений о семейном положении наследодателя и имеющихся детях [7, с. 102–103].

Данные изменения гражданского законодательства в отношении принятия наследства повысят эффективность защиты прав наследников.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

2. Корнеева И. Л. Наследственное право : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2025. 184 с.

3. Масалимова А. А. Проблемы принятия наследства в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1. С. 46–48.

4. Новокшонова Л. А. Понятие и принципы института наследования // Экономика и социум. 2024. № 4(119). С. 1313–1319.

5. Опенков Е. А. Об особенностях процедур принятия и отказа от наследства // Столыпинский вестник. 2023. № 6. С. 3113–3137.

6. Гражданское право России. Практикум : учебник для вузов / А. Я. Рыженков, А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Ю. Осетрова. М. : Юрайт, 2025. 329 с.

7. Смоленский М. Б. Вопросы качественного улучшения правового оформления наследственных прав для усиления мер государственной защиты

прав наследников по закону // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 102–109.

УДК 347

Михайлова Яна Дмитриевна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
yana82411@gmail.com

Проблемные аспекты компенсации морального вреда военнослужащим

Аннотация. *В статье анализируются положения действующего законодательства в области компенсации морального вреда военнослужащим как одного из способов защиты гражданских прав. В рамках статьи автором рассматривается механизм взыскания компенсации морального вреда, проводится анализ судебной практики по вопросу возмещения морального вреда в связи с причинением вреда здоровью военнослужащего. В работе выделен ряд проблем, возникающих при реализации права на компенсацию морального вреда военнослужащему вследствие наступления страхового случая.*

Ключевые слова: *защита права, военнослужащие, компенсация морального вреда, страховые гарантии, вред, причиненный жизни и здоровью военнослужащего.*

Mikhailova Yana Dmitrievna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problematic aspects of compensation for moral damage to military personnel

Annotation. *The article analyzes the provisions of the current legislation in the field of compensation for non-pecuniary damage to military personnel as one of the ways to protect civil rights. Within the framework of the article, the author examines the mechanism of collecting compensation for non-pecuniary damage, analyzes the judicial practice on the issue of compensation for non-pecuniary damage in connection with the infliction of harm to the health of a military personnel. The work highlights a number of problems that arise when implementing the right to compensation for non-pecuniary damage to military personnel due to the occurrence of an insurance event.*

Keywords: *protection of rights, military personnel, compensation for non-pecuniary damage, insurance guarantees, damage to the life and health of a military personnel.*

Компенсация морального вреда представляет собой денежную выплату, назначаемую судом в случаях совершения действий, которые нарушают личные неимущественные права гражданина или посягают на принадлежащие ему нематериальные блага (жизнь, здоровье, честь и доброе имя и т. п.) [5, с. 92].

Согласно ст. 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие подлежат обязательному государственному личному страхованию за счет средств федерального бюджета [12, ст. 18].

© Михайлова Я. Д., 2025

Компенсация морального вреда предусмотрена п. 5 ст. 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и осуществляется по общим правилам гражданского законодательства, регламентированным главой 59 ГК РФ.

По общему правилу необходимыми условиями для возложения обязанности по компенсации морального вреда являются: наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, наличие причинной связи между наступлением вреда и противоправностью поведения причинителя вреда, вина причинителя вреда. При этом вина причинителя вреда является одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда [4, с. 1658–1659]. Согласно ст. 151 ГК РФ при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя. Кроме того, суд должен учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред, и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Гражданское законодательство предусматривает презумпцию вины причинителя вреда, т. е. лицо, причинившее вред, освобождается от обязанности его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине [3, ст. 1064].

В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» разъяснено, что предусмотренная статьей 1064 ГК РФ презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия своей вины должен представить сам ответчик [8, п. 11].

Данное обстоятельство отличает вину в гражданском праве, когда виновность лица, причинившего вред, предполагается изначально и оно должно доказать отсутствие своей вины [3, ст. 1064], от вины в уголовном судопроизводстве.

Однако законом предусмотрены и случаи, когда компенсация морального вреда выплачивается независимо от вины причинителя вреда. Исключения из общего правила установлены ст. 1100 ГК РФ, так, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда: вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности; вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ; вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию и в иных случаях, прямо предусмотренных законом[3, ст. 1100].

Кроме того, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 2018 г. № 7-О/2018 высказана позиция о том, что даже в случае причинение вреда здоровья военнослужащему другим военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, компенсация морального вреда может быть взыскана за счет казны Российской Федерации в том случае, если причиненный вред явился следствием виновных действий (бездействия)

должностных лиц (начальников), выразившихся, в частности, в ненадлежащем исполнении ими своих обязанностей, в том числе когда непосредственный причинитель вреда – военнослужащий, проходящий военную службу по призыву, не обладает статусом должностного лица [7].

В статье 18 ФЗ «О статусе военнослужащих» не уточняется, что именно входит в материальные компенсации военнослужащему, кроме того, и в ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» [11, ст. 7.1], регламентирующем порядок, основания и размеры выплаты компенсации, не раскрывается содержание компенсационной выплаты.

В связи с этим в правоприменительной практике сложилась неоднозначная позиция по вопросу отнесения к гарантированной страховой выплате средств на возмещение морального вреда. Некоторые суды указывают в своих решениях, что предоставленное государством страховое возмещение для военнослужащих включает как материальный, так и моральный вред, другие же считают, что моральный вред к объектам страхования не относится.

Решением Трусовского районного суда г. Астрахани от 27 мая 2020 г. исковые требования гражданина, получившего заболевание при прохождении военной службы по призыву, к Министерству обороны Российской Федерации, войсковой части, Министерству финансов Российской Федерации о компенсации морального вреда оставлены без удовлетворения, ссылаясь на то, что в связи с получением заболевания в период прохождения военной службы истцу была выплачена страховая сумма страховой компанией АО «СОГАЗ» в соответствии с ФЗ № 52-ФЗ от 28 марта 1998 г., а также, что положения п. 5 ст. 18 ФЗ «О статусе военнослужащих» не предусматривают выплату военнослужащим компенсации морального вреда, причиненного им государственными органами, при отсутствии виновных противоправных действий со стороны государственных органов и их должностных лиц [10].

По данному вопросу была выработана и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, в рамках которой определено, что в конституционно – правовом смысле страховое обеспечение, полагающееся военнослужащим и приравненным к ним лицам в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», – наряду с иными выплатами, которые в целях возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, могут быть установлены им на основании других законов, – входит в гарантированный государством объем возмещения вреда, призванного

компенсировать последствия изменения их материального и (или) социального статуса вследствие наступления страховых случаев, включая причиненный материальный и моральный вред [6].

При этом условия выплаты страховой суммы по обязательному государственному страхованию не предполагают установления ни одного из фактов, определяющих общие условия компенсации морального вреда.

Так, В. В. Викторов предполагает, что Конституционный Суд, определяя, что в страховую сумму по данному виду страхования включается и причиненный моральный вред, имел в виду такую ситуацию, когда получение военнослужащим повреждения здоровья происходит действительно при наличии неправомерного действия (бездействия) причинителя вреда, причинной связи между неправомерным действием и моральным вредом и вины причинителя вреда (либо тех условий, когда компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда). Но все эти обстоятельства устанавливаются вне страховых правоотношений.

Таким образом, не все страховые суммы по обязательному государственному страхованию содержат денежную составляющую, предназначенную для компенсации морального вреда, а только те, которые выплачиваются по страховым случаям, наступившим при наличии условий компенсации морального вреда[2, с. 79].

Так, например, суд апелляционной инстанции, рассматривая жалобу Министерства обороны Российской Федерации, привел позицию, согласно которой в соответствии с Правилами обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих граждан АО «СОГАЗ», объектом страхования являются именно жизнь и здоровье застрахованных лиц, моральный вред к объектам страхования не относится[1].

Решением Ольховского районного суда Волгоградской области от 22 августа 2022 года за истцом признано право на компенсацию морального вреда в связи с гибелью его брата – военнослужащего в авиационной катастрофе при исполнении им обязанностей военной службы, суд возложил на Министерство обороны Российской Федерации обязанность по возмещению морального вреда в качестве меры гражданско-правовой ответственности в порядке главы 59 ГК РФ, несмотря на то, что страховые организации произвели выплату членам его семьи страхового возмещения [9].

Противоречивость судебной практики по данному вопросу создает ситуацию, когда одна категория военнослужащих получает больший объем компенсации в случаях наступления правовых оснований для возмещения вреда при исполнении служебных обязанностей, в связи с чем необходимо выработать единообразную судебную практику для защиты прав военнослужащих и восстановления социальной справедливости при реализации предусмотренных гарантий.

На основании изложенного, предлагается внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», в рамках которого обобщить судебную практику, связанную с компенсацией

морального вреда военнослужащим и разъяснить право военнослужащего либо в случае его гибели, право близких родственников на компенсацию морального вреда, помимо полученной страховой выплаты, так как законодательно не закреплено, что именно входит в материальные компенсации военнослужащему в рамках специальных норм права и поскольку к данным правоотношениям по возмещению вреда применяются общие нормы ГК о компенсации морального вреда, право военнослужащих на компенсацию морального вреда помимо получения гарантированной страховой выплаты является законным и обоснованным. Данные разъяснения в Постановлении Пленума ВС РФ указали бы судам на спорные моменты, имеющиеся в судебной практике, и помогли бы военнослужащим эффективнее и в полном объеме реализовать свое право на компенсацию морального вреда.

Список источников

1. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда по делу № 33-13750/2021 от 10 ноября 2021 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 30.08.2025).
2. Викторов В. В. Обязательное государственное страхование и единовременные пособия для военнослужащих, получивших повреждение здоровья. М. : За права военнослужащих, 2004. С. 79. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01002397031 (дата обращения: 30.08.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 14-ФЗ от 26.01.1996 (ред. от 24.06.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 27.08.2025).
4. Долотов А. А. Компенсация морального вреда как способ защиты военнослужащего войск национальной гвардии // Столыпинский вестник. 2023. № 3. С. 1658–1659.
5. Конохов М.В., Соколова Е.В. Компенсация морального вреда, причиненного источником повышенной опасности военного назначения: анализ законодательства и судебной практики // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 9. С. 91–104.
6. Определение Конституционного Суда РФ № 7-0/2018 от 16.01.2018 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коновальчикова Ярослава Андреевича на нарушение его конституционных прав статьей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision312103.pdf (дата обращения: 15.09.2025)
7. Постановление Конституционного Суда РФ № 17-П от 26.12.2002 «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 4 статьи 11 Федерального закона „Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и сотрудников федеральных органов налоговой полиции“ в связи с жалобой гражданина М. А. Будынина».

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40255/ (дата обращения: 30.08.2025).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №1 от 26.01.2010 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_96790/ (дата обращения: 30.08.2025).

9. Решение Ольховского районного суда Волгоградской области по делу № 2-110/2022 от 22.08.2022. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 30.08.2025).

10. Решение Трусовского районного суда г. Астрахани по делу № 2-655/2020 от 27.05.2020. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2025).

11. Федеральный закон № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» от 28.03.1998 года (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18259/ (дата обращения: 30.08.2025).

12. Федеральный закон № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 года (ред. от 07.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/ cons _doc_LAW_18853/ (дата обращения: 27.08.2025).

УДК 34.07

Морозова Елизавета Алексеевна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
yelizaveta.morozova.99@internet.ru

Совершенствование отдельных норм законодательства об инклюзивном образовании иностранных студентов в России

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правовых аспектов адаптации иностранных студентов в системе высшего образования России. На основе анализа эмпирических данных выявляется системный характер языкового и культурного барьера, препятствующего их академической успеваемости и социокультурной интеграции. В качестве основного механизма решения проблемы предлагается законодательная модернизация, включающая внесение изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Автор обосновывает введение новой категории «обучающийся с особыми образовательны-*

© Морозова Е. А., 2025

ми потребностями, связанными с недостаточным владением языком обучения», а также конкретные поправки в статьи 2, 3, 5 и введение новой статьи 79.1. Доказывается, что предлагаемые изменения создадут правовой фундамент для применения принципов инклюзивного образования, разработки адаптированных образовательных программ и обеспечения государственных гарантий для иностранных студентов, что будет способствовать реализации их права на образование и повышению конкурентоспособности российских вузов.

Ключевые слова: *иностранные студенты, языковой барьер, инклюзивное образование, адаптированная образовательная программа (АОП), законодательство об образовании, особые образовательные потребности, русский язык как иностранный (РКИ), правовое регулирование, Федеральный закон «Об образовании», академическая адаптация.*

Morozova Elizaveta Alekseevna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Improving certain provisions of the legislation on inclusive education for foreign students in Russia

Annotation. *The article is devoted to the study of the legal aspects of the adaptation of foreign students in the Russian higher education system. Based on the analysis of empirical data, the systemic nature of the linguistic and cultural barrier preventing their academic achievement and socio-cultural integration is revealed. Legislative modernization, including amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation", is proposed as the main mechanism for solving the problem. The author justifies the introduction of a new category of «students with special educational needs related to insufficient proficiency in the language of instruction», as well as specific amendments to articles 2, 3, 5 and the introduction of a new article 79.1. It is proved that the proposed changes will create a legal foundation for the application of the principles of inclusive education, the development of adapted educational programs and the provision of state guarantees for international students, which will contribute to the realization of their right to education and increase the competitiveness of Russian universities.*

Keywords: *foreign students, language barrier, inclusive education, adapted educational program (AOP), legislation on education, special educational needs, Russian as a foreign language (RCT), legal regulation, Federal Law "On Education", academic adaptation.*

Вовлеченность России в международное образовательное пространство является частью глобальных процессов. По мнению С. М. Рукавишникова, в современной западной парадигме глобализация выступает ключевым фактором развития экономики нового типа, основанной на интеграции национальных систем в единый механизм с общим рынком труда, знаний и технологий. Глобализация порождает взаимозависимость мировых и национальных систем, включая образование, и ведет к росту числа интегрирующихся субъектов [6, с. 79].

Участие России в этих процессах подкреплено международными обязательствами. Статья 3 Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования от 14 декабря 1960 года прямо обязывает государства-участники предоставлять иностранным гражданам на своей территории равные образовательные возможности, что и своим гражданам [1]. На национальном уровне эта политика закреплена в Указе Президента РФ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 го-

ды», где создание благоприятной среды для обучения и профессиональной деятельности иностранных студентов и ученых определено как приоритетная задача [4].

Российская Федерация сохраняет высокую привлекательность для иностранных граждан как место для получения образования. По данным А. Ю. Назинцевой, абитуриенты при выборе вуза ориентируются на его репутацию, инфраструктуру, возможность трудоустройства и благоприятный миграционный режим [5, с. 64]. Растущее число иностранных студентов, которое по данным ТАСС в 2024 году составило 389 тысяч человек с прогнозом роста до 410 тысяч к 2025 году [9], ставит перед системой образования новые вызовы.

Основным препятствием, с которым сталкиваются иностранные граждане при получении высшего образования в России, является недостаточный уровень владения русским языком, что ограничивает их полноценный доступ к образовательному процессу и затрудняет социокультурную интеграцию. Эта проблема носит не гипотетический, а системный характер, что подтверждается рядом эмпирических исследований.

Так, согласно данным анкетирования студентов Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), проведенного в 2024 году, более 64 % опрошенных иностранных студентов хотя и изучали русский язык ранее, но недостаточно глубоко, а 36 % вообще не изучали русский язык до приезда в Новосибирск и поступления в НГТУ. Кроме того, 58 % опрошенных студентов ответили, что им не хватает знаний русского языка до сих пор, из них 14 % считают, этих знаний не хватает им критически. Опрошенные студенты также имеют трудности с пониманием преподавателей, ведущих лекции и семинары на русском языке (64 %), из них 16 % респондентов сочли эти трудности часто возникающими [8, с. 100].

Иностранные студенты из ближнего зарубежья чаще, чем иностранные студенты из дальнего зарубежья, обеспокоены возникшими финансовыми трудностями и значительной учебной нагрузке. Респонденты из дальнего зарубежья часто отмечают, что им сложно привыкнуть к резко сменившему климату, иной культуре и традициям, имеют сложности в преодолении языкового барьера и в решении различных бытовых проблем. Также возникает сложность в налаживании контактов с российскими студентами и местным населением ввиду значительных различий культурных ценностей.

Как заключает Т. Л. Чернышева, изучение иностранными студентами русского языка необходимо в течение всего срока обучения в вузе, как с помощью аудиторных занятий, так и в неурочное время при помощи социально-культурной деятельности [8, с. 100].

Схожие выводы были сделаны в ходе исследования 2022 года в Астраханском государственном медицинском университете (Астраханский ГМУ). Результаты показали, что 41 % иностранных студентов, несмотря на способность к бытовому общению, испытывают значительные трудности при восприятии академического контента. Кроме того, 36,4 % опрошенных отметили проблему недостаточного владения языком-посредником со стороны преподавательского состава, что усложняет конспектирование и усвоение материала [2, с. 45]. Как

справедливо заключает Н. М. Романенко, трудности адаптации связаны с необходимостью освоения русского языка на двух уровнях: бытовом и сложном академическом, требуемом для восприятия лекций [2, с. 42].

Для эффективной реализации права иностранных граждан на качественное образование в российских вузах наравне с гражданами РФ требуется разработка особого педагогического подхода. Одним из наиболее перспективных направлений является адаптация и применение принципов инклюзивного образования. В настоящее время, согласно статье 79 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», инклюзивный подход, предполагающий создание адаптированных и индивидуальных образовательных программ, применяется преимущественно в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья, в основном на уровне общего образования [3].

Тем не менее, сама суть инклюзии, по мнению Н.А. Борисовой, заключается в построении образовательного процесса на основе индивидуализированного подхода, который учитывает уникальные потребности каждого обучающегося. Важнейшей целью является не социальная сегрегация, а, наоборот, активное вовлечение студента в коммуникацию с преподавателями и сокурсниками [7, с. 742]. Актуальность этой идеи для иностранных студентов подтверждается недавними общественными инициативами. В октябре 2024 года уполномоченный по правам ребенка в Свердловской области Игорь Мороков предложил рассмотреть возможность приравнивания статуса детей мигрантов к статусу детей с инвалидностью для создания для них особых образовательных условий. В том же году вице-спикер Госдумы Ирина Яровая высказалась за введение обязательного языкового тестирования для детей мигрантов в школах.

Перенос этих идей в сферу высшего образования крайне важен. Недостаточное знание русского языка и культурных особенностей объективно мешает иностранным студентам осваивать стандартные образовательные программы. В связи с этим возникает необходимость формирования альтернативного образовательного подхода, поскольку полный отказ в обучении на основании языкового барьера является дискриминационной мерой, противоречащей международным принципам права на образование.

Для решения данной проблемы необходимо законодательно признать, что иностранные студенты, а также другие категории обучающихся сталкиваются с объективными языковыми и культурными барьерами, которые в полной мере не позволяют им осваивать образовательные программы на общих основаниях. Таким образом, необходимо создать правовые основания для создания специальных условий обучения для иностранных граждан.

Внести в Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» следующие изменения:

1) статью 2 дополнить пунктом 14.1 следующего содержания:

«14.1) обучающийся с особыми образовательными потребностями, связанными с недостаточным владением языком обучения — физическое лицо, осваивающее образовательную программу на территории Российской Федерации, для которого русский язык не является родным и которое в силу недостаточного владения русским языком нуждается в создании специальных условий для

получения образования, в том числе в освоении дополнительных программ подготовки по русскому языку.»;

Данное понятие позволяет признать иностранных студентов лицами, нуждающимися в создании специальных условий получения образования, выходящих за рамки стандартной программы, и станет основой для разработки адаптированных образовательных программ (АОП) для иностранных граждан.

2) часть 1 статьи 3 дополнить пунктом 5.1 следующего содержания:

«5.1) создание необходимых условий для получения качественного образования обучающимися с особыми образовательными потребностями, связанными с недостаточным владением языком обучения;»

3) в пункте 1 части 5 статьи 5 после слов «имеющими недостатки в физическом и (или) психическом развитии,» дополнить словами «обучающимися с особыми образовательными потребностями, связанными с недостаточным владением языком обучения».

4) дополнить статьей 79.1 следующего содержания:

«Статья 79.1. Организация получения образования обучающимися с особыми образовательными потребностями, связанными с недостаточным владением языком обучения

1. Под специальными условиями для получения образования обучающимися, указанными в пункте 14.1 статьи 2 настоящего Федерального закона, понимаются условия обучения, воспитания и развития, включающие:

1) адаптированные образовательные программы;

2) дополнительные занятия по русскому языку как иностранному;

3) учебно-методические материалы с учетом уровня владения русским языком;

4) специальные методы обучения;

5) проведение промежуточной и итоговой аттестации с учетом особенностей освоения языка обучения.

2. Создание специальных условий, предусмотренных частью 1 настоящей статьи, осуществляется образовательной организацией.

3. Органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, в пределах своих полномочий обеспечивают создание образовательными организациями специальных условий, указанных в части 1 настоящей статьи».

Реализация предлагаемых изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» потребует разработки и принятия комплекса подзаконных нормативных правовых актов, в том числе устанавливающих: порядок подтверждения статуса обучающегося с особыми образовательными потребностями, связанными с недостаточным владением языком обучения; методические рекомендации по разработке адаптированных образовательных программ; особенности организации итоговой и промежуточной аттестации; а также механизм финансового обеспечения указанных мер.

Таким образом, внедрение понятия «обучающийся с особыми образовательными потребностями, связанными с недостаточным владением языком обучения»повлечет за собой целую цепь преобразований, начиная от методов работы и подготовки кадров и заканчивая финансовым обеспечением и управлением образовательным процессом и создаст для иностранных студентов эффективную и комфортную образовательную среду, обеспечивающую равные возможности для всех обучающихся.

Список источников

1. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (принята 14.12.1960 Генеральной конференцией ЮНЕСКО) // Вестник Высшей школы. 1962. № 5. С. 85–89.

2. Мамина В. П., Романовская И. А. Особенности процесса адаптации иностранных студентов к обучению в российском вузе // Педагогические исследования. 2022. № 2. С. 38–57.

3. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

4. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы : Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) // Собрание законодательства РФ. - 2018. - № 45. - Ст. 6917.

5. Паницков А. С., Назинцева А. Ю. Экспорт образовательных услуг как направление образовательной политики современного вуза // Молодежь, власть, общество: проблемы и перспективы взаимодействия : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2021. С. 62-66.

6. Рукавишников С. М. Отдельные вопросы методологии исследования механизма административно-правового регулирования в сфере высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров // Публичная власть в современной России: реальность и перспективы : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2024. С. 76–81.

7. Улыбина О. В. Инклюзивное образование и его особенности // Московский экономический журнал. 2022. № 10. С. 737–743.

8. Чернышева Т. Л. Адаптация иностранных студентов в рамках реализации третьей миссии университета // Перспективы науки и образования. 2024. № 3 (69). С. 90–112.

9. Число иностранных студентов в РФ по итогам 2024 года оценивается в 389 тыс. URL: https://tass.ru/obschestvo/22845895 (дата обращения: 10.07.2025).

10. «Наши дети хуже адаптируются, чем иностранцы»: свердловский омбудсмен – о проблемах детей мигрантов в школах. URL: https://www.e1.ru/text/education/2024/10/21/74238455/ (дата обращения: 10.07.2025).

УДК 340

Наезчиков Дмитрий Алексеевич
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
dnaezchikov@yandex.ru

К вопросу о субъектах профилактики незаконного оборота наркотических средств

Аннотация. *В статье проводится анализ системы субъектов профилактики незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации. Автор, опираясь на действующее законодательство, доктринальные источники и правоприменительную практику, исследует правовой статус, компетенцию и функциональные особенности различных органов и организаций, вовлеченных в предупредительную деятельность. Особое внимание уделяется проблемам разграничения полномочий, межведомственного взаимодействия и необходимости интеграции усилий государственных и негосударственных структур. На основе проведенного исследования предлагаются направления для совершенствования правового регулирования в данной сфере.*

Ключевые слова: *Незаконный оборот наркотиков, профилактика, субъекты профилактики, предупреждение преступности, правоохранительные органы, гражданское общество, межведомственное взаимодействие.*

Naezchikov Dmitry Alekseevich
postgraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the issue of subjects of prevention of illicit drug trafficking

Annotation. *The article analyzes the system of subjects involved in the prevention of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in the Russian Federation. The author, relying on current legislation, doctrinal sources and law enforcement practice, explores the legal status, competence and functional features of various bodies and organizations involved in preventive activities. Special attention is paid to the problems of separation of powers, interdepartmental interaction and the need to integrate the efforts of state and non-state structures. Based on the conducted research, directions for improving legal regulation in this area are proposed.*

Keywords*: Drug trafficking, prevention, subjects of prevention, crime prevention, law enforcement agencies, civil society, interdepartmental interaction.*

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации, оказывающую деструктивное влияние на социальную, экономическую и демографическую сферы. Эффективное противодействие данному явлению невозможно без построения целостной, многоуровневой системы профилактики, ядром которой выступает точно выверенная совокупность субъектов, наделенных соответствующими полномочиями и ресурсами.

© Наезчиков Д. А., 2025

Несмотря на наличие значительного массива научных работ, посвященных противодействию незаконного оборота наркотических средств, вопрос о субъектном составе профилактической деятельности остается дискуссионным. Отсутствие единого системообразующего федерального закона о профилактике правонарушений в данной сфере порождает фрагментарность правового регулирования и дублирование функций. В связи с чем, целью представленной статьи является систематизация и анализ субъектов профилактики незаконного оборота наркотических средств, а также выработка предложений по оптимизации их деятельности.

Первое, о чем хотелось бы поговорить, – понятие и классификация субъектов профилактики незаконного оборота наркотиков.

В теории права под субъектами профилактики правонарушений традиционно понимаются государственные органы, органы местного самоуправления, общественные организации и иные структуры, уполномоченные в установленном порядке осуществлять деятельность по предупреждению противоправных деяний [7]. В действующем законодательстве закреплен перечень таких субъектов (ст. 5 Федерального закона № 182-ФЗ) [1], что согласовывается с дефиницией, обозначенной в научной доктрине.

Применительно к сфере незаконного оборота наркотических средств, система субъектов отличается значительной сложностью и разнородностью. Среди множества, представляется научно обоснованной [6] следующая их классификация.

Во-первых, существуют специализированные субъекты, для которых борьба с незаконным оборотом наркотических средств является основной или одной из основных функций. К таковым относятся а) органы внутренних дел РФ, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, проводят профилактические рейды, взаимодействуют с гражданским обществом; б) Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (упразднена, функции переданы в МВД, однако научный анализ требует ее упоминания в историко-правовом контексте); в) Федеральная таможенная служба РФ (играет ключевую роль в пресечении каналов транснациональной наркопреступности на государственной границе); г) пограничные органы ФСБ России, осуществляющие контрразведывательную и оперативно-розыскную деятельность в сфере незаконного оборота наркотических средств в приграничных территориях.

Во-вторых, иные правоохранительные и судебные органы, такие как: а) Следственный комитет РФ (расследует особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств), б) прокуратура РФ, которая осуществляет надзор за исполнением законов в данной сфере, координирует деятельность правоохранительных органов, в) судебная система, реализующая профилактическую функцию путем назначения наказания, применения принудительных мер медицинского и воспитательного характера, что имеет важное общее и частное превентивное значение.

В-третьих, субъекты, осуществляющие профилактику в рамках своей основной деятельности. Здесь следует отметить а) органы системы образования

(Министерство просвещения России, Министерство науки и высшего образования России, подведомственные им учреждения), – они несут основную нагрузку по первичной, общенациональной профилактике, формируя антинаркотическое мировоззрение у детей и молодежи; б) органы здравоохранения (Министерство здравоохранения РФ), которые осуществляют меры по раннему выявлению потребителей наркотиков, оказывают медицинскую помощь (включая реабилитацию), проводят профилактические медицинские осмотры; в) органы социальной защиты населения – занимаются социальной реабилитацией и ресоциализацией лиц, больных наркоманией; г) органы по делам молодежи (реализуют программы, направленные на вовлечение молодежи в здоровый образ жизни).

В-четвертых, негосударственные субъекты профилактики, к которым относятся общественные организации и фонды, специализирующиеся на антинаркотической пропаганде, реабилитации и социальной адаптации наркозависимых, институты гражданского общества (СМИ, религиозные организации). Они призваны формировать общественное мнение и негативное отношение к незаконному обороту наркотических средств.

Исходя из действующего законодательства, государство также является в своем роде субъектом противодействия и профилактики незаконного оборота наркотических средств. Оно вырабатывает политику в данной сфере, строящихся на ряде принципов, среди которых государственная монополия на основные виды деятельности, связанные с оборотом наркотических средств, лицензирование всех видов деятельности, связанных с оборотом наркотических средств, координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и т. д. (ч. 2 ст. 4 Федерального закона № 3-ФЗ) [2]. Также укажем на то, что профилактику незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании осуществляют непосредственно федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации (ст. 53.1 Федерального закона № 3-ФЗ) [2].

Проведенный анализ указывает на то, что подобная классическая система субъектов профилактики сталкивается как с системными, так и с принципиально новыми вызовами. Это связано с динамикой общественных отношений, глобализацией и цифровизацией, что создает для наркопреступности свежие возможности, нивелируя эффективность многих традиционных методов противодействия и профилактики. Кроме того, к числу современных вызовов, кардинально меняющих ландшафт незаконного оборота наркотических средств, следует отнести [5] доминирование дистанционных способов сбыта, использование криптовалют, интеллектуализация и транснационализация преступных групп, появление новых психоактивных веществ (НПВ). Это также напрямую свидетельствует о кризисе реактивной модели противодействия, при которой субъекты профилактики лишь реагируют на уже совершенные преступления. Неизбежно требуется переход к проактивной (опережающей) модели, основанной на прогнозировании, анализе больших данных и превентивном воздействии на криминогенные факторы.

Из системных проблем, снижающих эффективность деятельности всей системы субъектов профилактики незаконного оборота наркотических средств, выделим следующие.

Существует проблема межведомственной разобщенности [4, с. 48]. Несмотря на существование многочисленных межведомственных планов и комиссий, на практике зачастую наблюдается «ведомственный партикуляризм» – стремление решать задачи в рамках собственной компетенции без должного обмена информацией и ресурсами. Деятельность МВД, ФСБ, ФТС и органов здравоохранения не всегда синхронизирована.

Также, имеет место дисбаланс между репрессивной и превентивной составляющими. Основные ресурсы и внимание уделяются силовому подавлению незаконного оборота наркотических средств (выявление, раскрытие, пресечение), в то время как социальная, педагогическая и медицинская профилактика остается недостаточно финансируемой и менее приоритетной.

Кроме того, правовой статус негосударственных субъектов профилактики, в частности, реабилитационных центров, остается не до конца урегулированным. Это создает почву для коррупционных рисков и деятельности псевдореабилитационных организаций.

Современная наркоситуация в Российской Федерации [3] свидетельствует о том, что эволюция субъектов профилактики незаконного оборота наркотических средств отстает от скорости трансформации самой наркопреступности. Преодоление этого разрыва невозможно без решительной модернизации как структуры, так и функционального наполнения деятельности всех вовлеченных субъектов. В связи с этим нам представляются целесообразными следующие направления совершенствования:

1. Создание единого федерального координационного центра на базе существующего Государственного антинаркотического комитета, но с наделением его более широкими распорядительными и контрольными полномочиями, а также созданием интегрированных межведомственных баз данных.

2. Принятие Федерального закона «О профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ», который бы четко разграничил полномочия, обязанности и формы взаимодействия всех субъектов, а также установил правовые гарантии для деятельности негосударственных организаций.

3. Усиление роли органов местного самоуправления в организации первичной, территориально ориентированной профилактики, поскольку именно на местном уровне наиболее ярко проявляются наркогенные факторы.

4. Развитие государственно-частного партнерства в сфере социальной реабилитации, включая систему государственного заказа на оказание соответствующих услуг аккредитованными некоммерческим организациям.

Таким образом, система субъектов профилактики незаконного оборота наркотических средств в Российской Федерации представляет собой сложный, многосубъектный механизм, включающий в себя широкий круг государственных и негосударственных структур. Однако ее эффективность в значительной степени нивелируется отсутствием должной консолидации и координации. По-

вышение результативности профилактики незаконного оборота наркотических средств видится не в создании новых субъектов, а в оптимизации деятельности существующих путем укрепления межведомственного взаимодействия, четкого законодательного закрепления их статуса и перераспределения ресурсов в пользу превентивных, социально ориентированных мер. Только комплексный, скоординированный подход, объединяющий усилия правоохранительных органов, институтов образования, здравоохранения и гражданского общества, способен обеспечить устойчивую положительную динамику в противодействии одной из самых опасных угроз современности.

Список источников

1. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 15.08.2025).

2. О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 16.08.2025).

3. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 (ред. от 29.03.2023). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 14.08.2025).

4. Гончарова М. В., Шиян В. И. Факторы, детерминирующие незаконный оборот наркотиков на территории Российской Федерации // Вестник академии права и управления. 2018. № 2(51). С. 47–52.

5. Ермаков М. Г. Выявление и раскрытие сбыта подконтрольных веществ, совершенного дистанционным способом с использованием сети Интернет. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-i-raskrytie-sbyta-podkontrolnyh-veschestv-sovershennogo-distantsionnym-sposobom-s-ispolzovaniem-seti-internet (дата обращения: 11.09.2025).

6. Куцев В. В. Формы и методы предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-metody-preduprezhdeniya-prestupleniy-v-sfere-nezakonnogo-oborota-narkotikov (дата обращения: 19.09.2025).

7. Смоляков П. Н. Общий взгляд на профилактическое взаимодействие уголовного и административно-деликтного законодательства. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschiy-vzglyad-na-profilakticheskoe-vzaimodeystvie-ugolovnogo-i-administrativno-deliktnogo-zakonodatelstva (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 343.228

Носкова Анжела Сергеевна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
noskovaanzela823@gmail.com

Фомина Ксения Ивановна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
kseniafom200521gmail.com@mail.ru

Проблемы института необходимой обороны в судебной практике Российской Федерации

Аннотация. *Статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования института необходимой обороны в Российской Федерации. Авторы исследуют данный институт в контексте современных вызовов, связанных с обеспечением безопасности личности. Рассматриваются законодательные инициативы, связанные с расширением права на необходимую оборону. На основе судебной практики делается вывод о ключевых трудностях и системных проблемах, возникающих при квалификации действий обороняющегося. Авторы формулируют рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства для обеспечения эффективной реализации права на необходимую оборону. Делается вывод о необходимости баланса между защитой прав граждан и предотвращением произвола.*

Ключевые слова: *необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, защита от посягательства, судебная практика, законодательные инициативы.*

Noskova Anzhela Sergeevna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Fomina Kseniya Ivanovna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Problems of the institution of necessary defense in the judicial practice of the Russian Federation

Annotation. *The article is devoted to topical issues of legal regulation of the institute of necessary defense in the Russian Federation. The authors examine this institution in the context of modern challenges related to ensuring personal security. Legislative initiatives related to the expansion of the right to necessary defense are being considered. Based on judicial practice, a conclusion is drawn about the key difficulties and systemic problems that arise in qualifying the actions of the defender. The authors formulate recommendations for improving criminal legislation to ensure the effective exercise of the right to necessary defense. It is concluded that there is a need for a balance between the protection of citizens' rights and the prevention of arbitrariness.*

© Носкова А. С., Фомина К. И., 2025

Keywords: *necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, protection from encroachment, judicial practice, legislative initiatives.*

В последние годы в обществе наблюдается значительный рост интереса к вопросам самообороны и правовым аспектам, связанным с институтом необходимой обороны. Этот интерес обусловлен рядом факторов, включающих увеличение числа случаев, когда граждане вынуждены защищать свою жизнь, здоровье и имущество от противоправных посягательств. СМИ и социальные сети широко освещают резонансные дела, когда люди защищаясь от нападений, оказались под угрозой уголовного наказания.

Статья 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) регулирует институт необходимой обороны, предоставляя гражданам право на защиту своих естественных прав от общественно опасных посягательств [8]. Однако применение этой нормы связано с рядом сложностей, которые вызывают споры среди юристов, правоприменителей и общества в целом.

Так, согласно судебной практике 2023 года, по части 1 статьи 108 УК РФ было осуждено 192 человека, а оправдано только 3. Это свидетельствует о том, что в большинстве случаев суды признавали действия обвиняемых выходящими за рамки необходимой обороны. По части 1 статьи 114 УК РФ осуждено 345 человек, а оправдано лишь 2 [7]. Приведенные данные показывают, что суды крайне редко признают действия обвиняемых соответствующими необходимой обороне и соразмерными защите от посягательства.

В соответствии с Конституцией РФ защита прав и свобод человека и гражданина возложена на государство [3, ст. 2].При этом защита граждан от преступных посягательств может осуществляться не только государственными органами, но и через реализацию права, закрепленного в части 2 статьи 45 Конституции РФ, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы любыми законными способами.

Однако грань между законной самообороной и преступлением крайне тонка, что порождает множество юридических и этических коллизий. Сложность применения института необходимой обороны, а также отсутствие корректной регламентации может привести к несправедливому обвинению лица, защищающегося от посягательства. Суды могут ошибаться в субъективной оценке угрозы: закон требует, чтобы угроза была действительной и реальной. Например, защита от действий, которые не демонстрируют явной опасности, может быть признана необоснованной, даже если обороняющийся субъективно воспринял ситуацию как опасную. Огромную роль могут сыграть различные индивидуальные особенности личности, такие как возраст, пол или психологическое состояние. Судебная практика показывает, что действия обороняющегося оцениваются через призму гипотетически «разумного человека» и «фактической обстановки», игнорируя вышеперечисленные особенности.

Одной из основных проблем является отсутствие четких критериев, определяющих, когда действия обороняющегося считаются правомерными, а когда они переходят границы необходимой обороны. Законодательство не дает однозначного ответа на вопрос, что именно считается соразмерностью обороны

и как оценивать ее пределы в конкретных ситуациях. В практической деятельности правоприменитель сталкивается с рядом проблем, что делает вопрос о пределах необходимой обороны одним из самых дискуссионных в уголовном праве.

Также из ст. 37 УК РФ вытекает то, что защита от посягательства должна быть соразмерна характеру и опасности посягательства. Сложность заключается в оценке соразмерности средств защиты уровню угрозы, так как закон не содержит четких критериев определения мер защиты [8]. Результатом данной ошибки может стать квалификация действий обороняющегося как превышение пределов необходимой обороны или на общих основаниях.

Для правильной квалификации необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния, необходимо тщательно оценить обстановку, указывающую на преступное посягательство, а также цели обороны. Как отметил В.Ф. Кириченко, «вопрос о правомерности необходимой обороны -вопрос факта. Только при анализе конкретных обстоятельств можно определить пределы защиты» [2, с. 6]. Однако из-за вышеперечисленных проблем не всегда удается с первого раза правильно квалифицировать необходимую оборону. Достаточно показательным является следующий пример из судебной практики.

По приговору Ахтубинского районного суда Астраханской области от 30 декабря 2021 года Макухин А. Н., ранее несудимый, осужден по ч. 1 ст. 114 УК РФ [1]. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации определила приговор Ахтубинского районного суда Астраханской области от 30 декабря 2021 года, апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Астраханского областного суда от 24 марта 2022 года и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 октября 2022 года в отношении Макухина Александра Николаевича отменить. Уголовное дело производством прекратить на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления [4].

Около 2 часов ночи 8 ноября 2020 года Макухин А. Н., став свидетелем конфликтной ситуации между Б. и В. с М. на почве личных разногласий, и испытывая опасения за безопасность супруги М. и В., вышел за пределы необходимой обороны, осознавая общественно опасного характера своих действий и предвидя возможность причинения тяжкого вреда. Его умышленные действия, выразившиеся в ударе в прыжке обеими ногами в область правого бедра Б., привели к закрытому винтообразно-оскольчатому перелому бедренной кости в нижней трети, что в соответствии с медицинскими критериями расценивается как тяжкий вред здоровью, вызвавший стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть.

Конфликт произошел из-за поведения потерпевшего Б., который, будучи в состоянии алкогольного опьянения, ночью незаконно проник на участок Макухиных: выбил калитку, вошел в дом и набросился на В., избивая ее и угрожая убийством. В ответ на попытки М. защититься, Б. замахнулся на нее.

Как видно из перечисленных выше обстоятельств: ночное время, нетрезвое состояние Б., его незаконное проникновение во двор с повреждением калитки, избиение В., угрозы убийством, в том числе в адрес супруги М., замахивание руками и игнорирование просьб остановиться, – все это давало Макухину основания считать, что В. и М. находились в реальной опасности. Вместе с тем цель удара заключалась не в причинении телесных повреждений, а в том, чтобы оттолкнуть Б. от женщин, к которым он применял насилие и угрожал более серьезными последствиями.

Как следует из обстоятельств дела, Макухин, причиняя вред Б., не превысил пределы необходимой обороны, поскольку последний совершил посягательство, предусмотренное частью второй статьи 37 УК РФ.

Следовательно, правильная квалификация возможна лишь при условии проведения должной комплексной оценки всех обстоятельств дела. Такая оценка, в свою очередь, складывается из следующих проблемных элементов: во-первых, субъективной оценки правоприменителя, основанной на профессиональном опыте, анализе фактических данных и интерпретации норм права; во-вторых, объективного определения соразмерности и учета всех обстоятельств и особенности ситуации. Только сочетание этих компонентов обеспечивает сбалансированный и обоснованный вывод, исключающий произвольность и обеспечивающий справедливость квалификации.

Применение института необходимой обороны сталкивается с рядом правовых пробелов, приводящих к неоднозначным судебным решениям, которые в дальнейшем отменяют вышестоящие судебные инстанции. Таким образом, перед законодателем встает важнейший вопрос уточнения и дополнения существующих уголовно-правовых норм. 17 февраля 2025 года депутатами Государственной Думы РФ был внесен на рассмотрение законопроект, направленный на расширение права граждан на самооборону. В пояснительной записке сказано, что «представляется необходимым законодательно предоставить гражданам право защищать свою жизнь и своих родных, и близких, не опасаясь уголовного наказания, от любого преступного посягательства лиц, незаконно проникающих в жилище, независимо от того, соответствовали ли защитные действия характеру и опасности посягательства» [5]. Предоставление гражданам права на безусловную защиту жилища от незаконного проникновения – важная инициатива, которая требует тщательной проработки, чтобы не вызвать произвола. Следует также отметить, что подобные инициативы выдвигались и ранее, например, летом 2024 года [6]. Однако проект федерального закона, который предусматривал внесение изменений в ст. 37 УК РФ[8], был отклонен. Восполнение пробелов в законодательстве является необходимостью, ведь именно они в праве создают риски как для невиновных, оказавшихся подсудимыми за защиту от посягательства, так и для общества, где гражданам гарантируется безопасность.

На наш взгляд, ключевыми направлениями в изменении статьи 37 УК РФ должны быть уточнение уже действующих формулировок и введение презумпции добросовестности защищающегося. В Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 №19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законо-

дательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» следует внести следующую формулировку: «при оценке судами соразмерности средств защиты уровню угрозы должны учитываться не только фактический характер нападения, но и субъективное восприятие обороняющегося в условиях стресса (например, страх или нехватка времени для оценки реальности угрозы). Границы самообороны считаются нарушенными лишь в случае явного несоответствия защитных действий уровню угрозы, что должно быть очевидно для обороняющегося в данной ситуации». Необходимо дополнить статью 37 УК РФ презумпцией добросовестности защищающегося, согласно которой лицо, применяющее меры необходимой обороны, изначально считается действующим в рамках закона, пока не будет доказано, что оборона была чрезмерной или неоправданной.

Таким образом, проблема применения института обусловлена человеческим фактором, динамикой конфликта и несовершенством юридических формулировок. Для вынесения судом справедливых решений требуется не только уточнение законов, но и гуманизация судебной практики – учет человеческого фактора, страха и инстинкта выживания.

Список источников

1. Дело № 22-2806/2021.URL: https://судебныерешения.рф/63845906 (дата обращения: 19.03.2025).

2. Кириченко В. Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве / отв. ред. Б. С. Маньковский. М. : Изд-во АН СССР, 1948. 107 с.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) URL:http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 20.03.2025).

4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 N 25-УД23-12-К4. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05092023-n-25-ud23-12-k4/ (дата обращения: 18.03.2025).

5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/1efeec4a-e1b6-6cf2-8de0-29814ae35eff (дата обращения: 20.03.2025).

6. Пределы необходимой обороны при защите своего дома предлагают расширить. URL: https://www.garant.ru/news/1725600/ (дата обращения: 20.03.2025).

7. Судебная статистика РФ. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 15.03.2025).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53. Ст. 8525 (Часть 1).

УДК 343.13

Патрикеева Аксинья Анатольевна
студент, Владивостокский государственный университет
Владивосток, Российская Федерация
vereschagina_alla@mail.ru

Предъявление для опознания в уголовно-процессуальном законодательстве государств постсоветского пространства

Аннотация. *Для уголовно-процессуального законодательства стран – бывших членов СССР характерны определенные сходства, обусловленные наследием советского законодательства, и в то же время определенная специфика правового регулирования институтов рассматриваемой отрасли права, вызванная разной практикой правоприменения. Сказанное касается и такого уголовно-процессуального института как предъявление для опознания. Изучение особенностей его правового регулирования в странах постсоветского пространства является актуальным, поскольку позволяет выявить передовой опыт указанных стран в рассматриваемом пространстве, что позволит его применить российскими законодателями при внесении изменения и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.*

Ключевые слова: *опознание, уголовный процесс, следственное действие, предъявление для опознания.*

Patrikeeva Aksinya Anatolyevna
student, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Presentation for identification in the criminal procedure legislation of the post-Soviet States

Annotation. *The criminal procedure legislation of the former USSR member countries is characterized by certain similarities due to the legacy of Soviet legislation, and at the same time, certain specifics of the legal regulation of the institutions of the branch of law in question, caused by different law enforcement practices. The above also applies to such a criminal procedure institution as presentation for identification. The study of the specifics of its legal regulation in the countries of the post-Soviet space is relevant, since it allows us to identify the best practices of these countries in the space under consideration, which will allow it to be applied by Russian legislators when making amendments and additions to the criminal procedure legislation of the Russian Federation.*

© Патрикеева А. А., 2025

Keywords: *identification, criminal process, investigative action, presentation for identification.*

Отечественный законодатель в рамках реформирования действующего законодательства и улучшения правоприменительной практики постоянно проводит деятельность по совершенствованию законов и кодифицированных актов, среди которых одним из значимых в правовой системе РФ следует назвать Уголовно-процессуальный кодекс РФ [1] (далее – УПК РФ), поскольку при реализации его норм происходит существенное ограничение конституционных норм граждан. Безусловно, важным в данном вопросе является изучение норм зарубежного законодательства, в том числе и в уголовно-процессуальной сфере, для определения эффективных направлений совершенствования действующего законодательства, исходя из передового опыта других государств в правовом регулировании тех или иных институтов в отраслях права, включая сферу уголовного процесса. Интересен в этом плане порядок регулирования данного процессуального института в странах бывшего СССР, поскольку исторически указанные государства руководствовались единым советским законодательством. И анализ норм уголовно-процессуального законодательства стран постсоветского пространства свидетельствует о том, что, несмотря на указанное советское наследие, кодифицированные акты государств в рассматриваемой сфере в части регулирования предъявления для опознания имеют свои интересные с точки зрения правоприменения особенности, а также сходства с российским уголовно-процессуальным законодательством

Так, например, как и в нашей стране, в Беларуси, в Украине, в Киргизии рассматриваемый процессуальный институт не находится в отдельной главе. Напротив, данное следственное действие «соседствует» с иными следственными и процессуальными института как предъявления для опознания.

Одновременно его размещение в статьях законов в разных государствах имеет свои особенности:

1) все следственные действия расположены в одной главе (УПК Украины [4]);

2) расположены в одной главе наряду с такими следственными действиями, как допрос, очная ставка, проверка показаний на месте одной (Республика Беларусь [7], Российская Федерация, Республика Таджикистан [5]);

3) расположено в одной главе с допросом и очной ставкой (Республика Киргизстан [2]).

Сказанное свидетельствует о том, что в уголовно-процессуальном законодательстве стран, в которых предъявление для опознания не выделено в отдельную главу, данное следственное действие неразрывно связано с допросом, очной ставкой, проверкой показаний на месте происшествия и другими процессуальными действиями.

По нашему мнению, опыт Республики Армения [8], Республики Узбекистан [9], Республики Туркменистан [6] по выделению института предъявления для опознания в отдельную главу эффективен для его широкого применения в судебно-следственной практики.

В уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран порядок предъявления для опознания урегулирован по-разному, и в части ряд норм можно заимствовать в качестве передового опыта. В частности, целесообразно выделить следующие:

1) разрешено проведение опознания с участием понятых либо с применением звуко- и видеозаписи (статья 224 УПК Республики Беларусь);

2) разрешено при необходимости предъявление для опознания проводить с использованием материалов видеозаписи (статья 228 УПК Республики Украина);

3) урегулировано как минимум 4 случая, при которых может быть предъявление для опознания лица происходить по голосу или походке (статья 228 УПК Республики Украина);

4) отдельно определен запрет предварительного показа опознаваемого лица опознающему, а также запрет предварительного показа опознающему вещи, которая должна быть предъявлена для опознания и предоставление других сведений о ее приметах (статья 229 УПК Республики Украина)

5) если опознается труп человека, которого опознающий видел живым, разрешается произвести гримирование покойного (статья 223 УПК Республики Армения, статья 230 УПК Республики Казахстан [3]);

6) при предъявлении предмета для опознания допускается его очистка от грязи, ржавчины или других наслоений, если это не приведет к уничтожению его как средства доказывания (статья 222 УПК Республики Армения);

7) отдельно определено, что если опознающим являются потерпевший или свидетель, они перед опознанием предупреждаются об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (статья 221 УПК Республики Армения, статья 224 УПК Республики Беларусь, статья 268 УПК Республики Туркменистан, статья 198 УПК Республики Киргизстан);

8) если для опознания предъявляется труп или его части, либо если предъявляются антикварные или иные предметы, для которых трудно подобрать аналоги, опознание производится по единственному экземпляру (статья 223 УПК Республики Армении, статья 230 УПК Республики Казахстан).

Таким образом, для каждого государства постсоветского пространства характерны определенные особенности проведения процедуры предъявления для опознания и имеют место достаточно передовые тенденции регулирования данного института, что обусловливает необходимость их более тщательного изучения для возможности внедрения их в отечественное уголовно-процессуальное законодательство и последующее их применение на практике с целью более эффективного проведения данного следственного действия.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собр.законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 года. URL: http://base.spinform.ru (дата обращения: 29.01.2025).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года. URL: http://base.spinform.ru (дата обращения: 29.01.2025).

4. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04. 2012 года. URL: http://base.spinform.ru (дата обращения: 29.01.2025).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 года. URL: http://base.spinform.ru (дата обращения: 29.01.2025).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18.04. 2009 года. URL: http://base.spinform.ru (дата обращения: 29.01.2025).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 года. URL: http://base.spinform.ru (дата обращения: 29.01.2025).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.09.1998 года. URL: http://base.spinform.ru(дата обращения: 29.01.2025).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://www.lex.uz/docs/111460 / (дата обращения: 29.01.2025).

УДК 338.48

Плюснина Ольга Витальевна
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kn-oliga@ya.ru

Эроглу Алла Владимировна
лицензированный гид по Турции
г. Алания, Турция
allaeroglu@yandex.ru

Сравнительный анализ требований к гидам и экскурсоводам в Турецкой Республике и Российской Федерации

Аннотация. *В статье представлено компаративное исследование требований, предъявляемых к гидам и экскурсоводам в современных государствах Турции и России. В результате анализа выявлены как общие, так и специфические характеристики, позволяющие сделать выводы о наличии единых глобальных профессиональных стандартов, а также об определенной специфике, обусловленной национальными, культурными, историческими и иными особенностями реализации данной профессии в различных государствах.*

Ключевые слова: *туризм, экскурсовод, гид, образование, профессиональная подготовка, аттестация.*

© Плюснина О. В., Эроглу А. В., 2025

Pliusnina Olga Vitalyevna
candidate of law, docent, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Eroglu Alla Vladimirovna
licensed tour guide
Alanya, Turkey

Comparative analysis of the requirements for guides in the Republic of Turkey and the Russian Federation

Annotation. *The article presents a comparative study of the requirements for guides and tour guides in the modern states of Turkey and Russia. The analysis revealed both common and specific characteristics, which allow us to draw conclusions about the existence of unified global professional standards, as well as about certain specifics determined by national, cultural, historical and other features of the implementation of this profession in different countries.*
Keywords: *tourism, tour guide, guide, education, professional training, certification.*

Туризм представляет собой многогранную деятельность, играющую ключевую роль в социально-экономическом развитии государств и укреплении международных связей. Его влияние на социальную, культурную, образовательную и экономическую сферы жизни общества является неоспоримым и всеобъемлющим. Развитие туристической индустрии напрямую коррелирует с уровнем социально-экономического прогресса наций, что подчеркивает значимость туризма как инструмента гуманистического и культурного обмена. Доступность активного отдыха и путешествий для населения, а также свобода передвижения в рамках свободного времени и досуга являются фундаментальными факторами, определяющими динамику и направление развития туризма. Эти аспекты не только способствуют личностному и профессиональному росту индивидов, но и формируют основу для устойчивого развития регионов и стран. Туризм выступает важным инструментом в укреплении межгосударственных отношений, способствуя взаимопониманию и культурному обогащению народов. В Манильской декларации по мировому туризму определено, что профессиональная подготовка и компетентность в области туризма необходимы не только для лиц, предоставляющих и получающих их, но также и для всего общества в целом [5].

В ст. 6 Глобального этического кодекса туризма среди обязанностей участников туристского процесса названы обязанности профессионалов сферы туризма предоставлять туристам объективные правдивые сведения о местах назначения и об условиях поездки, приема и пребывания, а также содействовать культурному и духовному совершенствованию туристов и позволять им отправлять в ходе поездок свои религиозные потребности [6].

В Турецкой Республике и Российской Федерации установлены различные нормативные и квалификационные требования к профессиональной деятельности гидов и экскурсоводов, осуществляющих услуги по сопровождению туристов и экскурсантов и предоставление им информации на маршруте. В данной

статье представлен сравнительный анализ ряда требований, необходимых для осуществления профессиональной деятельности.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ Об основах туристской деятельности) [1], а также ГОСТ Р 57807–2017 «Туристские услуги. Требования к экскурсоводам (гидам)» [4] экскурсовод (гид) – это «профессионально подготовленное лицо, осуществляющее деятельность по ознакомлению экскурсантов (туристов) с объектами показа в стране (месте) временного пребывания». Экскурсоводы и гиды осуществляют информационное сопровождение туристов и экскурсантов, предоставляя им сведения о посещаемых объектах и местах, а гиды-переводчики, наряду с этим, обеспечивают коммуникацию между лицами, говорящими на разных языках, и предоставляют специализированные знания в процессе перевода.

В каждой из рассматриваемых стран действуют специальные нормативные акты, регламентирующие деятельность гидов. В Российской Федерации ФЗ «Об основах туристской деятельности» от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ с изменениями и дополнениями [1], Постановление Правительства РФ от 7 мая 2022 г. № 833 «Об утверждении Положения об аттестации экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков» (далее – Положение об аттестации) [2]/ В Турецкой Республике действует Закон о поощрении туризма № 2634 от 12 марта 1982 года [7], а также Профессиональный кодекс туристского руководства (далее – Закон № 6326) [8]. В соответствии с этими документами обязательным условием для экскурсоводов в Турции, например, является владение турецким языком и навыками перевода на другие языки. В Российской Федерации гиды обязаны свободно владеть русским языком, а также, при необходимости, иностранными языками для работы с иностранными туристами. Кроме того, гиды должны обладать глубокими знаниями истории, географии, культуры, религии, искусства, традиций, объектов показа регионов, в которых они осуществляют свою деятельность, а также общекультурными и профессиональными навыками. Важно также умение увлекательно и доступно излагать информацию, а также способность отвечать на вопросы туристов, возникающие в процессе экскурсии.

Нормативно-правовое регулирование туристской сферы в Турецкой Республике распространяется на деятельность гидов-экскурсоводов. Гиды-экскурсоводы должны пройти строгую программу обучения, рассчитанную на несколько лет, и получить официальную государственную лицензию гида-экскурсовода. В Турции запрещено работать гидом-экскурсоводом без соответствующего обучения и лицензии. В правилах осуществления деятельности Профессионального кодекса туристского руководства содержатся основные требования к гидам, которые проводят экскурсии на территории Турецкой Республики. Туристическим гидом, в соответствии со ст. 2 Закона № 6326 [8], может быть физическое лицо, допущенное к профессии и имеющее право и полномочия предоставлять услуги туристического гида.

При этом услуги туристического гида, не являющиеся деятельностью туристического агентства, представляют собой комплекс услуг для местных или иностранных, отдельных или групп туристов, направленных на продвижение

культуры, туризма, истории, окружающей среды, природы, социальных или аналогичных ценностей страны, а также их активов в соответствии с политикой в области культуры и туризма, а также продвижение туристической программы туров, организованных туристическими агентствами, в соответствии с политикой турагентства, выполняемых и управляемых от имени агента, так как описано в его письменных документах, и реализуемых потребителю. При этом услуги должны быть оказаны на том языке, который туристы выбрали перед поездкой.

В соответствии со ст. 3 Закона № 6326 титул (звание, профессия) туристического гида приобретается при приеме на работу – это не верно. Удостоверение гида выдается министерством по туризму при соответствии кандидата следующим условиям: наличие гражданства Турецкой Республики, возраст старше восемнадцать лет; наличие специального образования, сданный в установленном законом порядке экзамен по иностранному языку, прохождение и завершение ознакомительной поездки, организованной под контролем и надзором Министерства туризма, успешная защита выступления на заданную тему во время обучающего тура, сдача экзамена, проводимого в конце поездки. Разрешение на работу гидом аннулируется через 8 лет в случае нахождения гида в статусе «недействующего» в течение этого срока. Документы о специальном образовании в таком случае также считаются недействительными и подлежат обновлению. Кроме того, гид не должен быть ранее уволенным с работы, а также лица, осужден за преступление, препятствующее приему на работу в соответствии с пунктом д Закона № 6326 [8], статье 53 Уголовного кодекса Турции № 5237 от 9.26.2004 [9], Закону о защите культурных и природных ценностей № 2863 от 21.7.1983 [10].

В Российской Федерации условия оказания услуг экскурсовода (гида) и гида-переводчика и правила аттестации экскурсовода (гида) и гида-переводчика регламентированы ст. 4.4. Федерального закона «Об основах туристской деятельности» в редакции Федерального закона от 22.06.2024 № 143-ФЗ [1]. Для профессиональной деятельности в качестве экскурсовода или гида-переводчика необходимо пройти аттестацию в порядке, установленном законодательством о туризме в Российской Федерации. Также необходимо иметь среднее профессиональное или высшее образование или пройти обучение по программам и успешно сдать промежуточную аттестацию по оказанию услуг экскурсовода или гида-переводчика (при условии достижения 18 лет), обладать дополнительным профессиональным образованием в соответствующей области (за исключением наличия специального образования по направлениям в сфере оказания услуг экскурсовода или гида-переводчика), соответствовать специальным требованиям, установленным Правительством Российской Федерации, предъявляемым к профессиональной деятельности экскурсоводов и гидов-переводчиков. А для гида-переводчика дополнительно необходимо свободное владение иностранным языком, на котором планируется предоставление услуг по ознакомлению туристов с объектами показа, сопровождению туристических групп и информированию туристов по маршруту. В соответствии с п. 14 Положения об аттестации [2] для прохождения аттестации также предоставляются документы, подтверждающие наличие у соискателя необходимого стажа рабо-

ты экскурсоводом, гидом иди гидом переводчиком (копии трудовых договоров, трудовых книжек , гражданско-правовых договоров; сведения о регистрации соискателя в качестве индивидуального предпринимателя с осуществлением видов экономической деятельности по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности 79.90.21 и (или) 79.90.22; сведения о постановке соискателя на учет в качестве плательщика налога на профессиональный доход с приложением копий чеков, сформированных при произведении расчетов при оказании услуг экскурсовода (гида) или гида-переводчика; сведения об аттестатах, свидетельствах либо иных документах, подтверждающих уровень квалификации экскурсовода (гида) или гида-переводчика, полученных в течение 5 лет, предшествующих дню подачи заявления.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, не предусмотрено специфических требований к уровню практической подготовки потенциальных участников профессиональной деятельности. Также отсутствуют критерии, связанные с наличием судимости или обстоятельствами, которые могли бы служить основанием для прекращения предыдущей профессиональной деятельности.

Детализация требований к экскурсоводу содержится в профессиональном стандарте «Экскурсовод (гид)», утвержденном приказом Минтруда РФ от 24.12.2021 № 913н [3], определяющем спектр профессиональных обязанностей, включая организацию экскурсионных мероприятий, разработку экскурсионных программ, сопровождение туристских групп, а также разрешение конфликтных ситуаций, возникающих в процессе экскурсионной деятельности.

Стандарт также устанавливает четкие критерии к уровню образования и профессионального опыта экскурсоводов, а также к их необходимым профессиональным компетенциям. К последним относятся, в частности, навыки публичных выступлений, владение иностранными языками на достаточном уровне для осуществления профессиональной деятельности, а также умение работать с различными видами документации, необходимой для обеспечения высокого качества экскурсионных услуг. Примечательно, что срок действия данного профессионального стандарта установлен до 1 сентября 2028 года, что подчеркивает его значимость и актуальность в контексте современного рынка туристических услуг и профессионального развития экскурсоводов.

Таким образом, проведенный компаративный анализ, учитывающий как общеобязательные для экскурсоводов квалификационные требования, включающие наличие высшего образования и профильной подготовки в области экскурсионной деятельности, так и достижение возраста совершеннолетия, выявил существенные различия в уровне предъявляемых требований к гидам в анализируемых государствах. Эти различия обусловлены спецификой национальных образовательных систем, культурными особенностями и требованиями рынка туристических услуг.

В Российской Федерации акцент делается на академическую подготовку и профессиональные навыки, подтвержденные документально, тогда как в Турецкой Республике большее значение придается практическому опыту, полученному в том числе в процессе подготовки к сдаче экзамена, и способности

адаптироваться к изменяющимся условиям работы. Несмотря на вариативность нормативных и квалификационных стандартов, профессиональная деятельность гидов-переводчиков и экскурсоводов в обеих странах ориентирована на достижение высокого уровня качества предоставляемых услуг, а также на удовлетворение информационных потребностей туристов. Таким образом, можно констатировать, что глобальный стандарт профессионализма гидов варьируется в зависимости от национальных и региональных особенностей, что требует дальнейшего изучения и систематизации.

Список источников

1. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102044374 (дата обращения: 03.09.2025).

2. Постановление Правительства РФ от 7 мая 2022 г. № 833 «Об утверждении Положения об аттестации экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205120012 (дата обращения: 03.09.2025).

3. Приказ Минтруда РФ от 24.12.2021 № 913н об утверждении профессионального стандарта «Экскурсовод (гид) URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202010017 (дата обращения: 03.09.2025).

4. ГОСТ Р 57807–2017. Туристские услуги. Требования к экскурсоводам (гидам). URL: https://rosgosts.ru/file/gost/03/080/gost_r_57807-2017.pdf (дата обращения: 03.09.2025).

5. Манильская декларация по мировому туризму. URL: https://rst.ru/documents/dokumenty-yunvto1.html (дата обращения: 03.09.2025).

6. Глобальный этический кодекс туризма. URL: https://rst.ru/documents/dokumenty-yunvto1.html (дата обращения: 03.09.2025).

7. Закон о поощрении туризма № 2634 от 12 марта 1982 года (опубликован в Официальном вестнике Турецкой Республики № 17635 16 марта 1982 года). URL:https://rst.ru/documents/ (дата обращения: 03.09.2025).

8. Закон № 6326 Республики Турция, принятый 7 июня 2012 г. № 6326) KANUNTURİST REHBERLİĞİ MESLEK KANUNU Kanun № 6326 Kabul Tarihi: 7/6/2012 Resmî Gazete 22 Haziran 2012 Sayı: 28331. URL: https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/06/20120622-2.htm) (дата обращения: 03.09.2025).

9. Уголовный кодекс Турции № 5237 от 9.26.2004 г. Criminal Code Law Nr. 5237 Passed On 26.09.2004 (Official Gazette No. 25611 dated 12.10.2004). URL: https://www.unodc.org/uploads/icsant/documents/Legislation/Turkey/Turkey_Criminal_Code_Law_No._5237_2004.pdf (дата обращения: 03.09.2025).

10. Закон Турции о защите культурных и природных ценностей № 2863 от 21.7.1983. KÜLTÜR VE TABİAT VARLIKLARINI KORUMA KANUNU 1 2 Kanun Numarası : 2863 Kabul Tarihi : 21/7/1983 (Yayımlandığı R.Gazete : Tarih : 23/7/1983 Sayı : 18113). URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/10971 (дата обращения: 03.09.2025).

УДК 346.26

Потемкин Игорь Алексеевич
студент, Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
Igorpotemkin18@yandex.ru

Правовое регулирование товарных знаков в странах Европейского Союза

Аннотация. *Статья посвящена институту товарных знаков. Работа раскрывает правовое регулирование товарных знаков в странах Европейского союза, подчеркивая их роль как инструмента индивидуализации товаров и услуг, защиты от недобросовестной конкуренции и повышения инвестиционной привлекательности бизнеса.*

Ключевые слова: *товарный знак, индивидуализация, правовое регулирование, защита прав, недобросовестная конкуренция.*

Potemkin Igor Alekseevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal regulation of trademarks in the European Union

Annotation. *The article is devoted to the institution of trademarks. The work reveals the legal regulation of trademarks in the countries of the European Union, emphasizing their role as a tool for individualization of goods and services, protection against unfair competition, and increasing the investment attractiveness of business.*

Keywords: *trademark, individualization, legal regulation, protection of rights, unfair competition.*

История защиты товарных знаков в Европейском союзе представляет собой сложный и многогранный процесс, который развивался на протяжении десятилетий, отражая изменения в экономической, социальной и правовой сферах. Начало систематической защиты товарных знаков в Европе можно отнести к началу 20 века, когда в разных странах начали создаваться первые законодательные акты, регулирующие использование товарных знаков. Эти ранние инициативы были вызваны необходимостью защиты интересов производителей и потребителей, а также стремлением предотвратить недобросовестную конкуренцию.

Первым значимым шагом в направлении создания единой системы защиты товарных знаков в Европе стало принятие Парижской конвенции по охране промышленной собственности в 1883 году. Этот международный договор положил начало формированию правовых основ для защиты товарных знаков на международном уровне. Он установил базовые принципы, такие как право на регистрацию товарного знака, защиту от подделок и недобросовестной конкуренции. Однако, несмотря на значимость Парижской конвенции, ее влияние на

© Потемкин И. А., 2025

защиту товарных знаков в Европе было ограниченным, так как каждая страна оставалась свободной в выборе методов реализации этих принципов на национальном уровне [3].

С течением времени, по мере роста международной торговли и увеличения числа транснациональных компаний, потребность в более эффективной и унифицированной системе защиты товарных знаков стала очевидной. В 1960-х годах в Европе начались активные обсуждения о необходимости создания единой системы охраны товарных знаков. Эти обсуждения привели к разработке ряда директив и регламентов, которые стали основой для создания единого рынка в рамках Европейского Союза. Важным этапом в этом процессе стало принятие Директивы Совета Европейского Союза 89/104/ЕЭС от 21 декабря 1988 года, которая касалась гармонизации законодательства о товарных знаках в государствах-членах. Эта директива установила общие правила регистрации и защиты товарных знаков, что значительно упростило процесс их охраны на территории всего Союза [5].

С созданием Европейского Союза в 1993 году, вопрос защиты товарных знаков стал еще более актуальным. В рамках единого рынка, который обеспечивал свободное движение товаров и услуг, необходимо было создать эффективные механизмы защиты прав на товарные знаки. В 1996 году была принята Регламент (ЕС) № 40/94, который установил систему регистрации товарных знаков на уровне Европейского Союза. Эта система позволила компаниям регистрировать свои товарные знаки на всей территории ЕС, что значительно упростило процесс защиты прав и снизило затраты на регистрацию [1].

С течением времени, система защиты товарных знаков в Европейском Союзе продолжала развиваться. В 2004 году был принят новый Регламент (ЕС) № 207/2009, который заменил предыдущий и стал основой для создания Европейского товарного знака (European Union Trade Mark, EUTM). Эта система позволила владельцам товарных знаков получать защиту на всей территории ЕС с помощью одной заявки. Важным аспектом нового регламента стало упрощение процедур регистрации и продление сроков действия товарных знаков, что сделало систему более доступной для малых и средних предприятий [2].

Система защиты товарных знаков в Европейском Союзе также включает в себя механизмы разрешения споров и защиту прав владельцев товарных знаков. В 2016 году был принят Регламент (ЕС) 2015/2424, который внес изменения в Регламент (ЕС) № 207/2009 и еще больше упростил процедуры, связанные с регистрацией и защитой товарных знаков. Одним из ключевых изменений стало упрощение процесса подачи заявок и возможность подачи электронных заявок, что сделало систему более доступной и удобной для пользователей.

Важным аспектом защиты товарных знаков в Европейском Союзе является также сотрудничество с международными организациями, такими как Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). ЕС активно участвует в международных инициативах, направленных на защиту прав на товарные знаки и борьбу с подделками. Это сотрудничество позволяет обмениваться информацией и лучшими практиками, а также разрабатывать совмест-

ные стратегии по защите прав интеллектуальной собственности на глобальном уровне [4].

В последние годы защита товарных знаков в Европейском Союзе сталкивается с новыми вызовами, связанными с развитием технологий и изменением потребительских привычек. Появление новых форм торговли, таких как электронная коммерция, требует адаптации существующих правовых норм и разработки новых подходов к защите товарных знаков. Также возрастает значение защиты товарных знаков в контексте глобализации, когда компании работают на международных рынках и сталкиваются с различными правовыми системами.

История защиты товарных знаков в Европейском Союзе отражает динамичное развитие правовой системы, направленной на защиту интересов производителей и потребителей. Система, которая была создана за последние сто лет, претерпела значительные изменения и адаптировалась к новым вызовам и требованиям времени. Современная система защиты товарных знаков в Европейском Союзе является одним из наиболее эффективных и продвинутых механизмов защиты прав интеллектуальной собственности в мире, что способствует развитию экономики и защите интересов всех участников рынка.

Список источников

1. Адуев А. Н., Белогорская Е. М. Товарный знак и его правовое значение // Журнал юридическая литература. 2022. № 2. С. 26–29.

2. Настольная книга руководителя организации: правовые основы / Бирюков Д. О., Гуркин А. С., Ильютченко Н. В., Копытин Д. А., Лаутс Е. Б., Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32813723 (дата обращения: 05.09.2025).

3. Ворожевич А. С. Защита брендов: стратегии, системы, методы : учеб. пособие для магистров. М., 2023. 128 с.

4. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Промышленные права. XXI век. М. : Юрсервитум, 2023. 246 с.

5. Дорофеев А. Ю. Современные тенденции рынка товарных знаков // Науковедение. 2022. № 1. С. 8–18.

УДК 347.91

Сотников Эдуард Анатольевич
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
edward.sotnikov.20022@mail.ru

Мельников Иван Николаевич
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
i_melnikova@ksu.edu.ru

Сравнительно-правовой анализ судебных расходов в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации

Аннотация. *Институт судебных расходов играет ключевую роль в реализации конституционного права на судебную защиту, балансируя между доступностью правосудия и экономической эффективностью. Несмотря на общие принципы, различия в механизмах распределения и возмещения расходов в гражданском и арбитражном процессах создают правовую неопределенность. В статье проводится сравнительный анализ норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального Российской Федерации, выявляются особенности компенсации отдельных видов расходов, а также предлагаются меры по гармонизации законодательства для повышения справедливости и предсказуемости судопроизводства.*

Ключевые слова: *судебные расходы, гражданский процесс, арбитражный процесс, распределение расходов, компенсация издержек.*

Sotnikov Eduard Anatolyevich
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich
candidate of Law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Comparative legal analysis of legal costs in civil and arbitral proceedings in the Russian Federation

Annotation. *The institution of legal costs plays a key role in realizing the constitutional right to judicial protection, balancing between accessibility of justice and economic efficiency. Despite common principles, differences in the mechanisms of distribution and reimbursement of costs in civil and arbitral proceedings create legal uncertainty. The article provides a comparative analysis of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, identifies features of compensation for certain types of costs, and proposes measures to harmonize legislation to improve fairness and predictability of proceedings.*

© Сотников Э. А., Мельников И. Н., 2025

Keywords: *legal costs, civil procedure, arbitral procedure, distribution of costs, compensation of expenses.*

Институт судебных расходов является неотъемлемой частью процессуального права, напрямую влияя на реализацию конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации) [1]. В условиях цифровизации судебных систем и роста числа споров в гражданской и предпринимательской сферах актуализируется необходимость анализа различий в регулировании судебных расходов по нормам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2] и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [3].

Судебные расходы включают государственную пошлину и издержки, связанные с рассмотрением дела (ст. 88 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 101 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Государственная пошлина, определенная ст. 333.16 Налогового кодекса Российской Федерации [4], представляет собой сбор за юридически значимые действия органов власти, обеспечивая доступ к правосудию. Издержки, перечисленные в ст. 94 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 106 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, носят неисчерпывающий характер и связаны с процессом доказывания: расходы на представителей, экспертов, свидетелей, проезд, почтовые услуги и иные необходимые затраты.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации перечень издержек открыт, что позволяет учитывать нестандартные расходы, такие как досудебное исследование имущества или нотариальное обеспечение доказательств (п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №1 от 21.01.2016) [5]. В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации перечень более конкретизирован, включая командировочные затраты судей и расходы на извещение о корпоративных спорах, подчеркивая экономическую обоснованность.

Принципы возмещения расходов основаны на компенсационной и превентивной функциях: расходы возмещаются проигравшей стороной в пользу выигравшей, согласно (ст. 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Презумпция вины (ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации) [6] требует доказывания размера убытков кредитором, с возможностью полного возмещения, за исключением случаев снижения судом.

Особенности компенсации отдельных видов расходов различаются в двух процессах. В гражданском процессе (ст. 94 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) компенсируются суммы свидетелям, экспертам и переводчикам, включая проезд, проживание и суточные на основе проездных документов и норм командировочных издержек. Расходы на представителей взыскиваются в разумных пределах, подтвержденные договором и чеками, но суд может снизить сумму (например, с 140 000 руб. до 60 000 руб. в Апелляционном постановлении Краснодарского краевого суда от 16.04.2021 по делу

№ А56-18683/2019) [7]. Почтовые расходы возмещаются при наличии квитанций, если они не включены в услуги представителя.

Компенсация за потерю времени предусмотрена для недобросовестной стороны, а осмотр на месте включает проездные затраты. Другие расходы, признанные судом необходимыми, такие как досудебные исследования, также компенсируются.

В арбитражном процессе (ст. 106 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) издержки включают экспертизы, услуги специалистов, свидетелей и переводчиков, с акцентом на документальное подтверждение. Расходы на представителей не включают «гонорар успеха», а командировочные возмещаются только необходимые (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2021 по делу № 306-ЭС18-20653) [8]. Дополнительно компенсируются расходы на выписки из Единого государственного реестра юридических лиц, сбор доказательств и соблюдение досудебного порядка.

Порядок распределения расходов в гражданском процессе (глава 7 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) следует принципу пропорциональности удовлетворенным требованиям (ст. 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). Расходы взыскиваются с проигравшей стороны, включая услуги представителей в разумных пределах. Если истец освобожден от уплаты (ст. 103 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), расходы возмещаются в бюджет. При отказе от иска истец компенсирует расходы ответчика.

В арбитражном процессе (глава 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) распределение аналогично, но с особенностями: стороны могут заключить соглашение о распределении (ч. 4 ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), а нарушение досудебного порядка влечет возмещение расходов независимо от исхода (ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Суд может взыскать расходы за злоупотребление правами, затягивание процесса. Государственная пошлина рассчитывается исходя из первоначальной суммы неустойки, даже при ее снижении (ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Сравнительный анализ выявляет преимущества и недостатки. В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации гибкость перечня издержек обеспечивает учет индивидуальных случаев, но субъективность в оценке «разумности» приводит к неопределенности. В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации предсказуемость и экономическая обоснованность повышают эффективность, но ограниченность перечня затрудняет компенсацию нестандартных затрат.

По аналогии с Арбитражным процессуальным кодексом предлагаем внести в ст. 98 Гражданского процессуального кодекса пункт 4.1 «При соглашении лиц, участвующих в деле, о распределении судебных расходов суд относит на них судебные расходы в соответствии с этим соглашением».

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации целесообразно частично конкретизировать перечень судебных издержек, как в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, чтобы повысить

предсказуемость судебных решений, сохранив при этом гибкость для учета нестандартных случаев.

Включение в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации нормы, подобной ч. 4 ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, позволило бы сторонам гражданского процесса заранее договариваться о распределении расходов, что способствовало бы снижению конфликтов.

Необходимо разработать единые критерии разумности расходов на представителей для обоих процессов, например, ориентируясь на региональные тарифы юридических услуг и сложность дела, чтобы минимизировать субъективизм.

Эти меры повысят справедливость и доступность правосудия.

Список источников

1. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 16.04.2021 по делу № А56-18683/2019. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 01.09.2025).

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.09.2025).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. от 01.10.2023). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.09.2025).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.09.2025).

5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.09.2025).

6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.09.2025).

7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2021 по делу № 306-ЭС18-20653, А57-25248/2017. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/yq5nR4kSezrx/ (дата обращения: 01.09.2025).

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 343.2

Спивак Александра Владимировна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
a.spivak.v@yandex.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
n_ganzha@kosgos.ru

Дополнительное наказание как фактор, влияющий на сроки погашения судимости: пробелы и пути их устранения

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы, связанные с исчислением сроков погашения судимости в случаях назначения осужденному дополнительного наказания. Особое внимание уделяется неопределенности, возникающей при исполнении основного и дополнительного наказания в разное время, а также отсутствию четкого законодательного регулирования в статье 86 УК РФ. На основании анализа предлагаются изменения в уголовное законодательство для упрощения и унификации практики погашения судимости.*

Ключевые слова: *дополнительное наказание, судимость, погашение судимости, уголовный кодекс, исполнение наказания, правоприменение.*

Spivak Aleksandra Vladimirovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna
candidate of pedagogical sciences
associate professor of the department
of civil law disciplines Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

© Спивак А. В., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В., 2025

Additional punishment as a factor affecting the terms of expiation of a criminal record: gaps and ways to eliminate them

Annotation. *The article discusses the problems associated with the calculation of the terms of expiry of a criminal record in cases where an additional punishment is imposed on a convicted person. Special attention is paid to the uncertainty that arises when the main and additional punishments are executed at different times, as well as the lack of clear legislative regulation in Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis, changes are proposed to the criminal legislation to simplify and unify the practice of expunging criminal records.*

Keywords*: additional punishment, criminal record, expunging criminal record, criminal code, execution of punishment, law enforcement.*

Судимость – правовое последствие уголовного осуждения, которое имеет не только юридическую, но и социальную значимость. Она влечет за собой ряд ограничений и может негативно повлиять на судьбу человека на длительный срок. Поэтому регулирование вопросов, связанных с погашением судимости, должно быть предельно четким и не допускать различий в толковании. В последние годы в правоприменительной практике особо остро встает вопрос исчисления сроков погашения судимости в тех случаях, когда лицу наряду с основным наказанием назначается дополнительное.

Уголовное законодательство Российской Федерации, а именно статья 86 УК РФ [1], содержит общее положение о сроках погашения судимости в зависимости от тяжести преступления и вида наказания. Однако данная норма практически не затрагивает случаи, когда к осужденному применяется одновременно как основное, так и дополнительное наказание. Это создает неопределенность, особенно если исполнения указанных наказаний не совпадают по времени.

Дополнительные наказания, в том числе такие, как лишение права занимать определенные должности (ч. 2 ст. 47 УК РФ), могут иметь длительный срок исполнения – вплоть до 20 лет. Отсутствие четкой нормы, регулирующей момент начала срока погашения судимости в таких ситуациях, приводит к различным судебным решениям и вызывает сомнения в справедливости закона.

Например, в некоторых случаях судимость считается погашенной по истечении срока, установленного для основного наказания, даже если дополнительное наказание не исполнено. В других случаях срок отсчитывается с момента исполнения последнего из наказаний. Подобная неоднородность правоприменения приводит к правовой неопределенности.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 7 июня 2022 года [2] в пункте 13 предлагает следующий подход: срок погашения судимости начинает течь с момента исполнения последнего из назначенных наказаний – будь то основное или дополнительное. Этот подход логичен с точки зрения полноты исполнения приговора и подтверждения исправления лица. Однако закреплен он лишь на уровне судебного толкования, а не закона.

В целях устранения правового пробела и закрепления единообразного подхода в статье 86 УК РФ необходимо предусмотреть специальную норму,

прямо регулирующую вопрос исчисления сроков погашения судимости при назначении дополнительных наказаний. Целесообразно включить в статью 86 следующую норму: «При назначении осужденному помимо основного наказания дополнительного, срок погашения судимости исчисляется с момента исполнения последнего из наказаний. Судимость погашается по истечении срока, установленного для основного наказания».

Предложенное изменение в законодательство учитывает как юридическую природу судимости, так и необходимость полного исполнения наказания как условия ее погашения. Кроме того, оно обеспечит баланс между интересами государства и правами осужденного, что особенно важно с учетом социально-реабилитационного значения института погашения судимости.

На практике также требуется учитывать возможность досрочного освобождения от отбывания дополнительного наказания или замены его иным видом. Например, суд может заменить лишение права занимать определенные должности на предупреждение либо ограничение в иной форме. В таких случаях, по аналогии с основным наказанием, погашение судимости должно наступать после фактического исполнения или освобождения от последнего вида наказания.

Таким образом, отсутствие нормы, регулирующей порядок погашения судимости при наличии нескольких видов наказания, делает применение статьи 86 УК РФ неполным и приводит к неустойчивости судебной практики. Принятие предложенных изменений устранит неопределенность и сделает уголовное законодательство более предсказуемым и справедливым.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 года № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 343.2

Спивак Александра Владимировна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
a.spivak.v@yandex.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
n_ganzha@kosgos.ru

Судимость и военная служба: проблемы дифференциации сроков погашения судимости

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности погашения судимости у лиц, проходящих военную службу по контракту в условиях мобилизации или военного времени. Анализируется правовая природа нововведений, предусмотренных ч. 3.1 статьи 86 УК РФ, и выявляются потенциальные противоречия с принципами справедливости и индивидуализации наказания. Делается вывод о необходимости введения дифференцированного подхода при погашении судимости в зависимости от категории преступления.*

Ключевые слова: *военная служба, судимость, мобилизация, рецидив, уголовное право, дифференцированный подход.*

Spivak Aleksandra Vladimirovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna
candidate of pedagogical sciences
associate professor of the department
of civil law disciplines Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

© Спивак А. В., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В., 2025

Criminal record and military service:
problems of differentiation of criminal record expiation

Annotation. *The article examines the features of the criminal record expiation for individuals who serve in the military under contract in the conditions of mobilization or wartime. The legal nature of the innovations provided for in paragraph 3.1 of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation is analyzed, and potential contradictions with the principles of justice and individualization of punishment are identified. The article concludes that it is necessary to introduce a differentiated approach to the criminal record expiation, depending on the category of the crime.*

Keywords*: military service, criminal record, mobilization, recidivism, criminal law, differrentiated approach.*

Судимость в уголовном праве Российской Федерации представляет собой юридически значимое последствие осуждения лица за преступление, которое сохраняется в течение определенного срока после отбытия наказания. Сама по себе судимость влияет на правовое положение лица, включая ограничения на трудовую, избирательную деятельность, доступ к государственной службе, а также используется при решении вопроса о рецидиве и повторности.

В 2024 году в уголовное законодательство РФ были внесены изменения, направленные на урегулирование правового статуса лиц, проходящих военную службу в условиях мобилизации. Так, Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ [2]статья 86 УК РФ была дополнена пунктом 3.1, согласно которому:

«Судимость погашается:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) со дня увольнения с военной службы по основаниям, предусмотренным подпунктами «а», «в» или «о» пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ» [2].

На первый взгляд, данная мера выглядит как стимул для социальной реабилитации, поощрение лиц, вставших на защиту Родины, несмотря на наличие судимости. Законодатель стремится расширить возможности адаптации таких лиц в обществе и признать их вклад в обороноспособность государства. Однако при более глубоком анализе выявляются существенные правовые и морально-этические проблемы.

Во-первых, данная норма не делает различий между категориями преступлений, за которые лицо было осуждено. Получается, что равные условия погашения судимости применяются как к осужденным за преступления небольшой тяжести, так и к лицам, совершившим особо тяжкие преступления, в том числе при опасном или особо опасном рецидиве. Так, в одном и том же подразделении может оказаться человек, впервые осужденный за кражу, и рецидивист, осужденный за убийство при отягчающих обстоятельствах.

Во-вторых, такой подход вступает в противоречие с принципом справедливости, закрепленным в части 2 статьи 6 УК РФ [1], а также с общими принципами индивидуализации наказания.

Само по себе уголовное право предполагает дифференцированный подход к регулированию последствий осуждения в зависимости от степени обще-

ственной опасности содеянного. Примером является статья 96 УК РФ, предусматривающая сокращенные сроки погашения судимости для несовершеннолетних: один год – за преступления небольшой и средней тяжести, три года – за тяжкие и особо тяжкие.

В этой связи, полагаем, что часть 3.1 статьи 86 УК РФ нуждается в корректировке с учетом характера и тяжести совершенного преступления. Унифицированный подход может быть социально опасным и нарушает баланс между целями наказания и целями реабилитации.

Так, представляется необходимым дополнить часть 3.1 статьи 86 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Для лиц, осужденных за особо тяжкие преступления, а также за преступления, совершенные при особо опасном рецидиве, судимость может считаться погашенной не ранее чем через три года с момента наступления обстоятельств, предусмотренных подпунктами «а» и «б» части 3.1 настоящей статьи».

Данное внесение изменений в законодательство позволит обеспечить дифференциацию правовых последствий, а также ограничить риск создания прецедентов, когда серьезные преступления нивелируются формальным военным статусом.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что погашение судимости не может быть автоматическим следствием прохождения военной службы – оно должно оставаться механизмом, связанным с результатами исправления и социальной адаптации. В отдельных случаях возможно предусмотреть судебное рассмотрение вопроса о досрочном погашении судимости на основании заключения командования и анализа поведения осужденного в период прохождения службы.

В заключение следует отметить, что признание заслуг лиц, участвующих в защите государства, является важным элементом социальной политики. Однако в рамках уголовного закона такое признание не должно ставить под угрозу принципы справедливости, равенства и защиты общества. Предложенное внесение дополнения в часть 3.1 статьи 86 УК РФ с учетом предложенного дифференцированного подхода обеспечит правовой баланс и поможет устранить возможные злоупотребления в практике ее применения.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2025).

2. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2025).

3. Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.07.2025).

УДК343.2

Спивак Александра Владимировна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
a.spivak.v@yandex.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
n_ganzha@kosgos.ru

Совершенствование законодательства о сроках погашения судимости: необходимость законодательной конкретизации

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности регулирования сроков погашения судимости в российском уголовном законодательстве. Особое внимание уделено анализу Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 7 июня 2022 года, разъясняющего спорные моменты. В статье предлагаются конкретные изменения в законодательство, направленные на устранение пробелов и недопонимания правоприменителей.*

Ключевые слова: *судимость, погашение судимости, уголовное право, основное наказание, условное осуждение, дополнительное наказание.*

Spivak Aleksandra Vladimirovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna
candidate of pedagogical sciences
associate professor of the department
of civil law disciplines Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

© Спивак А. В., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В., 2025

Improving the legislation on the period of expiation of a criminal record: the need for legislative specificity

Annotation. *The article examines the features of regulating the period of expiation of a criminal record in Russian criminal legislation. Special attention is paid to the analysis of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 dated June 7, 2022, which clarifies controversial issues. The article proposes specific changes to the legislation aimed at eliminating gaps and misunderstandings among law enforcement officers.*

Keywords*: criminal record, expungment of criminal record, criminal law, main punishment, conditional sentence, additional punishment.*

Вопросы погашения судимости, несмотря на кажущуюся формальность и регламентированность, остаются актуальными и сложными в правоприменительной практике. Их разрешение имеет существенное значение как для самих осужденных, так и для органов, осуществляющих учет судимости, поскольку судимость влияет на многие юридические и социальные аспекты жизни граждан, включая трудоустройство, право на вождение транспортных средств, получение лицензий, допуск к государственной службе.

Наиболее важным нормативным актом, систематизирующим практику применения законодательства о погашении судимости, стало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 года № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» [2]. Это постановление призвано восполнить пробелы и устранить неоднозначность, которая существовала в судебной практике и вызывала различия в подходах к исчислению сроков погашения судимости, особенно в случаях условного осуждения или назначения принудительных работ вместо лишения свободы.

В частности, одним из ключевых вопросов стало определение порядка исчисления срока погашения судимости в случае назначения наказания в виде принудительных работ. Как известно, данный вид наказания рассматривается в уголовном праве как альтернатива лишению свободы. Согласно позиции, закрепленной в Постановлении № 14, срок погашения судимости в таких случаях следует исчислять, руководствуясь пунктом «б» части 3 статьи 86 УК РФ, как за более мягкий вид наказания. Таким образом, срок составляет 3 года с момента отбытия или освобождения от наказания. Это решение устранило правовую неопределенность и обеспечило единообразие в подходе судов.

Значительное внимание Пленум уделил также ситуации, при которой условно осужденному лицу назначается дополнительное наказание, отбываемое уже после истечения испытательного срока. В соответствии с пунктом 14 Постановления № 14, судимость в таких случаях считается погашенной на следующий день после исполнения или отбытия дополнительного наказания. Этот подход вызывает неоднозначные мнения в юридическом сообществе, поскольку формально испытательный срок уже завершен, а судимость, однако, сохраняется до полного исполнения дополнительного наказания. Тем самым возни-

кает правовая коллизия между окончанием испытательного срока и фактическим завершением правовых последствий осуждения.

Еще один важный аспект – вопрос об исчислении сроков судимости в случае, если дополнительные и основные наказания исполнены в разное время. Постановление Пленума (п. 13) уточняет, что срок погашения судимости начинает исчисляться с момента исполнения последнего из наказаний. Это положение устраняет разночтения в правоприменительной практике, но требует законодательного закрепления, поскольку представляет собой существенное изменение подхода к определению момента начала срока погашения судимости.

На сегодняшний день российское уголовное законодательство не содержит исчерпывающего и систематизированного регулирования порядка погашения судимости, особенно в случаях с несколькими наказаниями. Возникает необходимость внесения изменений в статью 86 УК РФ[2]. Так, представляется целесообразным дополнить часть 3 данной статьи следующим примечанием: «Срок погашения судимости за каждое преступление исчисляется самостоятельно, независимо от последующего совершения иных преступлений и назначения наказаний, и не подлежит прерыванию».

Данное предложение соответствует принципам справедливости и недопущения двойной ответственности (часть 2 статьи 6 УК РФ), а также общим началам уголовного закона, где предпочтение должно отдаваться гуманистическому и дифференцированному подходу к правовым последствиям осуждения.

Таким образом, совершенствование законодательства о погашении судимости должно учитывать практику применения и устранить существующие пробелы. Безусловно, Постановление Пленума № 14 сыграло позитивную роль в разъяснении многих вопросов, однако оно не может заменить полноценных законодательных норм. Только законодательное закрепление ключевых положений сможет гарантировать правовую определенность, единообразие судебной практики и защиту прав лиц, имеющих судимость.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 года № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 340

Хаврошина Алена Алексеевна
курсант, Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
г. Москва, Российская Федерация
alinahavroshina@mail.ru

Панфилов Павел Олегович
кандидат юридических наук
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД
России имени В. Я. Кикотя
г. Москва, Российская Федерация
pavel.o@mail.ru

Принцип неприкосновенности жилища: пределы реализации и возможность исключения в условиях специальной военной операции

Аннотация. *В статье рассматриваются нормы уголовного процессуального законодательства, обеспечивающие базовый принцип неприкосновенности жилища. Как отмечается, уголовное процессуальное право строится на нормах принципах, содержащих в себе ценности и системообразующие положения. Однако новые вызовы времени затрудняют соблюдение рассматриваемого принципа в рамках проведения СВО, что приводит к ограничению прав и законных интересов граждан, причинению вреда публичным интересам, связанным с необходимостью полного и всестороннего установления обстоятельств по уголовному делу.*

Ключевые слова: *уголовно-процессуальный закон, специальная военная операция, неприкосновенность жилища, принципы, защита законных интересов граждан.*

Khavroshina Alyona Alekseevna
cadet, Kikot Moscow University of the Ministry
of internal affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Panfilov Pavel Oleg
candidate of law associate professorof the department
of criminal procedure Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

The principle of inviolability of the home: limits of implementation and possibility of exclusion in the context of a special military operation

Annotation. *The article examines the norms of criminal procedural legislation that ensure the basic principle of inviolability of the home. As noted, criminal procedural law is based on*

© Хаврошина А. А., Панфилов П. О., 2025

norms and principles that contain values and system-building provisions. However, the new challenges of the time make it difficult to comply with the principle under consideration in the framework of the CBR, which leads to restrictions on the rights and legitimate interests of citizens, causing harm to public interests related to the need for a full and comprehensive establishment of the circumstances of the criminal case.

Keywords: *criminal procedure law, special military operation, inviolability of the home, principles, protection of the legitimate interests of citizens.*

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их защита является обязанностью государства. Данное положение, закрепленное в ст. 2 Конституции Российской Федерации, находит свое отражение в нормах уголовно-процессуального закона, и в первую очередь в нормах-принципах, которые содержат в себе руководящие идеи, ценности, системообразующие положения, выступающие ориентиром для построения всей системы уголовно-процессуального права. Именно принципы служат основой для формирования системы процессуальных гарантий прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, которые, в свою очередь, способствуют полному и всестороннему установлению обстоятельств по уголовному делу, привлечению к уголовной ответственности действительно виновного. Игнорирование положений, закрепленных в системе принципов, создает угрозу привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновного.

В связи с этим надлежащая защита прав и законных интересов личности должна быть гарантирована при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в любых условиях.

Одним из таких прав выступает право на неприкосновенность жилища, защита которого гарантируется Конституцией РФ (статья 25), а при осуществлении уголовного судопроизводства – нормами уголовно-процессуального закона. Обозначенное право означает, что никто не может проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц, за исключением случаев, предусмотренных законом или на основании решения суда [1].

В свою очередь, принцип неприкосновенности жилища, закрепленный в статье 12 УПК РФ, является одним из ключевых в системе норм, гарантирующих защиту частной жизни и личной свободы человека, и предполагает проведение осмотра жилища только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, а обыска и выемки в жилище только на основании судебного решения, за исключением случаев, нетерпящих отлагательств. Фактически, право на неприкосновенность в жилище не является абсолютным и может быть ограничено для обеспечения публичного интереса, связанного с решением задач по противодействию преступности, примеры таких случаев перечислены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2017 года № 19:

– необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления;

– промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться;

– возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления;

– имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Подобное регулирование представляется достаточно оптимальным, между тем условия специальной военной операции формируют новые вызовы и угрозы, препятствующие достижению назначения уголовного судопроизводства [2].

Так, в ходе расследования уголовного дела при поступлении информации о том, что в том или ином жилом помещении могут находиться предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела, возможность производства осмотра и обыска может быть ограничена, ввиду угрозы жизни и здоровью участников следственного действия или невозможности получить согласие проживающих в помещении лиц, а также обеспечить их присутствие в месте производства обыска (или в ходе судебного заседания после проведения обыска в случаях, нетерпящих отлагательств: согласно правовой позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П при производстве обыска у подозреваемого (обвиняемого) и лиц, проживающих совместно с ним, участвующих в ходе обыска, права которых так или иначе затронуты обыском (изъяты предметы, находящиеся в совместном пользовании, в ходе обыска поврежден тот или иной предмет, находящийся в их пользовании), имеют право на участие в судебном заседании по вопросу его законности, которое следователь (дознаватель) должен обеспечить).

В связи с вышеизложенным, требуются действенные мер по преодолению обозначенных обстоятельств, которые могут привести к ограничению прав и законных интересов граждан, повлечь причинение вреда публичным интересам, связанным с необходимостью полного и всестороннего установления обстоятельств по уголовному делу, привлечением виновного к уголовной ответственности.

Во-первых, ограничение неприкосновенности жилища должно быть оправдано и соразмерно той цели, которую преследует государство. Например, обыск может быть проведен только в рамках расследования уголовного дела и при наличии достаточных оснований полагать, что в жилище могут находиться предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела. Среди одних из распространенных преступлений в зоне СВО стали различные виды хищений, мародерства, незаконное хранение боеприпасов, оружия и др.

Так, по данным официальной статистики МВД России за период с 2023 по 2024 год в зоне СВО одними из наиболее распространенных выступают преступления, связанные с незаконным оборотом оружия и боеприпасов. Информация о схронах с оружием и боеприпасами регулярно поступает сотрудникам МВД России и Росгвардии, находящимся в зоне СВО. Например, по сообщению Росгвардии в феврале 2025 года был обнаружен замаскированный тайник с иностранными оружием и боеприпасами в заброшенном строении, где ранее

располагались вооруженные формирования украинских националистов. На месте было изъято свыше 4 000 патронов различного калибра, более 10 гранат оборонительного действия, а также 3 кумулятивно-осколочные фугасные гранаты[5]. Информация о схронах с оружием и боеприпасами требует соответствующей фиксации в рамках уголовно-процессуальной деятельности, между тем в условиях СВО не всегда имеется возможность получить согласие лиц, проживающих в том или ином жилом помещении, поскольку жители его покинули, а получение судебного решения затягивает сроки проведения следственного действия.

Как представляется, если жилище находится в зоне СВО, где существует реальная угроза его повреждения или уничтожения в результате боевых действий, то многие доказательства могут быть в любой момент уничтожены или повреждены. Это основание прямо коррелирует с тем, которое предусмотрено в Постановлении Пленума Верховного Суда № 19: «возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления», в связи с чем законодательных изменений в этой части не требуется, а на уровне ведомственных методических рекомендаций или Постановления Пленума Верховного Суда РФ целесообразным отразить специфику проведения следственных действий в условиях боевых действий, отнеся такие случаи к исключительным, нетерпящим отлагательства, так как возникает реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления[3].

Во-вторых, требует решения вопрос о применении в ходе обыска или осмотра жилища беспилотных систем или роботизированных платформ. Как представляется, при наличии угрозы жизни и здоровью личное присутствие следователя и иных участников следственного действия на месте обыска, выемки или осмотра в жилище может быть недопустимо (ч. 4 ст. 164 УПК РФ), в связи с этим необходимо узаконить возможность производства следственных действий в жилище в дистанционной форме в исключительных случаях, в условиях боевой обстановки, а при сохранении видеозаписи осмотра, обыска или выемки с беспилотника или платформы – и без судебного решения с последующей легализацией обыска в порядке части 5 статьи 165 УПК РФ.

В-третьих, при получении согласия лиц, проживающих в помещении, осмотр жилища не требует судебного решения, вместе с тем, в условиях СВО многие были вынуждены покинуть места проживания вынуждено, их контакты утрачены, получить их согласие невозможно. В данном случае можем предложить ввести некую презумпцию, в рамках которой, если жилище непригодно для безопасного проживания ввиду боевых действий и т. д. следственное действие может быть произведено без судебного решения ввиду того, что помещение для постоянного или временного проживания использовать невозможно. Форма и способы реализации такой презумпции требуют дополнительной проработки и, возможно, межотраслевого исследования.

В-четвертых, представляется необходимым для обеспечения незамедлительного уведомления граждан, которые были вынуждены покинуть место своего жительство, использовать возможности Единого портала государственных и муниципальных услуг(сервис «Госуслуги»), тем более что правовые основы

его применения в настоящее время получили законодательное оформление в статьях 474.1 и 474.2 УПК РФ.

Таким образом, принцип неприкосновенности жилища является важной гарантией защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Как верно отметил, Президент Российской Федерации в одном из последних выступлений: вся правоохранительная сфера всю свою деятельность, безусловно, должна строить, исходя из угроз, которые возникают в сегодняшней ситуации в условиях специальной военной операции [4]. Обозначенные меры законодательного и правоприменительного характера могли бы способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в условиях СВО, а также обеспечению реализации как частных интересов, связанных с защитой права на неприкосновенность жилища, так и публичных – обусловленных необходимостью противодействия преступности в условиях специальной военной операции.

Список источников

1. Коваленко С. А. Реализация принципа неприкосновенности жилища в российском уголовном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 115-7. С. 144–147.

2. Либова Е. М. Практическая реализация принципа неприкосновенности жилища и ее особенности на разных стадиях уголовного процесса// Актуальные вопросы современного уголовного процесса. Актуальные проблемы права и правоприменения : сб. материалов круглого стола и науч.-практ. конф., Москва, 24 февраля 2022 г. М. : Русайнс, 2022. С. 164–178.

3. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2017 г. № 19 // Российская газета. 2017. 9 июня. № 125.

4. Путин В. В. В условиях СВО правоохранительная сфера не должна допускать расхлябанности // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/23314141?ysclid=m869m8a51g743600631 (дата обращения: 12.03.2025).

5. Росгвардия обнаружила тайник с оружием и боеприпасами в зоне СВО. URL: https://ria.ru/20250201/tajnik-1996770969.html (дата обращения: 12.03.2025).

СЕКЦИЯ 4
ПРАВОВЫЕ РИСКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

УДК 347.963

Абрамова Злата Алексеевна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
zlatochkaabramova@mail.ru

Соколова Татьяна Николаевна
кандидат экономических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
tnsokol@yandex.ru

Цифровизация органов прокуратуры

Аннотация. *В статье анализируется современное состояние и будущие возможности интеграции цифровых технологий в работу прокуратуры. Рассматриваются основные направления цифровизации, включая создание электронных баз данных, использование систем для электронного документооборота, применение искусственного интеллекта для обработки больших объемов данных и автоматизации рутинных процессов, а также использование современных коммуникационных средств. Исследуется, как цифровизация влияет на эффективность работы прокуратуры, взаимодействие с гражданами и другими государственными учреждениями, анализируются риски, связанные с внедрением новых технологий. В заключении подчеркивается значимость и результаты цифровой трансформации.*

Ключевые слова: *цифровизация, информационные технологии, органы прокуратуры, Генеральная прокуратура РФ.*

Abramova Zlata Alekseevna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Sokolova Tatyana Nikolaevna
phd in economics sciences, associate
professor, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Digitalization of the prosecution authorities

Annotation. *The article analyzes the current state and future opportunities for integrating digital technologies into the work of the prosecutor's office. It examines the main areas of digitalization, including the creation of electronic databases, the use of electronic document management systems, the application of artificial intelligence for processing large amounts of data and automating routine processes, and the use of modern communication tools. The article explores how digita-*

© Абрамова З. А., Соколова Т. Н., 2025

lization affects the efficiency of the prosecutor's office, its interaction with citizens and other government agencies, and the risks associated with the implementation of new technologies. The article concludes by highlighting the significance and outcomes of digital transformation.

***Keywords**: digitalization, information technologies, prosecutor's offices, and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.*

В настоящее время информационные технологии играют важную роль в повседневной жизни людей и в управлении различными процессами. В указе президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года обозначены основные цели развития страны до 2030 года, и одна из них – цифровая трансформация [12, с. 9].

Деятельность по цифровой трансформации прокуратуры входит в состав федерального проекта «Цифровое государственное управление». Целью этих мероприятий является интеграция современных технологий в надзорные функции прокуратуры, а также улучшение взаимодействия правоохранительных органов России через использование цифровых инструментов. В рамках проекта также предусмотрено создание современных автоматизированных рабочих мест и сервисов для обработки цифровой информации на защищенной инфраструктуре Генеральной прокуратуры РФ [11].

Цифровизация прокуратуры – это процесс интеграции современных информационных технологий в работу прокурорских органов, с целью улучшения их деятельности и взаимодействия с гражданами и государственными структурами, а также повышения прозрачности и доступности правосудия.

Целями цифровой трансформации являются: повышение эффективности деятельности органов прокуратуры по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства; создание условий для оперативной реализации надзорных функций в связи с цифровизацией объектов надзора; обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования собственной цифровой инфраструктуры, повышение ее информационной безопасности; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия органов прокуратуры с гражданами, организациями, институтами гражданского общества, органами государственной власти и местного самоуправления и др. [9].

Цифровые технологии позволяют проводить более глубокий и оперативный анализ правопорядка и законности, совершенствовать документооборот, существенно сократить долю рутинных операций, выполняемых работниками, а также оптимизировать управление другими процессами и ресурсами.

В настоящее время все прокуратуры оборудованы автоматизированными рабочими местами с установленным специализированным программным обеспечением. Было поставлено более 5 тысяч многофункциональных устройств и 7 тысяч сканеров. В процессе перехода на IP-телефонию в органах прокуратуры было установлено свыше 41 тысячи телефонных аппаратов. Везде принимаются меры по созданию структурированных кабельных систем [7].

С целью обеспечения эффективного использования программного обеспечения, информационных систем и информационных ресурсов в органах и уч-

реждениях прокуратуры Российской Федерации Генеральная прокуратура РФ утвердила единый реестр программного обеспечения [8]. В него входят:

1. Федеральная государственная информационная система «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий».

2. Государственная автоматизированная система правовой статистики.

3. Информационная система межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

4. Специальное программное обеспечение «Единый портал прокуратуры Российской Федерации».

5. Автоматизированный информационный комплекс «Надзор-WEB».

6. Автоматизированный информационный комплекс учета кадров и кадрового делопроизводства органов прокуратуры Российской Федерации.

7. И иные информационные ресурсы.

Также в новые информационные системы прокуратуры Российской Федерации интегрированы функции, связанные с использованием электронной подписи.

В 2023 году Генеральная прокуратура Российской Федерации выделила около 2 миллиардов рублей на приобретение персональных компьютеров, функционирующих на базе операционной системы Windows, которые поставлены ПАО «РОСТЕЛЕКОМ» во все регионы страны [1].

Генеральная прокуратура России учредила новое подразделение, которое будет использовать технологии искусственного интеллекта для анализа состояния преступности и прогнозирования будущих направлений работы прокуратуры с целью борьбы с правонарушениями. Об этом сообщил Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) [2]. Президент Владимир Путин предложил правоохранительным органам изучить опыт применения искусственного интеллекта в расследовании преступлений и, при необходимости, подготовить рекомендации по его улучшению [10].

Генеральная прокуратура Российской Федерации активно занимается внедрением систем искусственного интеллекта, которые помогут прокурорам в выполнении их задач. В настоящее время разрабатывается информационно-аналитическая система «Электронный кабинет прокурора», который позволит сократить непроизводительные трудозатраты прокуроров, связанные со сбором и обработкой больших объемов данных. Система будет собирать различную информацию, необходимую для надзорной деятельности, и с помощью искусственного интеллекта распределять ее по категориям в зависимости от тематики докладных записок, выявленных нарушений и актов прокурорского реагирования. Такое распределение информации позволит упорядочить основные данные о работе прокурора и упростит подготовку обобщений и аналитических материалов по конкретным направлениям, а также сведений о результатах анализа состояния законности на контролируемой территории [4].

В настоящее время в прокуратуре эффективно используются платформы «СПАРК», «Маркер», «ГИС ЖКХ», «Правосудие» и X-Compliance для проверки сделок и выявления коррупции. В 2023 году это помогло предотвратить ле-

гализацию 46 миллиардов рублей и ущерб в 7 миллиардов рублей. Также разрабатывается программное обеспечение для борьбы с преступлениями в сфере криптовалют, что улучшает мониторинг транзакций и раскрытие мошенничества. Известно, что ИТ-преступления составляют более трети всех зафиксированных случаев в России [3].

Информационные технологии помогают органам прокуратуры не только в надзорных функциях, но в сотрудничестве с другими ведомствами и организациями с помощью оборудования и программного обеспечения для проведения мероприятий в режиме видеоконференцсвязи.

Любые технологические нововведения могут оказаться неэффективными, если не учитывать огромную роль человеческого фактора, без которого не будет работать ни одна система. Для работы с техническим оборудованием работники органов прокуратуры должны обладать соответствующими компетенциями для достижения результатов цифровизации. Еще на этапе обучения будущие прокуроры изучают информационные технологии, необходимые в работе.

Увеличение объемов цифровых данных создает риски кибератак, незаконного доступа к конфиденциальной информации и ее утечки, что является острой проблемой и требует надежной аппаратно-программной и правовой защиты этих сведений.

Еще одной проблемой прокурорского надзора является отсутствие возможности направлять меры реагирования в электронной форме. Законодательство об электронной цифровой подписи (ЭЦП) требует индивидуальной оценки законности оформления документов, и некоторые из них нельзя оформить в электронном виде. Хотя закон допускает электронные меры реагирования, необходимо разработать эффективные механизмы для их цифровой реализации. Однако использование ЭЦП не переводит процесс в цифровой формат, так как документы часто распечатываются и заверяются, что сопоставимо с традиционным оформлением [6].

В своей статье Ю. О. Карпышев отмечает, что внедрение ГАС ПС в работу прокуроров связано с развитием технологий, но не достигло совершенства. Обучение часто не охватывает все нюансы, что затрудняет работу. Многие прокуроры считают систему сложной и неудобной, а также указывают на недостатки программы и проблемы с Интернетом. Ввод данных занимает много времени, отвлекая от основных обязанностей. Оптимизацией процесса может стать назначение специального сотрудника для внесения данных, что снизит нагрузку на прокуроров [5].

В заключении хочется отметить, что информационные технологии играют важную роль в современной деятельности органов прокуратуры. Их использование способствует улучшению эффективности работы, повышает качество и уровень выполнения задач и функций органов прокуратуры. Эффективное использование информационных технологий способствует повышению уровня реагирования на возникающие задачи и повышает работоспособность правоохранительных органов. В то же время информационные системы не способны заменить прокурора, обладающего профессиональной интуицией, умениями, преданностью своей стране и чутким отношением к людям. Личные качества

имеют особое значение при решении острых социальных вопросов и в общении с гражданами.

Список источников

1. Генеральная прокуратура покупает 50 тыс. ПК на ОС Windows. Часть из них должна поддерживать американскую платформу Avaya. URL: https://gov. cnews.ru/news/top/2023-08-23_rostelekom_postavit_sotrudnikam (дата обращения: 19.03.2025).

2. Генеральная прокуратура стала применять искусственный интеллект для прогнозирования ситуации с преступностью // Рамблер/новости. URL: .https://news.rambler.ru/world/50934179-gp-stala-primenyat-iskusstvennyy-intellekt-dlya-prognozirovaniya-situatsii-s-prestupnostyu/?utm_content=news_media& utm _medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 19.03.2025).

3. Как проходит цифровизация Генеральной прокуратуры // TADVISER URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информационные технологии в Генпрокуратуре РФ (дата обращения: 19.03.2025).

4. Карпышева Ю. О. О возможностях использования искусственного интеллекта и иных информационных технологий в деятельности прокурора по надзору за исполнением законов. URL: https://nbpublish.com/ library_read_article.php?id=68903 (дата обращения: 19.03.2025).

5. Карпышева Ю. О. Проблемы и перспективы использования государственной автоматизированной системы правовой статистики в работе прокурора// Законность. 2021. № 12(1046). С. 25–27.

6. Мигунова Т. Л., Королев А. А. Правовые проблемы цифровизации прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 6. С. 200–205.

7. О реализации мероприятий цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации URL: https://epp.genproc. gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=76108304 (дата обращения: 19.03.2025).

8. Об утверждении перечня информационных систем персональных данных органов и организаций прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 12 мая 2023 г. № 316. URL: //sudact.ru/law/ prikaz-genprokuratury-rossii-ot-12052023-n-316/ (дата обращения: 19.03.2025).

9. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года : Приказ Генпрокуратуры России от 14 сентября 2017 г. № 627 (ред. от 27.05.2024) (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»). URL: //sudact.ru/law/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-14092017-n-627/ (дата обращения: 19.03.2025).

10. В. В. Путин рекомендовал использовать ИИ при расследовании преступлений. URL: https://pravo.ru/news/250981/ (дата обращения: 19.03.2025).

11. Цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/ directions/842/ (дата обращения: 19.03.2025).

12. Цифровизация деятельности органов прокуратуры : сб. материалов семинара (круглого стола) (Москва, 30 сентября 2020 г.) / под общ. ред. И. В. Горошко; сост. А. Л. Коренюк. М., 2021. 212 с.

УДК 347.441

Абрегов Давлет Арсенович
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
abregovdavlet344@gmail.com

Багдасаров Владислав Александрович
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
vladislav.aleks004@gmail.com

Филиппов Сергей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
philips85@mail.ru

Смарт-контракт как вид договора. Преимущества и недостатки

Аннотация. *Научное исследование посвящено рассмотрению актуальности внедрения смарт-контрактов в гражданско-правовые отношения в условиях цифровизации. Анализируя сущность и понятие смарт-контрактов как со стороны российского права, так и со стороны права иностранного государства. Выделяются положительные и отрицательные стороны смарт-контракта, также предлагается план внедрения смарт-контракта в современные правовые отношения.*

Ключевые слова: *Смарт-контракт, цифровизация, технология блокчейн, программный код, законодательство, гражданское право.*

Abregov Davlet Arsenovich
student, Saratov State Academy of Law
Saratov, Russian Federation

Bagdasarov Vladislav Aleksandrovich
student, Saratov State Academy of Law
Saratov, Russian Federation

Filippov Sergei Aleksandrovich
candidate of law sciences, associate professor
Saratov State Academy of Law
Saratov, Russian Federation

© Абрегов Д. А., Багдасаров В. А., Филиппов С. А., 2025

A smart contract as a type of contract. Advantages and disadvantages

Annotation. *The scientific research is devoted to the relevance of the introduction of smart contracts in civil law relations in the context of digitalization. Analyzing the essence and concept of smart contracts from both Russian and foreign law. The positive and negative sides of a smart contract are highlighted, and a plan for implementing a smart contract in modern legal relations is also proposed.*

Keywords: *Smart contract, digitalization, blockchain technology, software code, legislation, civil law.*

XXI век, несомненно, является веком цифровых технологий, которые просочились во все сферы жизни общества. Сложно представить, чтобы механизмы той или иной отрасли, будь то экономика или политика, не были автоматизированы полностью или упрощены благодаря работе цифрового кода. Технологический прогресс не обошел стороной и сферу права, которая является весьма консервативной и выступает в роли «догоняющей».

Особое место в области гражданского права занимают договоры, без них попросту невозможно представить обыденную жизнь любого человека. Они совершаются как в письменной, так и в устной форме. Иногда люди даже не осознают в полной мере, что своими действиями они затрагивают сферу действия договорного права. Например, при проезде в маршрутном такси пассажир совершает оплату кондуктору, а тот, в свою очередь, выдает билет, который необходимо сохранить до конца поездки. Зачастую человек даже не понимает, что заключил договор перевозки, и за его жизнь и здоровье на основании выданного билета отвечает перевозчик. Однако это пример достаточно простого договора, где для его заключения не требуется много усилий. Вышесказанное акцентирует внимание на том, что договоры окружают нас абсолютно везде, и их упрощение является приоритетным направлением.

Совсем не так давно появились смарт-контракты («умные» контракты), а именно в 2008 году, когда была создана технология – блокчейн (blockchain). Сама же идея возникла в 1994 году, ее автором стал специалист в области права и криптографии Нику Сабо, но ввиду технических ограничений он не смог ее реализовать. «Тогда он понял, что, используя децентрализованный реестр, люди смогут заключать виртуальные контракты в автоматическом режиме, а системы криптографии обеспечат безопасность таких сделок и защиту от взлома». Такую концепцию можно назвать революционной, поскольку она упростит жизнь миллионов людей [3].

В законодательстве нет четкого определения смарт-контрактов, это обусловлено тем, что «законодатель осторожно относится к развитию гражданских прав, смежных с цифровой экономикой и ее инструментов и не спешит с легальным регулированием смарт-контрактов, однако доктрина уже делает важные шаги по исследованию этого явления».

Российский правовед А. И. Савельев считает, что «умный» контракт – «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе Blockchain, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем

обстоятельств» [4]. По своей сущности смарт-контракт все также является договором, определение которого закреплено в п. 1 ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], так как основан на воли договаривающихся субъектов. Рассматриваемое явление можно понимать в качестве еще одной разновидности формы заключение договора наряду с устной и письменной. Такого мнения придерживаются такие ученые, как Н. А. Усольцева, Д. С. Дядькин и другие.

Каким же образом работают на практике смарт-контракты? В платформе блокчейн все данные хранятся в виде блоков, каждый из которых содержит определенную информацию. Все эти блоки связаны между собой специальными ключами в виде цепочки, поэтому в данной технологии важна последовательность. Если ключи не совпадут, то к следующему блоку перейти будет невозможно. Говоря о договорах на платформе блокчейн, то процедура выглядит следующим образом: сначала стороны согласуют все условия сделки, после чего создается смарт-контракт и загружается на платформу блокчейн; затем уже происходит его выполнение. Если какие-либо из условий не выполняются, то система попросту не дает завершить контракт, и, например, недобросовестная сторона не получает денежные средства или к ней применяются санкции. Благодаря различным приложениям этот процесс протекает весьма просто.

В качестве примера смарт-контракта можно привести сделки, которые совершаются на «Avito». Один пользователь выкладывает объявление с четкими условиями, на которое откликается другой пользователь, желающий заключить сделку. В данном случае они являются сторонами договора. Затем после определения условий происходит исполнение, например, одна сторона отправляет другой одежду. В свою очередь, покупатель уже оплатил покупку, но при этом и продавец денег не получил, так как в этот момент денежные средства удерживает программа, чтобы обеспечить безопасность сделки. И только после того, как покупатель проверит товар, продавец получит деньги и контракт будет выполнен.

Исходя из этого, можно выделить некоторые преимущества использования смарт-контракта. Во-первых, это безопасность сделок, так как все условия договора хранятся в форме программного кода, что уменьшает возможность вмешательства третьих лиц, а каждую стадию исполнения можно контролировать в реальном времени [7]. Также существует специальный механизм принуждения, который обеспечивает выполнение условий сделки. Во-вторых, это уменьшение времени на заключение договора и совершение сделки, так как вся документация хранится в одном месте электронном виде, а процесс заключения сделки автоматизирован.

Однако технология смарт-контракта обладают и рядом недостатков:

1. Отсутствие гибкости при исполнении контракта, а также невозможность изменения условий в договоре по обоюдному согласию сторон, так как вся информация хранится на заранее установленных алгоритмах, а в случае вмешательства в их деятельность увеличивается риск появления ошибок [8].

2. Отсутствие доверия людей к такому роду договоров, так как, зачастую, новые технологии вызывают страх и сомнения, особенно когда их деятельность связана с денежными средствами.

3. Отсутствие нормативной базы и нехватка судебной практики, что создает сложность при разрешении споров, связанных с использованием смарт-контрактов [6].

Учитывая приведенные выше аргументы, мы считаем, что институт смарт-контрактов должен существовать и функционировать в РФ, однако в современное законодательство необходимо ввести ряд изменений:

1. Необходимо установить легальное определение данному виду договора и определить сферу его действия.

Изучив некоторые нормативно-правовые акты зарубежных стран, можно заметить, что понятие смарт-контракта закреплено в них уже давно. Например, в США, а именно в штате Аризона, в 2017 году был подписан закон «HB2417», в котором умный-контракт рассматривается как «управляемая событиями программа с состоянием, которая работает в распределенной, децентрализованной, общей и реплицируемой бухгалтерской книге и которая может осуществлять хранение и передачу активов в этой бухгалтерской книге» [2]. Что касается сферы действия, то данный нормативно-правой акт закрепляет, что смарт-контракты распространяются на всю торговлю, «не может быть отказано в юридической силе, действительности или возможности приведения в исполнение только потому, что этот контракт содержит условие смарт-контракта» [5, с. 93].

2. Следующим шагом является регулирование условий действительности. Необходимо ввести изменения в главу 27 Гражданского кодекса, установив требования к форме и к содержанию такого рода договоров.

3. Заключительным этапом будет являться установление ответственности за некорректную работу кода и определение порядка разрешения споров, так как с увеличением интереса общества к умному контракту будет увеличиваться и количество споров, для разрешения которых необходимо выработать определенный механизм.

Подводя итог, хочется сказать, что институт смарт-договора обладает большим количеством как положительных, так и отрицательных качеств, но для его правильного и безопасного функционирования необходимо произвести некоторые изменения в законодательстве Российской Федерации.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ.1994. № 32, Ст. 3301

2. Arizona 2017 HB2417 Introduced. URL: https:legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1497439/Arizona-2017-HB2417Introduced.html (дата обращения: 12.09.2025).

3. Мамаева Н. В. Смарт-контракты. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty (дата обращения: 12.09.2025).

4. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права// Вестник гражданского права. 2016. Т. 16, № 3. С. 34–60.

5. Скиперский А. С. Правовое регулирование смарт-контрактов в зарубежных странах. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-smart-kontraktov-v-zarubezhnyh-stranah (дата обращения: 12.09.2025).

6. Смарт-контракты: как они работают и зачем они нужны. URL: https://pravo.ru/story/205151/ (дата обращения: 12.09.2025).

7. Смарт-контракты: что это такое и чем полезны для бизнеса. URL: https://it-expertise.ru/blog/records/smart-kontrakty-chto-eto-takoe-i-chem-polezny-dlya-biznesa/ (дата обращения: 12.09.2025).

8. Смарт-контракты: юридические особенности и подводные камни. URL: https://habr.com/ru/articles/547724/ (дата обращения: 12.09.2025).

УДК 340.13

Баширов Тимур Владиславович
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
tim.baschirow2016@yandex.ru

Кожохин Андрей Сергеевич
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
taigaisthelaw@gmail.com

Правовые риски применения искусственного интеллекта: вызовы и перспективы регулирования

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые правовые риски, возникающие при применении технологий искусственного интеллекта. Авторы обращают внимание на сложность определения правового статуса искусственного интеллекта, на вопросы ответственности, связанные с его внедрением, а также на пробелы в законодательстве Российской Федерации. Отдельное внимание уделено анализу международного опыта и перспективам развития правового регулирования в условиях цифровой экономики. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, включающего как разработку новых правовых норм, так и адаптацию существующих институтов к вызовам технологической трансформации.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правовые риски, цифровая экономика, регулирование цифровых технологий, ответственность, цифровые права.*

© Баширов Т. В., Кожохин А. С., 2025

Bashirov Timur Vladislavovich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kozhokhin Andrey Sergeevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal risks of using artificial intelligence: challenges and regulatory prospects

Annotation. *The article examines the key legal risks arising from the use of artificial intelligence technologies. The authors draw attention to the complexity of determining the legal status of artificial intelligence, to issues of responsibility related to its implementation, as well as to gaps in the legislation of the Russian Federation. Special attention is paid to the analysis of international experience and prospects for the development of legal regulation in the digital economy. The conclusion is drawn about the need for an integrated approach, including both the development of new legal norms and the adaptation of existing institutions to the challenges of technological transformation.*

Keywords*: artificial intelligence, legal risks, digital economy, regulation of digital technologies, responsibility, digital rights.*

В последние десятилетия развитие искусственного интеллекта стало одним из наиболее значимых направлений научно-технического прогресса. Сегодня мы наблюдаем стремительное проникновение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в самые разные сферы жизни: от медицинской диагностики и финансовых технологий до транспортных систем и государственного управления. Использование ИИ позволяет существенно повысить эффективность процессов, снизить затраты и расширить возможности анализа данных. Однако столь стремительное развитие сопровождается ростом правовых и этических вызовов, которые требуют комплексного осмысления.

Актуальность темы исследования определяется тем, что правовое регулирование технологий ИИ в России носит фрагментарный характер. Существующие нормативные акты затрагивают лишь отдельные аспекты применения цифровых технологий, не создавая единой правовой рамки для регулирования их функционирования. Это приводит к множеству коллизий: например, в сфере распределения ответственности за ущерб, причиненный системами ИИ, или при защите персональных данных граждан. В то время как в Европейском союзе разрабатывается единый «Акт об искусственном интеллекте», в России вопрос о принятии аналогичного закона остается открытым [8].

Уже в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» указывается на стратегическую важность ИИ и приоритет его развития для страны [5]. Однако правовая наука и практика сталкиваются со сложными вызовами, обусловленными спецификой автономности, многосложностью алгоритмов и трансграничным характером технологий.

Наиболее очевидным правовым вызовом является отсутствие единого понимания того, что такое искусственный интеллект в правовой системе. В одних документах он рассматривается как совокупность технологий, в других – как

инструмент автоматизированной обработки данных. Однако встает вопрос: может ли ИИ рассматриваться как субъект права? Современная российская доктрина отрицает такую возможность, подчеркивая, что субъектами права остаются исключительно физические и юридические лица. Тем не менее в практике уже возникают ситуации, когда поведение ИИ фактически влияет на права и обязанности граждан и организаций, что требует пересмотра подходов.

С точки зрения защиты персональных данных, системы искусственного интеллекта требуют масштабного сбора и обработки персональной информации для обучения и функционирования [4]. Это создает угрозы приватности, неконтролируемого использования данных, нарушения законодательства о персональных данных. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» предусматривает специальные режимы обработки в Москве, однако новые угрозы – например, возможность деанонимизации данных с помощью машинного обучения – требуют постоянного совершенствования правовой базы и мониторинга рисков [3]. Особое внимание необходимо уделять не только сбору, но и обработке, хранению, уничтожению данных, а также недопустимости их использования вне легального поля.

Ключевым вопросом является распределение ответственности при использовании ИИ. Например, если алгоритм допустил ошибку при выставлении медицинского диагноза, кто несет ответственность — врач, применивший программу, компания-разработчик или государство, не обеспечившее должного регулирования? Аналогичные трудности возникают и в сфере финансовых услуг: автоматизированные системы скоринга могут отказать клиенту в кредите по непрозрачным причинам, что ущемляет его права. Действующее гражданское и потребительское законодательство не содержит специальных норм, адаптированных к подобным случаям.

ИИ способен нарушать базовые права человека. Автоматизированная обработка больших массивов данных может приводить к дискриминации, ограничению доступа к социальным благам и даже вмешательству в частную жизнь. Конституция РФ гарантирует право на защиту частной жизни и персональных данных, однако практика показывает, что существующие механизмы защиты не всегда эффективны [2]. Особое внимание следует уделить вопросам алгоритмической предвзятости: ИИ может воспроизводить дискриминационные установки, закрепленные в данных, на которых он обучался.

Финансовая сфера является одной из наиболее уязвимых к внедрению ИИ. Банк России в своем Консультационном докладе (2023) подчеркнул, что использование алгоритмов в банковской и инвестиционной деятельности должно сопровождаться созданием прозрачных стандартов [1]. Особую опасность представляют алгоритмическая торговля и автоматизированные кредитные системы. Ошибки или сбои в работе таких систем могут вызвать массовые финансовые потери, поэтому правовое регулирование здесь должно иметь приоритетное значение.

Использование ИИ также сопряжено с угрозами информационной безопасности. Сложные алгоритмы могут быть уязвимы для кибератак, в результате

которых злоумышленники получают возможность манипулировать результатами обработки данных. Это особенно опасно в условиях, когда ИИ используется в критически важных инфраструктурах: энергетике, транспорте, медицине. В России отсутствует отдельный правовой блок, регулирующий вопросы киберустойчивости ИИ, что требует скорейшей доработки законодательства [6].

Перспективы регулирования ИИ в России во многом зависят от политической воли и готовности адаптировать правовую систему к вызовам цифровизации. Среди наиболее вероятных направлений можно выделить: принятие рамочного закона об искусственном интеллекте, введение специальных норм об ответственности, расширение сферы регулирования персональных данных, а также разработку стандартов прозрачности алгоритмов. Важно учитывать и международный опыт: в частности, европейский Акт об ИИ вводит классификацию технологий по уровням риска, что позволяет соотносить степень регулирования с потенциальной угрозой для общества [9].

Анализ действующих актов и экспериментов показывает, что для успешного правового сопровождения внедрения ИИ необходим комплексный федеральный закон «Об искусственном интеллекте», который должен системно урегулировать основные вопросы применения ИИ, закрепить базовые принципы – человеко-ориентированность, безопасность, прозрачность, защиту прав и интересов личности [7]. Параллельно важно четко проработать отраслевые нормы для высокорисковых областей: финансов, здравоохранения, транспорта, образования.

Разработчикам и операторам ИИ следует обеспечить максимальную прозрачность алгоритмов, внедрять принципы ответственного ИИ, управлять рисками и страховать ответственность. Пользователям важно повышать цифровую грамотность, осознанно давать согласие на обработку данных, участвовать в мониторинге и обратной связи работы систем. В целом все участники должны совместно участвовать в формировании правовой культуры безопасного и ответственного обращения с ИИ.

Искусственный интеллект является одной из ключевых технологий XXI века, оказывая существенное влияние на все сферы жизни. Однако его применение сопровождается серьезными правовыми рисками, которые не могут быть проигнорированы. Российская правовая система находится лишь на начальном этапе формирования комплексной базы регулирования ИИ. Для преодоления существующих проблем необходима интеграция усилий государства, научного сообщества и бизнеса. Комплексное и гибкое регулирование, сочетающее национальные интересы с международными стандартами, позволит минимизировать риски и обеспечить безопасное развитие технологий ИИ.

Список источников

1. Банк России. Консультационный доклад «Искусственный интеллект в финансовом секторе: подходы к регулированию». 03.11.2023. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/156061/Consultation_Paper_03112023.pdf (дата обращения: 17.09.2025).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в 2020 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 17.09.2025).

3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 17.09.2025).

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.09.2025).

5. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.09.2025).

6. Юридические ловушки искусственного интеллекта. Tinkoff Journal. URL: https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/yuridicheskie-lovushki-ii/ (дата обращения: 17.09.2025).

7. Шевелева Н. В. Правовые риски применения искусственного интеллекта. URL: https://moluch.ru/archive/521/114850 (дата обращения: 17.09.2025).

8. Шульга М. А. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в России и за рубежом. URL: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729271 (дата обращения: 17.09.2025).

9. О регулировании в сфере искусственного интеллекта. Документ. Центр НТД. URL: https://docs.cntd.ru/document/1310068314 (дата обращения: 17.09.2025).

УДК 341.64

Башмакова Анастасия Николаевна
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
bashmakova.jurist@mail.ru

Кузнецова Дарья Алексеевна
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
darya.perminova.01@mail.ru

«Право быть забытым» – элемент защиты персональных данных в цифровую эпоху

Аннотация. *Статья исследует институт «права быть забытым» в контексте современного цифрового пространства, подчеркивая его значимость для защиты персональных данных граждан в условиях роста угроз информационной безопасности. В статье ав-*

© Башмакова А. Н., Кузнецова Д. А., 2025

торами рассматриваются международные подходы к данному праву, его юридическое оформление в зарубежной практике, а также особенности его имплементации в российское законодательство. Особое внимание уделено механизмам практической реализации права, включая судебную и внесудебную процедуры, с выделением сильных сторон и существующих проблем каждой из них.

Ключевые слова: *базы данных, цифровизация, персональные данные, право быть забытым, субъект персональных данных, оператор поисковой системы, защита.*

Bashmakova Anastasia Nikolaevna
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuznetsova Darya Alekseevna
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The "right to be forgotten" element of personal data protection in the digital age

Annotation. *The article explores the institution of the "right to be forgotten" in the context of the modern digital space, emphasizing its importance for protecting citizens' personal data in the face of growing threats to information security. The article considers international approaches to this law, its legal formalization in foreign practice, as well as the specifics of its implementation in Russian legislation. Special attention is paid to the mechanisms of practical implementation of the law, including judicial and extrajudicial procedures, highlighting the strengths and existing problems of each of them.*

Keywords: *Databases, digitalization, personal data, the right to be forgotten, personal data subject, search engine operator, protection.*

В эпоху цифровизации и глобализации базы данных играют фундаментальную роль для цифровых платформ. Большинство баз данных в настоящее время хранится в сети «Интернет».

При этом стоит отметить, что базы данных явление не новое, но с прогрессом компьютерных систем, общества, интернет-сетей и возможностей нельзя сказать, что все осталось по-прежнему.

Способы хранения, поиска и предоставления данных пользователям являются ключевыми аспектами разработки веб-приложений на протяжении многих лет. Крупные компании стремятся предоставить пользователям все больше возможностей, таких как ускоренный доступ к информации, новые подходы к представлению данных, которые более точно соответствуют реальному времени и области знаний. Соответственно, для получения каких-либо данных на цифровых платформах необходима авторизация, для этого пользователи предоставляют свою личную информацию о себе, т. е. предоставляют свои персональные данные, которые сохраняются и содержатся в сети. В базы данных различного уровня компаний включаются и личные данные пользователей, такие как адреса, контактная информация и некоторая финансовая информация.

Поэтому сейчас особо актуален вопрос защиты персональных данных, поскольку учащаются такие ситуации, когда базы данных, находящиеся в сети «Интернет» и хранящие персональные данные, подвергаются неправомерному доступу сторонними лицами, что в свою очередь приводит к утечкам, незакон-

ным передачам и пользованию чужими персональными данными. Пробелы в защите информации увеличивают вероятность незаконного получения злоумышленниками персональных данных граждан.

Защита персональных данных относится к аспекту защиты прав граждан. Речь идет о защите такого же фундаментального права человека, как право на личную жизнь, свободу слова и другие права, закрепленные в Конституции Российской Федерации.

Нормативная база, на основе которой производится защита персональных данных, часто отстает от новых методов хищения личной информации граждан и организаций, что приводит к пробелам в такой защите. Киберпреступления, связанные с утечками данных, особенно в ИТ-секторе, часто остаются нераскрытыми из-за их характера [1, с. 9].

Понятие «персональные данные» закреплено в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Федеральный закон № 152-ФЗ), согласно которому персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [7]. Также указанный закон устанавливает принципы обращения с персональными данными, определяет права физических лиц, данные которых собираются, устанавливает требования к операторам данных и устанавливает стандарты.

Одним из важных аспектов Федерального закона № 152-ФЗ является установление прав для субъекта персональных данных. В соответствии с частью 1 статьи 14 Федерального закона № 152-ФЗ субъект персональных данных вправе требовать от оператора уточнения его персональных данных, их блокирования или уничтожения в случае, если персональные данные являются неполными, устаревшими, неточными, незаконно полученными или не являются необходимыми для заявленной цели обработки, а также принимать предусмотренные законом меры по защите своих прав.

Можно сказать, что требования об уточнении, блокировании и уничтожении персональных данных также закреплены как элементы защиты персональных данных.

В международной практике в сфере защиты персональных данных у многих стран в нормативных правовых актах содержится право субъекта персональных данных – быть забытым или право на забвение.

Данное право в российском законодательстве не закреплено, соответственно легальное определение «право на забвение» отсутствует. По смыслу термина под правом быть забытым можно понимать право субъекта персональных данных, позволяющее ему потребовать от оператора обработки персональных данных удаление своих персональных данных из общего доступа через поисковые системы, т. е. ссылок на те данные, которые, по его мнению, могут нанести ему вред. Это касается устаревших, неуместных, неполных, неточных или избыточных данных или информации, законные основания для хранения которой исчезли с течением времени.

Профессор Макау Мутуа отмечал, что право быть забытым является ответом на современные вызовы «ничего не забывающего» Интернета [3, с. 38].

Сложно не согласится с данным высказыванием, поскольку при указанном праве у субъекта персональных данных появляется гарантия защиты своих данных, а также способ сохранить свою конфиденциальность и избежать утечки его личной информации, таким образом можно сказать, что право быть забытым представляет возможность восстановить контроль над своими данными.

Стоит отметить, что право быть забытым изначально рассматривалось как право, которое позволяет осужденному, отбывшему свой срок, требовать «забыть» его прошлое, чтобы снова стать частью общества [4, с. 22]. В дальнейшем с прогрессом и новыми вызовами сети «Интернет» в прогрессирующих странах мира встал вопрос о защите персональных данных граждан в информационном пространстве.

Право быть забытым находилось в фокусе некоторых органов по защите данных. Еще в 1989 году Комитет экспертов Совета Европы по защите данных изучил право быть забытым в контексте данных, собираемых с помощью автоматизированных коммуникационных процессов в 1980-х годах, и пришел к выводу, что полученные данные должны быть удалены по прошествии определенного времени. Но данную теорию в то время никто не поддержал, потому что мир не был готов к глобализации сети «Интернет».

Только в 1999 году первой в признании права быть забытым выступила Французская национальная комиссия по информатике и свободе. Комиссия отмечала: «Пожалуй, никогда принципы, установленные законом от 6 января 1978 года, не имели такой актуальности. В эпоху сетей и «всего цифрового» эти принципы являются гарантиями: принцип цели, контроль за релевантностью собранных данных, конфиденциальность информации, право на доступ иисправление данных, право возражения и, наконец, право на забвение» [8, с. 6]. В 2009 году Французская национальная комиссия по информатике и свободе даже сделала заявление о признании фундаментального характера права быть забытым: «Недопустимо и опасно, чтобы информация о человеке оставалась фиксированной и неосязаемой, тогда как человеческая природа предполагает именно то, что люди меняются, противоречат друг другу, словом, эволюционируют совершенно естественно. Для всех это защита свободы слова и свободы мысли, а также право менять свое мнение, религию, политические взгляды, возможность совершать ошибки в молодости, а затем менять свою жизнь. Поэтому наша комиссия приветствует дискуссии, которые сейчас проходят во Франции по этому вопросу, в которых подчеркивается основополагающий характер права на забвение» [9, с. 29].

По итогу на международном уровне, как право субъекта персональных данных – право быть забытым – было признано в 2014 году. Вклад в принятие указанного права и закрепление его на международном уровне внесли судьи Суда Европейского союза [4, с. 22].

В 2016 году в Европейском союзе был принят Общий регламент по защите данных (GDPR), который закрепил право быть забытым (в нормативном акте используется понятие «право на забвение») в качестве одного из основополагающих принципов защиты персональных данных.

Обсуждение такого права не обошло стороной и законодателей Российской Федерации. Летом 2014 года Общественная палата и Роскомнадзор выступили с инициативой введения этого права.

В российском праве право быть забытым как инструмент защиты персональных данных в цифровой среде закрепилось в 2015 году. Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» была введена статья 10.3 в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон № 149-ФЗ), которая регламентирует обязанности оператора поисковой системы.

В настоящее время содержание части 1 статьи 10.3 Федерального закона № 149 звучит так, что оператор поисковой системы по требованию гражданина (физического лица) обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость[6].

Таким образом, реализация права на забвение заключается в том, что субъект персональных данных имеет право требовать удаления, блокирования или ограничения доступа к своей информации, которая была размещена законно, но с течением времени утратила общественный интерес, актуальность или стала наносить ущерб репутации. По своей сути оно отражает стремление человека контролировать распространение информации о себе в цифровую эпоху.

При этом важно отметить, что в смысле законодательного закрепления права быть забытым речь идет именно об удалении ссылок, а не об удалении данных. Как это объясняет Е. М. Подрабинок, «подобная формулировка является более точно отражающей суть требования, которое может заявить гражданин в данном случае. Поскольку с технической точки зрения удаление информации из сети Интернет является неосуществимым в силу возможности ее многократного копирования и сохранения на разных устройствах» [5, с. 3].

Это нововведение существенно расширило механизм удаления персональных данных из публичных источников. Если раньше он касался только различных интернет-площадок, то теперь распространился и на поисковые системы. Такое решение более эффективно, поскольку связаться с некоторыми сайтами бывает проблематично, а порой они просто игнорируют требования пользователей. Удаление ссылок из поисковой выдачи ограничивает доступ к информации, делая невозможным ее нахождение без знания точного адреса страницы. Крупнейшие поисковики (Google, Яндекс, Mail.ru) поддержали ини-

циативу и обеспечили возможность подачи заявлений об удалении информации через специальные онлайн-формы.

В российском законодательстве закреплено два пути реализации права на забвение: подача обращения во внесудебном порядке и обращение с исковым заявлением в суд.

Внесудебный порядок предоставляет возможность урегулирования вопроса напрямую с оператором поисковой системы или владельцем сайта, распространяющим информацию, которую гражданин желает удалить, а также дает возможность подать обращение в уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных (Роскомнадзор). Этот путь предпочтительнее на начальном этапе, так как позволяет сэкономить время и средства, избежав судебных издержек.

Судебный порядок является более сложными длительным процессом, требующим от гражданина юридической грамотности или обращения к услугам квалифицированного юриста. В этом случае гражданин подает исковое заявление в суд общей юрисдикции по месту своего жительства или по месту нахождения ответчика (оператора поисковой системы или владельца сайта). В иске необходимо описать суть нарушения, приложить доказательства распространения информации, подтвердить факт обращения к ответчику во внесудебном порядке и его отказа удовлетворить требования.

Однако внесудебный порядок имеет ряд недостатков. Во-первых, нет никаких гарантий, что оператор поисковой системы или владелец сайта удовлетворят требование. Во-вторых, этот способ эффективен только для удаления ссылок из поисковой выдачи, но не для удаления информации с сайта-первоисточника.

Несмотря на сложность процедуры, судебный порядок имеет одно весомое преимущество: решение суда, вынесенное в пользу истца, подлежит обязательному исполнению. Кроме того, суд может обязать ответчика не только удалить информацию, но и компенсировать моральный вред, причиненный ее распространением [2, с. 159].

Таким образом, в настоящее время вопросы реализации прав на забвение носят актуальный характер, так как информация и всемирная сеть не стоят на месте, гражданам нужна гарантия защиты своей личной информации в сети «Интернет». Однако проблемы в применении имеются. Вопрос реализации права на забвение представляет собой сложную правовую и социальную проблему, особенно в условиях цифровой эпохи. Законодатель постарался решить проблему контроля за распространением информации, но практика применения закона вызывает дискуссии. С одной стороны, он дает гражданам механизм защиты от вредоносной и ложной информации, с другой – некоторые считают, что он может использоваться для ограничения доступа к общественно значимым данным. Поэтому для эффективной реализации права на забвение необходимо совершенствовать законодательство, развивать технологии контроля за распространением информации в сети, а также повышать цифровую грамотность населения, делая знания о праве на забвение более доступными и понятными для каждого.

Список источников

1. Айкинская А. А. Защита персональных данных в эпоху цифровизации. URL: https://moluch.ru/archive/501/110004/(дата обращения: 15.09.2025).
2. Александрова А. С. Актуальные проблемы реализации права на забвение в Российской Федерации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-realizatsii-prava-na-zabvenie-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.09.2025).
3. Мутуа М. В. Стандарты в области прав человека: гегемония, право и политика. Нью-Йорк : Изд-во Гос. ун-та Нью-Йорка, 2016. 256 с.
4. Оганесян Т. Д. Право быть забытым: становление и признание. URL: https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-20-31 (дата обращения: 15.09.2025).
5. Подрабинок Е. М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич, Л. В. Боровых, Ю. В. Васильевой, С. Г. Михайлова, С. Б. Полякова, А. С. Телегина, Т. В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 290–300.
6. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025). URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025).
7. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025). URL: http://www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 15.09.2025).
8. CNIL. 20-й промежуточный доклад. Париж, французская документация. URL: https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/ rapport/pdf/004001043. pdf (дата обращения: 15.09.2025).
9. CNIL. 30-й промежуточный доклад. Париж, французская документация. URL: https://www.cnil.fr/sites/default/files/typo/document/CNIL-30erapport_2009.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 347

Воеводина Олеся Николаевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
voevodinaolesa@gmail.com

Защита прав авторов и правообладателей в условиях цифровизации

Аннотация. *Статья посвящена изучению и поиску подходов и методов защиты прав авторов и правообладателей в момент развития технологий, искусственного интеллекта и прочих технических средств, т. е. в условиях цифровизации. Рассматриваются правовые основания защиты прав авторов и правообладателей, установленные Гражданским кодексом РФ, Конституцией РФ, Международным соглашением «Бернская конвенция», а также*

© Воеводина О. Н., 2025

судебной практикой. Анализируются ситуации, вызывающие спорные мнения, точки зрения, а также ситуации, в которых права авторов и правообладателей были нарушены и предлагаются различные решения, рекомендации во избежание пробелов в законодательстве и для более эффективного действия правового механизма для регулировки данной отрасли.
Ключевые слова: *Права авторов и правообладателей, авторское право, нарушение авторских прав, гражданские права, авторское право в условиях цифровизации*

Voevodina Olesya Nikolaevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Protection of the rights of authors and owners in the conditions of digitalization

Annotation. *The article is devoted to the study and search for approaches and methods of protecting the rights of authors and copyright holders at the moment of development of technologies, artificial intelligence and other technical means, that is, in the conditions of digitalization. The legal grounds for protecting the rights of authors and copyright holders established by the Civil Code of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation, the International Agreement "Berne Convention", as well as the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation are considered. Situations that cause controversial opinions and viewpoints, as well as situations in which the rights of authors and copyright holders have been violated, are analyzed, and various solutions and recommendations are proposed to avoid gaps in legislation and to ensure a more effective legal framework for regulating this industry.*
Keywords: *Rights of authors and copyright holders, copyright, copyright infringement, civil rights, copyright in the context of digitalization.*

Исторически авторское право связано в первую очередь с обеспечением безопасности и защиты интересов авторов, для дальнейшего развития и стимулирования творчества. Со временем появлялись все новые и новые технологии, из-за которых авторское право видоизменялось, адаптировалось к новым формам распространения информации, изменяло и подстраивало правовые нормы для их грамотного применения в этой сфере.

С развитием общества и создания цифровых технологий, это принесло значительные изменения, создав возможности для мгновенного копирования и распространения контента в глобальном масштабе. Это привело к новому шагу для института авторского права, в своем развитии для регулирования новых возникших проблем и разрешения вопросов, связанных с защитой авторских прав в Интернете, борьбой с пиратством и обеспечением справедливого баланса между интересами авторов, пользователей и общества в целом.

Авторское право представляет собой интеллектуальные права на произведения науки, литературы, искусства, так раскрывает данное понятие Гражданский кодекс РФ [1]. Если же рассуждать с точки зрения раскрытия данного понятия, «Авторское право» можно охарактеризовать в первую очередь как совокупность норм гражданского права, регулирующих исключительное и независимое от третьих лиц право над объективно неповторимым результатом творческой деятельности и введение этого результата в экономический оборот [2, с. 20]. То есть можно смело сказать о том, что авторское право напрямую создано для непосредственной защиты интеллектуальной собственности, обес-

печения безопасности, но не во всех случаях, может оказываться полная защита прав авторов и правообладателей, из-за сложностей регулирования некоторых вопросов. Наиболее распространенная проблема нарушения авторских или интеллектуальны прав, является незаконное распространений результатов творческой деятельности, третьими лицами, на различных сайтах, социальных сетях, приложениях.

Законодатель регулирует данные вопросы, обеспечивая защиту прав благодаря НПА. Основным из них является Гражданский кодекс, в котором выделена Глава 70 «Авторское право», которая захватывает и раскрывает основные аспекты в сфере интеллектуальной собственности, но все же далеко не все вопросы в данной главе раскрыты и зачастую требуют индивидуального подхода для их разрешения. Основное на, что можно обратить внимание, так на отсутствие перечня способов защиты прав авторов и правообладателей. Например, статья 1299 ГК РФ, указывает, что существуют технические средства защиты авторских прав, но не уточняет, не раскрывает список таких средств защиты, что предполагает под собой разрешение данного вопроса по факту, в момент проведения судебного разбирательства, в котором суд, опираясь на данную статью, уже сделает вывод, подпадает ли действие под средство защиты или нет.

Также можно указать на то, что в статье 1301 ГК РФ указывается ответственность за нарушение авторских прав, но, к сожалению, этот перечень не раскрывает условий при каких обстоятельствах, какая мера ответственности должна применяться, что также приводит к тому, что только суд будет полностью определять этот «характер» нарушения. Это может также усложнять процессы регулирования, так как правообладатели не могут понимать, какую меру возмещения вреда нужно указать.

И данные вопросы имеют актуальность в наше время, по причине того, что количество обращений, судебных исков с каждым годом только растет, число авторов и правообладателей, также с каждым годом повышается, и постоянно появляются новые и новые объекты интеллектуальной собственности. По данным юридической фирмы ЭБР, в 2024 году общее число зарегистрированных в судах споров, связанных с защитой интеллектуальной собственности, составило 55.1 тыс. исковых заявлений, что на 5 % выше, чем в 2023 году.

Общее количество исковых заявлений можно разделить на категории:

– защита исключительных прав – 46,3 тыс. дел, рост на 6 %;

– охрана авторских и смежных интеллектуальных прав – 28,8 тыс. дел, рост на 35 %;

– защита патентных прав – 209 исков, уменьшение на 8 %;

– разбирательства по товарным знакам – 18,1 тыс., уменьшение на 6 %;

– защита фирменных наименований – 171 дело, уменьшение на 43 % [3].

Благодаря данной статистике, можно сделать вывод об актуальности данных вопросов и разрешения их. В первую очередь можно указать на то, что сама система Интернета, непрерывно развивается, общедоступная сеть по всему миру, включает в себя колоссальное количество информации. Естественно, это связано с постоянным потреблением контента со стороны пользователей данной сети и сама суть этого «потребления» неизбежна. Потребление контента – любого результата

авторской деятельности – происходит автоматически. Оно начинается каждый день, когда человек (пользователь) открывает приложение социальных сетей, ищет что-либо при помощи поисковых сервисов в браузере [4, с. 45]. Человечество самостоятельно создает эту среду для «размножения» все новых и новых объектов интеллектуальной собственности. Ведь само авторское право и интеллектуальная собственность проявляется в большом количестве видов творческой деятельности. Создание фильмов, музыки, фотографий, картин и т. д. И все это возможно и в цифровой среде. Как минимум их размещение на различных цифровых платформах, для ознакомления их с пользователями.

В связи с чем, чаще всего авторы и правообладатели выкладывают свои произведения искусства на площадках с открытым доступом, что очень часто приводить к так называемому «пиратству». Очень часто пользователи могут сохранять и распространять данные объекты на других площадках, в социальных сетях и прочих платформах. А также могут быть случаи, когда пользователь начинает заявлять о том, что настоящим создателем данного объекта интеллектуального права является он, хотя это не так. И тут также возникает вопрос, каким образом число таких случаев можно сократить? Ведь в первую очередь проблемы появляются непосредственно у авторов и правообладателей, так как на них ложиться бремя доказывания, что истинными создателями объекта интеллектуального права являются они.

Для понимания причин, несоблюдения авторских прав пользователями Интернета, необходимо установить некоторые особенности восприятия материалов, свойственных пользователям Интернета, а также особенности поведения человека в онлайн-пространстве.

Охарактеризовать эти особенности можно так:

1. Непопулярность платного и лицензионного контента – с распространением платформ, дающих доступ к бесплатному пользовательскому креативному материалу, порождает у пользователя претенциозность, он чувствует, что оплачивать доступ к этим материалам совершенно необязательно, даже если того требуют автор и его представители;
2. Отсутствие доступа к законному потреблению лицензионного контента, что приводит к «пиратскому» потреблению контента;
3. Культура потребления пиратского контента – в российском интернет-пространстве «пиратство» получило широкое распространение, и пользователи со временем привыкли к тому, что весь контент они могут получать абсолютно бесплатно. А при появлении каких-либо платных сервисов, поначалу получило отторжение пользователями, так как никто не был готов платить за то, что годами получал в доступном формате.
4. Низкий уровень понимания того, что такое авторские права и как они применяются к онлайн-контенту [4, с. 45].

И на самом деле сложно не согласиться с приведенными ранее доводами М. А. Гордеевой и А. А. Новиковой, так как это и есть наиболее основные проблемы, из-за которых и происходят нарушения прав авторов и правообладателей.

Распространенная судебная практика также подтверждает все ранее сказанное, что права авторов и правообладателей нарушаются на постоянной ос-

нове. Например, Решение № 2-309/2025 2-4687/2024 от 25 марта 2025 г. по делу № 2-309/2025. Истец был заказчиком для написания статей, создания товарного знака, иллюстрированные фотографии. После чего все было размещено на официальном сайте истца. А в ходе мониторинга сети «Интернет» истцом было выявлено использование нарушение его исключительных прав: использование статей, фотографий, товарного знака на совсем ином никак не связанным с истцом и его деятельностью сайтом. В конечном итоге исковые требования истца были удовлетворены частично [5]. Беря во внимание данное дело, можно сказать о том, что пиратство реально существует и к нему прибегают по сей день. И ведь автор или правообладатель объекта интеллектуального права может даже не знать, что его объект был украден и использован в личных целях, без какого-либо упоминания авторства, и использоваться на протяжении многих лет. Лишь при случайном «мониторинге» может выясниться данный факт.

Анализируя все вышесказанное, можно прийти к выводам о том, что основной проблемой является отсутствие перечня способов защиты прав авторов и правообладателей, который необходимо закрепить на законодательном уровне. На текущий момент, к сожалению, не имеется никаких законопроектов, которые были бы направлены на разработку данного перечня. Таким образом, предлагается внести изменения в Гражданский кодекс РФ, путем внесения в закон статьи 1303.

Статья 1303. Способы закрепления прав авторства за автором, правообладателем.

1. При создании объекта интеллектуального права, автор (правообладатель) обязан зарегистрировать свое право на данный объект.

2. При размещении объекта интеллектуальной собственности, автор (правообладатель) обязан разместить водяной знак, указывающий кто является создателем.

3. При размещении объекта интеллектуального права, автор (правообладатель) обязан размещать объект только на официальных зарегистрированных платформах, перечень которых должен быть четко указан в законодательстве, утечка с которых минимизирована.

4. Для защиты своих интеллектуальных прав, после размещения объекта интеллектуальной собственности, во избежание незаконного использования данного объекта автор (правообладатель) обязан использовать системы управления цифровыми правами (DRM) и блокчейн-технологиями.

5. Автор (правообладатель) обязан использовать исключительно лицензионные соглашения, где право на использование его объекта интеллектуальной собственности будет предоставляться исключительному кругу 3-х лиц.

Введение данной статьи в Главу 70 Гражданского кодекса РФ окажет огромное влияние на судебную практику, в первую очередь разгрузив суд, облегчив его нагрузку, а также это приведет к максимальному упрощению регулирования данных вопросов, так как при выполнении всех пунктов статьи, автор (правообладатель) максимально защищает себя, свои права и объект интеллектуальной собственности от посягательств со стороны недобросовестных поль-

зователей. А также это дает гарантию для правообладателей в том, что суд встанет на его сторону (сторону истца).

Тем не менее, помимо введения новой статьи в законодательство, необходимо проводить ряд комплексных мер направленных на защиту прав авторов и правообладателей. Необходимо поднимать правовую грамотность среди населения, информировать о всех нововведениях в сферах авторского, цифрового права, рассказывать о наличие в данных сферах прав и обязанностей у лиц, информировать о возможностях защиты этих прав.

Защита прав авторов и правообладателей в условиях цифровизации представляет собой сложную задачу, требующую комплексного подхода. Необходимы как международные усилия по гармонизации законодательства, так и национальные инициативы по повышению осведомленности о важности соблюдения авторских прав.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (дата обращения: 23.09.2025)**;**

2. Щербак Н. В. Авторское право : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 199 с.

3. Официальный сайт «Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/?ref=toptrafficsites/ (дата обращения: 23.09.2025).

4. Гордеева М. А., Новикова А. А. Незащищенность контента в цифровой среде: поиски решения// Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 42, № 3. С. 42–51.

5. Решение № 2-309/2025 2-4687/2024 от 25 марта 2025 г. по делу № 2-309/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ihogutH2dzl0/ (дата обращения: 23.09.2025).

УДК 342.9

Дадаева Марина Ивановна
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академия права и управления ФСИН России
г. Рязань, Российская Федерация
m.dadaeva13@yandex.ru

Интеграция цифровых технологий в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в условиях соблюдения ограничений и запретов, связанных со службой в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы, связанные с использованием цифровых технологий в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы в контексте соблюдения ограничений и запретов, связанных со службой. Анализируются*

© Дадаева М. И., 2025

современные вызовы, которые возникают с внедрением инноваций в деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, ограничения, связанные со службой, запреты, связанные со службой, сотрудники УИС, интеграция, инновации, цифровые технологии.*

Dadaeva Marina Ivanovna
adjunct of the faculty of training scientific and pedagogical personnel
Academy of law and management of the Federal penitentiary service of Russia
Ryazan, Russian Federation

Integration of digital technologies in the penal enforcement system of the Russian Federation in the context of compliance with restrictions and prohibitions related to service in the penal enforcement system of the Russian Federation

Annotation. *The article examines the problems associated with the use of digital technologies in the activities of employees of the penitentiary system in the context of compliance with restrictions and prohibitions related to the service. The article analyzes the current challenges that arise with the introduction of innovations in the activities of the penal system of the Russian Federation and suggests ways to solve them.*

Keywords: *penal enforcement system, restrictions related to service, prohibitions related to service, prison staff, integration, innovations, digital technologies.*

В современном обществе цифровые технологии играют все более значимую роль в различных сферах жизни, включая уголовно-исполнительную систему (далее – УИС). Концепция развития УИС Российской Федерации на период до 2030 года (Распоряжение правительства от 29.04.2021 № 1138-р) определяет цифровизацию как одно из главных направлений развития УИС. Реализация цифровой трансформации в УИС предполагает внедрение единой информационной системы, которая обеспечивает автоматизацию рабочих процессов и формирование баз данных по деятельности службы. Кроме того, важно создать защищенное информационное пространство для обработки конфиденциальных данных и обеспечения межведомственного взаимодействия. Одним из приоритетных направлений являются направление по созданию и развитию моделей принятия решений на основе результатов применения искусственного интеллекта в части расположения учреждений УИС, обеспечения их безопасности с использованием видеоаналитических материалов, прогнозирования поведения осужденных и персонала, обучение специалистов в сфере применения информационных технологий, цифровой трансформации при организации безопасности учреждений и органов УИС [1].

Внедрение новых технологий в деятельность УИС направлено на повышение эффективности работы сотрудников, оптимизацию процессов управления и контроля, улучшение условий содержания осужденных и обеспечение соблюдения прав и законных интересов всех участников правоотношений. Цифровые технологии открывают новые возможности для контроля за соблюдением ограничений и запретов, связанных со службой, сотрудниками УИС. Однако, наряду с положительными аспектами цифровизации, возникают про-

блемы, связанные с интеграцией цифровых технологий в контексте соблюдения ограничений и запретов.

Одной из основных проблем, на наш взгляд, является недостаточная оснащенность УИС современными цифровыми инструментами и технологиями. В некоторых учреждениях до сих пор используются устаревшие системы и оборудование, которые не соответствуют современным требованиям и не обеспечивают эффективного выполнения задач. Например, видеокамеры с низким разрешением и качеством изображения (особенно в условиях слабого освещения, электромагнитные помехи, несовместимость форматов кодирования, вызывающая искажения и черные линии на видео), несовершенные досмотровые металлодетекторы, в том числе арочные, видеорегистраторы, далеко не все учреждения УИС обеспечены стабильным и быстрым доступом к Интернету, что также ограничивает возможности использования цифровых инструментов, и прочее. Это приводит к снижению качества работы и повышению риска нарушений ограничений и запретов, связанных со службой, например, пронос сотрудниками запрещенных предметов, неслужебные связи с осужденными и их родственниками, взяточничество, злоупотребления служебными полномочиями, превышения должностных полномочий и другое. В пенитенциарных учреждениях с высоким уровнем внедрения и использования цифровых технологий, и инноваций, современных интегральных систем безопасности и инженерно-технического уровня оборудования уровень нарушений установленного порядка отбывания наказаний в два раза ниже среднего показателя по УИС [4, с. 166].

Интеграция цифровых технологий в деятельность сотрудников УИС требует не только обновления оборудования, но и изменения существующих процессов и процедур. Однако многие учреждения сталкиваются с трудностями при адаптации к новым условиям. Это связано с недостаточным финансированием на замену устаревшего оборудования, несовершенство нормативного регулирования области цифровых технологий в системе исполнения наказаний, отсутствием четких методических рекомендаций, а также необходимостью переобучения сотрудников. Интеграция передовых цифровых технологий также требует значительных финансовых и временных затрат. Не все учреждения могут позволить себе масштабные инвестиции в модернизацию инфраструктуры и обучение персонала. Существуют очевидные сложности интеграции ИИ в существующие системы и процессы.

Некоторые сотрудники УИС могут сопротивляться внедрению цифровых технологий из-за привычки к традиционным методам работы и недоверия к новым системам. Стоит признать, что не все сотрудники УИС готовы к работе с новыми технологиями. Также сотрудники в возрасте могут испытывать трудности в адаптации к новым техническим устройствам. Для решения данной проблемы необходимо разрабатывать программы повышения квалификации и переподготовки сотрудников УИС с учетом требований цифровизации, а также обеспечить доступ к соответствующим образовательным ресурсам.

Внедрение цифровых технологий требует от сотрудников УИС новых знаний и навыков. Однако система подготовки кадров в этой области не всегда может соответствовать требованиям времени. Для решения этой проблемы необходимо разработать программы повышения квалификации и переподготовки сотрудников УИС с учетом требований цифровизации, а также обеспечить доступ к соответствующим образовательным ресурсам.

Сотрудникам УИС запрещается разглашать или использовать в целях, не связанных со службой сведения, отнесенные к сведениям конфиденциального характера или служебную информацию, а также после увольнения не вправе разглашать или использовать сведения конфиденциального характера или служебную информацию, ставшие им известными в связи с исполнением должностных обязанностей [2]. То есть сотрудники должны соблюдать запреты в области информационной безопасности, но на практике это не всегда удается.

Цифровые технологии в УИС используются для обработки и хранения конфиденциальной информации, включая персональные данные осужденных и сотрудников. Однако это также создает риски утечки информации и несанкционированного доступа к ней. Недостаточная осведомленность о возможных угрозах, а также ошибки при работе с цифровыми инструментами могут привести к нарушению законодательства и утечке конфиденциальной информации. Одной из основных проблем, как мы считаем, является обеспечение информационной безопасности при использовании цифровых технологий в УИС. Сотрудники УИС имеют доступ к конфиденциальной информации, которая может быть использована для совершения преступлений или утечки данных. В связи с этим полагаем необходимым разработать и внедрить эффективные системы защиты информации, которые соответствовали бы требованиям законодательства и международным стандартам.

С развитием технологий появляются новые угрозы, такие как киберпреступления: фишинг, кибершпионаж, кибертерроризм. Сотрудники УИС должны быть готовы к противодействию этим угрозам и обладать специальными знаниями и навыками для обеспечения информационной безопасности, что является на данном этапе труднодостижимым, и может приводить к утечке важной конфиденциальной информации. Кроме того, в отсутствии специалистов в области информационных технологий в системе исполнения наказаний часто возникает сложность в различении действий сотрудников и действий киберпреступников при утечке конфиденциальной информации. Это связано с тем, что сотрудники могут непреднамеренно или намеренно способствовать утечкам, в то время как внешние угрозы могут быть маскированы под внутренние инциденты. В таких случаях вину легче всего приписать сотруднику, что может быть, как результатом его действий, так и следствием несовершенной системы безопасности и отсутствия адекватного контроля.

В условиях цифровизации возрастает риск несанкционированного доступа сторонних лиц к конфиденциальным данным. Для решения этой проблемы необходимо внедрять системы защиты информации, соответствующие требо-

ваниям законодательства о защите персональных данных и государственной тайны. Также следует обеспечить обучение сотрудников УИС правилам работы с конфиденциальной информацией, повышение компетенций в этой области и контроля за соблюдением этих правил. Представляется необходимым активно формировать в сознании сотрудников культуру информационной и компьютерной безопасности, алгоритмизации реагирования пользователей сети и киберпространства на возможные ухищрения, используемые киберпреступниками [2, с. 83].

Необходимо учитывать риски и угрозы, связанные с внедрением цифровых технологий в деятельность УИС. Например, возможность использования информационных систем для незаконного воздействия на осужденных или распространения запрещенной информации. Для минимизации этих рисков необходимо разработать и внедрить системы контроля и мониторинга использования информационных систем сотрудниками УИС, а также обеспечить правовую ответственность за нарушение установленного законодательства в этой области.

Помимо этого, использование цифровых технологий в УИС также поднимает вопросы этического и правового характера. Например, возникает вопрос о правомерности использования определенных технологий для контроля за поведением осужденных и персонала или для анализа личных данных. Развитие цифровых платформ и доступность больших данных позволяет частично прогнозировать различные поведенческие аспекты. Но это вызывает этические проблемы. Прогнозирование поведение сотрудников УИС может вызывать вопросы относительно предвзятости и неточности таких систем. Во-первых, ИИ модели обучаются на исторических данных, которые могут содержать скрытые предубеждения, что приводит к искажению результатов и ошибочным выводам в поведении сотрудников, например, в части соблюдения ограничений и запретов. Во-вторых, поведение сотрудника сложно формализовать и предсказать из-за его иррациональности и множества внешних факторов, что ограничивает точность моделей, а ограниченная гибкость моделей ИИ неспособна адекватно реагировать на уникальные и изменяющиеся ситуации. Прогнозирование поведения сотрудника ИИ может быть воспринято как подозрительное, если не обеспечена прозрачность алгоритмов, качество данных и соблюдение этических стандартов.

Кроме того, важно определить какую информацию о гражданах, включая осужденных и сотрудников, может собирать государство. И необходимо установить границы того, какое поведение можно этично предсказать и тем более стимулировать, а также рассмотреть целесообразность таких действий [4, с. 195]. Для решения этих вопросов необходимо разработать и внедрить этические принципы и стандарты использования цифровых технологий в области ограничений и запретов, связанных со службой в УИС, а также обеспечить соответствие деятельности сотрудников законодательству и международным нормам, и стандартам.

Цифровые технологии открывают новые возможности для повышения эффективности деятельности УИС и обеспечения соблюдения сотрудниками ограничений и запретов, связанных со службой. Однако их использование также сопряжено с рядом проблем, которые требуют внимательного изучения и решения на законодательном, организационном и этическом уровнях. Для этого необходимо разработать комплексные подходы, учитывающие особенности деятельности УИС и требования законодательства.

Для успешного решения задач, связанных с соблюдением ограничений и запретов, необходимо обеспечить оснащенность учреждений современными цифровыми инструментами, разработать методические рекомендации по их использованию, обеспечить высокий уровень информационной безопасности. Кроме того, важно учитывать этические и правовые аспекты применения цифровых технологий в УИС. Однако, по нашему мнению, никакие внешние меры, включая интеграцию цифровых технологий в учреждениях исполнения наказаний, не могут обеспечить такого же уровня эффективности в соблюдение ограничений и запретов, связанных со службой, как внутренне обусловленная мотивация и добровольное желание сотрудников следовать требованиям, установленных законодательством.

Список источников

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р. URL: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 08.04.2025).

2. Ковалев О. Г. Обеспечение информационной и компьютерной безопасности учреждений и органов УИС в условиях цифровой трансформации и научно-технического развития уголовно-исполнительной системы // Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний : сб. материалов IV круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Владимира Савельевича Харичева. Тверь, 2022. № 8. С. 78–84.

3. Ковалев О. Г. Основы комплексного обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития. Псков: Псковский филиал Ун-та ФСИН России, 2024. 199 с.

4. Мартынов В. В. Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2023. № 5(221). С. 194–197.

УДК 347.214.2

Жуколина Анна Алексеевна
помощник юриста
г. Кострома, Российская Федерация
ana.zhukolina@yandex.ru

Цифровизация сделок с недвижимостью: новые правовые риски и способы их минимизации

Аннотация. *Данная статья посвящена цифровой трансформации рынка недвижимости, акцентируя внимание на технологических новшествах, таких как онлайн-платформы и виртуальная реальность (VR), которые изменяют процесс покупки и продажи объектов недвижимости. В условиях стремительного перехода в виртуальное пространство, покупатели и инвесторы получают возможность дистанционно совершать сделки, минимизируя затраты времени и ресурсов. Внедрение технологий, таких как Big Data и блокчейн, обещает повысить прозрачность, безопасность и удобство сделок, а также открыть новые горизонты для инвестиций. Однако с цифровизацией связаны и риски, включая недостоверную информацию, правовые аспекты защиты потребителей и угрозы кибербезопасности. Статья анализирует как преимущества, так и потенциальные проблемы, с которыми сталкиваются участники рынка в условиях цифровой среды, подчеркивая необходимость эффективного регулирования и защиты прав сторон в электронных сделках.*

Ключевые слова*: цифровизация сделок, правовые риски, недвижимость, защита, электронная подпись.*

Zhukolina Anna Alekseevna
Legal Assistant
Kostroma, Russian Federation

Digitalization of real estate transactions: new legal risks and ways to minimize them

Annotation. *This article focuses on the digital transformation of the real estate market, highlighting technological innovations such as online platforms and virtual reality (VR) that are reshaping the process of buying and selling real estate. As the world rapidly shifts into the digital realm, buyers and investors are now able to conduct transactions remotely, minimizing time and resource constraints. The introduction of technologies like Big Data and blockchain promises to enhance the transparency, security, and convenience of transactions, while also opening up new investment opportunities. However, digitalization also comes with risks, including inaccurate information, legal aspects of consumer protection, and cybersecurity threats. This article analyzes both the benefits and potential challenges faced by market participants in a digital environment, emphasizing the need for effective regulation and protection of the rights of parties in electronic transactions.*

Keywords: *digitalization of transactions, legal risks, real estate, protection, electronic signatures.*

Проникая во все сферы жизненного пространства, процессы цифровизации активно начали использоваться в реализации оборота недвижимости. Возможность электронной регистрации сделок на недвижимость, использования

© Жуколина А. А., 2025

специальных цифровых ресурсов ставит перед законодателем новые задачи, достижение которых позволит повысить эффективность всего процесса оборота недвижимости. В настоящее время ведется работа по повышению оперативности оказания нотариальных услуг, устранению излишних бюрократических барьеров и препятствий в гражданско-правовых отношениях, в том числе свободного распоряжения и пользования владельцами частной собственности своим имуществом, а также реализации ряда целевых задач по цифровизации отрасли, и эти вопросы также затрагиваются в статье.

Сегодня рынок недвижимости стремительно движется навстречу цифровой трансформации. Покупка и продажа квартир, домов и коммерческих объектов становится все более технологичной – процесс активно перемещается в виртуальное пространство. Онлайн-платформы позволяют инвесторам и покупателям быстро находить недвижимость, совершать сделки дистанционно и получать всю необходимую информацию буквально одним кликом мыши.

Одним из ключевых аспектов цифровизации является внедрение технологий виртуальной реальности (VR), позволяющих потенциальному покупателю совершить тур по квартире или дому удаленно. Это особенно удобно для тех, кто ограничен во времени или территориально находится далеко от желаемого объекта. Возможность увидеть помещение изнутри, оценить интерьер и расположение позволяет существенно сократить количество визитов на просмотр реальных объектов, экономя ресурсы покупателя.

Покупка жилья онлайн также открывает новые горизонты для инвестиций. Современные платформы предлагают возможность приобретения квартиры или дома без личного присутствия, минимизируя затраты времени и денег на переезды и командировки. Инвесторы получают доступ к широкому спектру предложений независимо от географического положения и экономической ситуации в стране. Еще одно преимущество заключается в прозрачности процесса купли-продажи. Электронная регистрация документов упрощает оформление прав собственности, уменьшает бюрократические процедуры и снижает вероятность ошибок. Благодаря цифровизации вся информация доступна в одном месте, что значительно ускоряет заключение сделки.

Дистанционное заключение договоров обладает значительными преимуществами, особенно в контексте оптимизации рабочих процессов и рационального использования ресурсов. Несмотря на существующие опасения относительно безопасности онлайн-транзакций, большинство из них не имеет достаточного обоснования и часто основывается на недостаточном понимании соответствующих процессов. В случае осуществления платежей через банковские учреждения, компания выступает в роли гаранта сделки, принимая на себя ответственность за безопасность финансовых операций.

Ключевым элементом данного процесса является электронная цифровая подпись (ЭЦП), которая представляет собой уникальный идентификатор, присваиваемый юридическим или физическим лицам. В зависимости от уровня защиты, ЭЦП классифицируется на простую и усиленную. При заключении сделок с недвижимостью и взаимодействии с государственными порталами и ведомствами клиент обязан оформить усиленную квалифицированную электрон-

ную подпись. Данная подпись является современным и надежным аналогом традиционной рукописной подписи на документах.

Актуальную информацию о процессе оформления ЭЦП, необходимых документах для ее получения и соответствующем программном обеспечении следует получать в аккредитованных центрах, уполномоченных Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Основной перечень документов, необходимый для получения ЭЦП: паспорт, СНИЛС и ИНН. Данный перечень документов предназначен для идентификации личности, после которой сотрудник уполномоченного на то центра, должен будет зафиксировать сертификат и ключи ЭЦП на электронный носитель (флеш-накопитель или карта). Срок действия данной услуги составляет 1 год. При помощи ЭЦП можно оформлять гражданско-правовые договоры, в частности сделки с недвижимостью (купля-продажа, дарение, мена). При выборе электронного оформления документов, они должны быть отсканированы и загружены на официальный сайт Росреестра, а участники сделки удостоверяют документы при помощи ЭЦП. Электронная цифровая печать работает при помощи специального программного обеспечения. В Российской Федерации в больших масштабах используют КриптоПро CSP. Сделки, которые осуществляются при помощи электронной цифровой подписи, регистрируются быстрее. Кроме этого, если их оформлять на сайте Росреестра, госпошлина уменьшается на 30 %. Банки, девелоперы и Росреестр также имеют доступ в личный кабинет владельца. Договор долевого участия и ипотечный договор подписываются дистанционно. После того как регистрация сделки закончилась, покупателю на почту поступает документ с электронной печатью Росреестра [10, с. 90].

Конечно, цифровизация сферы сделок с недвижимостью постепенно приводит и к развитию государственных органов, которые участвуют в операциях с недвижимостью. В частности, это касается Росреестра. В последние годы происходит улучшения взаимодействия кредитных учреждений и регистрирующего органа. Так, Распоряжением Росреестра от 15.09.2022 № Р/0256 обеспечена возможность заключения соглашений об информационном взаимодействии и подключения кредитных организаций и застройщиков к веб-сервисам Росреестра, что значительно ускоряет процесс регистрации перехода прав на недвижимость. В 2020 году было обнародовано Постановление Правительства РФ от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами», которое предполагает разработку программ цифровой трансформации для различных государственных органов [2]. Такая программа появилась и у Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии и определяет план развития Росреестра на 2022, 2023, 2024 и 2025 г. Приказ Росреестра от 29.12.2021 № П/0642 устанавливает следующие задачи цифровой трансформации [3]:

1. Предоставление качественных, достоверных, юридически значимых сведений о недвижимом имуществе в режиме, приближенном к онлайн, всем заинтересованным пользователям (гражданам, бизнесу, органам власти).

2. Обеспечение принципиально нового качества услуг Росреестра: кардинальное сокращение сроков получения услуг, перевод их в полностью дистанционный интерактивный вид, удобный для пользователей.

3. Снижение нагрузки на профессиональных участников и бизнес посредством обеспечения возможности проведения дистанционных проверок, повышения их адресности и обоснованности.

4. Снижение издержек и повышение эффективности собственных основных и обеспечивающих процессов, посредством их полноценной автоматизации, уход от бумажного документооборота.

5. Предоставление всем заинтересованным пользователям достоверных и качественных картографических, пространственных данных, посредством создания единого федерального ресурса. Для выполнения поставленных задач Росреестр начал активно внедрять в свою деятельность изменения. Для удобств потребителей Росреестром разработано около 30 видов электронных услуг.

С 1 января 2024 года реализовано около 11 новых услуг, многие из которых касаются именно жилых помещений. Так, система «Мои объекты недвижимости» позволит объединить данные из различных государственных систем и создать общее цифровое пространство, позволяющее гражданам отслеживать изменения правовых данных об объектах недвижимости, просматривать объявления о покупке или продаже квартир, анализировать рынок недвижимости, просматривать территории жилого строительства. Система «Умный кадастр (УМКА)» со встроенными нейросетями и алгоритмами обеспечит развитие гражданского оборота неиспользуемых объектов недвижимости. Конечно, приоритетным направлением остается обеспечение информационной безопасности и защита персональных данных субъектов вышеупомянутых отношений. Ключевые изменения произошли с принятием Федерального закона от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» [1], отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». С 1 марта 2023 г. выписку из ЕГРН может получить только правообладатель персональных данных или управомоченное им лицо. Данные изменения защищают собственников жилых помещений от мошенничества и злоупотреблений, но и подвергают потенциальных покупателей риску, связанному с невозможностью самостоятельной проверки информации, предоставленной продавцом недвижимости. Изменения отразятся и на спорах, связанных с недвижимостью. Ввиду невозможности участника спора получить сведения о принадлежности имущества оппоненту, возникнет необходимость истребовать данные сведения через суд, что порождает увеличение процессуальных издержек и срока рассмотрения спора. Росреестр планирует применять в своей работе и искусственный интеллект (далее – ИИ). Внедрение ИИ во внутренние сервисы позволит уменьшить временные затраты на проверку документов на оригинальность, извлечение из них необходимой информации,

а также создание электронных архивов. Для граждан, обращающихся с вопросами государственной регистрации перехода прав на недвижимое имущество, введение ИИ – это ускорение обработки заявок на государственную регистрацию и мгновенное проведение первичной правовой экспертизы жилого помещения на наличия обременений и несоответствий путем сопоставления введенных данных с электронными базами ЕГРН. Конечно, помимо позитивной стороны вводимых изменений, стоит обратиться и к проблематике [5]. Использование ИИ не создает презумпцию достоверности, полученной с помощью него информации, она может быть как искаженной, так и несуществующей. Важное мнение по этому поводу выразила И. С. Шиткина на VII Всероссийском юридическом форуме: «ИИ не наделен правосубъектностью, не обладает деликтоспособностью и не отвечает за себя. Он не обладает имуществом, и за его деятельность отвечает лицо, которое является либо его разработчиком, либо владельцем, либо его пользователем». Вопрос о том, кто будет нести ответственность за ущерб и вред, причиненный искусственным интеллектом, остается открытым [4; 6].

Таким образом, активное внедрение цифровых технологий в систему государственной регистрации прав на недвижимость, а также развитие электронного документооборота и новые формы сопровождения сделок с недвижимостью способствуют ускорению гражданского оборота и упрощению взаимодействия как между частными субъектами, так и с государственными органами. Однако в процессе безграничной электронной трансформации возникают проблемы, которые пока не регулируются действующими нормами права.

Для инвесторов приобретение недвижимости через онлайн-платформы становится удобным инструментом диверсификации активов. Эти платформы предлагают обширные возможности для анализа рынка, включая мониторинг ценовых колебаний и прогнозирование спроса на аренду. В результате инвесторы могут принимать решения о покупке, основываясь на объективных данных, а не только на интуитивных ощущениях или мнении посредников. Кроме того, наблюдается рост популярности специализированных платформ для коллективных инвестиций в недвижимость. Такие сервисы объединяют капиталы множества мелких инвесторов, что позволяет им приобретать дорогостоящие объекты, ранее недоступные для индивидуальных участников рынка.

Тем не менее, наряду с преимуществами цифровизация влечет за собой ряд рисков и сложностей. Во-первых, существует вероятность столкновения с недостоверной информацией. Некоторые продавцы намеренно искажают характеристики объектов, скрывая недостатки или создавая ложное представление о высоком качестве. Покупатель, полагаясь лишь на фотографии и описания, рискует оказаться разочарованным в результате сделки. Во-вторых, остаются нерешенными правовые аспекты защиты потребителей в контексте цифрового взаимодействия. Законодательство недостаточно эффективно регулирует защиту прав сторон при проведении электронных сделок. Мошенники нередко используют уязвимости электронной системы регистрации, подделывая документы или злоупотребляя персональными данными пользователей. Дополнительно возникает проблема кибербезопасности: интернет-ресурсы становятся

объектами атак хакеров, стремящихся похитить конфиденциальную информацию или нанести ущерб имуществу участников сделок. Отсутствие эффективных механизмов контроля делает такие преступления практически безнаказанными.

Таким образом, цифровизация рынка недвижимости представляет собой перспективное направление развития, которое способно изменить привычные подходы к ведению бизнеса и потреблению товаров. Однако ее успешность зависит от готовности общества воспринимать изменения, законодательной поддержки и наличия качественных инструментов управления рисками. Важно осознавать, что прогресс невозможен без определенных жертв и компромиссов, однако будущее рынка недвижимости однозначно связано именно с развитием цифровых технологий.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»: Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_ LAW_421898/ (дата обращения: 25.09.2025).

2. Российская Федерация. Правительство. О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами (вместе с «Положением о ведомственных программах цифровой трансформации»): Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 (ред. от 01.07.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364874/ (дата обращения: 25.09.2025).

3. Российская Федерация. Росреестр. Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии на 2022 финансовый год и плановый период 2023–2024 годов: Приказ Росреестра от 29.12.2021 № П/0642 (ред. от 25.10.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410077/ (дата обращения: 25.09.2025).

4. Колябин А.Ю. Сделки с недвижимостью в условиях цифровизации: проблемы теории и практики. URL: https://elibrary.ru/download/ elibrary_82498431_72082040.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

5. Шоин Д. Р. О рисках совершения гражданско-правовых сделок с недвижимостью в условиях планомерной цифровизации экономики на территории Российской Федерации. URL: http://businessociety.ru/2024/2-42/7_shoin.pdf. (дата обращения: 25.09.2025).

6. Зыкина Е.В. Проблемы цифровизации при сделках с недвижимостью (на примере применения электронной подписи в документах). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46245982 (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 347.451.01

Жуколина Анна Алексеевна
помощник юриста
г. Кострома, Российская Федерация
ana.zhukolina@yandex.ru

Электронные договоры купли-продажи: риски признания недействительными

Аннотация. *Статья рассматривает риски признания электронных договоров купли-продажи недействительными в контексте стремительного развития цифровой экономики. С одной стороны, диджитализация упрощает и ускоряет гражданский оборот, однако с другой – создает новые угрозы для прав и законных интересов участников сделок. В исследовании подчеркивается, что отсутствие физического взаимодействия между сторонами и автоматизация процесса заключения договоров могут привести к недопониманию условий соглашения и манипуляциям со стороны мошенников. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с использованием смарт-контрактов на основе блокчейн-технологий, которые не позволяют вносить изменения в уже заключенные сделки. В статье также обсуждается роль нотариуса как единственного профессионала, способного обеспечить защиту граждан от цифровых махинаций, гарантируя понимание условий договора и правовые последствия его подписания.*

Ключевые слова: *цифровизация, электронный договор, сделка, электронный договор, нотаурис, регистрация.*

Zhukolina Anna Alekseevna
Legal Assistant
Kostroma, Russian Federation

Electronic sales contracts: risks of invalidation

Annotation. *The article examines the risks of invalidating electronic sales contracts in the context of the rapid development of the digital economy. On the one hand, digitalization simplifies and accelerates civil transactions, but on the other hand, it creates new threats to the rights and legitimate interests of the parties involved. The study emphasizes that the lack of physical interaction between the parties and the automation of the contractual process can lead to misunderstandings and fraudulent activities. Special attention is given to the challenges associated with the use of blockchain-based smart contracts, which do not allow for changes to already executed transactions. The article also discusses the role of the notary as the only professional capable of protecting citizens from digital fraud, ensuring that they understand the terms of the contract and the legal consequences of signing it.*

Keywords: *digitalization, electronic contract, transaction, electronic agreement, notary, registration.*

Цифровая экономика продолжает бурно развиваться: диджитализация затрагивает все больше и больше различных сфер общественной жизни – от производства и обслуживания до правовой среды и финансового сектора. Однако искусственный интеллект, блокчейн и другие современные технологии, какими

© Жуколина А. А., 2025

бы удобными и полезными они ни были, не могут полностью гарантировать безопасность сделок в цифровой среде.

Вопросы о правовых особенностях электронной (цифровой) формы сделок поднимались в науке гражданского права за последние годы неоднократно. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее - Закон № 34-ФЗ) [1] заложил основу для развития электронного взаимодействия участников сделки и заключения договоров с помощью современных цифровых технологий.

Законом № 34-ФЗ были внесены дополнения в ст. 160 ГК РФ. Прежде всего речь идет о положениях п. 1 ст. 160 ГК РФ, дополненных новым абзацем 2, в котором указано: «Письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю» (п. 4 ст. 1 Закона № 34-ФЗ).

Пункт 2 ст. 434 ГК РФ изложен в новой редакции: «Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа проблемы правоприменения в условиях цифровизации электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго пункта 1 статьи 160 настоящего Кодекса» (п. 7 ст. 1 Закона № 34-ФЗ). Таким образом, речь идет о юридико-техническом приеме, посредством которого произошло приравнивание различных по своей сути явлений друг к другу с целью установления для них общего правового режима: договор, совершаемый путем составления на бумажном носителе единого документа, подписанного сторонами, был по юридической силе уравнен с электронным документом, скрепленным электронными подписями сторон договора.

Цифровая среда, безусловно, способствует ускорению гражданского оборота, однако, подобно традиционным правовым отношениям, требует надежных механизмов защиты прав и законных интересов участников – как физических лиц, так и представителей бизнеса. Кроме того, несмотря на упрощение и ускорение процесса принятия юридически и финансово значимых решений, повсеместная цифровизация не только сохраняет известные правовые риски, но и порождает новые угрозы [3].

Например, заключение сделки в электронном формате позволяет сторонам, не имея возможности видеть и знать друг о друге, завершить процесс всего за несколько минут. Для этого достаточно просмотреть текст договора на экране и согласиться с его условиями. При этом компьютерная система не учитывает, полностью ли участники ознакомлены с текстом договора, правильно ли интерпретировали его положения и осознают ли последствия, вытекающие из подписания соглашения. Таким образом, сделка в цифровом формате по сути

не отличается от сделки в простой письменной форме, когда нет уверенности в том, что стороны полностью понимают суть соглашения и не подвергаются давлению со стороны заинтересованных третьих лиц. В результате большинство людей, не обладающих специальными юридическими знаниями или IT-навыками, оказывается в уязвимом положении.

Подобные цифровые методы распоряжения имуществом или деньгами могут обернуться трагедией для уязвимых в плане социальной защиты категорий населения. Без контроля со стороны независимого профессионала, которым сегодня выступает нотариус, легкой мишенью для мошенников могут стать, например, пожилые люди.

Однако даже знакомые с интернет-технологиями люди тоже могут столкнуться с цифровым мошенничеством. Свойственная им высокая степень доверия и лояльности ко всему цифровому может привести к ситуации, когда юридически значимое решение будет приниматься автоматически, без попытки вникнуть в суть текста договора на экране [4].

По задумке, цифровые сделки должны заключаться в формате так называемых смарт-контрактов. В их основе лежат блокчейн-технологии. Первая проблема – в рамках блокчейна невозможно внести изменения в уже заключенный договор, даже если у его сторон появилась такая необходимость. Второй негативный аспект – риски нарушения прав участников целой цепочки договоров и оспаривания сразу всех связанных между собой сделок, если у первичного договора в цепочке выявлен порок[2].

Кроме того, тотальное упрощение процесса оформления сделки развязывает руки мошенникам. Это уже подтвердилось в прошлом году, когда россияне столкнулись с преступлениями, совершенными с помощью поддельных электронных цифровых подписей собственников жилья. Аферисты смогли заполучить чужую недвижимость и даже успели перепродать ее, в то время как владельцы квартир даже не подозревали, что их жилье им больше не принадлежит [5].

В современных условиях нотариус выступает как единственный профессионал, обладающий возможностью надежно защищать граждан от цифровых мошенничеств в правовой сфере. Перед удостоверением сделки нотариус тщательно разъясняет ее условия, проверяет, осознают ли стороны правовые последствия и действительно ли намерены подписать данный документ, а также исключает возможность принуждения. В отличие от других участников рынка, нотариус несет полную имущественную ответственность за результаты своей деятельности и гарантирует возмещение ущерба, если он возник по его вине.

В научной среде неоднократно выдвигалось предложение о наделении нотариуса функцией независимого арбитра, способного обеспечить надежную защиту прав участников, включая контекст цифрового оборота. Привлечение нотариуса к сделке не только сохраняет удобство, обеспечиваемое информационными технологиями, но и обогащает его уникальными безопасными механизмами нотариата, доступными как для граждан, так и для бизнеса. Важнейшую роль в этом процессе играет электронная инфраструктура, созданная нотариатом.

В настоящее время обращение к нотариусу предоставляет возможность конвертировать документы из бумажного формата в электронный и обратно, при этом сохраняя их юридическую силу. Данная нотариальная услуга востребована, особенно в ситуациях, когда требуется оперативная передача документов лицу, находящемуся в другом городе или даже в удаленном регионе страны.

Кроме того, нотариус осуществляет самостоятельную отправку электронных запросов в государственные органы, запрашивая и проверяя необходимые данные, что значительно экономит время и усилия клиента. Вопросы регистрации прав также решаются быстро и без дополнительных затрат со стороны собственника: нотариус отправляет заявление в Росреестр в электронном формате, где в течение одного рабочего дня осуществляется регистрация права собственности. После этого клиент может получить готовые документы непосредственно у нотариуса. Каждый нотариальный акт регистрируется в реестрах Единой информационной системы нотариата, что обеспечивает безопасность, неизменность и достоверность документа [6].

В ближайшем будущем сделки с нотариальными гарантиями смогут осуществляться даже при нахождении контрагентов на значительном расстоянии друг от друга. Каждый участник сделки должен будет лично явиться к нотариусу, однако встреча в одном нотариальном офисе не будет обязательной. При оформлении договора нотариусы, к которым обратились стороны сделки, смогут дистанционно взаимодействовать, проверяя все необходимые сведения и удостоверяя сделку в режиме онлайн.

Список источников

1. Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О персональных данных“» //СЗ РФ. 18.07.2022. № 29 (ч. 3). Ст. 5233.

2. Пресс- центр: Госуслуги будущего: как ИИ, чат-боты и онлайн-сервисы изменят Росреестр // Росреестр : сайт. URL: https://rosreestr.gov.ru/press/archive/publications/gosuslugi- /(дата обращения: 25.09.2025).

3. Блог Компании «Гарант»: В Москве прошел VII Всероссийский юридический форум «Гражданско-правовое регулирование имущественного оборота: основные проблемы и практические рекомендации» URL: https://zakon.ru/blog/2023/09/22/v_moskve_proshel_vii_vserossijskij_yuridicheskij_forum_grazhdansko-pravovoe_regulirovanie_imuschestv/ (дата обращения: 25.09.2025).

4. Василевская Л.Ю. Электронная форма сделок с недвижимостью: проблемы правоприменения в условиях цифровизации URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-forma-sdelok-s-nedvizhimostyu-problemy-pravoprimeneniya-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения: 25.09.2025).

5. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект. 2021. С. 67–68.

6. Колпаков А. А. Цифровые технологии в системе приобретения и регистрации прав на недвижимое имущество: тенденции и перспективы https://scilead.ru/article/6784-tsifrovie-tekhnologii-v-sisteme-priobreteniya (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 342.56

Иванова Елена Сергеевна
магистрант, Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
eivanova.30@mail.ru

Кузьмина Екатерина Николаевна
помощник судьи Костромского областного суда
Кострома, Российская Федерация
ek.kyzmina@mail.ru

К вопросу о способах снижения судебной нагрузки в Российской Федерации и зарубежных странах

Аннотация. *В статье рассмотрены проблемные аспекты нагрузки на судей и судебный аппарат в Российской Федерации и зарубежных странах. Анализируется термин «судебная нагрузка», определяются меры, предпринимаемые для снижения судебной нагрузки.*

Ключевые слова: *альтернативное разрешение споров, оптимизация судебной нагрузки, судебная нагрузка, цифровизация правосудия.*

Ivanova Elena Sergeevna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna
assistant judge of the Kostroma regional court
Kostroma, Russian Federation

On the issue of ways to reduce the judicial burden in the Russian Federation and foreign countries

Annotation. *The article examines the problematic aspects of the burden on judges and the judicial apparatus in the Russian Federation and abroad. The term "judicial burden" is analyzed, and the measures taken to reduce the judicial burden are determined.*

Keywords: *alternative dispute resolution, optimization of the judicial burden, judicial burden, digitalization of justice.*

Доступ к правосудию является фундаментальным правом любого человека. Одно из ключевых значений для обеспечения качества рассмотрения дел

© Иванова Е. С., Кузьмина Е. Н., 2025

при отправлении правосудия имеет эффективное управление судебной нагрузкой.

В юридической литературе существует несколько подходов к определению термина судебная нагрузка.

В узком смысле, судебная нагрузка – это количество конкретных уголовных, гражданских, административных дел, дел по разрешению экономических споров и их «взвешенная» сложность [2, с. 186].

В широком смысле, судебная нагрузка включает в себя не только деятельность судьи по рассмотрению поступивших материалов, но и деятельность судьи, не являющуюся правосудием (обобщение судебной практики, повышение квалификации, участие в деятельности органов судейского сообщества, участие в организации и проведении учебных, методических и научных мероприятий и др.) [1, с. 91].

С каждым годом растет количество рассматриваемых судами дел, и с развитием и усложнением общественных отношений судебная нагрузка будет только увеличиваться. При этом Ю. О. Луховская отмечает, что ежегодно возрастающее количества передаваемых на рассмотрение суда споров, обусловлено, не только усложнением общественных отношений, но и неразвитостью альтернативных (внесудебных) способов разрешения конфликтов, из-за чего граждане и юридические лица вынуждены обращаться в суд как единственно возможный и единственно доступный для них способ защиты и восстановления нарушенных или оспариваемых прав [7, с. 52]. В связи с этим в последние десятилетия одним из способов снижения нагрузки на судебную систему в зарубежных странах и в Российской Федерации является развитие медиации и альтернативных способов разрешения споров.

Также многие страны столкнулись с проблемой дисбаланса во внутри территориальном распределении дел между судами. Так, если одни суды и судьи перегружены, то другие не имеют достаточной нагрузки. Для устранения такого дисбаланса в качестве приоритетной цели судебной реформы во многих европейских государствах была провозглашена оптимизация рабочих нагрузок на суды и судей, которая осуществлялась разными организационно-правовыми способами. В одних странах были приняты правила, предусматривающие гибкое перераспределение дел между судами для выравнивания рабочей нагрузки, но в результате такого перераспределения сторонам спора приходится нести большие транспортные издержки, поскольку необходимо добираться до более удаленного суда. В других странах выбор предоставляется самим сторонам: либо дождаться, когда их дело будет рассмотрено в ближайшем от них, но загруженном суде, либо их дело будет немедленно рассмотрено в другом суде, расположенном на большем расстоянии от них, но менее загруженном. Кроме этого, существуют альтернативные организационные решения, связанные с временным прикомандированием к загруженным судам судей, которые работают в судах, где нет большого количества поступающих дел [1, с. 82].

Но одним из наиболее важных направлений в развитии правосудия в большинстве стран мира является цифровизация судопроизводства, которая позволяет повысить уровень доступности правосудия, в том числе путем сни-

жения служебной нагрузки на сотрудников судов. Она позволяет снизить нагрузку не только на всю судебную систему в целом, но и рационально распределять нагрузку между конкретными судьями.

Одним из направлений цифровизации в судебной деятельности выступает внедрение системы автоматического распределения дел. Так, с 1 сентября 2019 года в Российской Федерации используется система автоматизированного распределения поступивших дел. При распределении дел программой анализируются степень загруженности судей и их квалификация, и дело автоматически распределяется за судьей, служебная нагрузка которого меньше остальных. При этом судебная нагрузка рассчитывается из расчета суммы нагрузки по распределенным делам, которые еще не рассмотрены, и по рассмотренным делам [5, с. 52]. При этом большое практическое значение для сбалансированного распределения дел имеет правильное определение категории дела при вводе его в систему.

Внедрение цифровых технологий позволяет сделать процесс обращения в суд и подачи документов более удобным и быстрым для граждан, что снижает барьеры при осуществлении своих прав. Оно также позволяет ускорить процесс обмена информацией между сторонами и судом, сократить время рассмотрения дел и повысить эффективность работы судебной системы.

С 2020 года в рамках национальной программы «Цифровая экономика РФ» в Российской Федерации разрабатывается суперсервис «Правосудие онлайн», результатом внедрения которого станет автоматизированное составление проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела.

В апреле 2025 года в ходе XX Совещания председателей верховных судов государств – членов Шанхайской организации сотрудничества Председатель Верховного суда Российской Федерации И. Л. Подносова сообщила об обсуждении в российском судейском сообществе идеи использования искусственного интеллекта в работе судей. Причем активно изучается и зарубежный опыт. При этом заместитель генерального директора Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации А. Т. Ибрагимов считает, что Российская Федерации должна активно использовать возможности искусственного интеллекта, блокчейна и других инновационных решений для повышения эффективности и безопасности систем. В пример он привел опыт Китая, который показывает, что использование технологий искусственного интеллекта может помочь автоматизировать рутинные процессы, такие как анализ документов и поиск прецедентов, в итоге упростив процедуры подготовки дел к рассмотрению и снизив сроки их рассмотрения [3].

Действительно, Китай в настоящее время является одним из лидеров по внедрению возможностей искусственного интеллекта в систему правосудия. С 2016 года в Китае разрабатывается система «умных судов». С тех времен в Китае были внедрены роботы-регистраторы в зданиях судов для оказания юридической помощи онлайн, устройства автоматического распознавания голоса в залах судебных заседаний, которые устранили необходимость в расшифровке, и виртуальных залов судебных заседаний, где дела могут рассматривать-

ся онлайн. Сегодня вся судебная система Китая внедрила программное обеспечение с искусственным интеллектом, которое используется при вынесении каждого вердикта путем проверки наличия ссылок на законы и нормативные правовые акты, разработки юридических документов, выявления человеческих ошибок. По каждому делу судья консультируется с искусственным интеллектом, и несогласие судьи с рекомендациями искусственным интеллектом должны быть письменно обоснованы [7, с. 3].

В настоящее время Совет судей России создал рабочую группу, которая должна сформулировать концептуальные подходы к использованию искусственного интеллекта в судах. В Совете Судей отметили, что одним из перспективных направлений является использование искусственного интеллекта в рамках приказного производства. Потенциал автоматизации приказного производства уже был продемонстрирован экспериментами, которые проводились в судах Белгородской области в 2021 году и Амурской области в 2023 году. Благодаря этим экспериментам значительно сократилось время, которое тратится на подготовку судебного приказа и заполнение электронной карточки дела.

Кроме того, эксперты полагают, что искусственный интеллект способен заменить человека по некоторым другим категориям дел, в которых роль судьи является в большей степени технической, например, по делам об индексации присужденных денежных средств[4].

В свою очередь председатель Вологодского областного суда И. Э. Трофимов указал на то, что уже сейчас судебная система может активно использовать искусственный интеллект по нескольким направлениям своей работы. Во-первых, это распознание и машинное чтение текста, его анализ, который бы позволил выявить в этом тексте юридически значимые сущности или моменты. Во-вторых, краткое изложение сути показаний и позиций сторон, которое можно сделать из протокола с помощью нейросети. Но при этом он подчеркнул, что окончательное решение должен принимать только человек [6].

Таким образом, цифровизация системы правосудия позволит, с одной стороны, облегчить доступ граждан к правосудию, а с другой – сократить время рассмотрения дел и повысить эффективность работы судебной системы.

Список источников

1. Бурдина Е. В., Петухов Н. А. Служебная нагрузка на судей: проблемы определения, оценки, управления : монография / под ред. В. В. Ершова. М. : РГУП, 2017. 236 с

2. Бурдина Е. В. Судебная нагрузка как показатель эффективности судебной деятельности: теоретические, методологические и практические аспекты // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3, № 4. С. 177–196.

3. Верховный суд России изучает опыт применения искусственного интеллекта. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/34359/ (дата обращения: 18.09.2025).

4. Луховская Ю. О. «Нагрузка на судей» в контексте институтов трудового права и поиск эффективных путей ее снижения // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С.49–54.

5. Панарина М. М. Управление судебной нагрузкой как необходимая мера в организации деятельности судов // Адвокатская практика. 2024. № 2. С. 36-41.
6. Совет судей изучит возможность применения ИИ в судебной системе. URL: https://rg.ru/2025/04/16/prikaz-ot-robota.html (дата обращения: 18.09.2025).
7. Черепанова А. С. Цифровизация судебных процессов: опыт различных стран // Научный аспект. 2024. № 5. С. 1–3.

УДК 34.096

Кислухин Роман Дмитриевич
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kislukhin.2002@mail.ru

Внедрение искусственного интеллекта в деятельность судов: перспективы применения и правовые риски

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению преимуществ и правовых рисков использования технологии искусственного интеллекта в деятельности российских судов в эпоху цифровой трансформации. Раскрываются ключевые этапы цифровизации судопроизводства, потенциал и возможные области применения судами систем искусственного интеллекта. Отмечается как нормативное определение искусственного интеллекта, так и доктринальная дефиниция. Рассматриваются как перспективные аспекты применения судами искусственного интеллекта для оптимизации типовых задач судопроизводства, анализа судебной практики и законодательства, так и угрозы и риски, связанные с внедрением искусственного интеллекта в деятельность судов, например, конфиденциальность и защита персональных данных участников процесса. Особое внимание уделено дискуссионному вопросу о возможности самостоятельного вынесения решения по делу искусственным интеллектом.*

Ключевые слова: *цифровизация правосудия, развитие судебной системы, цифровые технологии судопроизводства, искусственный интеллект в правосудии, автоматизация судопроизводства, оптимизация деятельности судов, судебное делопроизводство и статистика, судебное прогнозирование.*

Kislukhin Roman Dmitrievich
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Implementation of artificial intelligence in court operations: application prospects and legal risks

Annotation. *The article is devoted to the advantages and legal risks of using artificial intelligence technology in the activities of Russian courts in the era of digital transformation. The key stages of the digitalization of judicial proceedings, the potential and possible areas of application of artificial intelligence systems by courts are revealed. Both the normative definition of artificial intelligence and the doctrinal definition are noted. The article considers both promising aspects of the use of artificial intelligence by courts to optimize typical tasks of judicial proceedings, analysis of judicial practice and legislation, as well as threats and risks associated with the introduction of*

© Кислухин Р. Д., 2025

artificial intelligence into the activities of courts, for example, confidentiality and protection of personal data of participants in the process. Special attention is paid to the debatable issue of the possibility of making an independent decision on the case by artificial intelligence.

Keywords: *digitalization of justice, development of the judicial system, digital technologies of judicial proceedings, artificial intelligence in justice, automation of judicial proceedings, optimization of court activities, judicial records management and statistics, judicial forecasting.*

За последние десятилетия информационные технологии оказали значительное влияние на многие сферы общественной жизни, в том числе систему государственного управления. Цифровизация затронула также систему правосудия в Российской Федерации.

Исследователи выделяют несколько этапов становления электронного правосудия в судах общей юрисдикции [2, с. 26]. Первый этап начался еще в конце 90-х гг., ознаменовавшийся принятием Концепции информатизации судов общей юрисдикции, одобренной Советом судей Российской Федерации 29 октября 1999 г. [6], целью которой было оснащение судов общей юрисдикции средствами информатизации: компьютерами, специальными программными изделиями и оргтехникой для создания баз данных судебной статистики и делопроизводства. Результатом второго этапа стало создание государственной автоматизированной системы «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»), были приняты и реализованы федеральные целевые программы «Развитие судебной системы России» на 2002—2006 гг., а затем и на 2007–2011 гг. На следующем этапе цифровизации судов приоритетом стало обеспечение возможности участникам судопроизводства реализовывать свои процессуальные права посредством электронных систем, начиная с подачи иска, заканчивая получением судебного акта в форме электронного документа.

При этом цифровизация правосудия не стоит на месте. В 2023 г. председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев сообщил, что в электронном виде в суды было подано 2,3 миллиона документов – на 24 процента больше, чем за аналогичный период год назад. При этом количество запросов пользователей к ГАС «Правосудие» превысило 4 миллиарда. В. М. Лебедев также указал на рост востребованности цифровых технологий в судопроизводстве, одной из которых является искусственный интеллект [8].

Понятие «искусственный интеллект» (далее – ИИ) приведено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490. ИИ определен как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Среди ученых-юристов одно из наиболее развернутых предложил П. М. Морхат. По его мнению, искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, система, наделенная способностями и возможностями антропоморфно-разумных мыслительных

и когнитивных действий, таких, как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное мышление, анализ и оценка, саморегулирования, самоадаптирования под изменяющиеся условия, антропоморфно-разумного самостоятельного (в том числе творческого) принятия решений и решения задач и проблем, которая непрерывно развивается [7, с. 69]. О приоритетности исследований по вопросам разработки и внедрения ИИ высказался Президент России В. В. Путин, указав на следующее: «Искусственный интеллект – это будущее не только России, это будущее всего человечества».

Внедрение искусственного интеллекта в деятельность судов пока что остается дискуссионным вопросом, поскольку наряду с очевидными преимуществами, такими как автоматическая обработка документов и анализ судебной практики, есть ряд рисков и угроз, связанных с пределами использования искусственного интеллекта при вынесении судьями решений, отсутствием у ИИ морали и совести, ограниченностью в правовой компетенции и понимании права.

Следует отметить, что в Российской Федерации каждый год растет количество дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции. По данным доклада И. Л. Подносовой [4] в 2023 году судами было рассмотрено около 39 млн дел, а в 2024 году – более 42 млн, в связи с чем продолжает увеличиваться нагрузка на судей и работников аппарата судов, что требует поиска технических, организационных и правовых способов повышения эффективности работы судов с помощью использования цифровых систем, в том числе искусственного интеллекта.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», развитие ИИ является необходимым условием вхождения Российской Федерации в группу мировых лидеров в области развития и внедрения технологий искусственного интеллекта и, как следствие, технологической независимости и конкурентоспособности страны.

По словам генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ В. А. Иванова, в 2025 году развитие судебной системы России будет идти по трем основным векторам: технологической модернизации без ущерба для доступности, унификации цифровых решений и плановом обновлении судебной инфраструктуры. Среди направлений развития судебной системы присутствует среди прочего цифровизация судебных процессов. Планируется обязательная видеозапись всех судебных заседаний и свободный доступ к записям, создание единой цифровой платформы жалоб граждан на судебные решения, а также автоматический анализ судебных решений искусственным интеллектом для выявления системных ошибок и предвзятости.

Стоит указать, что цель внедрения искусственного интеллекта в судебную систему на современном этапе – повышение ее эффективности путем автоматизации типовых процессов, возникающих как на стадии возбуждения дела, так и в ходе его рассмотрения, и помощь в судье в принятии решений. В связи с этим искусственный интеллект является необходимым элементом

электронного правосудия. При этом некоторые исследователи полагают, что с развитием технологий ИИ на более высоком уровне электронное правосудие придет к тому, что «машина» полностью заменит человека в отправлении правосудия [10, с. 57].

На основании вышеизложенного, принимая во внимание характер происходящих изменений и условия цифровой трансформации правосудия, представляется возможным дать некоторые оценки перспективам внедрения искусственного интеллекта в деятельность судов, а также обозначить ряд рисков и опасений, связанных с этим.

Среди значимых преимуществ, которые помогут автоматизировать выполнение работниками аппарата суда и судьями типичных процедур, следует выделить способность искусственного интеллекта обрабатывать большие объемы документов, анализировать дела и выявлять закономерности, освобождая судей и адвокатов от монотонной работы. Это позволяет сосредоточиться на более сложных аспектах рассмотрения дел. Так, анализируя внедрение систем искусственного интеллекта в деятельность судов, судья Арбитражного суда г. Москвы В. А. Лаптев отмечает, что уже в ближайшее время ИИ будет способен выполнять следующие задачи: расшифровка, оцифровка и перевод на русский язык любой судебной документации; цифровое протоколирование хода судебных заседаний; автоматическое определение специализации судей по категориям дел и распределение дел между судьями соответствующих судебных составов; администрирование выдачи цифровых исполнительных листов и последующее отслеживание их юридической судьбы; выполнение отдельных функций в режиме голосового помощника [5].

Действительно, значительная часть работы суда состоит из типизированных технических операций, и применение искусственного интеллекта может помочь с этим, что, безусловно, поспособствует соблюдению процессуальных сроков и повысит качество выполнения типовых процедур. Поэтому нельзя не согласиться с выводами ученых, что дальнейшее расширение использование систем ИИ в судопроизводстве наиболее целесообразно по таким направлениям, как делопроизводство, статистика и архивная работа.

Еще одним преимуществом использования искусственного интеллекта в деятельности судебных органов является обработка судебных актов, их поиск и анализ на основе машинного обучения и определение средних значений, которые могут быть использованы для обеспечения единообразных подходов при рассмотрении различных категорий дел. Как отмечают исследователи, анализируя прошлые решения судов, ИИ помогает предсказывать исход аналогичных дел, что способствует принятию обоснованных решений и снижению рисков судебных ошибок. Система может предложить варианты решений на основе анализа большого количества похожих случаев, помогая судьям принять взвешенное решение [9, с. 318].

Наиболее дискуссионным является вопрос участия искусственного интеллекта в принятии судьей решения по делу. Далеко не все ученые поддерживают идею автоматизации принятия судебных решений, указывая на неполноту понимания искусственным интеллектом основополагающих принципов права,

процедуры принятия решения, что ставит под угрозу права и свободы человека [1, с. 223].

Процессуальный закон указывает, что суд оценивает доказательства по делу по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ч. 1 ст. 67 ГПК РФ), руководствуясь при этом законом и совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ). Поскольку искусственный интеллект, по своей природе являясь компьютерной программой, цифровым кодом, он не имеет присущих человеку совести, морали, нравственности и этики, полностью автоматизировать процедуру вынесения решения, приговора суда представляется затруднительным, в связи с чем начальник Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда России О. А. Вагин указывает, что «страшно представить, что решения в отношении человека, общества или человечества будут приниматься исходя из заданности информационных технологий, следуя совету «умного» искусственного интеллекта, полагаясь на который человек сам перестает думать, анализировать».

Нельзя оставить без внимания важность тщательного изучения всех аспектов дела перед принятием решения. Например, известный российский юрист и судья Конституционного Суда Владимир Ярославцев отмечал необходимость строгого соблюдения процессуальных требований и принципов правосудия, а процесс принятия решения требует глубокого понимания ситуации, учета всех нюансов и уважения к правам и интересам сторон. Правоведы также отмечают, что хотя ИИ способен обрабатывать большие объемы информации, он ограничен в способности адаптироваться к уникальным обстоятельствам конкретных дел, а человеческое суждение остается важным элементом системы правосудия [1, с. 225].

Необходимо учитывать, что внедряемые в современном мире системы искусственного интеллекта основаны на автоматизации конкретных задач в конкретных рамках, что широко применяется в поисковых системах, умных помощниках, чат-ботах, где применяются ранее заданные типовые алгоритмы. Искусственный интеллект, полностью имитирующий человеческое мышление и всесторонний анализ находится еще на ранней стадии своего развития.

Некоторые ученые отмечают также, что ИИ не способен преодолевать противоречия в праве: «сложность закона заключается в его телеологической и спорной природе, два последовательных аргумента могут привести к различным решениям в зависимости от двух различных приоритетов» [7, с. 131]. Быстро развивающиеся общественные отношения не всегда оперативно оказываются в поле правового регулирования, в связи с чем наблюдаются пробелы в праве и юридические коллизии. И в случае в законодательстве отсутствует правовая норма, регулирующая спорное правоотношение, правоприменитель использует аналогию закона и права, основываясь на своем правопонимании. Это и вызывает у искусственного интеллекта затруднение, поскольку он выполняет задачу, руководствуясь заданным алгоритмом, и, не найдя в законодательстве нужной правовой нормы, попадает в тупик. На основании всего выше-

указанного, необходимо отметить, что искусственный интеллект не готов к самостоятельному принятию судебных решений.

Нельзя не учесть, однако, что искусственный интеллект может помочь судье на стадии принятия решения по делу путем анализа положений действующего законодательства и подборе судебной практики по аналогичным спорам, однако в любом случае, окончательное решение по делу принимает судья.

Ряд исследователей отмечает риски, связанные с конфиденциальностью и защитой персональных данных участников судопроизводства [3, с. 197]. Обработка больших объемов персональных данных для обучения и функционирования ИИ представляет собой серьезную угрозу конфиденциальности участников процесса. Несоблюдение мер защиты данных может привести к утечке личной информации, нарушению прав граждан. Кроме того, алгоритмы искусственного интеллекта зависят от качества данных и стабильности инфраструктуры. Ошибки в обучении модели или сбой в работе системы могут приводить к неправильным выводам и ошибочным решениям. Такие проблемы требуют постоянного мониторинга и обновления программного обеспечения.

Кроме того, обладающая преимущества автоматизация типовых задач с помощью ИИ ставит под угрозу стабильность работы судебной системы, потому что сбой в работе системы искусственного интеллекта может полностью парализовать деятельность судов. В первую очередь, технические сбои и утечка персональных данных обусловлены хакерскими атаками. Так, например, в октябре 2024 года наблюдались значительные сбои в работе ГАС «Правосудие», ответственность за которые взяла на себя одна из хакерских группировок. Поэтому при внедрении искусственного интеллекта в деятельность судов необходимо обеспечить наиболее полную защиту информации и техническую стабильность работы системы искусственного интеллекта.

Таким образом, правовые риски и угрозы, связанные с применением систем искусственного интеллекта в деятельность судов, не должны ставить судебную систему в уязвимое положение и препятствовать внедрению современных технологий в судопроизводство. Внедрение искусственного интеллекта – объективно обусловленный техническим прогрессом и во многом полезный процесс. Технология искусственного интеллекта позволит не только автоматизировать выполнение тех или иных типовых задач, возникающих на разных стадиях рассмотрения дела, но и в перспективе помогать судьям при вынесении решения путем анализа судебной практики и подбора нормативного материала. Вместе с тем этот процесс требует внимательного и взвешенного подхода, поиска наиболее оптимального применения ИИ в деятельности суда. При этом, учитывая современное техническое состояние ИИ, необходимо соблюдать принцип самостоятельности судей при вынесении решения и обеспечить стабильное функционирование системы искусственного интеллекта. Учитывая высокую социально-правовую значимость проблемы использования искусственного интеллекта в правосудии, что, несомненно, потребует внесения изменений в нормативно-правовые акты, этот процесс должен проходить в условиях широкой научной и профессиональной дискуссии.

Список источников

1. Бурдина Е. В. Электронное правосудие : монография. М. : РГУП, 2021. 344 с.
2. Голубцов В. Г. Электронное правосудие как глобальный тренд в трансформации цивилистического процесса: актуальные аспекты // Судья. 2022. № 11. С. 25–31.
3. Даниелян А. С. Электронное правосудие в гражданском процессе: понятие, вызовы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2023. Т. 9(75), № 2. С. 194–201.
4. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Подносовой по итогам 2024 года. URL: https://www.vsrf.ru/files/34239/ (дата обращения: 02.09.2025).
5. Искусственный интеллект в суде: как он будет работать. URL: https://pravo.ru/opinion/232129/ (дата обращения: 02.09.2025).
6. Концепция информатизации судов общей юрисдикции. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации (одобрена Советом судей Российской Федерации 29.10.99 г.). URL: https://www.ssrf.ru/dokumienty/postanovlieniia/sovieta-sudiei/498 (дата обращения: 01.01.2025 г.).
7. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография. М. : Буки Веди, 2017. 257 с.
8. Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений. URL: https://rg.ru/2023/05/25/robot-pomozhet-rassudit.html (дата обращения: 01.01.2025).
9. Шундиков К. В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. № 8. С. 315–321.
10. Щербакова Л. Г. К вопросу о соотношении понятий «электронное правосудие», «электронное судопроизводство» и «информатизация судов» по гражданским делам // Правовая культура. 2022. № 3(50). С. 53–59.

УДК 34.06:347

Кокоулина Александра Михайловна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
ale-ancygina@yandex.ru

Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в сфере медицины

Аннотация. *В настоящее время медицина не стоит на месте и как во многих других сферах жизни в медицине активно используются цифровые технологии, в том числе и технологии, построенные с использованием искусственного интеллекта. Целью исследования выступают проблемы общественных отношений и юридической ответственности, при*

© Кокоулина А. М., 2025

оказании медицинской помощи с применением систем искусственного интеллекта. В работе подчеркивается, что современные проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта в медицине, обусловлены отсутствием правового регулирования этих общественных отношений. Традиционные правовые нормы не всегда могут быть применены к ИИ, что приводит к правовой неопределенности. Предлагаются пути решения этих проблем и устранения пробелов в правовом регулировании в данной социальной сфере.

Ключевые слова: *здравоохранение, искусственный интеллект в сфере медицины, медицинская помощь, правовое регулирование.*

Kokoulina Alexandra Mikhailovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal issues in the application of artificial intelligence in the medical field

Annotation. *Currently, medicine is constantly evolving, and like many other areas of life, it actively uses digital technologies, including those based on artificial intelligence. The purpose of this study is to address the challenges of social relations and legal responsibility in the context of providing medical care using artificial intelligence systems. The paper emphasizes that the current issues surrounding the use of artificial intelligence in medicine are primarily due to the lack of legal regulation in this area. Traditional legal norms may not always apply to AI, leading to legal uncertainty. The article proposes ways to solve these problems and eliminate gaps in legal regulation in this social sphere.*

Keywords: *healthcare, artificial intelligence in medicine, medical care, and legal regulation.*

Общественные отношения в различных сферах деятельности, включая здравоохранение, зачастую развиваются быстрее, чем происходит совершенствование соответствующих национальных правовых актов. Современные технологические инновации, такие как блокчейн, искусственный интеллект (ИИ), сенсорика и робототехника, беспроводная связь, а также обработка больших данных, дополненная и виртуальная реальность, оказали существенное влияние на эволюцию здравоохранения. Эти передовые технологии не только трансформировали традиционные подходы к диагностике, лечению и мониторингу пациентов, но и открыли новые горизонты для персонализированной медицины и телемедицины.

Термин «цифровое здравоохранение» обычно ассоциируется с инновационными разработками и технологиями будущего, такими как искусственный интеллект и робототехника. Он является результатом интеграции медицины и цифровых технологий, что способствует цифровой трансформации традиционной медицинской практики. В последние годы активно развивается использование искусственного интеллекта в медицине, что порождает множество вопросов правового и этического характера. Благодаря ИИ диагностика становится более точной, ускоряется процесс разработки новых лекарственных средств, а качество медицинских услуг повышается. При этом затраты на обслуживание пациентов снижаются, что делает здравоохранение более эффективным.

Искусственный интеллект в медицине использует компьютерные системы для анализа данных, диагностики заболеваний, прогнозирования исходов

лечения, автоматизации административных процессов и поддержки принятия клинических решений, повышая точность и эффективность работы медицинского персонала. Возрастающая потребность медицины в IT-решениях является естественным следствием четвертой технологической революции, что обостряет вопросы правового регулирования применения цифровых технологий в медицинской практике (цифровой медицины). Это также связано с увеличением числа пациентов с хроническими заболеваниями, а оказание экстренной и неотложной помощи требует постоянного мониторинга и длительного ухода за пациентами. Пандемия коронавирусной инфекции значительно ускорила развитие цифровой медицины. Необходимость оказания оперативной помощи больным, включая удаленные формы, привела к ослаблению регуляторных ограничений на использование информационных технологий. Это, в свою очередь, способствовало более широкому внедрению цифровых решений в медицинскую практику [2].

Правительство Российской Федерации утвердило стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения на период до 2030 года. Распоряжением от 17 апреля 2024 г. № 959-р [5]были определены ключевые задачи и цели этого процесса. В рамках стратегии предусмотрено внедрение современных информационных технологий, включая нейротехнологии и искусственный интеллект (ИИ). Прогресс в области искусственного интеллекта создает значительные трудности для правовой системы, государственного управления и общества в целом. Эти трудности связаны с тем, что системы ИИ обладают определенной степенью автономности в выполнении задач и не способны напрямую учитывать этические и правовые нормы.

В настоящее время в России отсутствует специализированное законодательство, регулирующее применение искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники. Однако анализ международного опыта показывает, что в некоторых странах уже разработаны правовые нормы для использования этих технологий. Например, в 2021 году Европейская комиссия предложила регламент Европейского парламента и Совета, касающийся правил использования искусственного интеллекта. Этот документ направлен на создание единой правовой базы для регулирования ИИ в Европейском союзе. Его цели включают обеспечение безопасности, защиту прав человека и формирование конкурентоспособной экосистемы для ИИ. Регламент классифицирует системы ИИ по уровням риска (высокий, ограниченный, минимальный) и определяет требования к прозрачности, ответственности и этичности.

Весной 2023 года Китайская Народная Республика приступила к разработке законодательства в сфере искусственного интеллекта. 15 августа 2023 года вступили в силу Временные меры [7] по регулированию услуг генеративного ИИ, которые вводят ограничения на использование ИИ в публичных сервисах.

Правовое регулирование использования цифровых технологий, включая искусственный интеллект, в здравоохранении России основывается на положениях статей 91 и 91.1 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4]. Эти статьи устанавливают правовые и нормативные аспекты создания и функционирования государственной

информационной системы в сфере здравоохранения. В них определены: цели и задачи системы; ее структура и порядок работы; процедуры и сроки предоставления данных; участники информационного взаимодействия; доступ к информации; требования к программному и техническому обеспечению; порядок обмена данными через систему; а также меры по обеспечению безопасности информации. Современное правовое регулирование применения цифровых технологий в здравоохранении требует значительных изменений. Существующие нормы практически не охватывают вопросы использования цифровых технологий в оказании медицинской помощи, которая представляет собой комплекс мероприятий по поддержанию и восстановлению здоровья, включающий предоставление медицинских услуг пациентам. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [6] также не решает эту проблему, хотя и распространяется на фармацевтическую и медицинскую деятельность, включая телемедицинские технологии и сбор, обработку данных о состоянии здоровья и диагнозах граждан.

Во-первых, необходимо разработать правовую базу для использования цифровых технологий, включая медицинское оборудование с элементами ИИ, медицинских роботов, диагностические электронные системы и другие инновационные решения. Во-вторых, крайне важно создать институт юридической ответственности за ущерб, который потенциально могут причинить медицинские устройства с ИИ, роботы и электронные диагностические комплексы.

Применение искусственного интеллекта в сфере здравоохранения преимущественно направлено на системы поддержки принятия врачебных решений, особенно в области диагностики. Эти системы требуют обработки больших объемов данных, включая персональные сведения пациентов. Ключевой проблемой в данном контексте является обеспечение конфиденциальности и защиты этой информации.

Существует опасность несанкционированного доступа к медицинским записям и утечки данных, что может иметь серьезные последствия для пациентов. Это ставит вопрос о защите персональных сведений, обрабатываемых в таких системах. С одной стороны, системы могут использовать обезличенные данные, что предполагает их свободную обработку. С другой стороны, такой подход вызывает правовые сомнения, поскольку позиция Роскомнадзора заключается в том, что обезличенные персональные данные остаются персональными. В Федеральном законе № 152-ФЗ «О персональных данных» [8] существует противоречие в отношении обработки персональной информации в медицинской сфере. Согласно пункту 9 части 1 статьи 6 Закона № 152-ФЗ, обработка персональных данных может проводиться без согласия субъекта, если она направлена на статистические или иные исследования, при условии обязательного обезличивания данных. Однако сведения о состоянии здоровья относятся к специальной категории персональных данных (ч. 1 ст. 10 Закона № 152-ФЗ), для которых не предусмотрено исключение для обработки без согласия субъекта. Исключение из этого правила предусмотрено только для обработки персональных данных без согласия в медико-профилактических целях, для установ-

ления медицинского диагноза, оказания медицинских и медико-социальных услуг. Это возможно, если обработка осуществляется лицом, профессионально занимающимся медицинской деятельностью и обязанным соблюдать врачебную тайну (п. 4 ч. 2 ст. 10 Закона № 152-ФЗ). Однако применение этой нормы в контексте использования искусственного интеллекта вызывает вопросы. В связи с упомянутыми проблемами возникает необходимость поиска оптимального соотношения между защитой персональных данных и их использованием для обучения систем искусственного интеллекта.

Медицинские данные пациентов, такие как их истории болезни, результаты анализов и другие сведения, являются важнейшими для разработки эффективных ИИ-моделей. Однако их применение связано с рядом юридических и этических вопросов. С одной стороны, действующее законодательство строго регулирует обработку персональных данных, требуя от организаций получения согласия от пользователей и обеспечения их безопасности. С другой стороны, для достижения высокой точности моделей искусственного интеллекта необходимо иметь доступ к большим объемам данных, что может существенно усложнить их сбор и использование.

Во многих государствах существуют строгие правила защиты личных данных, такие как Общий регламент по защите данных (GDPR) в Европейском союзе. Тем не менее применение этих норм к искусственным интеллектам может быть затруднительным. Например, для получения согласия пациентов на использование их данных для обучения ИИ требуются конкретные правовые рамки. Для преодоления этой проблемы необходимо создать четкие нормативные акты, которые позволят использовать обезличенные данные для обучения ИИ, обеспечивая при этом безопасность и конфиденциальность пациентов. Важно найти способы организации прозрачного и этичного доступа к информации, что будет способствовать внедрению инноваций в здравоохранении [3].

Второй значимой проблемой является неясность в вопросе о том, что именно подлежит регулированию в сфере технологий искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники в здравоохранении. На сегодняшний день существует множество различных ИИ-приложений, начиная от диагностики заболеваний и заканчивая автоматизацией административных процессов. Каждая из этих областей может требовать уникальных подходов к регулированию. Отсутствие четкого определения того, что именно следует контролировать, может привести к правовым пробелам и неопределенности как для разработчиков технологий, так и для медицинских учреждений. Создание универсальных правил, охватывающих все аспекты использования ИИ и робототехники, является сложной задачей, поскольку эта область стремительно развивается, и новые технологии постоянно появляются на рынке.

Крайне важно разработать стандарты, регулирующие применение ИИ в медицине, учитывая разнообразие его приложений и их влияние на пациентов и медицинский персонал. В центре внимания должны быть принципы безопасности, эффективности и этики. Одним из решений может стать создание критериев для классификации ИИ-приложений по уровням риска и соответствующим требованиям.

Этические вопросы, связанные с применением ИИ в медицине, также заслуживают особого внимания. Алгоритмы могут проявлять предвзятость, если они обучаются на данных, содержащих системные ошибки или предрассудки, что может привести к дискриминации отдельных групп пациентов и неравномерному доступу к качественным медицинским услугам. Законодательство должно учитывать этические аспекты использования ИИ, чтобы избежать разницы в уровне медицинского обслуживания. Важно, чтобы разработки и тестирование ИИ-систем проводились на основе разнообразных и репрезентативных данных.

Взаимодействие медицинских работников и искусственного интеллекта вызывает ряд вопросов и разногласий. Хотя большинство специалистов поддерживают использование ИИ в медицинской практике, они подчеркивают, что окончательное решение всегда должно оставаться за врачом. Искусственный интеллект должен выступать в роли помощника, но не заменять врача, как отметил спикер Государственной думы Вячеслав Володин на заседании в мае 2024 года [1]. Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в медицинскую сферу трансформирует традиционные методы взаимодействия между медицинскими специалистами и технологическими решениями. Врачи должны быть готовы к сотрудничеству с ИИ-системами, что требует как технической, так и психологической адаптации. На практике это может вызвать сопротивление со стороны медицинского персонала, который может опасаться утраты своей роли в процессе лечения. Кроме того, необходимо разработать четкие рекомендации по использованию ИИ в клинической практике, чтобы минимизировать потенциальные риски и повысить эффективность медицинских услуг.

Вопросы юридической ответственности за ущерб, причиненный с помощью медицинского оборудования, оснащенного искусственным интеллектом (ИИ), включая роботов-помощников, диагностические системы и другие технологии, остаются нерешенными. В частности, до сих пор неясно, кто должен нести ответственность в случае причинения вреда пациенту при использовании ИИ в медицинской практике. Это могут быть оператор ИИ, его разработчик, производитель или, в случае несанкционированного вмешательства, лицо, которое осуществило такие действия. Поскольку юридическая ответственность регулируется законом, необходимо разработать нормативно-правовую базу, которая будет определять порядок применения гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности за причинение вреда пациенту с использованием ИИ. Важно, чтобы ответственность была установлена как для операторов, разработчиков и производителей, так и для лиц, осуществивших несанкционированное вмешательство в работу ИИ.

Таким образом, требуется создать систему правового регулирования, которая будет четко определять, кто и в каких случаях несет ответственность за ущерб, причиненный пациенту с помощью медицинских технологий на базе ИИ. В большинстве стран мира на данный момент не существует четких законодательных норм, регулирующих ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом или робототехникой. Основной правовой подход ос-

новывается на принципе вины, который предполагает наличие прямой или косвенной ответственности за действия, приведшие к ущербу.

В ряде стран начали активно обсуждать необходимость принятия законодательных актов, регулирующих использование искусственного интеллекта (ИИ). Одним из предложений стало введение особого правового статуса для ИИ-систем, который позволил бы им нести ответственность за вред, причиненный их действиями. Однако такие инициативы вызывают сомнения, поскольку основная ответственность должна возлагаться на людей: разработчиков, владельцев или пользователей соответствующих технологий.

Одна из серьезных проблем заключается в том, что многие алгоритмы искусственного интеллекта функционируют как непрозрачные системы, что затрудняет понимание и обоснование принятых ими решений. Это создает сложности при определении ответственности за ошибки. С развитием искусственного интеллекта и робототехники возникает необходимость в разработке четких правовых норм, которые будут регулировать ответственность за причинение вреда. Практика показывает, что решение вопроса о том, кто должен нести ответственность, является сложным и во многом зависит от конкретных обстоятельств дела. Важно продолжать работу над созданием правовых рамок, чтобы защищать права граждан и стимулировать инновации в области технологий.

Таким образом, традиционные правовые нормы не всегда могут быть применимы к искусственному интеллекту, что приводит к правовой неопределенности. Возможно, потребуется разработка новых законов и нормативных актов, которые будут четко определять ответственность в таких ситуациях. Эта проблема становится особенно актуальной, учитывая растущее доверие к искусственному интеллекту со стороны медицинских работников и пациентов.

Список источников

1. Грошева М. Володин и Мурашко поспорили о роли искусственного интеллекта в медицине // РБК. 14 мая 2024 г. URL: https://www.rbc.ru/society/14/05/2024/66434d0b9a79477a5b93fec6 (дата обращения: 09.09.2025).

2. Еремеева П. А. Особенности применения цифровых технологий в здравоохранении. URL: https://doi.org/10.17747/2311-7184-2020-8-223-227 (дата обращения: 09.09.2025).

3. Лапина М. А. Организационно-правовые и финансовые аспекты цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта в области здравоохранения. URL: https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-169-185 (дата обращения: 09.09.2025).

4. Об основах охраны здоровья граждан в РФ : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. : с изм. от 26 сент. 2024 г. // Официальный сайт Правительства России. URL: http://government.ru/docs/all/100186/ (дата обращения: 11.09.2025).

5. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения: Распоряжение Правительства РФ от 17 апр. 2024 г. № 959-р. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404190016 (дата обращения: 09.09.2025).

6. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102922469&backlink=1&&nd=102801499 (дата обращения: 11.09.2025).

7. Уведомление Управления киберпространства Китая о публичном запросе мнений по «Мерам по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта (проект для комментариев)». URL: https://goo.su/WpMtaE (дата обращения: 11.09.2025).

8. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»: с изменениями от 24 июня 2025г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 11.09.2025).

УДК 347.78

Малякин Сергей Максимович
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
malyakins04@gmail.com

Ганжа Наталья Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
n_ganzha@kosgos.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Стриминговые сервисы: правовая неопределенность и риски

Аннотация. *Настоящая статья направлена на исследование актуальной проблемы недостаточной юридической определенности правового режима стриминга в российском законодательстве. Анализируются причины возникновения данной проблемы, рассматривается пробел в правовом регулировании стриминговых платформ, предлагаются возможные пути его разрешения путем совершенствования законодательной базы.*

Ключевые слова: *законодательство, нормы, регулирование стриминга.*

© Малякин С. М., Ганжа Н. В., Хлестакова Л. А.,2025

Malyakin Sergey Maksimovich
Student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna
candidate of pedagogical sciences
associate professor of the department
of civil law disciplines Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Streaming services: legal uncertainty and risks

Annotation. *This article aims to address the current issue of insufficient legal certainty in the legal regime of streaming in Russian legislation. It analyzes the causes of this problem, examines the gap in the legal regulation of streaming platforms, and suggests possible solutions through the improvement of the legislative framework.*

Keywords: *legislation, norms, regulation of streaming.*

Актуальность изучения проблемы недостаточной юридической определенности режима стриминга обусловлена быстрым развитием цифровых технологий, растущим числом пользователей и увеличением частоты нарушений авторских прав. По данным Ассоциации коммуникационных агентств России за 2023 год, количество активных пользователей стриминговых платформ в России превысило 80 млн человек, что составляет около половины населения страны. Это свидетельствует о массовом распространении стримингового потребления среди россиян. Согласно отчету Российского союза правообладателей, ежегодно объем потерь из-за пиратства в сфере онлайн-контента достигает порядка 1 млрд долларов [7]. Основной причиной являются нарушения авторских прав, особенно в сегменте музыкальных, видео и других стримингов. Глобализация стриминговых сервисов требует международно-правовой координации и гармонизации норм, обеспечивая защиту интеллектуальной собственности. Финансовые аспекты, такие как налогообложение и борьба с уклонениями, приобретают особую значимость в связи с высоким доходом стримеров и платформ. Наконец, важнейшей задачей остается достижение баланса интересов всех участников процесса, гарантирующего равноправие и эффективность отрасли. Таким образом, исследование данной проблемы крайне актуально для формирования адекватной правовой базы, отражающей современные технологические тенденции и экономические реалии.

Вопрос недостаточной юридической определенности режима стриминга активно изучался различными учеными-юристами и специалистами в области авторского права.

В. Б. Лазарев подчеркивал важность выработки самостоятельного правового режима для стриминга, утверждая, что традиционные институты авторско-

го права (такие как «распространение», «публичное исполнение») недостаточны для отражения всей полноты технологических процессов, используемых современными стриминговыми платформами. По его мнению, требуется создание особой лицензии именно для стриминга, что позволит устранить неопределенность в правоприменительной практике и упростит заключение соглашений с правообладателями и исполнителями. [4, с. 147]. Т. П. Краснобаева отметила, что стриминг принципиально отличается от привычных способов использования объектов авторского права, таких как приобретение физических копий или загрузка файлов. Она предложила ввести специальное понятие «право на дистанционное взаимодействие», которое охватывало бы формы взаимодействия пользователей с объектами интеллектуальной собственности, не подразумевающие формирование локального экземпляра. Такой подход позволил бы более гибко регулировать отношения, возникающие вокруг стриминга [3, с. 116]. П. В. Морозов обратил внимание на международную практику регулирования стриминга и предложил российским законодателям заимствовать положительный опыт зарубежных стран, таких как США и Германия, где предусмотрены специальные правила лицензирования стриминговых сервисов. Это могло бы послужить основой для разработки аналогичных механизмов в отечественном законодательстве [5, с. 96].

Данная статья посвящена исследованию одной из ключевых проблем современного российского права – недостаточной юридической определенности режима стриминга. Главная сложность заключается в отсутствии ясности относительно квалификации действий пользователей и провайдеров стриминговых сервисов.

Стриминг – это механизм предоставления удаленного доступа к цифровым объектам интеллектуальной собственности в режиме реального времени. Вместе с тем активное распространение стриминга порождает юридические трудности, обусловленные отсутствием точного регулирования соответствующих правоотношений в российском праве [2, с. 102].

Так, в соответствии с информацией с официального сайта судов общей юрисдикциг. Москвы, Арбитражный суд Москвы рассматривал дело А40-452982/2024 о нарушении авторских прав в результате трансляции концерта музыканта через стриминговую платформу. Хотя истец утверждал, что стример нарушил исключительные права, суд пришел к выводу, что отсутствует прямое регулирование стриминга в законе, и отказал в удовлетворении иска, сославшись на отсутствие состава правонарушения [6].

Анализ судебной практики показывает, что суды часто отказывают истцам в аналогичных делах еще до начала основного судебного рассмотрения ввиду отсутствия прямого законодательного регулирования стриминга и нарушения конкретных правовых норм.

Правоприменительная практика показывает, что стриминг остается вне поля эффективного правового регулирования, несмотря на значительный рост числа участников данных правоотношений. Поэтому изучение особенностей правовой природы стриминга представляется важным направлением научных

исследований, позволяющим предложить эффективные меры по устранению пробелов действующего законодательства.

Основной проблемой является недостаточность юридической определенности применительно к действиям пользователей и стриминговых платформ. Пользователи зачастую действуют интуитивно, полагаясь на доступность тех или иных сервисов, однако остаются неясными критерии квалифицируемости отдельных видов действий потребителей и поставщиков стриминговых услуг.

Во-первых, стриминг сложно однозначно квалифицировать в рамках существующего правового механизма распределения интеллектуальных прав. Согласно нормам Гражданского кодекса РФ [1], стриминг мог бы рассматриваться как разновидность общественного исполнения либо системы распространения экземпляров произведения. Вместе с тем ни одна из указанных категорий не отражает в полной мере специфики стриминга.

Во-вторых, недостаточно разработан правовой инструментарий, позволяющий точно классифицировать действия пользователей, осуществляющих просмотр или прослушивание контента через стриминг. Из-за отсутствия конкретной нормы, определяющей статус подобного способа доступа к результатам творчества, судебная практика сталкивается с проблемами правильной квалификации конкретных ситуаций.

Наконец, важной частью вопроса выступает лицензирование деятельности стриминговых сервисов. Отсутствие единого порядка лицензирования ведет к разночтениям в толковании договорных условий и оставляет пространство для злоупотреблений правами третьих лиц.

В целях устранения существующей правовой неопределенности и адаптации российского законодательства к современным условиям распространения цифрового контента предлагаем внести изменения в Гражданский кодекс РФ.

Следует дополнить Гражданский кодекс РФ статьей 1286.2 следующего содержания:

«Ст. 1286.2. Стриминг как форма распространения объектов авторских и смежных прав.

1. Стриминг – форма дистанционного интерактивного доступа пользователя к объекту авторского права или смежных прав посредством сетей связи общего пользования, осуществляемая без формирования полного локального экземпляра на устройстве потребителя, а исключительно в режиме последовательной обработки потока данных в реальном времени.

2. Распространение произведений и объектов смежных прав через стриминг осуществляется на основании специальной разрешительной лицензии, выданной соответствующим органом исполнительной власти».

Предложенные изменения направлены на устранение существующих правовых пробелов и защиту законных интересов правообладателей, создателей и распространителей контента. Законодательно закрепленное понятие «стриминг» позволит четко определять круг субъектов, осуществляющих подобную деятельность, и устанавливать обязательные требования к ним. Новая норма повысит прозрачность правоотношений и обеспечит контроль над соблюдением установленных стандартов охраны авторских и смежных прав.

Принятие указанных поправок станет значительным шагом вперед в деле совершенствования отечественного законодательства и создаст необходимые предпосылки для устойчивого развития сектора цифровых медиа и развлекательных услуг в России.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.09.2025).

2. Александров А. А., Афанасьев Н. В. Авторско-правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности в цифровую эпоху // Вестник Пермского университета. Серия: Юриспруденция. 2023. № 1. С. 87–103.

3. Краснобаева Т. П. Использование цифровых технологий в стриминге и защита авторских прав // Современное право. 2022. № 8. С. 109–122.

4. Лазарев В. Б. Защита интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: проблемы стриминга и смежных явлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 145–159.

5. Морозов П. В. Основные направления реформирования законодательства о стриминге в России // Право и экономика. 2022. № 10. С. 89–101.

6. Арбитражный суд города Москвы. URL: https://msk.arbitr.ru/?id_sec=348 (дата обращения: 02.09.2025).

7. Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР). URL: https://akarussia.ru/research(дата обращения: 02.09.2025).

УДК 343.16:004

Махмудов Мурад Камильевич
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
murad.makhmudov.05.ru@mail.ru

Пивоваров Кирилл Максимович
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
kirillpivovarov04@mail.ru

Проблемы цифровизации следственной и прокурорской деятельности

Аннотация. *Цифровизация следственной и прокурорской деятельности является важным направлением развития правоохранительной системы, способствующим повышению оперативности расследований, улучшению взаимодействия государственных структур и обеспечению защиты данных. Внедрение современных технологий, включая искусственный интеллект, анализ больших данных и автоматизированные системы, позволяет оптимизировать процессы сбора, хранения и обработки информации. Однако цифровая трансформация сопровождается рядом проблем: нехваткой технических ресурсов, правовой неопреде-*

© Махмудов М. К., Пивоваров К. М., 2025

ленностью и дефицитом квалифицированных кадров. Решение этих вопросов требует совершенствования законодательства, модернизации инфраструктуры и развития международного сотрудничества, что обеспечит прозрачность и эффективность работы правоохранительных органов в цифровую эпоху.

***Ключевые слова**: прокурорская деятельность, искусственный интеллект, программное обеспечение, правоохранительная система, цифровая информация, цифровая трансформация.*

Makhmudov Murad Kamilevich
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Pivovarov Kirill Maksimovich
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Problems of digitalization of investigative and prosecutorial activities

***Annotation.** Digitalization of investigative and prosecutorial activities is an important area of development of the law enforcement system, contributing to the increase in the efficiency of investigations, improvement of interaction between government agencies and ensuring data protection. The introduction of modern technologies, including artificial intelligence, big data analysis and automated systems, allows optimizing the processes of collecting, storing and processing information. However, digital transformation is accompanied by a number of problems: lack of technical resources, legal uncertainty and shortage of qualified personnel. The solution to these issues requires improving legislation, modernizing infrastructure and developing international cooperation, which will ensure transparency and efficiency of law enforcement agencies in the digital era.*

***Keywords:** prosecutorial activity, artificial intelligence, software, law enforcement system, digital information, digital transformation.*

Актуальность темы цифровизации в правоохранительной системе обусловлена стремительным развитием информационных технологий, которые трансформируют различные сферы жизни, в том числе и правоохранительную деятельность. В условиях глобальных изменений, роста числа правонарушений и увеличения информационных потоков, применение цифровых технологий становится важным элементом в повышении эффективности работы правоохранительных структур. Внедрение цифровых решений в деятельность следственных и надзорных органов способствует ускорению расследований, упрощает координацию между государственными учреждениями и обеспечивает надежную защиту информации, что ведет к более точному и справедливому правосудию.

Цифровые технологии в работе правоохранительных органов включают использование современных информационных и коммуникационных технологий для обработки, хранения, анализа и передачи информации. Это касается не только автоматизации стандартных задач – таких как ведение электронных дел или учет нарушителей – но и внедрения более продвинутых систем на базе ИИ и анализа больших массивов данных. Важное значение приобретает изменение привычных форм взаимодействия как внутри правоохранительных структур, так и с судами, адвокатами и другими участниками правовой системы.

Преобразования следственной и прокурорской деятельности, связанные с использованием цифровых технологий, а также изменение, в связи с этим правового регулирования, А. Ю. Чурикова справедливо относит к цифровой трансформации [8, с. 64]. Цифровизация же – это использование цифровых технологий с целью автоматизации деятельности, повышения ее эффективности, но без существенного изменения порядка ее осуществления [8, с. 63].

Применение цифровых решений в работе следственных и надзорных органов существенно увеличивает продуктивность их деятельности. Современные ИТ-системы обеспечивают оперативную обработку большого количества данных, что сокращает сроки расследования и ведения дел. Автоматизация упрощает анализ материалов, подготовку отчетов и оформление процессуальных документов, уменьшая роль субъективного влияния и снижая риск неточностей. Цифровые инструменты повышают точность и надежность доказательственной базы. Использование технологий видеофиксации, анализа цифровых следов, электронных материалов и экспертных исследований делает сбор информации более объективным и проверяемым.

Информационные решения также улучшают координацию между участниками уголовного процесса. Электронные системы обмена данными между следственными структурами, прокуратурой и судами позволяют быстрее направлять запросы, согласовывать действия и принимать решения, что способствует более оперативному реагированию и эффективному пресечению противоправных деяний [9, с. 199].

Переход правоохранительных структур к цифровым технологиям отражает общемировую тенденцию, предполагающую стандартизированный подход к внедрению ИТ-инструментов. Международные институты, включая ООН и Интерпол [5, с. 23] разрабатывают методические материалы, направленные на согласование цифровых решений и обеспечение совместимости информационных систем разных стран. Европейский Союз и другие интеграционные объединения внедряют законодательные инициативы, направленные на создание общих норм обмена электронными доказательствами, защиту персональных данных и повышение эффективности взаимодействия между правоохранительными структурами. Современные тенденции в данной сфере включают применение облачных технологий, искусственного интеллекта, анализа больших данных и блокчейна, что формирует новые подходы к обработке информации и обеспечивает более высокий уровень безопасности.

Несмотря на преимущества цифровизации, следственная деятельность сталкивается с рядом проблем, связанных с техническими и инфраструктурными ограничениями. Многие подразделения не располагают современным оборудованием, необходимым для сбора и анализа цифровых доказательств [4]. В отдельных регионах низкая скорость интернет-соединения препятствует полноценному функционированию онлайн-баз данных и ограничивает удаленный доступ к информационным системам. Кроме того, несовершенство программного обеспечения, отсутствие его масштабируемости и проблемы с защитой данных приводят к дублированию функций и затрудняют межведомственное взаимодействие.

Одной из серьезных угроз остается обеспечение кибербезопасности. Масштабные атаки на серверы правоохранительных органов могут поставить под угрозу целостность важных данных, а утечки конфиденциальной информации наносят ущерб доверию общества к системе правосудия. В то же время нормативно-правовая база не всегда соответствует современным вызовам, поскольку технологии развиваются быстрее, чем законодательство, что порождает правовую неопределенность при использовании цифровых доказательств в судебных процессах [6, с. 102].

Дополнительной проблемой является нехватка специалистов, обладающих компетенциями в области цифровых технологий [7, с. 210]. Современные следственные органы нуждаются в профессионалах, способных работать с системами анализа данных, киберэкспертизой и обеспечением безопасности цифровой информации. Однако существующая система подготовки кадров не всегда соответствует этим требованиям, а программы переподготовки сотрудников правоохранительных органов развиваются недостаточно динамично.

Важную роль в цифровизации играет повышение скорости обмена данными между различными государственными структурами. Автоматизированные платформы позволяют оперативно направлять запросы и получать необходимую информацию, что повышает эффективность расследований. Внедрение единого информационного пространства способствует улучшению координации между ведомствами и исключает дублирование данных. Однако с ростом объема цифровой информации возникает риск информационной перегрузки, что требует разработки эффективных алгоритмов фильтрации и анализа данных [2, с. 35].

Не менее сложными остаются вопросы цифровизации прокурорской деятельности. Интеграция информационных систем сталкивается с проблемами несовместимости программных решений, правовыми ограничениями на передачу данных и отсутствием единых стандартов хранения и обработки информации. Все это усложняет процесс контроля за соблюдением законности в ходе следствия и может замедлять прокурорские проверки.

Вопросы защиты персональных данных и соблюдения прав граждан становятся особенно актуальными в условиях цифрового мониторинга. Расширение возможностей сбора и анализа информации создает дополнительные риски вмешательства в частную жизнь, что требует строгого соблюдения принципа соразмерности при использовании новых технологий. Необходимо учитывать не только юридические, но и этические аспекты, чтобы предотвратить злоупотребления и нарушения прав человека [1, с. 47].

Цифровизация следственной и прокурорской деятельности открывает широкие возможности для автоматизации процессов, повышения прозрачности работы правоохранительных органов и совершенствования системы правосудия. Внедрение искусственного интеллекта и технологий обработки больших данных позволяет ускорить анализ информации, выявлять ключевые закономерности и прогнозировать потенциальные риски [3, с. 89]. Современные системы обработки текстов и документов значительно сокращают время на анализ массивов данных, автоматически обнаруживая важные детали, которые могут

повлиять на ход расследования. Использование машинного обучения способствует выявлению трендов в преступности, позволяя следственным органам эффективнее распределять ресурсы и оперативно реагировать на возникающие угрозы. Роботизация рутинных процедур снижает нагрузку на сотрудников правоохранительных структур, исключая человеческий фактор при выполнении однотипных задач и повышая точность работы.

Развитие цифровых технологий способствует формированию более прозрачной и подотчетной системы правосудия. Введение электронных реестров и автоматизированных систем мониторинга решений позволяет обществу получать доступ к информации о ходе расследований, соблюдая при этом требования конфиденциальности. Создание онлайн-платформ для взаимодействия с гражданами упрощает процесс подачи жалоб, обращений и запросов, позволяя людям получать юридическую помощь дистанционно. Кроме того, цифровые инструменты контроля помогают фиксировать все процессуальные действия и решения, снижая вероятность коррупционных схем и неправомерных манипуляций с материалами дел.

В будущем значительное влияние на процесс цифровизации окажут государственно-частные партнерства, способствующие разработке инновационных решений для правоохранительных структур. Частные компании активно внедряют передовые технологии в сфере анализа данных, кибербезопасности и автоматизированных систем управления процессами. Вместе с этим возрастает потребность в квалифицированных кадрах, обладающих не только юридическими знаниями, но и компетенциями в сфере информационных технологий. Подготовка таких специалистов становится приоритетной задачей, так как без них невозможно эффективно реализовывать цифровые инициативы. Международное сотрудничество также играет важную роль, поскольку борьба с преступностью, особенно в киберпространстве, требует координации усилий разных государств и обмена технологиями.

Несмотря на перспективы цифровизации, процесс ее внедрения сопровождается рядом сложностей. Одной из ключевых проблем остается техническое оснащение правоохранительных органов, поскольку не все подразделения располагают необходимыми ресурсами для закупки современного оборудования и программного обеспечения. Также актуальной остается проблема нормативно-правового регулирования, так как технологии развиваются быстрее, чем законодательство, что создает неопределенность в области защиты персональных данных и допустимости цифровых доказательств. Нехватка специалистов в сфере IT-решений и кибербезопасности также является серьезным препятствием на пути цифровой трансформации.

Для преодоления этих проблем необходимо совершенствование законодательной базы, позволяющее урегулировать использование цифровых инструментов и установить четкие правила работы с электронными данными. Важным шагом является повышение квалификации кадров через образовательные программы, курсы и специализированные стажировки, направленные на развитие компетенций в области цифровых технологий. Существенную роль играет модернизация технической инфраструктуры, включающая инвестиции в оборудо-

вание, программное обеспечение и защиту информационных систем. Важным направлением остается и международное взаимодействие, позволяющее заимствовать передовой опыт, адаптировать лучшие практики и внедрять эффективные цифровые механизмы в работу правоохранительных органов.

Цифровая трансформация следственной и прокурорской деятельности оказывает позитивное влияние на правовую систему в целом. Она способствует более справедливому и оперативному судопроизводству, делает процессы прозрачными и понятными для граждан, а также снижает вероятность судебных ошибок. Внедрение цифровых решений позволяет не только повысить эффективность работы правоохранительных структур, но и укрепить доверие общества к правосудию, обеспечивая высокий уровень защиты прав граждан в условиях развития цифрового общества.

Список источников

1. Аверин А. В. Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2023. № 2. С. 45–52.

2. Власов А. Н., Сидорова Е. Ю. Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов: современные вызовы и тенденции // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8(220). С. 34–41.

3. Гребенников П. В. Использование искусственного интеллекта в следственной деятельности: правовые аспекты // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 87–95.

4. Захаров Д. М. Проблемы правового регулирования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. 2021. № 3. С. 112–119.

5. Комарова Л. А. Международные стандарты цифровизации правоохранительных органов и их влияние на национальное законодательство // Международное публичное и частное право. 2022. № 6. С. 21–28.

6. Миронов О. Б. Кибербезопасность в следственных органах: современные угрозы и механизмы защиты // Криминологический журнал. 2023. № 4. С. 99–107.

7. Чурикова А. Ю. Проблемы цифровизации российского уголовного процесса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6(143). С. 209–216.

8. Чурикова А. Ю. Цифровая трансформация уголовно-процессуальной деятельности // Законность. 2024. № 2(1072). С. 62–66.

9. Чурикова А. Ю. Электронный документооборот в уголовном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 197–201.

УДК 343.34

Мирный Даниил Сергеевич
аспирант, Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)
г. Москва, Российская Федерация
79260658027@yandex.ru

О соотношении механизмов превенции и уголовного преследования «телефонного мошенничества»

Аннотация. *В настоящее время такое преступное явление, как «телефонное мошенничество», глубоко проникло в жизнь российского общества. Закономерно, что государство нуждается в выработке и реализации дополнительных мер, составляющих политику противодействия указанному явлению. Вместе с тем, при выработке такой политики требует решения вопрос о соотношении, с одной стороны, административных механизмов (к примеру, технических мероприятий по блокированию трафика), а с другой – уголовно-правовых механизмов противодействия (прежде всего, привлечения к ответственности в рамках главы 28 УК РФ). Автором предпринимается попытка анализа эффективности названных механизмов. По итогам анализа даны рекомендации по дальнейшему совершенствованию государственной политике по противодействию «киберпреступности».*

Ключевые слова: *телефонное мошенничество, фрод, уголовная политика.*

Mirnyi Daniil Sergeevich
postgraduate student, All-Russian State University of
Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russian Federation)
Moscow, Russian Federation

On improving criminal liability for unlawful impact on critical information infrastructure in the field of communications

Annotation. *Currently, such a criminal phenomenon as "telephone fraud" has penetrated deeply into the life of Russian society. Naturally, the state needs to develop and implement additional measures that constitute a policy to counter this phenomenon. At the same time, when developing such a policy, the issue of the relationship between, on the one hand, administrative mechanisms (for example, technical measures to block traffic), and, on the other, criminal law counteraction mechanisms (first of all, prosecution under Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation) must be resolved. The author attempts to analyze the effectiveness of these mechanisms. Based on the results of the analysis, recommendations are given for further improvement of the state policy on countering "cybercrime".*

Keywords: *telephone fraud, fraud, criminal policy.*

В условиях современной цифровой экономики необходимым условием нормальной хозяйственной деятельности предприятий и организаций выступает получение современных услуг связи. Создаваемая, посредством таких услуг, возможность высокоскоростной передачи данных, включая передачу голосового трафика на значительные расстояния по сетям мобильной связи, позволяет

© Мирный Д. С., 2025

значительно повысить эффективность течения управленческих процессов – на предприятии, в отрасли, в механизмах реализации государственной власти.

Вместе с тем, развитие и масштабирование новых коммуникационных технологий как в России, так и за рубежом сопровождается неизбежным ростом угроз для цифровой экономики. С годами возрастают не только число случаев преступного воздействия на информационную инфраструктуру, но и количество иных преступлений, для совершения которых используются коммуникационные технологии.

Во многом рост преступной активности обуславливается глубоким проникновением коммуникационных технологий в жизнь современного человека. Если 10 лет назад сервисы мгновенного обмена сообщениями (так называемые «мессенджеры») оставались исключительно каналами межличностного общения для энтузиастов, то сегодня мессенджеры служат источниками новостей, торговыми площадками, а также средством повседневного общения для миллионов россиян. По приблизительной оценке, только в прошедшем году более 60 млн граждан использовали иностранные сервисы обмена сообщениями на регулярной основе [2]. Кроме того, прочно вошло в жизнь россиян использование мобильной связи: в 2024 году число отечественных абонентов подвижной радиотелефонной связи превысило 260 млн [7].

Нетрудно видеть, какой спектр возможностей представляет использование современных коммуникационных технологий для преступников. Говоря об использовании подобных технологий в противоправных целях, следует иметь в виду прежде всего такого преступное явление, как «телефонное мошенничество». О значительных масштабах и высокой общественной опасности этого явления в последние годы говорилось многое. Для уяснения названных особенностей, характеризующих потребность в противодействии «телефонному мошенничеству», достаточно подчеркнуть лишь размер ущерба, причиняемого им – по данным Генпрокуратуры, только за прошедший год он оценивался в 200 млрд рублей [3].

Не вдаваясь глубоко в сущность этой комплексной проблемы, позволим себе указать на ряд факторов, поддерживающих ее существование.

Не в последнюю очередь высокая привлекательность коммуникационных технологий для нужд «телефонных мошенников» обусловлена тем, что применение ряда этих технологий возможно в отсутствие достоверной идентификации пользователя, сведения о котором могут передаваться оператору связи, коммуникационному сервису в неполном объеме, либо быть заведомо подложными (искаженными).

Во-первых, значительную распространенность в преступных схемах на территории Российской Федерации имеет так называемая «аренда аккаунтов» – случаи передачи за денежное вознаграждение информации, необходимой для идентификации (аутентификации) пользователей мессенджеров. Получив доступ к арендуемому аккаунту на краткосрочный период (как правило, не более нескольких часов), злоумышленники, действующие под видом владельца аккаунта, реализуют объективную сторону различных преступных деяний – к примеру, делают заведомо ложные сообщения об актах терроризма. Только в янва-

ре – августе 2025 г. правоохранительные органы зафиксировали свыше 52 тысяч случаев использования мессенджеров в преступных целях [5].

Во-вторых, повсеместный характер в последние годы имеет применение в преступных целях услуг связи, оказываемых с использованием отдельных технологий, которые позволяют одновременно инициировать большое количество телефонных вызовов (вплоть до тысяч), а также скрывать (искажать) данные о пользователе. Речь идет об абонентских терминалах пропуска трафика (более известных как «SIM-боксы»), а также об автоматических телефонных станциях («виртуальных АТС»). Способствует использованию указанных технологий в преступных целях недостаточный, на текущий момент, уровень соответствующего регулирования, демонстрируемый законодательством в области связи.

Принимая во внимание указанные факторы, у государства возникает потребность, в рамках реализации современной уголовной политики, осуществлять мероприятия, направленные на пресечение наиболее распространенных каналов использования коммуникационных технологий в преступных целях.

Известно, что уголовная политика может быть представлена как система принципов, предписаний и мероприятий, в совокупности характеризующих отношение государства к преступности [1, с. 133]. Не вызывает сомнений, что содержанием такой политики должны выступать как механизмы привлечения к ответственности, так и механизмы превенции преступных деяний. Не является исключением и линия государства на противодействие «телефонному мошенничеству».

Имея в виду потребность в выработке наиболее эффективной уголовной политики, возникает необходимость соотношения эффективности названных механизмов.

К превентивным мерам здесь могут быть отнесены организационно-технические мероприятия, направленные на ограничение технической возможности оказания услуг связи, услуг по пропуску трафика, а также использование информационных ресурсов в нарушение законодательства. Говоря о таких мероприятиях, необходимо иметь в виду прежде всего создание и эксплуатацию специальных государственных информационных систем (ресурсов), позволяющих обеспечивать исполнение требований законодательства в области связи, а также в области информационных технологий.

В свою очередь, к мерам ответственности надлежит относить механизмы уголовного и административно-правового преследования, которое осуществляется на основании норм особенной части уголовного и административного законов, конструирующих ответственность за нарушение положений профильного законодательства [4, с. 228].

Соотношение названных механизмов демонстрирует, что они обладают различной эффективностью. Об этом свидетельствует, прежде всего, количество времени, необходимого для их реализации, а также характер негативных последствий, наступающих для объекта воздействия.

Наибольшей оперативностью в названном ряду обладает реализация организационно-технических мероприятий, направленных на пресечение доступа к услугам связи, услугам по пропуску трафика, коммуникационным сервисам.

Так, создаваемая Роскомнадзором и подведомственным ему ФГУП «Главный радиочастотный центр» с 2019 г. система централизованного управления сетью связи общего пользования позволяет, посредством оборудования технических средств противодействия угрозам (ТСПУ), осуществлять фильтрацию и блокирование (замедление) интернет-трафика, представляющего угрозу. Среди примеров таких угроз можно назвать, к примеру, доступ к информации, распространение которой на территории Российской Федерации ограничивается, а также доступ к информационным ресурсам, позволяющим арендовать абонентские номера без должной идентификации с целью последующего совершения вызовов [6].

Ограничение трафика реализуется централизованно, во внепроцессуальном порядке, вводится одновременно на всей территории Российской Федерации, подлежит постоянному контролю уполномоченными органами в режиме реального времени, имеет неограниченный срок действия. Таким образом, обеспечивается оперативная превенция ряда каналов использования коммуникационных технологий в преступных целях.

С другой стороны, исполнение мер подобного рода требует длительной подготовки. Указанная подготовка выражается, с одной стороны, в достаточно длительном законодательном процессе, позволяющем создать нормативную основу для реализации организационно-технических мероприятий, а с другой стороны – в процессах изыскания средств, проектирования, построения и ввода в эксплуатацию соответствующих информационных систем, что также требует немало времени.

Кроме того, реализация организационно-технических мероприятий всегда сталкивается с проблемой их обхода, вызываемой непрерывным изменением коммуникационных технологий, а также адаптацией механизмов преступной деятельности. Следовательно, само содержание таких мероприятий обречено на постоянную трансформацию, включающую модификацию и доумощнение применяемых информационных систем, что, ввиду отмеченных ранее факторов, также не всегда поспевает за преступными тенденциями.

Следовательно, применение организационно-технических мероприятий само по себе не является достаточным для эффективной превенции актов «телефонного мошенничества».

Для сравнения, привлечение лица к уголовной ответственности за несоблюдение требований законодательства в области связи (к примеру, по ст. 274.3 УК РФ), не требует изыскания дополнительных финансовых средств, а также создания специальных информационных систем. Кроме того, состояние судимости налагает на лицо достаточно значимые ограничения (вплоть до лишения свободы, а также социального остракизма), которые, как правило, не могут быть легко обойдены с целью продолжения преступной деятельности.

В то же время действия в рамках уголовного процесса, как правило, занимают длительное время, сопряженное не только с доказыванием, но и с судебным рассмотрением уголовного дела. Дополнить временные издержки вполне способно и исполнение наказания. Нельзя также не отметить, что процессуальный порядок требует достаточных оснований для начала уголовного

судопроизводства, которые не всегда могут быть получены оперативно и впоследствии подкреплены необходимым объемом доказательств, принимая во внимание техническую сложность преступных механизмов при «телефонном мошенничестве».

Следовательно, применение мер уголовной ответственности также демонстрирует ограниченную эффективность в противодействии указанному явлению.

Отсюда приходим к выводу, что политика государства по противодействию «телефонному мошенничеству» должна исходить из комплексного подхода, подразумевающего взаимную компенсацию применяемых механизмов.

К примеру, оперативность организационно-технических мер позволяет компенсировать ощутимую длительность уголовного судопроизводства. С другой стороны, последствия судимости выступают противовесом для недостаточной эффективности организационно-технических мер, подверженных обходу злоумышленниками.

При этом в реальной действительности применение организационно-технические мер нередко сопровождается установлением корреспондирующей уголовной ответственности. В частности, если доступ к сервисам аренды абонентских номеров ограничивается в техническом порядке, то деятельность по обеспечению его функционированию – может квалифицироваться по статье 274.4 УК РФ.

Принимая во внимание особую социальную напряженность, вызываемую проблемой «телефонного мошенничества», демонстрируемый государством подход может быть не только поддержан, но и нуждается в дальнейшем расширении, имея в виду расширение инструментов как организационно-технического, так и уголовно-правового характера.

Список источников

1. Антонченко В. В. Оптимальная уголовная политика // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 1. С. 131–140.

2. Арялина М. Более 60 млн россиян ежедневно пользуются Telegram, «Вконтакте» – 55 млн. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/07/11/1049269-bolee-60-mln-rossiyan-ezhednevno-polzuyutsya-telegram(дата обращения: 16.09.2025).

3. Генпрокурор: Ущерб от телефонных мошенников гражданам составляет почти 200 млрд рублей. URL: https://www.pnp.ru/social/genprokuror-ushherb-ot-telefonnykh-moshennikov-grazhdanam-sostavlyaet-pochti-200-mlrd-rubley.html (дата обращения: 18.09.2025).

4. Мирный Д. С., Осипов Г. Л. О перспективных мерах государственной политики по противодействию использованию сетей связи и средств связи в преступных целях // Теория и практика общественного развития. 2025. № 6 (206). С. 226–232.

5. Немкин: в WhatsApp и Telegram совершено более 52 тыс. преступлений с начала года. URL: https://tass.ru/obschestvo/24784403 (дата обращения: 18.09.2025).

6. Правила централизованного управления сетью связи общего пользования, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2020 г. № 127. URL: https://base.garant.ru/73567870/ (дата обращения: 18.09.2025).

7. Рейтинг «Российский рынок телекоммуникаций: итоги 2024 года». URL: http://tmt-consulting.ru/napravleniya/telekommunikacii/tmt-rejting-rossijskij-rynok-telekommunikacij-predvaritelnye-itogi-2024-goda (дата обращения: 16.09.2025).

УДК 347.772

Потемкин Игорь Алексеевич
студент, Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
Igorpotemkin18@yandex.ru

Виды, функции и значение товарных знаков в условиях цифровизации

Аннотация. *Статья посвящена институту товарных знаков. Работа раскрывает значимость товарных знаков в современной экономике, подчеркивая их роль как инструмента индивидуализации товаров и услуг, защиты от недобросовестной конкуренции и повышения инвестиционной привлекательности бизнеса. Автор обращает внимание на рост количества регистрируемых товарных знаков в России и увеличение числа споров, связанных с их незаконным использованием, особенно в условиях развития цифровых технологий. Особое внимание уделяется таким явлениям, как киберсквоттинг и распространение контрафакта в Интернете, что требует совершенствования правового регулирования для эффективной защиты прав правообладателей.*

Ключевые слова: *товарный знак, индивидуализация, защита прав, цифровые технологии, недобросовестная конкуренция.*

Potemkin Igor Alekseevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Types, functions, and significance of trademarks in the context of digitalization

Annotation. *The article is devoted to the institution of trademarks. The work reveals the significance of trademarks in the modern economy, emphasizing their role as a tool for individualizing goods and services, protecting against unfair competition, and increasing the investment attractiveness of businesses. The author draws attention to the growing number of registered trademarks in Russia and the increasing number of disputes related to their illegal use, especially in the context of the development of digital technologies. Special attention is given to phenomena such as cyber squatting and the spread of counterfeit goods on the Internet, which require improved legal regulation to effectively protect the rights of copyright holders.*

Keywords: *trademark, individualization, protection of rights, digital technologies, unfair competition.*

© Потемкин И. А., 2025

В условиях глобализации и цифровизации экономики товарные знаки приобретают ключевое значение как инструмент индивидуализации товаров и услуг, защиты от недобросовестной конкуренции и повышения инвестиционной привлекательности бизнеса. В России ежегодно растет количество регистрируемых товарных знаков, что сопровождается увеличением числа споров, связанных с их незаконным использованием.

Особую актуальность теме придает развитие цифровых технологий, приводящее к новым формам нарушений, таким как киберсквоттинг (недобросовестная регистрация доменных имен, совпадающих с известными брендами) и распространение контрафакта в Интернете. В связи с этим необходимо совершенствование правового регулирования товарных знаков для обеспечения эффективной защиты прав правообладателей.

Согласно ст. 1477 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ), товарный знак – это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

Рассмотрим виды товарных знаков. Им посвящена ст. 1482 ГК РФ. В ней указывается, что в качестве товарного знака может быть зарегистрировано словестное, изобразительное, объемное и тому подобное обозначение. Итак, виды товарных знаков:

1. Словесный. Он может включать в себя наименование фирмы, хештег, слоган, адрес сайта, фамилию. Пример: «Тинькофф», «Яндекс».

2. Графический. Представляет собой логотип, картинку или какой-нибудь дизайн. Пример: значок человечка социальной сети «Одноклассники».

3. Комбинированный. В него входит и логотип, и название. Пример: «Газпром» (в названии компании содержится и логотип).

4. Объемный. Это может быть изображение товара, упаковки или персонажа мультфильма. Пример: персонаж Маши из мультфильма «Маша и Медведь».

5. Звуковой. Законодатель не запрещает регистрировать в качестве товарного знака звуки, звуковые заставки и тому подобное. Примером такого средства индивидуализации может служить заставка-приветствие для операционных систем Windows 7,8.

6. Цветовой. В качестве товарного знака, соответственно, будет выступать цвет или оттенок. Пример: цвет Pantone 300 CV является зарегистрированным оттенком логотипа «Газпрома».

7. Тактильный. Данный товарный знак представляет собой обозначение, выполненное шрифтом Брайля.

8. Обонятельный. Это знаки, представляющие собой специфические запахи, которые ассоциируются с определенной маркой или продуктом. Они используются для создания уникального образа бренда и повышения его узнаваемости (ароматы парфюмерии Victoria’s Secret).

Как мы видим, в качестве товарного знака можно зарегистрировать все что угодно, видов средств индивидуализации великое множество.

Обратимся к функциям товарных знаков. В юридической литературе они сформулированы достаточно нечетко. Большинство ученых-правоведов при-

держиваются точки зрения, что товарные знаки несут отличительную, гарантийную и рекламную функции [5].

В свою очередь, Э. П. Гаврилов также выделил культурно-просветительскую функцию [4]. А у Я. О. Лазарева в список функций средств индивидуализации входит: индивидуализирующая, рекламная, функция активации новых вложений [6]. Ученые в области экономических наук выделяют лишь три функции товарных знаков: отличительная, маркетинговая, охранительная [2]. А Д. В. Мазаев считает необходимым выделить дополнительно экономическую функцию [7].

Самой значимой функцией товарных знаков является отличительная функция (ее еще называют индивидуализирующей). Она заключается в том, что обозначения на средстве индивидуализации должны характеризоваться специфическими особенностями, позволяющими отличать аналогичные товары друг от друга. То есть, товарный знак не только акцентирует внимание на конкретном товаре, но и несет в себе информацию о продавце, позволяя покупателям ориентироваться при выборе его продукции.

Следующая функция, которую мы рассмотрим – это гарантийная. Для покупателя она заключается в том, что указанное на продукции средство индивидуализации гарантирует конкретный уровень качества товара, его особенности, характерные черты. А для продавца гарантийная функция – это экономическая ценность товара и стабильная потребность в нем со стороны покупателей.

На данный момент гарантийная функция не является первостепенной, а, к примеру, во время СССР большое значение имело именно качество товара, поэтому товарный знак в советское время сначала выполнял гарантийную функцию, а затем отличительную, рекламную и прочие [1].

Далее обратимся к защитной функции товарного знака. Она выражается в том, что зарегистрированный в установленном законом порядке товарный знак запрещает иным пользователям использовать его в коммерческих и иных целях без разрешения правообладателя. То есть само средство индивидуализации есть некий механизм защиты продавца от незаконного использования его бренда и недобросовестной конкуренции.

Большое значение имеет также рекламная функция. Покупатели, видя товар, получают о нем информацию через различные источники: реклама, чужой опыт и тому подобное. Проведя аналогию полученной информацией с личным опытом, формирую мнение как о самом товаре и его характеристиках, так и о его производителе. Хорошая узнаваемость товарного знака позволяет увеличить спрос на конкретный товар. Исходя из этого, товарный знак косвенно можно считать «лицом» товара. Он транслирует информацию о производителе продукции, ее характерных чертах, о качестве, технологии и способах производства и тому подобное [3].

Из рекламной функции вытекает репутационная функция. Ее суть в том, что товарный знак указывает на престиж не только продукции, но и ее производителя. Нередко встречаются ситуации, когда производитель внедряет в массы под своим брендом другие товары. В случае если у данного товарного знака хорошая репутация на рынке, это позволяет привлечь еще больше покупателей.

Зачастую, потребители, зная, что у конкретного производителя хорошая репутация и высококачественный товар, покупают продукцию даже по цене, выше среднерыночной.

Следующая функция, на которой мы остановимся – стимулирующая. На сегодняшний день продавцы товаров заинтересованы в создании уникальных товарных знаков, которые будут не только завлекать покупателей, но и служить мотивацией для покупки продукции. С помощью товарного знака производитель подталкивает покупателей на покупку его продукции, тем самым увеличивая продажи.

Роль товарного знака в условиях цифровизации довольно обширна. Цифровизация, представляющая собой процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни и бизнеса, существенно изменяет рынок и поведение потребителей. Она трансформирует способы ведения бизнеса, открывает новые пути для коммуникации и торговли, а также создает альтернативные каналы для представления товаров и услуг. В этих условиях товарный знак, как инструмент идентификации и защиты бренда, приобретает особое значение. Он становится не только символом качества и репутации компании, но и важным элементом стратегического управления в условиях высокой конкуренции.

Цифровизация способствует значительному росту онлайн-коммерции и распространению социальных медиа. После пандемии COVID-19 онлайн-продажи стали особенно актуальными, что привело к изменению потребительских предпочтений – пользователи ищут удобные и быстрые способы совершения покупок. В этих условиях товарный знак становится ключевым ориентиром для потребителей, позволяя им быстро принимать решения на различных платформах.

В условиях цифровизации стратегическое управление брендом становится более важным. Компании разрабатывают стратегии создания и продвижения своих товаров, ориентируясь на интернет-аудиторию, используя такие инструменты, как SEO (оптимизация для поисковых систем), контент-маркетинг и социальные сети. Товарный знак играет ключевую роль в формировании лояльности потребителей, выступая символом доверия и качества.

С переходом в цифровое пространство возникают новые правовые вызовы, связанные с регистрацией и защитой товарного знака. Проблемы контрафакции становятся актуальными, так как легкость копирования контента в сети затрудняет защиту прав производителей.

Можно сделать следующий вывод, что товарный знак сохраняет, а в некоторых случаях усиливает свою значимость в условиях цифровизации. Он не только обеспечивает идентификацию и защиту, но и играет ключевую роль в взаимодействии с потребителем в цифровом пространстве.

Итак, товарный знак есть средство индивидуализации конкретных товаров и услуг. Он позволяет различать аналогичные товары друг от друга, выделяет их характерные черты (особенности), т. е., по сути, является лицом товара, а также является инструментом защиты продавца от незаконного использования его бренда и недобросовестной конкуренции.

Список источников

1. Адуев А. Н., Белогорская Е. М. Товарный знак и его правовое значение // Журнал юридическая литература. 2022. № 2. С. 26-29.

2. Бирюков Д. О., Гуркин А. С., Ильютченко Н. В. Настольная книга руководителя организации: правовые основы. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32813723 (дата обращения: 30.10.2024).

3. Ворожевич А. С. Защита брендов: стратегии, системы, методы : учеб. пособие для магистров. М., 2023. С. 128.

4. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Промышленные права. XXI век. М., 2023. С. 21.

5. Дорофеев А. Ю. Современные тенденции рынка товарных знаков // Науковедение. 2022. № 1. С. 8–18.

6. Лазарев Я. О. Проблема определения коммерческой ценности интеллектуальной собственности в предпринимательской деятельности на примере товарных знаков // Юрист. 2022. № 13. С. 38–54.

7. Мазаев Д. В. Гражданско-правовая защита прав на товарные знаки. М. : ВАКО, 2013. 188 с.

УДК 343.3/.7

Рашидова Марият Ниязиевна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
viktoria.suchilina@yandex.ru

Стукалин Артём Алексеевич
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
hoprovaaleksandra@gmail.com

Социально-правовые аспекты кибербуллинга: вопросы судебной практики

Аннотация. *В статье рассматриваются социально-правовые аспекты кибербуллинга, его форм и виды. Делается вывод о необходимости нормативного закрепления понятия «кибербуллинг», определения ответственности виновных лиц, разработки механизмов оперативного реагирования на проявленное насилие в киберпространстве. Проводится анализ правового регулирования данной сферы в зарубежных странах. Рассмотрены проблемы и перспективы разработки правовых норм, призванных противодействовать распространения кибербуллинга.*

Ключевые слова: *кибербуллинг, травля, виртуальное насилие, противодействие кибербуллингу, нормативное регулирование кибербуллинга*.

© Рашидова М. Н., Стукалин А. А., 2025

Rashidova Mariyat Niyazievna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Stukalin Artem Alekseevich
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Legal and ethical issues of using artificial intelligence in legal proceedings

Annotation. *The article examines the socio-legal aspects of cyberbullying, its forms and types. It is concluded that the concept of "cyberbullying" needs to be normalized, the responsibility of perpetrators should be determined, and mechanisms for rapid response to violence in cyberspace should be developed. The analysis of the legal regulation of this sphere in foreign countries is carried out. The problems and prospects of developing legal norms designed to counteract the spread of cyberbullying are considered.*

Keywords*: cyberbullying, harassment, virtual violence, countering cyberbullying, regulatory regulation of cyberbullying.*

С наступлением XXI века и развитием сети Интернет и социальных сетей, появилась новая форма травли и запугивания людей, которая известна в обществе как кибербуллинг. В последние несколько лет эта проблема стала особенно актуальна среди молодежи и подростков. Так, основываясь на результатах опроса Всероссийского центра изучения общественного «мнения 42 % российских интернет-пользователей считают, что за последние несколько лет стало больше оскорбительных постов и комментариев» [1 с. 1].

Кибербуллинг получил свое название от английского слова bull, что переводится как «бык», но оно также принимает такие значения как: «агрессивно нападать», «донимать», «задирать» [2, с. 1].

Большая российская энциклопедия дает такое определение «кибербуллингу»: «Кибербуллинг – сетевая травля, систематические оскорбления и издевательства над человеком с применением современных телекоммуникационных технологий».

Кибербуллинг, как и буллинг? продолжителен по времени действия и основной целью является запугивание жертвы, которая не может себя защитить, путем применения мер оскорблений, вымогательства и шантажа. Но отличием кибербуллинга от буллинга является использование средств коммуникаций: мобильных телефонов, компьютеров и других гаджетов. Но самое главное отличие кибербуллинга в том, что он является более разрушительным и опасным по сравнению с буллингом, так как злоумышленник может действовать анонимно и его действия не ограничены временем. И методы использования при нем принимают все более агрессивный характер.

Существуют различные виды и формы кибербуллинга, но Г. У. Солдатова предлагает следующую классификацию:

1. «Флейминг – разжигание спора, публичные оскорбления и эмоциональный обмен репликами в Интернете между участниками.

2. Хейтинг – ненавистнические комментарии и сообщения, критика в адрес конкретного человека или явления, часто без основания своей позиции

3. Кибersталкинг – использование электронных средств для преследования жертвы через повторяющиеся сообщение, вызывающие тревогу и раздражение» [6, с. 103].

Всероссийский центр изучения общественного мнения провел опрос среди Россиян и выяснил, что 10 % россиян получали в свой адрес грубые слова в Интернете, 7 % страдают от троллинга и злых насмешек, 6 % получали оскорбления из-за пола, возраста или взглядов, 5 % получали в свой адрес угрозы с насилием, 2 % были жертвой публикации приватной информации, интимных фотографий или видео [1].

Зачастую агрессорами становятся люди, которые сами подвергались издевательствам, или которым не уделяли должного внимания родители. Через свои злонамеренные действия, они стараются привлечь к себе внимание и повысить свою самооценку. Таким образом у кибербуллинга две главные стороны: агрессоры и жертвы.

По данным исследователей, жертвы скрывают от окружающих их людей факт травли, боясь столкнуться с непониманием и еще большей агрессией. Как правило, у них заниженная самооценка, проблемы в отношении с семьей, ярко выраженные депрессивные симптомы.

В качестве еще одной стороны Г.У. Солдатова выделяет так называемых хамелеонов. Киберпространство создает благоприятное пространство для смены ролей, так те, кто травят других онлайн, сами могут стать жертвой, и наоборот.

Существует еще одна группа пользователей сети, причастных к кибербуллингу – это наблюдатели [7, с. 17–31]. Поведение наблюдателей было проанализировано социальным психологами – Джоном М. Дарли и Бибба Латанé и получило название эффект «Дженовезе».

Этот эффект проявляется в том, что свидетели каких-либо чрезвычайных негативных происшествий не торопятся помогать жертве. И, чем больше наблюдателей у ситуации, тем меньше вероятность, того, что кто-то из них окажет помощь. Это связано с перекладыванием ответственности людей друг на друга.

Но почему это деяние, столь разрушительно влияющее на психику отдельного человека и на состояние общества в целом, не регулируется законодательно должным образом? Исследование проблем и перспектив правового противодействия кибербуллингу является актуальной и значимой задачей.

Рассмотрим основные проблемы, осложняющие правовое регулирование кибербуллинга. Во-первых, в законодательстве отсутствует точное определение кибербуллинга, однако его характерные черты схожи с действующими статьями уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и кодекса об административных правонарушениях (КоАП), такими как ст. 5.61 КоАП, ст. 110 УК РФ, 110.1–110.2 УК РФ, 119 УК РФ, 128.1 УК РФ – доведение до самоубийства, угрозы в отношении личности, клевета.

Во-вторых, это возможная анонимность организатора травли. Так как все происходит в виртуальном пространстве, то правонарушитель чувствует себя смело и безнаказанно, что позволяет ему беспрепятственно занимать угрозами, оскорблениями и т. д. Когда правонарушение осложнено использованием Интернета, это вносит дополнительную сложность в работу правоохранительных органов. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова предлагала ввести административное наказание для физических лиц в виде ограничения доступа к Интернету или социальным сетям [3]. Сложно сказать была бы данная мера эффективной или нет, так как получить доступ к сети довольно легко, использовав чужие или «пустые» учетные записи в той или иной социальной сети. Пустой учетной записью можно считать ту, которая создана пользователем относительно недавно, при ее создании пользователь не указал о себе никакой информации и не загрузил фотографии и личные данные в целях максимальной анонимности.

Еще одной немаловажной причиной может быть весьма скудная судебная практика по подобным делам. Это можно объяснить тем, что пользователи сталкиваются с кибербуллингом в различной степени его проявления столь часто, что для них это уже становится обыденностью. И вместо того, чтобы попытаться решить это через органы государственной власти, пользователи зачастую предпочитают оставлять свои переживания в себе либо пытаются действовать теми же способами и методами, что и агрессор, соответственно, в ответ, нарушая закон [8, с. 371].

И хотя такое деяние, как кибербуллинг, находит свое частичное воплощение в отдельных частях Уголовного кодекса Российской Федерации, без прямой криминализации этого понятия, как в большинстве зарубежных стран, границы юридической ответственности за травлю, осуществляемую посредством Интернета, так и останутся размытыми.

Затронув в обсуждении данной проблемы зарубежные государства, рассмотрим некоторые нормативные правовые акты, осуществляющие правовое регулирование в сфере кибербуллинга и проанализируем ответственность за данное правонарушение и трактовку данного понятия.

– «Закон Великобритании «О вредоносных коммуникациях» 1988 г. (Malicious Communications Act), в котором говорится, что «любое лицо, отправляющее иному лицу письмо, электронное сообщение или другой предмет (имеется ввиду способ коммуникации) непристойного или грубо оскорбительного содержания с намерением вызвать тревогу или беспокойство у получателя или другого лица, к которому оно предназначено, является виновным в правонарушении (преступлении), если его целью или одной из его целей при отправке является причинение получателю или любому другому лицу, которому он намеревается сообщить или донести его содержание или содержание, страдания или беспокойства».

– Закон Австралии «О безопасности в Интернете» 2021 г. (Online Safety Act) под кибербуллингом понимается онлайн-коммуникация с австралийским ребенком или такая коммуникация в отношении австралийского ребенка, представляющая ему серьезную угрозу, запугивающая его, унижающая, а также на-

правленная на его преследование. Под австралийским ребенком в указанном законе понимается не достигшее 18-летнего возраста лицо, проживающее в Австралии».

Очень важно, помимо всего прочего, отметить необходимость криминализации кибербуллинга. Э. А. Сафаров, приводит следующие аргументы в пользу криминализации:

1. «Текущие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации не учитывают специфики систематического и многогранного характера кибербуллинга. Эти статьи предназначены для охвата отдельных преступных деяний, но не их комплексного проявления в цифровом пространстве.

2. Отсутствие конкретного определения и криминализации кибербуллинга затрудняет правоприменительную практику. Судебные органы интерпретируют кибербуллинг через призму существующих статей, что приводит к непоследовательности решений и неравенству в правоприменении.

3. В отличие от традиционных форм травли и запугивания, кибербуллинг происходит в публичном и массовом пространстве Интернета. Это может привести к незамедлительному и необратимому распространению компрометирующего материала.

4. Дети, подростки и другие уязвимые группы особенно подвержены кибербуллингу. Психологическое давление на этих людей может иметь долгосрочные негативные последствия, включая депрессию, тревожные расстройства и даже суицидальные мысли» [4, с. 89].

Стать жертвой кибербуллинга могут не только обычные пользователи сети Интернет во время ежедневной коммуникации: многие знаменитости также сталкивались с травлей. Так, первой жертвой кибербуллинга считается Моника Левински. Это произошло из-за распространения в Интернете в 1998 году информации о ее отношениях с президентом США Биллом Клинтоном. Левински описывала произошедшее, как первое в истории Интернета публичное унижение частного лица. В результате она начала кампанию против кибербуллинга и призывала людей поддерживать тех, кто становился жертвой такого преследования в Интернете.

Кибернасилие, включая распространение личной информации и онлайн-угрозы, становится серьезной проблемой. 14 Сентября Европейский Суд по правам человека (далее ЕСПЧ) рассмотрел дело Валерии Володиной против Российской Федерации (жалоба № 41261/17). Оно является важным прецедентом, подчеркивающим обязанность государств защищать частную жизнь, даже если угроза исходит от частных лиц [5, с.1].

В 2016–2018 годах бывший партнер Володиной украл ее личные данные, включая интимные фотографии, и использовал их для создания фальшивых профилей в социальных сетях. Он также отслеживал ее перемещения через GPS и отправлял угрозы. Заявительница обратилась в полицию, но расследование было неэффективным: уголовное дело возбудили только в 2018 году, а в 2020-м его закрыли из-за истечения срока давности. Защитные меры, такие как запрет на использование Интернета для обидчика, заявительнице предоставлены не были.

ЕСПЧ указал, что кибернасилие тесно связано с домашним насилием и требует уголовно-правового реагирования. Суд отметил, что публикация интимных фотографий и угрозы вызвали у Володиной чувство незащищенности. Российские власти не выполнили свои обязательства по защите частной жизни, а расследование было медленным и неэффективным, что привело к безнаказанности обидчика. Соответственно, со стороны России было выявлено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (С 16 марта 2022 года считается прекратившей действие в отношении РФ в связи с прекращением членства РФ в Совете Европы).

Дело выявило системные проблемы: отсутствие защитных ордеров, медленное расследование и недостаточная осведомленность правоохранительных органов о специфике кибернасилия. В отличие от большинства стран Совета Европы, Россия не предоставляет жертвам сопоставимых мер защиты.

Европейский Суд присудил Володиной 7500 евро в качестве компенсации морального вреда и 5386 евро за судебные издержки. Дело подчеркивает необходимость реформ: внедрения защитных ордеров, ускорения расследований и повышения осведомленности правоохранительных органов. Только так можно обеспечить эффективную защиту жертв кибернасилия.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что кибербуллинг представляет собой серьезную проблему современности, оказывающую большое влияние на психическое и психологическое здоровье людей всех возрастов. В условиях стремительного возрастания популярности социальных сетей и развития коммуникационных технологий, становится понятно, что законодателю необходимо совершенствовать правовые нормы, призванные противодействовать распространению и развитию такой формы насилия. Необходимо нормативно закрепить понятие «кибербуллинг», его формы и виды, установить ответственности виновных лиц, а также разработать механизмы оперативного реагирования на заявления о таких преступлениях.

Необходимость разработки правовых норм обусловлено не только защитой отдельных лиц, пострадавших от кибербуллинга, но и созданием безопасной информационной среды в целом. Ибо без должного регулирования и вмешательства государственных органов преступниц продолжит наносить ущерб эмоциональному состоянию людей и общества в целом.

Перед государством стоит задача не только обеспечить адекватное правовое противодействие кибербуллингу, но и реализовать меры социальной адаптации жертв кибербуллинга.

Список источников

1. ВЦИОМ. Новости: Кибербуллинг: масштаб проблемы в России. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii (дата обращения: 10.03.2025).

2. Котенев А. А. Кибербуллинг. URL: https://bigenc.ru/c/kiberbulling-ffeb62 (дата обращения: 10.03.2025).

3. Москалькова призвала рассмотреть запрет доступа в Интернет как наказание за буллинг. URL: https://tass.ru/ekonomika/23245869 (дата обращения: 10.03.2025).

4. Сафаров Э. А. Кибербуллинг и уголовное право России: аргументы в пользу криминализации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3(64). С. 89–94.

5. Семенов С. ЕСПЧ присудил жертве кибернасилия из Ульяновска 7,5 тысячи евро. URL: https://73online.ru/r/espch_prisudil_zhertve_kibernasiliya_iz_ulyanovska_75_tysyachi_evro-93997 (дата обращения: 10.03.2025).

6. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Львова Е. Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // Эпоха науки. 2017. №12. С. 103–109.

7. Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3. С. 17–31.

8. Холодякова Д. И. Кибербуллинг как правонарушение XXI век // Молодой ученый. 2021. № 48. С. 371–373.

УДК 004.8

Романченко Михаил Дмитриевич
курсант, Академия ФСИН России
г. Рязань, Российская Федерация
misha.tatyana13@gmail.com

Григорьева Ольга Олеговна
доцент кафедры административного и финансового права
юридического факультета, кандидат юридических наук,
майор внутренней службы
Академия ФСИН России
г. Рязань, Российская Федерация
oogrigoreva@yandex.ru

Применение искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности (на примере ФСИН России)

Аннотация. В *статье рассматривается процесс цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) в контексте национального развития Российской Федерации до 2030 года. Основное внимание уделяется внедрению информационно-телекоммуникационных технологий в деятельность учреждений, исполняющих наказания, включая медицинскую помощь, образование, охрану прав осужденных и организацию труда. Особое внимание уделяется роли искусственного интеллекта в государственном*

© Романченко М. Д., Григорьева О. О., 2025

управлении и правоохранительной деятельности. Анализируется различный уровень применения ИИ в разных сферах, особенно в электронном судопроизводстве. На примере зарубежных стран (Нидерланды, Гонконг, Индия) демонстрируются успешные практики использования технологий искусственного интеллекта в пенитенциарных учреждениях: от анализа эмоций до систем видеонаблюдения и распознавания лиц.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, цифровая трансформация, уголовно-исполнительная система, осужденные, технологии.*

Romanchenko Mikhail Dmitrievic
cadet, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
Ryazan, Russian Federation

Grigorieva Olga Olegovna
Professor of the Department of Administrative and Financial Law
Faculty of Law, Candidate of Law, Major of Internal Service
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
Ryazan, Russian Federation

The use of artificial intelligence in law enforcement (using the example of the Federal Penitentiary Service of Russia)

Annotation. *The article examines the process of digital transformation of the Federal Penitentiary Service (hereinafter referred to as the FSIN) in the context of the national development of the Russian Federation until 2030. The main focus is on the introduction of information and telecommunication technologies into the activities of institutions executing sentences, including medical care, education, protection of convicts' rights and labor organization. Special attention is paid to the role of artificial intelligence in public administration and law enforcement activities. The different levels of AI application in different fields, especially in electronic legal proceedings, are analyzed. Using the example of foreign countries (the Netherlands, Hong Kong, India), successful practices of using artificial intelligence technologies in penitentiary institutions are demonstrated: from emotion analysis to video surveillance systems and face recognition.*

Keywords: *artificial intelligence, digital transformation, penal enforcement system, convicts, technology.*

Информационно-телекоммуникационные технологии в настоящее время активно внедряются во все сферы государства и общества, гражданские институты, влияют на состояние экономических отношений, качественно меняя жизнь людей, выступая важным условием совершенствования человеческого сознания. Национальные приоритеты и цели развития Российской Федерации на период до 2030 г. включают и так называемую цифровую трансформацию, реализуемую различными органами государственной и исполнительной власти, включая Федеральную службу исполнения наказаний [5].

Так, Конституция Российской Федерации позволяет провести модернизацию развития Федеральной службы исполнения наказаний как элемента цифрового государства. Использование международного и российского опыта позволяет наметить перспективные направления цифровой трансформации в реализацию полномочий учреждений, исполняющих наказания: осуществление высококвалифицированной медицинской помощи заключенным; организация общего образования несовершеннолетних осужденных; обеспечение охраны

прав и законных интересов заключенных; привлечение осужденных к труду и создание условий для их моральной и материальной заинтересованности в результатах труда; взаимодействие с институтами гражданского общества (общественные и религиозные объединения, семья). Базовыми принципами основ конституционного строя для развития цифрового государства в данном случае станут: права и свободы человека и гражданина – высшая ценность, а их защита обязанность государства. Понятие цифровой трансформации (далее – ЦТ) представлено в Постановлении Правительства Российской Федерации, вступило в силу с 1 января 2025 года [4]. Ключевым положением ЦТ становится переход деятельности государственных органов (госуправление, оказание госуслуг и др.) в цифровой (электронный) формат. Для повышения эффективности мероприятий по применению ЦТ Правительство Российской Федерации утвердило создание типовых программ. Абсолютно все руководители государственных органов будут нести персональную ответственность за достижение заявленных в программах показателей [3].

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) в Российской Федерации на период до 2030 г. определяет ИИ как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека». В современных условиях проблема использования искусственного интеллекта в государственном управлении, включая правоохранительную деятельность, является актуальной и подвергается всестороннему исследованию в юриспруденции. Однако не во всех сферах правоохранительной деятельности ИИ используется на одном и том же уровне, в некоторых из них он применяется более широко, чем в других. Например, в процессуальной деятельности судов (административно-процессуальной, уголовно-процессуальной, гражданско-процессуальной и арбитражно-процессуальной) его применение достаточно высоко, что позволяет говорить об электронном судопроизводстве, а в науке, соответственно, исследовать проблемы становления и развития данного судопроизводства [1; 10].

На сегодняшний день Федеральная служба исполнения наказаний обновляет и наращивает техническое оснащение. Так, на территориях учреждений УИС используются системы реагирования на появление посторонних объектов на охраняемой территории. Используются видеокамеры с заданными границами, в случае появления соответствующих посторонних объектов либо попытки приближения посторонних лиц к охраняемой территории на пульт управления подается сигнал [7].

Так, в Нидерландах технологии искусственного интеллекта применяются с 2006 г. в тюрьме Лелистад. На специальном компьютере установлена программа, которая благодаря технологиям искусственного интеллекта анализирует тон и громкость голоса и таким образом распознает эмоции после их получения с микрофонов, установленных на территории тюрьмы. Помимо этого, у кроватей

каждого заключенного имеется планшет, на котором осужденный составляет расписание на день, выбирает спортивные занятия, отдых, образование и др. [8].

Технологии искусственного интеллекта применяются в тюрьме Tai Tam Gap в Гонконге. Системы видеонаблюдения, установленные в тюрьме, также фиксируют случаи ненормального поведения заключенных. При проявлении агрессии или попытки членовредительства система подает сигнал тревоги. Кроме того, при помощи технологий искусственного интеллекта осуществляется контроль штатного электронного журнала и системы самоуправления обитателей камер [9].

В Индии используется платформа видеоаналитики «Джарвис»(JARVIS), позволяющая распознать лица с любой стороны, при этом человек может находиться в движении. Система использует 700 камер, установленных в периметре 900 км, и сканирует информацию с камер видеонаблюдения в разных тюрьмах [6].

Примером успешной информатизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации может послужить СИЗО-4 в поселке Эльбан УФСИН России по Хабаровскому краю. В данном учреждении построен новый 6-этажный следственный изолятор в виде 6-лучевой звезды для содержания подозреваемых и обвиняемых на 800 человек. СИЗО состоит из административного здания с КПП на режимную территорию, здания режимного назначения и объектов хозяйственного назначения. Следственный изолятор протяженностью по периметру более 700 метров, построен с применением современных строительных материалов и новых технологий в охране и размещении заключенных. Все здания и помещения выполнены в соответствии с европейскими правилами и требованиями к содержанию специального контингента, на каждого обвиняемого в камерах предусмотрено по 4 квадратных метра площади. На сегодняшний день на объекте проводится монтаж оборудования интегрированной системы безопасности «Кодос», готовность составляет 85 % [2, с. 119–120].

Таким образом, технологии искусственного интеллекта перспективно внедряются в деятельность исправительных учреждений. Данная система способствует облегчению деятельности сотрудников УИС в сфере надзора и контроля за отбыванием уголовных наказаний. Мы уверены, что благодаря такому техническому прогрессу снизится вероятность совершения противоправных действий со стороны осужденных, так как усилится контролю со стороны сотрудников пенитенциарной системы.

Список источников

1. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на пленарном заседании VI Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» // Совет судей Российской Федерации : сайт. URL: http://ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/32548 (дата обращения: 10.02.2025).

2. Курдюкова Е. А., Романченко М. Д. Искусственный интеллект в деятельности уголовно-исполнительной системы // Современное право. 2023. № 10. С. 118–121.

3. Михаил Мишустин подписал постановление о новом подходе к цифровизации госорганов. URL: http://government.ru/news/40601/ (дата обращения: 10.02.2025)

4. О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами : постановление Правительства Рос. Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 42 (ч. 3). Ст. 6612.

5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Рос. Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Рос. газета. 2020.

6. Садыкова Р. А. Опыт зарубежных стран по применению технологий искусственного интеллекта в пенитенциарной системе // Административное право и процесс. 2022. № 12. С. 67–69.

7. Садыкова Р. А. О реализации основных направлений информационного обеспечения ФСИН России // Административное право и процесс. 2024. № 7. С. 70–72.

8. Технологии строгого режима: какими становятся тюрьмы XXI века // РосБизнесКонсалтинг. Тренды : сайт. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/610037919a7947c99c920fcc (дата обращения: 10.02.2025).

9. Хван Т. С., Царькова Е. Г. Перспективы применения интеллектуального анализа данных при обработке информации в деятельности УИС // Информационные технологии в УИС. 2022. № 4. С. 15–24.

10. Химичева О. В., Андреев А. В. Некоторые замечания о принципах использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве России // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 240–243.

УДК 343.3/.7

Смирнова Дарья Романовна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
darja.perfilowa@yandex.ru

Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации

Аннотация. *Цель исследования заключается в выявлении проблем, возникающих при применении статьи 272 Уголовного кодекса Российской Федерации. В статье рассмотрены проблемы уголовной ответственности за незаконный доступ к компьютерной информации. Проанализирован состав преступления, предусмотренного указанной статьей Уголовного*

© Смирнова Д. Р., 2025

кодекса Российской Федерации, и на основании данного анализа выделены конкретные проблемы и предложены пути их решения.

Ключевые слова: *информация, компьютер, информационная безопасность, компьютерная информация, неправомерный доступ, уголовное законодательство, Российская Федерация.*

Smirnova Darya Romanovna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Criminal liability for unauthorized access to computer information

Annotation. *The purpose of the study is to identify the problems that arise when applying Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article discusses the problems of criminal liability for illegal access to computer information. It analyzes the elements of the crime provided for in this article of the Criminal Code of the Russian Federation, and based on this analysis, it identifies specific problems and suggests ways to solve them.*

Keywords: *information, computer, information security, computer information, unauthorized access, criminal legislation, Russian Federation.*

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется масштабными трансформациями в сфере цифровой экономики и в других областях социальной жизнедеятельности, где главными богатствами и силой становятся данные, сообщения, знания, информация, в том числе компьютерная информация. Непрерывно развивающийся научно-технический процесс выдвигает на первый план важность компьютерных и информационных технологий. Однако законодательство, несмотря на свое динамическое развитие, не всегда соответствует нарастающим темпам технологического и информационного развития общества. Однако обеспечение правовой защиты компьютерной информации выступает на первый план не только для отдельно взятого человека или деятельности фирмы, учреждения, но и для государства в целом. Компьютерные технологии, сеть «Интернет», появление искусственного интеллекта и многое другое дали человечеству неограниченные возможности, совершенствовать имеющиеся области, развивать новые. Однако развитие технологий не всегда можно охарактеризовать исключительно как положительный процесс. С развитием технологий появляются новые сложные для выявления и пресечения виды преступлений, одним из которых является преступления в сфере компьютерной информации. Кроме того, в связи с тем, что персональные данные стали постоянным «спутником» любых коммуникаций человека в сети «Интернет», проблемы обеспечения защиты таких данных, связанных с угрозами неправомерного доступа к ним, распространения и использования персональных данных в преступных целях, с каждым днем становятся все более актуальными.

Так, согласно данным МВД России [1], в 2024 году 40 % преступлений (765,4 тыс.) были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таких деяний зарегистрировано на 13,1 % больше, чем в 2023 году, в том числе тяжких и особо тяжких составов – на 7,8 %. В значительной степени этот фактор повлиял на рост в 2024 году общего

числа тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8 %. Для сравнения в 2022 году было зарегистрировано 522,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, а в 2023 году – 2023 году 677,0 тыс. преступлений. За 2024 год было совершено 105 311 преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации.

Таким образом, из представленных статистических данных видно, что преступность в сфере компьютерной информации представляет собой реальную и актуальную угрозу.

Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации регламентирована статьей 272 Уголовного кодекса РФ (глава 28 Уголовного кодекса РФ).

Так, Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) признает общественно опасным деянием, неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации [2]. Совершение указанного преступления если оно причинило крупный ущерб, или совершенно из корыстной заинтересованности, либо совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо лицом с использованием своего служебного положения, а также если оно повлекло тяжкие последствия или создало угрозу их наступления, является квалифицированным составом, предусматривающим более суровое наказание.

В примечании к вышеуказанной статье УК РФ отмечается, что под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Крупным ущербом в статьях настоящей главы признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей [2].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, представляет действие в виде неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, а также последствия в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации.

Согласно пункту 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“» неправомерным доступом к компьютерной информации является получение или использование такой информации без согласия обладателя информации лицом, не наделенным необходимыми для этого полномочиями, либо в нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка независимо от формы такого доступа (путем проникновения к источнику хранения информации в компьютерном устройстве, принадлежащем другому лицу, непосредственно либо путем удаленного доступа) [3].

В соответствии с пунктом 3 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ [3]:

– уничтожение компьютерной информации – приведение такой информации полностью или в части в непригодное для использования состояние с целью утраты возможности ее восстановления, независимо от того, имеется ли фактически такая возможность и была ли она впоследствии восстановлена;

– блокирование компьютерной информации – воздействие на саму информацию, средства доступа к ней или источник ее хранения, в результате которого становится невозможным в течение определенного времени или постоянно надлежащее ее использование, осуществление операций над информацией полностью или в требуемом режиме (искусственное затруднение или ограничение доступа законных пользователей к компьютерной информации, не связанное с ее уничтожением);

– модификация компьютерной информации – внесение в нее любых изменений, включая изменение ее свойств, например целостности или достоверности;

– копирование компьютерной информации – перенос имеющейся информации на другой электронный носитель при сохранении неизменной первоначальной информации либо ее воспроизведение в материальной форме (в том числе отправка по электронной почте, распечатывание на принтере, фотографирование, переписывание от руки и т. п.).

При этом понятие «копирование информации» сложно определить, что привело к различным судебным решениям и толкованиям в юридической литературе, определяющим «копирование» как создание или дублирование. На этот счет ученые полагают, что под копированием понимается «тиражирование посредством распечатки» [4], «ознакомление на экране монитора» [5] и «переписывание, иное тиражирование, разглашение, воспроизведение точного или относительно точного ее оригинала» [6]. В этом случае на первом месте стоит нарушение конфиденциальности путем ознакомления с информацией, которое затем приводит к копированию путем ее визуальной записи.

В качестве предмета преступления выступает охраняемая законом компьютерной информации. По смыслу ч. 1 ст. 272 УК РФ в качестве охраняемой законом компьютерной информации рассматривается как информация, для которой законом установлен специальный режим правовой защиты, ограничен доступ, установлены условия отнесения ее к сведениям, составляющим государственную, коммерческую, служебную, личную, семейную или иную тайну (в том числе персональные данные), установлена обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации и ответственность за ее разглашение, так и информация, для которой обладателем информации установлены средства защиты, направленные на обеспечение ее целостности и (или) доступности [3].

Следует обратить внимание, что преступление признается оконченным, когда указанные в части 1 статьи 272 УК РФ деяния повлекли наступление общественно опасных последствий (одного или нескольких) в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования такой информации [3]. С учетом этого в ходе рассмотрения каждого дела подлежат установлению не только совершение неправомерного доступа к компьютерной информации, но и общественно опасные последствия, возможность наступления которых охватывалась

умыслом лица, осуществившего такой доступ, а также наличие причинной связи между данными действиями и наступившими последствиями. Об отсутствии такой связи может свидетельствовать, в частности, наступление указанных последствий в результате технических неисправностей компьютерных устройств или ошибок при функционировании компьютерных программ [3].

Относительно субъективной стороны рассматриваемого преступления, то стоит отметить следующее. Несмотря на тот факт, что в тексте ст. 272 УК РФ не упоминается форма вины, по смыслу данной статьи можно сделать вывод, что оно совершается исключительно с умыслом, полагаю, что умысел может быть как прямой, так и косвенный. То есть лицо полностью осознает, что своим действием осуществляет неправомерный доступ, предвидит возможность или неизбежность наступления последствий, указанных в статье, и либо желает наступления этих последствий, либо не желает, но сознательно допускает их наступление или относится к их наступлению безразлично. Вопрос о возможности совершения данного преступления по неосторожности относится к числу дискуссионных, но в данной работе полагаю рассмотрение данного аспекта нецелесообразным.

Субъект преступления выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет [7].

Мотив и цель не являются конструктивными элементами данного состава преступления, однако могут быть учтены правоприменителем при назначении наказания.

Таким образом, неправомерность доступа к компьютерной информации означает, что такой доступ был получен без согласия обладателя информации либо получение и использование компьютерной информации произошло с нарушением установленного нормативным актом порядка. Однако стоит отметить, что порядок получения и использования той или иной компьютерной информации может регламентироваться локальными актами такой организации, следовательно, если лицо их нарушит, то его действия не будут квалифицироваться по ст. 272 УК РФ, что, на наш взгляд, представляется не совсем корректным. Исходя из этого предлагаем внести изменения в положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет», а именно изложить пункт 5 в следующей редакции: «5. Применительно к статье 272 УК РФ неправомерным доступом к компьютерной информации является получение или использование такой информации без согласия обладателя информации лицом, не наделенным необходимыми для этого полномочиями, либо в нарушение установленного нормативными правовыми актами или локальными актами организаций порядка независимо от формы такого доступа (путем проникновения к источнику хранения информации в компьютерном устройстве, принадлежащем другому лицу, непосредственно либо путем удаленного доступа)».

Кроме того, неправомерный доступ необходимо отличать от перехвата информации, его отличие выражается в том, что воздействию подлежит информация, которая циркулирует в пространстве, в то время как при неправомерном доступе происходит нарушение системы защиты информации. Для преступника перехват представляет особую ценность, так как такое действие практически не оставляет никаких следов, следовательно, характеризуется высокой латентностью [8]. Следовательно, общественная опасность при перехвате информации соизмерима с неправомерным доступом к информации, а потому предлагается включить в ст. 272 УК РФ также действие в виде перехвата информации.

Анализ последствий, отраженных в ст. 272 УК РФ, показал, что не является уголовно наказуемым последствие в виде ознакомления с охраняемой компьютерной информации. Однако лицо, осуществившее неправомерный доступ к компьютерной информации и ознакомившееся с такой информацией, в дальнейшем может причинить существенный вред общественным отношениям, так, например, она может перепродать данную информацию или же использовать ее для совершения других, в том числе и более тяжких, преступлений. Поэтому полагаем целесообразным, что ознакомление с охраняемой законом компьютерной информации также должно влечь уголовную ответственность по ст. 272 УК РФ.

Таким образом, предлагаем внести изменения в наименование ст. 272 УК РФ и в часть 1 данной статьи, изложив их в следующей редакции:

«УК РФ Статья 272. Неправомерный доступ или перехват компьютерной информации.

1. Неправомерный доступ или перехват охраняемой законом компьютерной информации, если эти деяния повлекли уничтожение, блокирование, модификацию, копирование компьютерной информации, или ознакомление с такой информацией, за исключением случаев, предусмотренных статьей 272.1 настоящего Кодекса, – …».

Принятие данных изменений позволит эффективно привлекать лиц к уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации, а также реализует превентивные механизмы уголовного права, что позволит предотвратить совершение иных преступления в рассматриваемой сфере. Таким образом, защита информации требует грамотного контроля и организации доступа, поэтому систематизация и усовершенствование уголовного законодательства в исследуемой части позволит не только снизить количество совершаемых «киберпреступлений», а также положительно повлияет на механизмы их предотвращения и выявления.

Список источников

1. Статистические данные. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения: 01.09.2025).

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК : текст с изм. и доп. на 03 апреля 2025 г. : принят Государственной

Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.09.2025).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“». URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.09.2025).

4. Полубинская С. В. Комментарий к ст. 272-274 УК РФ // Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М. : Эксмо, 2020. 837 с.

5. Малыковцев М. М. Уголовная ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003012356.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

6. Крылов В. В. Информационные компьютерные преступления. М. : Инфра-М : Норма, 1997. 276 с.

7. Учебник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sdo.academy-skrf.ru (дата обращения: 01.09.2025).

8. Антонов А. Г., Крюков Д. В. К вопросу об общественной опасности неправомерного доступа к компьютерной информации. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 004.056.5

Щукина Александра Валентиновна
Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, Российская Федерация
alexandra21shchukina@yandex.com

Цифровая гигиена в условиях новых норм противодействия экстремистским материалам в Российской Федерации

Аннотация. *В статье проанализированы современные правовые, технологические и поведенческие риски, связанные со случайным получением, хранением и возможным распространением экстремистских материалов пользователями мобильных устройств. На базе междисциплинарного анализа правоприменительной практики, рекомендаций по медиа- и информационной грамотности и принципов цифровой безопасности предложен практический чек-лист «чистого телефона», включающий конкретные технические и поведенческие меры, а также алгоритм действий при обнаружении на устройстве потенциально запрещенного файла. Работа ориентирована на минимизацию административных и уголовно-правовых рисков и на образовательную превентивную политику.*

Ключевые слова: *цифровая гигиена, экстремистские материалы, мессенджеры, хранение файлов, правоприменение, информационная безопасность.*

© Щукина А. В., 2025

Shchukina Alexandra Valentinovna
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
Yaroslavl, Russian Federation

Digital hygiene in the context of new standards for countering extremist materials in the Russian Federation

Annotation. *The article analyses legal, technical and behavioural risks related to inadvertent receipt, storage and potential dissemination of extremist materials on mobile devices. Based on an interdisciplinary review of law enforcement practice, media and information literacy guidelines and digital security principles, a practical "clean phone" checklist is proposed, containing specific technical and behavioral measures and an action algorithm. The study aims to reduce administrative and criminal risks and to inform preventive education.*

Keywords: *digital hygiene; extremist materials; messengers; file storage; legal risks; checklist.*

Актуальность исследования определяется одновременным усилением регуляции интернет-контента в Российской Федерации и высокой распространенностью мессенджеров как канала доставки мультимедийных и документальных файлов, что делает реальной ситуацию, когда пользователь может невольно оказаться в статусе хранителя или получателя материалов, квалифицируемых законом как экстремистские. В 2025 году в КоАП РФ введены новые положения, направленные на регулирование поиска и доступа к заведомо экстремистским материалам, а также сохраняется и расширяется практика административного преследования за производство, хранение и массовое распространение таких материалов [1].Эти законодательные изменения, в совокупности с автоматическими механизмами загрузки и синхронизации медиа в мессенджерах и облачных хранилищах, формируют правовую и техническую среду повышенного риска для рядового пользователя, который не обладает специальною юридической или информационно-технологической подготовкой.

Методологически настоящая работа опирается на междисциплинарную синтетическую стратегию: сравнительно-правовой анализ действующих норм и их редакций; контент-анализ правоприменительной практики и открытых кейсов; обзор рекомендаций по медиа- и информационной грамотности как ключевого превентивного инструментария; а также прикладный анализ возможностей мобильных платформ и мессенджеров в части автоматической загрузки и хранения данных. Правовая часть анализа базируется на тексте КоАП РФ и УК РФ, в том числе на нововведениях, прямо регламентирующих поиск и доступ к экстремистским материалам и устанавливающих санкции за их массовое производство и распространение [1; 2; 3].В теоретическом плане работа использует классические представления о процедурах дисциплинарного контроля и нормализации поведения в современном обществе: механизмы, описанные М. Фуко, позволяют интерпретировать рост регуляции информационного поведения как часть государственной политики управления информационными потоками и как фактор, требующий адаптации поведенческих практик пользователей [9]. Параллельно к этой классической рамке привлекаются отечественные исследования цифровой гигиены и эмпирические исследования

уровня цифровых навыков у российской молодежи, которые показывают, что практики систематической очистки устройств и осознанного обращения с файлами пока развиты неравномерно и требуют системной интервенции на уровне образования и массовых рекомендаций [8].

На практике источником повышенного риска является сочетание трех факторов: а) нормативной расширенности понятий «поиск», «хранение», «распространение»; б) технических особенностей современных мессенджеров и облачных сервисов (автоматическая загрузка медиа, синхронизация, кэширование); в) низкой осведомленности пользователей о правовых последствиях и отсутствии отработанных поведенческих алгоритмов на случай случайного получения сомнительного контента. Мессенджеры предоставляют пользователю настройки автозагрузки и сохранения медиа, и возможность отключения этих функций подтверждается в официальных и профильных руководствах; практическая рекомендация отключать автозагрузку является следствием как технического анализа механизма работы приложений, так и анализа кейсов привлечения к ответственности за пассивное хранение контента [5; 6].

Исходя из изложенного, практическая стратегия защиты должна объединять три слоя мер: предиктивные (на уровне поведения – предотвращение загрузки), технические (на уровне настроек приложений и шифрования устройства) и реактивные (алгоритм действий при обнаружении потенциально запрещенного файла). В предиктивный слой входят: отключение автоматической загрузки медиа в мессенджерах и невозможность автоматической синхронизации всех полученных файлов в облако; выбор контактов и каналов с повышенной осторожностью; отказ от подписки на сомнительные каналы; периодическая проверка разрешений приложений и мониторинг входящих ссылок и документов. Технический слой включает регулярную очистку кэша и папки «Загрузки», отключение автосохранения медиа в галерею устройства, использование встроенного шифрования носителя и надежных блокировок доступа (PIN/биометрия), регулярные обновления ОС и приложений, а также установку базовых средств защиты (антивредоносное ПО там, где это применимо). Реактивный слой – это негайная последовательность действий при обнаружении ошибочной загрузки: удаление файла (с подтверждением удаления), удаление из корзины/временных папок и кэша, отключение синхронизации с облаками, проверка журналов приложений и, при необходимости, полная очистка хранилища устройства и восстановление из доверенной резервной копии без подозрительных файлов. Описанные меры реализуют логику минимизации доказательной базы хранения и распространения и в совокупности снижают вероятность квалификации действий как умышленного поиска или хранения с целью распространения [7].

Практическая инструкция должна быть трансформирована в формат легко запоминаемого и выполнимого чек-листа; важным требованием при формулировке чек-листа является его пригодность для быстрого применения пользователем без специальных технических знаний и его юридическая обоснованность, т. е. меры должны реально уменьшать вероятность доказывания умысла в действиях пользователя при проверке компетентными органами. В качестве

эмпирической опоры для таких рекомендаций выступают исследования по уровню цифровой компетентности и предложения по цифровой гигиене, которые документируют связь между повседневными практиками и риском нежелательных последствий в правовой плоскости [8].

Юридико-практические кейсы, рассмотренные в ходе анализа, демонстрируют три типичных сценария: (1) файл скачан и хранится на устройстве длительное время; (2) файл пришел через мессенджер, но не был открыт и сохранен в галерее; (3) поведение пользователя содержит элементы активного поиска материалов. При первом сценарии риск наиболее высок, потому что факт хранения фиксируем и может быть квалифицирован как административное правонарушение; при втором – риск зависит от технических деталей (была ли автозагрузка, сохранился ли файл в кэше/галерее/облаке) и от того, какие шаги предпринял пользователь после получения (удалил ли, очистил кэш и т. п.). При третьем сценарии – активного поиска – правоприменительная практика обычно устанавливает наличие умысла и применяет более строгие санкции. Поэтому рекомендованные меры направлены на то, чтобы переводить возможную ситуацию из «первого/второго» сценария в «минимальный риск» посредством технических и поведенческих действий; это означает: отключение автозагрузки, немедленное удаление нежелательных файлов и систематическая очистка временных хранилищ и облачных синхронизаций [1; 2; 4; 5; 10].

Особое значение вопросы цифровой гигиены приобретают в образовательной сфере. Школьники и студенты составляют наиболее активную часть пользователей цифровых сервисов, включая мессенджеры, облачные хранилища и социальные сети. При этом именно молодежь чаще всего сталкивается с непреднамеренным получением и распространением сомнительных файлов, что обусловлено как высокой интенсивностью цифрового общения, так и недостаточным уровнем знаний о правовых рисках. Согласно исследованиям В. М. Богданова [11], уровень развития навыков цифровой гигиены среди российской молодежи остается фрагментарным: лишь небольшая часть респондентов систематически проверяет настройки конфиденциальности и очищает память устройства [11]. Данные UNESCO также подчеркивают, что медиаграмотность должна становиться частью образовательных стратегий начиная со школьного уровня [3]. В этом контексте предложенный чек-лист «чистого телефона» может рассматриваться не только как индивидуальный инструмент профилактики правовых рисков, но и как методическая основа для занятий по цифровой безопасности. Его внедрение в учебные курсы по информатике, обществознанию или правоведению позволит формировать у учащихся практические навыки безопасного поведения в цифровой среде, а также культуру ответственного отношения к цифровому контенту. Таким образом, статья ориентирована не только на специалистов в области права и кибербезопасности, но и на педагогов, которые могут использовать ее положения для повышения уровня цифровой грамотности молодежи и для подготовки методических материалов. Наконец, образовательная составляющая превентивной политики – привитие навыков медиаграмотности и цифровой гигиены – признана международными организациями как ключевой элемент борьбы с радикализацией и распростра-

нением вредоносного контента: соответствующие руководства и стратегии UNESCO подчеркивают необходимость включения медиаграмотности в национальные образовательные стратегии и в политику защиты уязвимых групп [3]. Согласование этой международной парадигмы с отечественной правовой практикой требует перевода общих компетенций в конкретные алгоритмы и чек-листы, пригодные в российской правовой среде: это и есть цель предложенного практического инструмента.

Сочетание обновленного административно-правового регулирования и технической архитектуры современных мессенджеров формирует реальную угрозу для неподготовленных пользователей; цифровая гигиена в форме простых, воспроизводимых педагогических и технических практик (чек-лист «чистого телефона») представляет собой эффективный профилактический инструмент, способный существенно снизить вероятность административной или уголовной ответственности; образовательные программы и информационные кампании должны сопровождать технические рекомендации, а описанный чек-лист целесообразно включать в программы подготовки пользователей, преподавателей и работников сервисной поддержки. Практическая реализация результатов возможна в виде методического пособия, памятки и интегрированных курсов по медиаграмотности и правовой безопасности.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.08.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.08.2025).
3. UNESCO, Media and Information Literacy: Policy and Strategy Guidelines. Paris: UNESCO, 2013. URL: https://prallagon.com/wp-content/uploads/2021/01/Media-and-information-literacy_-policy-and-strategy-guidelines-2013.pdf (дата обращения: 15.08.2025).
4. Руденкин Д. В. Уровень развития навыков цифровой гигиены современной российской молодежи: итоги социологического исследования. URL: https://nbpublish.com (дата обращения: 15.08.2025).
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Истоки современного наказания. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
6. Кузьменкова Т. Н. Отдельные теоретико-правовые аспекты кибербезопасности личности URL: https://nbpublish.com (дата обращения: 15.08.2025).
7. Livingstone S., Helsper E. Gradations in digital inclusion: Children, young people and the digital divide // New Media & Society. 2007. Vol. 9(4). P. 671–696.
8. Buckingham D. Media Education: Literacy, Learning and Contemporary Culture. Cambridge : Polity Press, 2003.
9. Фрумкин К. Г. Цифровая грамотность в образовательных программах: вызовы и перспективы // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 111–129.

10. Полякова Е. В. Медиаобразование и медиаграмотность в школе: методические подходы // Медиаобразование. 2019. № 2. С. 45–57.

11. Богданов В. М. Цифровая гигиена: основы и перспективы // Информационное общество. 2022. № 2.С. 45–59.

УДК 343.21

Червячкова Марина Сергеевна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Балаково, Российская Федерация
marinacervackova19@gmail.com

Использование искусственного интеллекта в уголовно-правовой деятельности

Аннотация. *Данная статья посвящена внедрению искусственного интеллекта (ИИ) в судебную систему, его влияние на эффективность и объективность правосудия. Данная тема рассматривает использования ИИ в Китае, а также рассматриваются российские инициативы по применению данных новшеств. В контексте статьи также рассматриваются возможные последствия, в частности рассматривается способность принести как значимые преимущества, так и потенциальные риски.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект, уголовно-правовые нормы, судопроизводство, юридическая ответственность, юридическая практика.*

Chervyachkova Marina Sergeevna
student, Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russian Federation

The use of artificial intelligence in criminal law activities

Annotation. *This article is devoted to the introduction of artificial intelligence (AI) into the judicial system, its impact on the effectiveness and objectivity of justice. This topic examines the use of AI in China, as well as Russian initiatives to apply these innovations. The possible consequences are also considered in the context of the article, in particular, the ability to bring both significant benefits and potential risks is considered.*

Keywords: *artificial intelligence, criminal law norms, judicial proceedings, legal responsibility, legal practice.*

Современный этап России развивается при помощи новых технологий, которые непосредственно связаны с обществом. Искусственный интеллект (ИИ) приобрел масштабный характер, так как он упрощает саму систему и сферу жизнедеятельности человека. Уже сейчас ИИ может заменять рабочего на определенных этапах, что ускоряет работу и сокращает ее процесс. Все это приводит к тому, что он активно внедряется во многие области человеческой работы, в том числе в сфере права.

© Червячкова М. С., 2025

Внедрение ИИ также началось и в судопроизводстве. Он играет важную роль в ускорении судебного процесса, а также более беспристрастного принятия решений. Несмотря на то, что в России активного внедрения его в сфере права пока не наблюдается, в некоторых государствах уже есть наработанная практика.

Интерес в использовании данных технологий проявили наши друзья, китайцы. Китай начал использовать информационные технологии еще в 20 веке, чтобы изучать как можно больше дел, но нагрузка с судей не снималась, лишь упрощалась система рассмотрения заявлений. С 2013 года в Китае появилась первая единая государственная Открытая база судебных решений (China Judgements Online) сохранила свое существование до наших дней. А с 2015 года запустили систему «Умный суд», и начали использовать ИИ в судебном процессе. Самообучающаяся система ежедневно могла обрабатывать около 100 000 дел по всему Китаю. Власть обязывала все суды унифицировать свои цифровые системы и подключить базы данных к центру в Пекине. Одновременно информационный портал дал судьям доступ к базе данных полиции, прокуратуры и некоторых других госорганов [1].

ИИ уже активно использует в своей работе китайская прокуратура. Пока машинный интеллект применяют для оценки доказательств и угрозы, которую подозреваемый может представлять для общества. А в начале 2022 года прокуратура Шанхая протестировала ИИ, который может выдвигать собственные версии обвинения по восьми наиболее распространенным уголовным статьям, включая мошенничество, азартные игры, опасное вождение, умышленное причинение физического вреда и воспрепятствование выполнению служебных обязанностей. Точность таких обвинений составляет 97 %.

В 2025 году в Китае создается система искусственного интеллекта для улучшения оказания юридических услуг. Такую цель заложили в опубликованных ими «Мнениях о регулировании и усилении применения искусственного интеллекта в судебной сфере» из 20 статей, опубликованном в Верховном народном суде. В документе сказано, что к 2030 году будет создана более регулируемая и эффективная прикладная и теоретическая система использования ИИ [2].

Россия тоже старается не отставать от нововведений. В России введен в действие сервис «Правосудие онлайн», который использует алгоритмы ИИ. В его работе основной задачей ИИ выступает анализ судебных материалов: обработка многостраничных документов, проверка расчетов и поиск ошибок [3].

Внедрение искусственного интеллекта в российское уголовное право открывает перспективы повышения эффективности и объективности правосудия. ИИ может ускорить процесс предварительного расследования, позволяя оперативно сопоставлять факты, выявлять связи между преступлениями и подозреваемыми. Он способен анализировать большой текст информации, такие как показания свидетелей, протоколы допросов, переписки, выявляя противоречия и нестыковки.

Одним из перспективных направлений является использование ИИ для оценки рисков, связанных с условно-досрочным освобождением. Алгоритмы

могут анализировать множество факторов, включая тяжесть преступления, поведение в заключении, наличие судимостей, и прогнозировать вероятность совершения новых преступлений. По мнению Н. И. Насирова, «в период отбывания уголовных наказаний в виде ограничения свободы, принудительных работ и лишения свободы за поведением осужденных может осуществляться электронный надзор посредством информационных ресурсов и систем. К их числу относятся электронный браслет, персональный трекер, аудиовизуальное и иное техническое средство дистанционного контроля. Юридическое основание их использования предусмотрено уголовно-исполнительным законодательством России (ст. 60, 60.19, 83 УИК РФ), а порядок применения детализирован различными подзаконными актами. Дистанционные системы контроля позволяют сотрудникам ФСИН России удаленно идентифицировать личность и устанавливать местонахождение осужденного, получать необходимую информацию о его поведении, выявлять и пресекать девиантное поведение подконтрольного лица» [4, с. 157]. ИИ может способствовать ускорению сбора и обработки информации, а также прогнозировать вероятность рецидива, усиливая контроль за обвиняемым лицом.

Однако нельзя полагаться на ИИ безоговорочно. Решения должны приниматься с учетом человеческого фактора, моральных и этических норм. Судья должен сохранять контроль над процессом, использовать ИИ как инструмент для повышения эффективности, но не как замену человеческому суждению.

Важно также обеспечить доступность технологий ИИ для всех участников судебного процесса, включая адвокатов и подсудимых. Необходимо разработать механизмы, позволяющие оспаривать решения, принятые с использованием искусственного интеллекта, и гарантировать право на справедливое судебное разбирательство. Наконец, необходимо разработать четкие правовые нормы и этические принципы, регулирующие использование ИИ в правосудии. Это позволит избежать злоупотреблений и обеспечить соблюдение прав и свобод граждан [5].

Внедрение ИИ в судебную систему – это не просто технологическая революция, а шанс на создание более справедливого, быстрого и эффективного правосудия. Опыт Китая демонстрирует огромный потенциал ИИ в обработке дел и анализе доказательств, а российские проекты, хоть и находятся на начальном этапе, сулят изменению судебной системы в общем. Однако на пути к цифровому правосудию важно помнить о человеческом факторе. Искусственный интеллект не сможет заменить квалифицированных судей, их опыт и знания. Необходимо обеспечить прозрачность и доступность данных технологий, чтобы гарантировать право на обжалование решений, принятых с использованием искусственного интеллекта. Лишь таким образом, гармонично сочетая передовые технологии и фундаментальные принципы правосудия, мы сможем создать судебную систему будущего, отвечающую потребностям современного общества и гарантирующую надежную защиту прав и свобод каждого человека.

Список источников

1. Китайские суды обязали консультироваться с искусственным интеллектом. URL: https://pravo.ru/news/242025/ (дата обращения: 04.03.2025).
2. AI assistance to boost efficiency of judicial sector. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202212/12/WS6396843da31057c47eba3e3c.html (дата обращения: 04.03.2025).
3. Цифротизация регионов России. URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 06.03.2025).
4. Насиров Н. И. Уголовно-исполнительное воздействие и его реализация в эпоху цифровизации // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 155–159.
5. Искусственный интеллект в суде – одна инстанция. URL: https://pravo.ru/opinion/254748/ (дата обращения: 06.03.2025).

УДК 37.014.4

Черков Владимир Александрович
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
доцент кафедры государственного управления
Луганский государственный университет
имени Владимира Даля
г. Луганск, Российская Федерация
Vladimir_Cherkov@mail.ru

Черкова Марина Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
доцент кафедры государственного управления
Луганский государственный университет
имени Владимира Даля
г. Луганск, Российская Федерация
marina.cher.80@mail.ru

Риски и ограничения искусственного интеллекта в образовании: почему не стоит переоценивать его возможности

Аннотация. *В статье рассмотрены современные научные взгляды на возможность применения искусственного интеллекта в сфере образования.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, образование, педагог, внедрение, риск, интеграция.*

© Черков В. А., Черкова М. Ю., 2025

Cherkov Vladimir Aleksandrovich
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Public Administration
Lugansk State University named after Vladimir Dahl
Lugansk, Russian Federation

Cherkova Marina Yuryevna
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor o
f the Department of Public Administration
Lugansk State University named after Vladimir Dahl
Lugansk, Russian Federation

**Risks and limitations of artificial intelligence in education:
why you should not overestimate its capabilities**

Annotation. *The article examines modern scientific views on the possibility of using artificial intelligence in the field of education.*
Keywords: *artificial intelligence, education, teacher, implementation, risk, integration.*

В последние годы возможности применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сфере образования на основе анализа данных, а также в прогнозировании и автоматизации образовательных процессов привлекают все более пристальное внимание специалистов в области образовательных технологий и, как следствие, они стали предметом многочисленных научных исследований. Вместе с тем, число критических исследований, направленных на всесторонний анализ данного феномена, остается сравнительно невысоким. Оптимистические настроения научного и педагогического сообществ в отношении перспектив использования ИИ формируют многочисленные концепции благоприятного будущего, обусловленного внедрением ИИ, что, в свою очередь можно расценит как явление односторонней оценки. Несмотря на очевидный вклад ИИ в экономическое развитие, образовательные и инновационные процессы, он одновременно создал почву для возникновения ряда новых концепций, которые, по сути, способствуют распространению несостоятельных утверждений.

Анализ литературных источников свидетельствует о том, что широкое распространение в образовательной сфере получила идея о замещении преподавателей и их труда искусственным интеллектом. Данная инновационная концепция вызывает обеспокоенность относительно избыточного оптимизма и чрезмерной уверенности в потенциале таких образовательных технологий. Несмотря на многочисленность и согласованность взглядов ее сторонников с научно-техническими прогнозами, они зачастую характеризуются недостаточной аргументацией. В научных прогнозах отдельных авторов отмечается, что преподаватели, не обладающие необходимыми знаниями об ИИ, могут потерять работу [1]. Некоторые ученые рассматривают ИИ как угрозу или деструктивную силу с момента появления такой технологии [2, с. 90–92; 3, с. 48–49]. Внедрение ИИ трансформирует образовательную среду, а вызванные этим изменения рассматриваются как необратимые, что, в свою очередь, требует активной интеграции ИИ в систему образования.

В различных литературных источниках мы также можем видеть, что представление о замене человека роботами широко проникло в сферу образования. Эта инновационная идея порождает обеспокоенность относительно чрезмерного оптимизма и уверенности в потенциале образовательных технологий. Более четверти источников описывают формирование новой образовательной экологии с участием ИИ, с акцентом на прогнозируемые результаты, возможности и перспективы.

Сторонники наиболее радикальной точки зрения утверждают, что ИИ способен полностью заменить преподавателей и учителей, а более консервативные исследователи предполагают, что ИИ сможет взять на себя лишь часть функций педагогов, что, по сути, не ставит под угрозу само существование профессии учителя [4, с. 7–9]. Существуют также относительно умеренные мнения, согласно которым учителя, эффективно использующие ИИ, вытеснят тех, кто не применяет данные технологии, а преподаватели, не обладающие необходимыми навыками работы с такими данными, творческим воображением и креативностью, вероятно, будут исключены из образовательного процесса. В то же время эмпирические исследования в области применения ИИ в образовании пока не выявили сценариев, в которых возможности искусственного интеллекта превосходят потенциал живых педагогов. Технические ограничения и многочисленные барьеры для внедрения ИИ по-прежнему сохраняются, что не позволяет ожидать замещения преподавательской деятельности или ее превосходства над работой человека.

Взаимодействие между преподавателями и обучающимися, необходимое для реализации сложных образовательных процессов, а также личностные качества педагога, такие как харизма и способность к самовыражению, существенно превосходят текущие технические возможности ИИ. Отраслевые отчеты подтверждают, что современные технологические инструменты могут выполнять лишь вспомогательную функцию в учебном процессе и не способны полностью заменить преподавателей.

Так, согласно исследованию Лаборатории инноваций в образовании ВШЭ и холдинга Ultimate Education, более 50 % преподавателей-новаторов готовы поддерживать мультимодальные подходы с использованием искусственного интеллекта, а около 33 % студентов считают, что технологии делают обучение более интересным и удобным. Однако эти технологии пока не могут восполнить человеческий фактор общения и глубину взаимодействия, которые обеспечивает преподаватель [5].

В России повышается уровень внедрения ИИ и цифровых инструментов, но при этом только 4 % глобальных расходов направляется на цифровизацию сферы образования, а увеличение этих показателей ожидается лишь до 5 % в 2025 году. При этом 49 % учащихся уже применяют генеративные технологии во время обучения. Виртуальные помощники и персонализированное обучение с использованием ИИ становятся все более распространенными, однако роль педагога в контроле качества и адаптации образовательного материала остается ключевой [6].

В таких реалиях сегодняшнего дня ряд ученых пересматривают свои ранние позиции, представляя образовательный ИИ не как замену преподавателю, а как средство расширения его профессиональных возможностей. Ключевым аспектом остается поддержка эффективного обучения, осуществляемого педагогами. Такой подход выводит искусственный интеллект с пьедестала исключительного ресурса, приравнивая его к прочим образовательным технологиям. Параллельно меняются и методы, и цели образования.

Анализ отечественной научной литературы свидетельствует о том, что значительное внимание исследователей уделяется потенциалу ИИ в сфере анализа и многократной переработки информации, при этом активное внедрение ИИ часто связывается с концепцией персонализированного обучения. В традиционных образовательных моделях персонализация обучения для каждого студента либо небольшой группы, как правило, затруднена из-за ограничений в достаточности времени преподавателя, педагогических навыков и ресурсов, а также из-за сложности получения и обработки информации о предпочтениях и стилях обучения отдельных учащихся по конкретным дисциплинам. В этом контексте, на наш взгляд, ИИ можем смело рассматривать как инструмент, способный применять различные методики обучения, адаптируясь под нужды каждого обучаемого, и предлагать улучшения в режиме реального времени на основе анализа собираемых данных. Типичные сферы применения ИИ включают персонализацию обучения, поиск визуального контента, онлайн-консультирование, автоматизированную проверку домашних заданий, интеллектуальную оценку, а также обратную связь [7, с. 98–104].

В ряде научных работ по теме стандартизации и нормализации образования предполагается, что ИИ способен трансформировать образовательные цели. Современные исследования выделяют развитие инновационных талантов как главную задачу образовательной системы, где создание соответствующих обучающих программ становится приоритетом. Считается, что будущие технологии ИИ могут нивелировать конкурентные преимущества существующей образовательной системы в формировании личности. В этом контексте образование должно создавать более благоприятные условия для развития личности обучающихся, поддерживать и поощрять их любознательность, а также стимулировать творческое воображение. Прогнозируется, что ИИ наиболее вероятно заменит человеческий фактор, а уникальные онтологические особенности человека, традиционно считаемые достоинствами, могут скоро исчезнуть. Такие концепции могут восприниматься как радикальные и даже подрывающие классическое понимание образования, однако их целью является глубокая реорганизация существующей системы.

Компетенции XXI века, возникшие в рамках промышленного развития и получающие все более широкое признание, считаются ключевыми для подготовки кадров в современных условиях социального и технологического прогресса. Предполагается, что ИИ будет способствовать развитию у обучающихся именно этих компетенций. Вопрос заключается в формах и подходах для включения ИИ в образовательный процесс и наличии успешных моделей реализации данной цели.

При этом отдельные ученые справедливо отмечают, что современный искусственный интеллект в основном базируется на распознавании образов с помощью больших данных и для достижения подлинного интеллекта может потребоваться несколько десятилетий – порядка 40 лет [8]. Учитывая текущие темпы внедрения технологий, масштабные прорывы в использовании ИИ в образовании ожидаются не раньше, чем через десять лет. В ближайшие годы основной упор будет сделан на повышение справедливости и качества образования с помощью ИИ. Научное сообщество уверено в потенциале искусственного интеллекта для улучшения образовательных процессов и преподавания. Общество в целом также ожидает, что технологии помогут открыть новые возможности для повышения качества образования и успешной реализации реформ. В настоящее время ведутся активные исследования и разработки по интеграции ИИ в образовательную среду, включая создание «умных» кампусов, трехмерных учебных пространств, онлайн-платформ с использованием больших данных и интеллектуальных помощников в обучении.

К числу оптимистических концепций стоит отнести и такую, согласно которой «адаптивные образовательные системы, основанные на искусственном интеллекте, способны повысить доступность ресурсов в регионах с низким уровнем развития, уменьшить дефицит высококвалифицированных педагогов и способствовать достижению равенства в образовании» [9, с. 68–69].

Однако многие исследования показывают, что информатизация образования не всегда способствует уменьшению образовательного неравенства; напротив, социальное и этническое неравенство могут усиливать разрыв в доступе к качественным образовательным ресурсам. В условиях пандемии COVID-19 эта проблема стала особенно очевидной, подчеркнув, например, различия в доступе к цифровым образовательным инструментам между городскими и сельскими районами. Искусственный интеллект, являясь частью цифровизации образования, пока не обеспечивает полного решения этих проблем, из-за чего к его потенциалу, полагаем, следует относиться с определенной долей скептицизма.

В заключение следует отметить, что слишком оптимистичные представления о возможностях ИИ, таких как дифференцированное предоставление учебных материалов и мгновенная оценка на основе больших данных, требуют осторожного и критического научного подхода. Несмотря на энтузиазм в продвижении технологий в образовательной сфере, иногда отсутствует критическая объективность и научная обоснованность. Многие научные работы основаны на предположениях и гипотезах, а не на достоверных фактических данных. Признание потенциала технологий сочетается с необходимостью проведения экспериментальных исследований и объективного анализа возникающих проблем. Критическое переосмысление существующих взглядов и выявление недопонимания являются, по нашему мнению, важным этапом углубленного изучения и развития образовательных практик с применением искусственного интеллекта. Подобно тому, как преподавателям необходимо учитывать когнитивные особенности учащихся для эффективного обучения, так и в научной сфере прояснение мифов и философских различий обеспечивает основу для

формирования новых перспектив и путей развития исследований в области ИИ и образования.

Очевидно, что внедрение искусственного интеллекта в образовательную среду потребует значительного времени. Его интеграция постепенно изменит многие аспекты образовательной деятельности. В то же время достаточно острым и неразрешенным остается вопрос, приведут ли эти изменения к упрощению процессов обучения или к их качественным трансформациям. Мы уверены, что педагоги должны владеть навыками использования ИИ, при этом они должны осознавать и свою собственную уникальность, что не менее важно, в том числе и в условиях цифровой эпохи.

Список источников

1. Шпунт Я. Недостаток цифровых навыков как тормоз проектов и фактор риска. URL: https://www.klerk.ru/buh/articles/608335/ (дата обращения: 17.09.2025).
2. Введенская Е. В. Критика искусственного интеллекта: философская оптика // Технологос. 2025. № 1. С. 87–97.
3. Воробьёв В. Критика искусственного разума: особенности правового содержания национальной концепции искусственного интеллекта // Трибуна ученого. 2022. № 9. С. 46–57.
4. Ли Д. Характерная философия позиционирования и действия развития учителей в эпоху искусственного интеллекта // Journal of Educational Technology. 2020. № 41. С. 5–11.
5. Названы ключевые тренды в образовании – 2025 // Новости экспертизы в НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/news/expertise/990888456.html (дата обращения: 17.09.2025).
6. Технологические тренды в образовании: перспективы на 2025 год // Искусственный интеллект в образовании. URL: https://quality-edu.ru/novosti/tehnologicheskie-trendy-v-obrazovanii-perspektivy-na-2025-god (дата обращения: 17.09.2025).
7. Selwyn N. Should robots replace teachers? AI and the future of education. Cambridge : Polity Press, 2019. 130 p.
8. Ван Ц. Беседа с лауреатом премии Тьюринга Джоном Хопкрофтом: как избежать этих двух заблуждений при подготовке специалистов в области ИИ в университетах. URL: http://society.yunnan.cn/system/2020/07/09/030782927.shtml (дата обращения: 17.09.2025).
9. Фадеева К. Роль искусственного интеллекта в создании адаптивных образовательных платформ // Вестник Ошского государственного университета. Педагогика. Психология. 2025. № 1(6). С. 66–71.

СЕКЦИЯ 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

УДК 281.93(092)

Священник Георгий Андрианов
директор Церковного научно-исследовательского центра
Костромской митрополии
г. Кострома, Российская Федерация
director44@inbox.ru

Маршал Василевский: последнее Причастие и отпевание

Аннотация. *В настоящей статье описываются события, связанные с концом жизни Маршала СССР Александра Михайловича Василевского: последнее Причастие и отпевание. Оба события были совершены в тайне. Автор приводит разные данные из воспоминаний современников, которые свидетельствуют о том, что в конце жизни советский полководец ушел в другой мир как настоящий христианин. Статья написана в связи с 130-летием со дня рождения А. М. Василевского.*

Ключевые слова: *Русская Православная Церковь, Исповедь, Причастие, Отпевание, маршал Александр Михайлович Василевский, Троице-Сергиева Лавра.*

Priest Georgii Andrianov
director of the Church research center of the Kostroma metropolitan
Kostroma, Russian Federation

Marshal Vasilevsky: Last Communion and Funeral Service

Annotation. *This article describes the events surrounding the end of the life of Marshal of the USSR Alexander Mikhailovich Vasilevsky: his last communion and funeral service. Both events were conducted in secrecy. The author provides various accounts from contemporary recollections, which suggest that at the end of his life, the Soviet military leader passed away as a true Christian. The article is written in honor of the 130th anniversary of A. M. Vasilevsky's birth.*

Keywords: *Russian Orthodox Church, Confession, Communion, Funeral Service, Marshal Alexander Mikhailovich Vasilevsky, Trinity Lavra of St. Sergius.*

Последнее Причастие. Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский не раз стоял перед вратами смерти, но Господь Вседержитель позволил им открыться только в конце 1977 года. Маршал прожил полных 82 года. Как говорит Псалмопевец: *«Дней лет наших – семьдесят лет, а при бóльшей крепости – восемьдесят лет»* (Пс. 89, 10).

Александр Михайлович прожил долгую плодотворную жизнь. На пороге смерти он формально являлся членом коммунистической партии и числился в рядах атеистов. Однако духовные корни полководца помогли ему найти воз-

© Андрианов Г. В., 2025

можность перед кончиной видимым образом примириться с Господом, память о Котором он хранил в сердце всю жизнь.

Существует мнение, что, будучи уже сильно больным человеком, маршал смог приехать в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, чтобы совершить все надлежащее христианину перед кончиной (испове́даться и причасти́ться). Надо полагать, что бдительные партийные органы негласно дали свое разрешение при условии сохранить такой визит в тайне. Много лет спустя об этом как бы вскользь упомянул лаврский духовник архимандрит Кирилл (Павлов; 1919–2017). В своем письме на имя младшей дочери маршала Жукова – Марии Георгиевны – старец писал: *«Я слышал, что в Лавру приезжал маршал Василевский Александр Михайлович, он останавливался в гостинице, причащался»* [5; 23].

Сразу следует пояснить, что оборот «я слышал» нужно понимать в значении «я помню» по двум причинам: 1) контекст письма, обращенного к дочери, не позволяет старцу распространяться о другом человеке и 2) старец, как главный духовник Лавры, сам боролся со слухами (с непроверенными данными), которые являются грехом (2 Кор 12, 20; 1 Тим 5, 13). Архимандрит Кирилл ясно сформулировал свое кредо в отношении передачи информации: «Молчать, когда нужно говорить, – это трусость, а говорить, когда нужно молчать – это неразумие» [4].

Из небольшой строки из письма дочери Жукова следует одна важная деталь, поясняющая, что легендарного военачальника разместили на территории монастыря. В противном случае отец Кирилл непременно бы написал, что гость останавливался «в городе». Такова специфика мысли лаврских насельников, которые воспринимают все находящееся за стенами обители как «город».

В 1970-х годах в городе Загорске (советское наименование города Сергиев Посад) было две гостиницы. Первая называлась «Березка». Она находилась на одной улице с Лаврой, но на большо́м расстоянии для пожилого человека (ныне – здание налоговой инспекции на ул. Красной Армии, д. 190). Вторая гостиница занимала бывший Инспекторский корпус Московской духовной академии и располагалась внутри монастырских стен на территории самой Лавры. Это старинное двухэтажное здание напротив алтаря Успенского собора).

Сегодня Инспекторский корпус входит в лаврский архитектурный ансамбль. Он называется Синодальной гостиницей, поскольку здесь в дни памяти преподобного Сергия Радонежского размещаются постоянные члены Священного Синода Русской Православной Церкви. К Инспекторскому корпусу примыкают Экономский корпус (служба эконома и архитекторы), а за ним следует Успенский корпус, в котором живет братия монастыря.

Имеется красивая картина 1946 года, где изображен вид из окна этой гостиницы на собор. Скорее всего, именно такой номер с панорамой дали высокому гостю, так как о́кна на противоположной стороне упираются в монастырскую стену. Для сохранения инкогнито Василевского его документы для заселения могли оформить на адъютанта маршала.

В Свято-Троицкой Сергиевой Лавре ранняя литургия в будничные дни начиналась часов в шесть утра. Для Василевского ночлег был необходим из-за того, чтобы маршал смог испове́даться и причасти́ться за ранней литургией, ко-

гда в храме находилось мало местных прихожан, а большинство паломников еще не успевало приехать в город.

Паломничество в Лавру осталось тайной для всех близких военачальника. О нем ничего не известно сыну маршала Игорю Александровичу Василевскому, с которым удалось эту тему лично обсудить автору книги. В семье Василевских вообще не говорили о религии, а о посещениях храмов умалчивали. Сам Игорь Александрович крестился в зрелом возрасте еще при жизни отца, но ничего не сказал ему об этом. Старший сын полководца – Юрий Александрович принял таинство Крещения уже после смерти маршала в 1995 году на его родине в бывших костромских пределах. Но несмотря на то, что свою веру маршал скрывал даже от близких, они чувствовали величие его духа. Племянник маршала, проживший в его семье долгое время, вспоминал: «В одном убежден: безбожником он не был. Не стал безбожником, не сумел» [2; 287].

Тайное отпевание

В то время отпéть в храме Александра Михайловича было невозможно. Тогда его старший сын, генерал-лейтенант авиации Юрий Александрович Василевский (1925–2013), решил организовать заочное отпевание. На просьбу откликнулась жена его лучшего друга, генерал-лейтенанта инженерных войск Игоря Борисовича Шапошникова (1918–1991), Слáва Александровна.

Она была замужем за сыном маршала Бориса Михайловича Шапошникова (1882–1945), который являлся учителем и наставником Василевского по штабной работе. Сыновья маршалов дружили, поэтому Юрий Александрович знал о том, что Слава Александровна ходит в церковь. Духовником Славы Александровны являлся архимандрит Таврион (Батозский, 1898–1978) из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, с которым ее познакомил протоиерей Василий Жеребцов (1928–1981). Одно время этот священник служил в московском храме Воскресения Словущего в Даниловской слободе, куда ходила для молитвы Слава. Отец Василий крестил ее дочь – Марию. Поэтому обращение к такому воцерковленному человеку стало для Юрия естественным шагом и потребностью души.

Слава Александровна оставила письменные воспоминания о своей жизни, в которых сообщает, что смогла исполнить просьбу сына маршала и заказать заочное отпевание. Обряд совершил знакомый ей отец Василий Жеребцов в храме Живоначальной Троицы на Пятницком кладбище города Москвы (Дроболитейный переулок, 5) [7; 124]. В тот момент заочное отпевание являлось относительно новым чинопоследованием в литургической практике Русской Православной Церкви и стало допускаться по причине массовой гибели верующих в годы Великой Отечественной войны и ввиду полной невозможности организовать очное прощание с убиенным воином. Так маршал Василевский прошел посмертным путем миллионов павших воинов, которые были заочно отпеты под сводами православных храмов.

Маршал Александр Михайлович Василевский начал постоянно сталкиваться со смертью с двадцати лет. Сначала это был фронт Первой мировой, затем сражения Гражданской войны. В межвоенный период смертельная опасность сохранялась из-за угрозы быть репрессированным по причине своего

происхождения и семинарского диплома. С 1941 года были постоянные рискованные выезды на фронт в качестве представителя Ставки. Весной 1944 года подрыв в Крыму на минах двух его транспортных средств едва не закончился трагедией. Его жизнь могла оборваться в небе над Амуром и в автокатастрофе в Прибалтике. Личное командование двумя крупными операциями в Восточной Пруссии и Маньчжурии также увеличивало опасность попасть под огонь противника.

В послевоенные годы Василевский постоянно оказывается причастным к траурным процедурам похорон высоких советских государственных и военных деятелей. В качестве члена почетного караула он стоит у гробов умерших соратников. Самыми важными похоронами в его жизни стали похороны Сталина. Здесь стоит умолчать о его боли от утрат родных, друзей и близких во время войны. Эту чашу сполна испило все поколение победителей.

Избежав смерти на всех фронтах своей военной судьбы, чудом спасшись от репрессивной советской машины, пережив Сталина и многих друзей и врагов, Василевский столкнулся со смертельной болезнью. Такие жизненные испытания, несомненно, побуждали его обращаться к Богу в своей душе. Болезнь он переносил по-христиански, без ропота и утомления близких. Как высокопоставленный военный и известный в стране коммунист Александр Михайлович не мог и подумать о том, чтобы открыто переступить порог храма. Но затем, осознав, что находится уже на пороге вечности, он решился на тайное паломничество в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, где поисповéдывался и причастился Святых Христовых Таин.

Маршал Василевский был отпет в православном храме. Торжественный обряд отпевания в Русской Православной Церкви завершается трехкратным молитвенным пением слов «Вечная память». Рассказывают, что в конце войны маршал Василевский предложил Сталину почтить память павших бойцов именно этими словами. Но Иосиф Виссарионович ответил: «„Память“ отдает церковным. Скажем: „Вечная слава!“» В итоге историческое обращение Сталина к народу по поводу окончания войны 9 мая 1945 года заканчивается словами: *«Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!»*[1]

Поэтому, дорогой читатель, автору, как благодарному потомку поколения победителей, хотелось бы закончить эту статью близкими по смыслу словами:

Вечная память и вечная слава
военачальнику Александру,
отдавшему всего себя за нашу Победу!

[1] Эту историю рассказывал, как очевидец, генерал И. Н. Рыжков (1906–1991), который в годы войны служил комиссаром Главного оперативного управления Генерального штаба (см.: [6]). К сожалению, журналы посещения Сталина переводят этот разговор в разряд красивых легенд о маршале, так как Рыжков был с Василевским на приеме у Сталина только в июле 1942 года (см.: [3]).

Список источников

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022.

2. Белов П. Ф. Тернии и звезды: Повествование о Василевских. Иваново : Талка, 1997.

3. На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953) / [авт.-сост.: А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев]. М. : Новый хронограф, 2008.

4. Рябко И., прот. Статьи и проповеди. Часть 4. 2021 г. // CoolLib : электронная библотека. URL: https://coollib.in/b/587294/read (дата обращения: 25.10.25).

5. Соколов Б. В. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск : Родиола-плюс, 2000.

6. Чуев Ф. И. Ветер истории. М. : Роман-газета, 1999.

7. Шапошникова С. А. О настоящей любви: Рассказы и стихи. М. : Перо, 2017.

УДК 246:281.93

Священник Павел Бочков
доктор богословия, доктор теологии, кандидат юридических наук,
доцент кафедры библейско-богословских дисциплин
Кузбасская духовная семинария
Новокузнецк, Российская Федерация
frpavel@inbox.ru

Наградная символика общественной организации «Конвой Святого Царя Страстотерпца» (г. Сестрорецк, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена обзору наградой символики Санкт-Петербургской общественной организации «Возрождение духовного и культурного наследия казачества «Конвой Святого Царя Страстотерпца»», известной также как «Императорский конвой». В современном многообразии общественных наград, памятных и членских знаков общественных организаций довольно сложно разобраться. Особо выделяются наградные знаки и медали Императорского конвоя, по сути, представляющие собой собственную наградную систему для поощрения членов организаций, находящихся под духовным надзором и административным контролем их идейного руководителя архимандрита Георгия (Коневиченко). Награды «Императорского конвоя» стали заметным явлением среди патриотических общественных организаций (казачьих, ветеранских, общественно-политических, монархических и т.п.), что, в свою очередь, требует их описания и каталогизации для введения в научный оборот в интересах как фалеристики и геральдики, так и для исследовательского интереса представителей сообщества коллекционеров, искусствоведов, медальеров и т. п.*

Ключевые слова: *возрождение казачества, память Николая II, современная общественная фалеристика, «Императорский конвой», казачество Санкт-Петербурга.*

© Бочков П. В., 2025

Priest Pavel Bochkov
Doctor of Theology, Doctor of Theology, PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Biblical and Theological Disciplines
Kuzbass Theological Seminary
Novokuznetsk, Russian Federation

Award symbols of the public organization "Convoy of the Holy Tsar Martyr" (Sestroretsk, Russia)

Annotation. *The article is devoted to the review of the award symbols of the St. Petersburg public organization "Revival of the spiritual and cultural heritage of the Cossacks "Convoy of the Holy Tsar Martyr", also known as the "Imperial convoy". It is quite difficult to understand the modern variety of public awards, commemorative and membership signs of public organizations. Particularly notable are the award signs and medals of the Imperial convoy, which in fact represent their own award system to encourage members of organizations under the spiritual supervision and administrative control of their ideological leader Archimandrite Georgy (Konevichenko). The awards of the "Imperial Escort" have become a noticeable phenomenon among patriotic public organizations (Cossack, veteran, socio-political, monarchist, etc.), which, in turn, requires their description and cataloguing for introduction into scientific circulation in the interests of both phaleristics and heraldry, and for the research interest of representatives of the community of collectors, art historians, medalists, etc.*

Keywords: *revival of the Cossacks, memory of Nicholas II, modern public phaleristics, "Imperial Escort", Cossacks of St. Petersburg.*

История Санкт-Петербургской общественной организации «Возрождение духовного и культурного наследия казачества „Конвой Святого Царя Страстотерпца“» связана с общественно-патриотической и церковной деятельностью Игоря Леонидовича Коневиченко, в настоящее время известного как архимандрит Гавриил. Не ставя себе целью составить подробное жизнеописание этого заметного священнослужителя, отметим, что будущий архимандрит родился в 1966 году, долгие годы занимался предпринимательской и общественной деятельностью, был женат. В 1990-х гг. встал в ряды возрождающегося Казачества, войдя в состав общероссийской общественной организации «Союз казаков России». В 2004 году, еще будучи мирянином, И. Л. Коневиченко стоял во главе инициативной группы по организации в г. Сестрорецке (муниципальное образование в составе Курортного района города федерального значения Санкт-Петербурга) [15, с. 6]. В 2005 году был рукоположен в сан диакона а затем и священника архиепископом Ивано-Франковским и Коломыйским Николаем (Грохом) [15; 16]. Находясь в клире Украинской Православной Церкви, принял монашеский постриг с именем Гавриил, к 2011 году был возведен в сан архимандрита. В 2013 году был принят в клир Санкт-Петербургской епархии и назначен настоятелем построенного им храма в имя Тихвинской иконы Божией Матери [3].

Являясь клириком Украинской Православной Церкви, архимандрит продолжал активную общественно-церковную деятельность, которая заключалась в организации многочисленных мероприятий памятной, духовно-просветительской, монархической и патриотической направленности.

С целью объединения представителей казачества, а также привлечения в ряды организации новых членов, им было организовано несколько казачьих организаций. «В 2005 г. учредил Санкт-Петербургскую общественную организацию возрождения культурных традиций и обычаев казачества «Петербургская станица»» [13, с. 332], и возглавил ее. Первоначально И. Л. Коневиченко вошел в состав Ставропольского казачьего войска Союза казаков России, в составе которого был создан Курортный отдел, а атаманом был избран И. Л. Коневиченко [13, с. 79; 6, с. 3]. В этой должности он пробыл до 2009 года [13, с. 332], когда стал духовником многочисленных учрежденных им организаций, и прежде всего – «Императорского конвоя».

За годы активной деятельности архимандрит Гавриил (Коневиченко) учредил целый ряд общественных организаций с целью реализации своих планов по развитию возрождения казачества, духовного, патриотического и исторического просвещения жителей Сестрорецка. Так, к 2025 году он стоял во главе не только прихода храма Тихвинской иконы Божией Матери, но и являлся руководителем таких организаций, как Частное культурно-просветительское учреждение «Библиотека памяти Его Императорского Величества Святого Царя Страстотерпца Николая II», Санкт-Петербургская объединенная общественная организация «Возрождение духовного и культурного наследия казачества «Невская сечь», Санкт-Петербургская общественная организация возрождения культурных традиций и обычаев казачества «Петербургская станица», Региональный общественный фонд возрождения русских культурных традиций, оздоровления экологии, повышения физической культуры населения «Берега», Конвой памяти святого Царя Страстотерпца Николая II, Духовно-просветительский центр г. Сестрорецка. Все эти юридические лица по состоянию на середину 2025 года находились по адресу: г. Санкт-Петербург, г. Сестрорецк, ул. Воскова, д. 17.

Благодаря особого вида красным черкескам, которые носят чины Конвоя, самой узнаваемой и яркой организацией стал именно «Императорский конвой». «Конвой Святого Царя Страстотерпца Николая II» был организован по благословению архимандрита Гавриила (Коневиченко) на сходе 9 мая 2011. В то время в него вошли 11 лучших казаков Курортного отдела Ставропольского казачьего войска. Форменная одежда казаков отдела повторяет казачью справу казаков, служивших в императорском конвое. В связи с этим организация представляет собой одновременно и военно-исторический клуб любителей исторической реконструкции, и казачью организации. При этом в организации особо чтят память последнего Российского императора, постоянно проводятся различные памятные мероприятия, посвященные как лично царю-мученику, так и его семье [1]. В результате такой активной деятельности, организация распространила свое влияние далеко за пределы Санкт-Петербурга, создав несколько своих отделов в различных регионах России, в том числе в Сибири и Забайкалье.

Стало уже обыденным, что в современном казачестве появилось огромное количество разного рода наград и знаков отличия для ношения их на форменной одежде (казачьей справе). Не стала исключением и казачья община Сестрорецка, духовно и в большой степени материально возглавляемая архимандритом Гавриилом (Коневиченко).

Стремясь свести воедино весь доступный материал, который позволяет увидеть общую картину наградной символики Императорского Конвоя, ниже приведем все известные награды и знаки конвоя, согласно хронологии их появления. Отметим также, что благодаря сотрудничеству с войсковым старшиной Сибирского казачьего войска Бахаревым Юрием Николаевичем (1947–2022), мы знаем, что большая часть наград Конвоя была изготовлена силами именно этого мастера-медальера. Примечательно, что Ю. Н. Бахарев, делая наградные знаки для Конвоя, помещал на колодках к знаку соответствующую надпись: «Конвой святого царя страстотерпца Николая II».

1. «В память 400-летия Дома Романовых». Медаль была учреждена в 2013 году к юбилейным торжествам, связанным с 400-летием Дома Романовых.

Медаль была отчеканена в г. Тюмени Ю. Н. Бахаревым. «По общему дизайну она схожа с медалью „300 лет Дома Романовых“. Также на аверсе отчеканены профили первого и последнего Романова» [7, с. 167]. При этом, по утверждению исследователя А. М. Величко, существовало два варианта медали: с нимбом над головой последнего Императора – «для награждения священнослужителей», и с «куполами на заднем плане» – «для награждения казаков» [7, с. 176]. Однако, по сообщениям представителей самого Конвоя, лишь медаль с увенчанным нимбом Николаем II имела отношение к наградам организации.

Рис. 1. Удостоверение к медали «В память 400-летия Дома Романовых» (Россия, 2013)

Рис. 2. Аверс и реверс медали «В память 400-летия Дома Романовых» (Россия, 2013)

2. Медаль «На молитвенную память о погибших воинах русской Императорской армии в Первую Мировую войну». В книге А. М. Величко данный вариант этой награды поименован как «Крест «Памяти погибшим казакам в Первую мировую войну»» [7, с. 168]. В ряде источников имеется и другое название – «В память 100-летия начала Первой мировой войны» [5, с. 76–77]. Учреждена к 100-летию начала Первой мировой войны общественной организацией «Возрождение духовного и культурного наследия казачества „Невская Сечь“» [16]. В оригинальном удостоверении к знаку указано точное наименование медали. Медаль была отчеканена в г. Тюмени Ю. Н. Бахаревым, имела тираж 500 экземпляров. Она «имеет форму прямого греческого креста с размахом 36 мм

при толщине концов 18 мм. Отчеканен из пластин латуни и меди. Все поле покрыто холодной черной эмалью. Середину креста занимают даты: „1914–2014“. На нижнем конце отчеканена лавровая ветвь. Кромки креста имеют оранжевую окантовку. Реверс, изготовленный из медной пластины, имеет красный цвет» [7, с. 64]. На реверсе была расположена надпись: «Благодарные потомки казаки „Невской Сечи“ на молитвенную память о погибших воинах русской Императорской Армии в Первую Мировую войну».

Рис. 3. Удостоверение к медали «На молитвенную память о погибших воинах русской Императорской армии в Первую Мировую войну» (Россия, 2014)

Рис. 4. Аверс и реверс медали «На молитвенную память о погибших воинах русской Императорской армии в Первую Мировую войну» (Россия, 2014) [16]

3. Орденский знак «Император Николай II». Данная награда является самой распространенной в организации, было изготовлено 3600 экземпляров награды [17]. «Изготовлен по заказу Санкт-Петербургской общественной организации „Конвой памяти Государя Императора Николая II“ к юбилейным датам:

– 100-летие трагической гибели Российской Империи (2017);

– 150-летие со дня рождения Государя Императора Николая II Александровича (2018);

– 100-летие мученического подвига Царской Семьи (2018)… вручается соработниками и миссионерами Духовно-просветительского центра города Сестрорецка Санкт-Петербурга по благословению духовника „Конвоя памяти Государя Императора Николая II“ архимандрита Гавриила (Коневиченко) и за его подписью за верноподданнические чувства и любовь к Государю и Его Августейшей Семье» [17]. Известны награждения этим знаком в 2016 г.

Крест имел размеры 45 на 45 мм, был изготовлен из латуни и покрыт горячей эмалью черного цвета. Крепился к пятиугольной русской колодке обтянутой муаровой лентой цветов георгиевского флага.

2018 год стал годом столетия трагической гибели последнего Российского Императора Николая II и всей его семьи вместе с сопровождавшими их слугами и приближенными. К этой дате было изготовлено несколько медалей в память о святых мучениках. В собрании автора имеется несколько медалей, изготовленных Ю. Н. Бахаревым, с указанием, что изготовлены они все для

«Императорского конвоя», но возможно, некоторые из них являются прототипами или пробными экземплярами. Тем не менее, считаем, что уместно описать все имеющиеся варианты памятной медали.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

.....

.....

.....

Приказом по Конвою
Святого Царя Страстотерпца

от..... 20.... ..г. № ....

награжден орденским знаком

Император Николай II

Духовник общины
Конвоя Святого Царя Страстотерпца

Архимандрит Гавриил (Коневиченко)

Рис. 5. Удостоверение к орденскому знаку «Император Николай II»» (Россия, 2016)

Рис. 6. Аверс и реверс орденского знака «Император Николай II»» (Россия, 2016) [17]

4. Медаль «Святые Царственные Мученики 1918–2018». Вероятно, прототип. Изготовлена Ю. Н. Бахаревым в г. Тюмени. Изготовлена из томпака, колодка латунная, обтянута муаровой лентой цветов Российского имперского флага с романовской эмблемой посредине в виде червленого грифа, вооруженного щитом и мечем из латуни. Крепление цанговое. Статут и тираж неизвестен. На аверсе расположено изображение Царской Семьи, над каждым из членов которой изображен нимб. Сверху по краю имеется надпись: «Святые царственные мученики». Внизу на ленте указаны даты – «1918–2018». На реверсе расположена надпись: «Конвой памяти царя-мученика Николая II Санкт-Петербург».

Рис. 7. Аверс и реверс медали «Святые Царственные Мученики 1918–2018» (Россия, 2018) [из собрания автора]

5. Медаль «Святые Царственные Мученики 1918–2018. Вечная память». Изготовлена Ю. Н. Бахаревым в г. Тюмени. Изготовлена из томпака, колодка латунная, обтянута муаровой лентой цветов Российского имперского флага с романовской эмблемой посредине в виде червленого грифа, вооруженного щитом, и мечем из латуни. Крепление цанговое. Статут и тираж неизвестен. На аверсе расположено изображение грифа, романовского герба, утвержденного в 1856 г. При этом само изображение грифа проткнуто снизу-вверх штыком, примкнутым к трехлинейной винтовке. Сверху по краю, имеется надпись: «Святые царственные мученики». Между гербом указаны даты – «1918–2018». Внизу – круговая надпись: «Вечная память». На реверсе расположена надпись: «Конвой памяти царя-мученика Николая II Санкт-Петербург».

Рис. 8. Аверс и реверс медали «Святые Царственные Мученики 1918–2018. Вечная память» (Россия, 2018) [из собрания автора]

6. Медаль «К 100-летию мученической кончины Царской Семьи». «Медаль… изготовлена по заказу Санкт-Петербургской общественной организации „Конвой памяти Государя Императора Николая II“ к юбилейным датам:

– 100-летие трагической гибели Российской Империи (2017);

– 100-летие мученического подвига Царской Семьи (2018).

…Медаль „К 100-летию мученической кончины Царской Семьи“ вручается соработниками и миссионерами Духовно-просветительского центра города Сестрорецка Санкт-Петербурга по благословению духовника „Конвоя памяти Государя Императора Николая II“ архимандрита Гавриила (Коневиченко) и за его подписью за верноподданнические чувства и любовь к Государю и Его Августейшей Семье» [10]. Изготовлена Ю. Н. Бахаревым в г. Тюмени. Тираж 700 экземпляров. Изготовлена из томпака. Колодка латунная, обтянута муаровой лентой цветов Российского имперского флага с романовской эмблемой посредине в виде червленого грифа, вооруженного щитом, и мечем из латуни. На обратной стороне колодки выбита надпись – «К 100-летию мученической кончины Царской Семьи». На аверсе расположено изображение грифа, романовского герба, утвержденного в 1856 г. Сверху, по краю, имеется надпись: «Святые

царственные мученики». По сторонам герба расположены даты – «1918–2018». Внизу круговая надпись: «Молите Бога о нас». На реверсе расположена надпись: «Конвой памяти царя-мученика Николая II Санкт-Петербург». Известны награждения медалью в 2017 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

.....

.....

.....

Приказом по Конвою
Святого Царя Страстотерпца

от ..... 20.... ..г. № ....

награжден(а) медалью

К 100-летию мученической кончины Царской Семьи

Духовник общины
Конвоя Святого Царя Страстотерпца

Архимандрит Гавриил (Коневичено)

Рис. 9. Удостоверение к медали «К 100-летию мученической кончины Царской Семьи» (Россия, 2018)

Рис. 10. Аверс медали «Святые Царственные Мученики 1918–2018. Вечная память» (Россия, 2018) [10; из собрания автора]

7. Памятная медаль «Столетие русской Голгофы». Медаль была учреждена общественной организацией «Войсковая Православная Миссия» совместно с общественной организацией «Конвой Святого царя-страстотерпца» (г. Сестрорецк) по благословению Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей, митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского Илариона (Капрала) (1948–2022). Удостоенные данной медали награждались «за многолетние миссионерские труды, служение Богу, Царю и Отечеству» [14]. Тираж медали составил 300 экземпляров.

ВОЙСКОВАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ
КОНВОЙ СВЯТОГО ЦАРЯ СТРАСТОТЕРПЦА

№ _____

по благословению Первоиерарха
Русской Православной Церкви Заграницей
митрополита Восточно-Американского
и Нью-Йоркского Илариона

УДОСТОВЕРЕНИЕ

за многолетние миссионерские и просветительские труды, служение Богу, Царю и Отечеству

приказом по Конвою Святого Царя Страстотерпца
№ 19 от 17 июля 2018 года
награжден памятной медалью
«СТОЛЕТИЕ РУССКОЙ ГОЛГОФЫ»

Духовник общины
Конвоя Святого Царя Страстотерпца

архимандрит Гавриил (Коневичено)

МП

г. Санкт-Петербург

Рис. 11. Удостоверение к медали «Столетие русской Голгофы» (Россия, 2018)

Рис. 12. Аверс и реверс медали «Столетие русской Голгофы» (Россия, 2018) [9]

«На лицевой стороне медали… изображены святые царственные страстотерпцы, облаченные в традиционные русские царские одежды. Фигуры страстотерпцев расположены на фоне распростертых крыльев двуглавого орла, увенчанного императорской короной. На оборотной стороне медали располагалась надпись: „В память столетия Русской Голгофы 1918–2018“, а также номер медали, совпадавший с номером удостоверения. Само удостоверение выдавалось за подписью митрополита Илариона (Капрала) и скреплялось печатью Наградного Комитета Войсковой Православной Миссии [14]. Медаль носилась на ленте цветов русского имперского флага» [10, с. 202].

8. Медаль «К 100-летию епископской хиротонии сщмч. Николая Клементьева, архиепископа Сестрорецкого (Великоустюжского)». Данная памятная медаль была изготовлена в 2024 году, в память сщмч. Николая (Клементьева) (1875–1937) [12], являющегося чтимым святым Сестрорецкой общины. В центре медали находится изображение сщмч. Николая, облаченного в архиепископский клобук, украшенный крестом. По краю медали имеется круговая надпись, сделанная стилизованным под церковно-славянский шрифтом: «Сщмч. Николай Клементьев, архиепископ Сестрорецкий (Великоустюжский)». Колодка представляет собой стилизованный рушник, в центре которого имеется изображение православного восьмиконечного креста. Известно, что как минимум часть этих медалей вручалась не только от Конвоя, но и от Курортного благочиния Санкт-Петербургской епархии РПЦ.

КОНВОЙ ПАМЯТИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

УДОСТОВЕРЕНИЕ

фамилия

имя

отчество

награжден (-а) памятной медалью

К 100-ЛЕТИЮ ЕПИСКОПСКОЙ ХИРОТОНИИ СЩМЧ. НИКОЛАЯ КЛЕМЕНТЬЕВА, АРХИЕПИСКОПА СЕСТРОРЕЦКОГО (ВЕЛИКОУСТЮЖСКОГО)

Духовник Конвоя Памяти Государя Императора Николая II, настоятель храма Тихвинской иконы Божией Матери города Сестрорецка

архимандрит Гавриил (Коневиченко)

«____» _____ 20____ г.

Санкт-Петербург - Сестрорецк М. П.

Рис. 13. Удостоверение к медали «К 100-летию епископской хиротонии сщмч. Николая Клементьева, архиепископа Сестрорецкого (Великоустюжского)» (Россия, 2024)

Рис. 14. Аверс медали «К 100-летию епископской хиротонии сщмч. Николая Клементьева, архиепископа Сестрорецкого (Великоустюжского)» (Россия, 2024) [2]

Известно также как минимум о двух знаках с вензелем «ИК», которые, возможно имеют отношение к организации «Императорский конвой». Однако в Санкт-Петербурге существуют еще одна казачья организация с похожим на-

званием – «Государев Конвой» [11]. В связи с этим неизвестно, принадлежат ли эти медаль и знак к этой организации, однако среди наград организации, учрежденных архимандритом Гавриилом (Коневиченко) их нет.

Подводя итог описанию наградной символики «Императорского Конвоя», отметим, что награды этой организации стали заметным явлением в мире патриотической фалеристики, выйдя за пределы исключительно казачьей организаций и найдя отклик среди патриотической общественности, представителей монархического движения и священнослужителей. При этом, в отличие от ряда казачьих структур, некоторые награды Конвоя являлись совместной наградой с другими организациями упомянутыми выше. Все это свидетельствует, что и сами награды, и памятные даты, а также те мероприятия, в которых участвовали представители организации, занимали заметное место в патриотической жизни страны, с особым теплом воспринимались всеми почитателями памяти убиенного последнего Русского императора и его семьи. Тот путь, что избрали приходская община «храма Тихвинской иконы Божией Матери, с успехом продолжающейся до сего дня» [15, с. 6], и казаки, встав в ряды организаций, учрежденных настоятелем и духовником, привнесли существенный вклад как в становления самой общины, так и в патриотическое воспитание и русское историческое просвещение жителей Сестрорецка.

Список источников

1. 15 лет казачьей общине Сестрорецка // Казачий Вестник. Сестрорецк, 2020. Сентябрь.

2. 21 июня 2024 года. Опись переданного благочинному Сестрорецкого округа протоиерею Михаилу Петропавловскому для мероприятий, посвященных празднованию 100-летия епископской хиротонии священномученика Николая (Клементьева), епископа Сестрорецкого // Духовно-просветительский центр Сестрорецка. URL: https://www.sestroretsk.com/main/176507/ (дата обращения: 20.09.2025).

3. Архимандрит Гавриил (Коневиченко Игорь Леонидович) // Глобус Митрополии. URL: https://globus.aquaviva.ru/people/gavriil-konevichenko (дата обращения: 20.09.2025).

4. Бочков П.В., свящ. Образ святого царственного страстотерпца Николая II в отечественной фалеристике конца XX – начала XXI в. // Вестник Оренбургской духовной семинарии. Оренбург : Оренбургская духовная семинария, 2025. № 2(35). С. 174–218.

5. Бочков П. В., свящ. Черный крест. Памятные мемориальные знаки Белого движения, эмигрантских и патриотических организаций в отечественной и зарубежной фалеристике XX–XXI вв. Санкт-Петерубрг : Свое издательство, 2024. 106 с.

6. В курортном отделе СКВ // Казачий вестник Ставрополья. Ставрополь, 2009. № 4. С. 3.

7. Величко А. М., Величко А. А. Казачий медальер Тюмени. Гродно : Крокус, 2014. 64 с.

8. Величко А. М., Величко А. А. Награды и знаки Сибирского казачьего войска / под ред. Г. С. Зайцева. Минск : Принтаут, 2014. 196 с.

9. Медаль «В память столетия Русской Голгофы (1918–2018)» // Духовно-просветительский центр Сестрорецка. URL: https://www.sestroretsk.com/400-letiju-doma-romanovykh/88155/ (дата обращения: 20.09.2025).

10. Медаль «К 100-летию мученической кончины Царской Семьи» // Духовно-просветительский центр Сестрорецка. URL: https://www.sestroretsk.com/400-letiju-doma-romanovykh/72539/ (дата обращения: 20.09.2025).

11. Невская станица // Крестовоздвиженский Казачий собор. URL: https://krest-sobor.ru/http/krest-sobor.ru/stanica (дата обращения: 20.09.2025).

12. Николай (Клементьев) // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2018. Т. L. С. 222–224.

13. Ставропольский краевой союз казаков. Ставропольское казачье войско. 1990–2010 / сост. Д. В. Стригунов, П. Д. Деев. Ставрополь : Сервисшкола, 2010. 348 с.

14. Удостоверение к юбилейной медали «Столетие Русской Голгофы» № 288 от 17 июля 2018 г. на имя В. А. Усова. Автографы. Печать Наградного комитета Войсковой Православной Миссии. Оригинал // Архив автора.

15. Хранители истории и традиций казачества и православных ценностей Богоявленская община Сестрорецка / авт. Л. Е. Коневиченко. СПб., 2025. 257 с.

16. Юбилейная медаль «В память 100-летия начала Первой мировой войны» // Духовно-просветительский центр Сестрорецка. URL: https://www.sestroretsk.com/400-letiju-doma-romanovykh/15565/ (дата обращения: 20.09.2025).

17. Юбилейный знак «Император Николай II» // Духовно-просветительский центр Сестрорецка. URL: https://www.sestroretsk.com/400-letiju-doma-romanovykh/58122/ (дата обращения: 20.09.2025).

УДК 002.5(09):281.93

Ветелина Лариса Германовна
Центр подготовки церковных специалистов Костромской епархии
Кострома, Российская Федерация
loragerman@rambler.ru

Епархиальная печать об утверждении патриаршества в России в начале XX века

Аннотация. *В статье рассматривается реакция епархиальных изданий на проведение Всероссийского Поместного Собора, учреждение Патриаршества в России и избрание Патриарха Московского и всея России святителя Тихона, степень заинтересованности изданий в освещении данной информации, позиция редакций по этой теме.*

Ключевые слова: *Святитель Тихон, патриарх, патриаршество, Всероссийский Поместный Собор.*

© Ветелина Л. Г., 2025

Vetelina Larisa Germanovna
Training Center for Church Specialists of the Kostroma Diocese
Kostroma, Russian Federation

Diocesan print on the establishment of the patriarchate in Russia at the beginning of the 20th century

Annotation. *The article examines the reaction of diocesan publications to the holding of the All-Russian Local Council, the establishment of the Patriarchate in Russia and the election of the Patriarch of Moscow and All Russia, St. Tikhon, the degree of interest of publications in covering this information, and the position of editorial offices on this topic.*

Keywords: *St. Tikhon, patriarch, patriarchate, All-Russian Local Council.*

Всероссийский Поместный Собор Русской Православной Церкви проходил с 15 (28) августа 1917 года по 9 (22) сентября 1918 года. Первая сессия Собора началась 15 (28) августа 1917 года и завершилась 20 (7) декабря 1917 года, вторая – с 20 января (2 февраля) по 7 (20) апреля 1918 года. Третья сессия – с 19 июня (2 июля) по 7 (20) сентября 1918 года. Естественна реакция печати светской и духовной, центральной и региональной, на это знаменательное историческое событие в судьбе России.

На Соборе был поднят огромный ряд важнейших вопросов, требующих незамедлительного решения: реформа Русской Православной Церкви, вопрос отношений Церкви и государства, положение Церкви в новых политических условиях, утверждение новой системы церковного управления, устав монастырей и монашествующих, и мн. другие. В первую сессию Собора было восстановлено патриаршество и избран Патриархом Московским и всея России святитель Тихон, а также определены его права и обязанности.

Поскольку в «КЦОВ»[1] публикаций на интересующие нас темы практически не дал, за исключением двух информационных сообщений: материала «Епархиальное избирательное собрание», на котором решалось, кто достоин быть делегированным на предстоящий Собор Православной Всероссийской Церкви №7 от 22 августа 1917 г. и публикацией указа «Из Святейшаго Правительствующего Синода Преосвященному Евгению, Епископу Костромскому и Галичскому о совершении церковных молений по случаю открытия работ Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви» [1, с. 63]. Представлена также перепечатка из газеты «Утро России» протоиерея Сергия Булгакова «Смысл патриаршества в России», в которой автор представляет свою точку зрения на восстановление патриаршества в русской Православной Церкви. Наиболее подробно эти исторические события были освещены печатью московской и владимирской, публикации этих изданий мы и рассмотрим подробнее.

Московские епархиальные ведомости, как и многие епархиальные издания, изменили название и формат в 1917 г. С 1880 г. издание носило название

[1] «Костромской церковно-общественный вестник. Журнал для духовенства и мирян Костромской епархии» – так были переименованы «Костромские епархиальные ведомости» в 1917 году.

«Московские церковные ведомости» (издавались с 1880 по 1918 г.). С мая по декабрь 1917 вместо него выходил «Московский церковный голос» (издавался еженедельно). № 25 от 3 августа содержит информацию о церковных торжествах по случаю открытия Поместного Всероссийского Собора 15 августа и оповещает о службах и адресах, проходимых в честь этого события: «Церемониал церковных торжеств в г. Москве по случаю открытия Всероссийского Поместного Собора», где сообщалось о всенощных бдениях архиерейским служением в 32 соборных, монастырских и приходских храмах г. Москвы, начиная с 6 вечера, литургиях и крестных ходах на Красную площадь, приводился список и расписания богослужений в этих храмах, маршруты крестных ходов [1, с. 1–8].

№ 27 от 16 августа и №28 от 23 августа публикует материал «Задачи предстоящего Собора» (с. 2–4), отмечая историческую знаковость этого события и его значение для православной России, за подписью свящ. Авенира Полозова.

№ 28 от 23 августа открывается статьей прот. М.Смирнова «Исторический день», подробно освещающий открытие Всероссийского церковного Собора 15 августа 1917 г. и передающий настроения присутствующих на нем.

№ 29 от 30 августа – материал «С Всероссийского церковного Собора» за подписью свящ. С.Фрязинова (с. 2–5), – о работе Собора.

В последующих номерах, начиная с № 30 от 6 сентября, и практически в каждом последующем номере регулярно представлена деятельность Собора и вопросы, обсуждаемые на нем под заголовком «С Собора». В № 38 – сообщается о результате голосования кандидатов: арх. Антоний, арх. Арсений, митрополит Московский Тихон и об избрании Тихона и о его интронизации 21 сентября в день введения во храм Пресвятой Богородицы. Автор, оставшийся неизвестным, писал: «Старец Алексий, после литургии, вынул одну из записок, и на ней оказалось имя избранника Московской епархии – митрополита Тихона. Воля Божия указала на него, как на архипастыря церкви русской; и можно с уверенностью сказать, что все знающие нашего кроткого, общительного Владыку, с облегчением вздохнут и скажут: слава Богу! Во время коварное и злое кротость и доброта наилучшее средство борьбы со злом» [2, с. 5].

В № 41 опубликовано «Приветствие Патриарха собранием Объединенного московского духовенства и мирян» (с.3–4), где прозвучали, в частности, такие слова: «Московское объединенное духовенство и миряне почтительной сыновней любовью приветствуя Ваше восхождение на древний трон патриархов Всероссийских, глубоко обрадованы тем, что впервые свободно. По сердцу, избранный ими Архипастырь Московский ныне Самим Богом избран на еще высшее служение св. Церкви. В радостном сознании соответствия своего первого свободно и соборно совершенного деяния всеблагому помышлению Божию о русской Церкви, Московское объединенное духовенство и миряне почерпают новое и сильнейшее побуждение совместно, общими силами и общим разумением, трудиться на благо всюду ныне обуреваемой Церкви Христовой, под руководством кроткой мудрости своего любвеобильного Архипастыря».

«Владимирские Епархиальные Ведомости» подробно осветили прохождение Всероссийского Поместного Собора, восстановление и избрание патриаршества на Руси и избрание Патриархом святителя Тихона, публикуя репортажные материалы практически в каждом номере. О прохождении Всероссийского Поместного Собора сообщено в новостной заметке от 21 августа 1917 г. (№ 34 от 02 сентября): «С Всероссийского Поместного Собора». За подписью редактора Н. Малицкого [3, с. 310–312].

№ **35** от 09–10 сентября 1917 г.: **«Послание Церковного Собора к русскому народу»** [3, с. 317–318]; репортаж с «**С Всероссийского Поместного Собора**» от 25 августа по 06 августа: «21 августа. Заседание открылось в 10 час. утра под председательством митрополита Тихона» [3, с. 320]. Рубрики «С Всероссийского Поместного Собора», «Письма Собора» практически встречаются до конца его деятельности.

В дальнейших номерах этого издания последовательно публикуется информация о деятельности Собора и тех вопросах, которые рассматриваются на нем (№ 36–40).

Отдельные публикации посвящены дебатам по поводу принятия патриаршества, имевшим место на Соборе. В частности, в № 41–42 от 29 и 14 октября 1917 г. (Неофициальный отдел) – материал «О восстановлении патриаршего сана на Руси», в котором представлен доклад Епископа Астраханского Митрофана об исторической необходимости восстановления патриаршества в России и озвученные им новые положения о церковном управлении: «1) Поместному Собору принадлежит высшая власть в Российской Церкви. 2) Восстановляется патриаршество, которым возглавляется управление церковными делами Российской Православной Церкви. 3) Патриарх является первым между равными ему епископами. 4) Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору» [3, с. 354–356].

№ 43–44 от 11 ноября – продолжение дебатов о принятия патриаршества (деятельность Собора 18, 19, 21, 23 и 25 октября); 28 октября вопрос о восстановлении патриаршества был решен, и сразу же перешли к вопросу о кандидатуре в патриархи; 5 ноября. Избрание патриарха всероссийского. «Избрание патриарха или точнее, вынутие жребия, который указал бы для русской церкви патриарха, совершилось 5 ноября в храме Христа Спасителя согласно выработанному накануне церемониалу. Литургия была Совершена тремя митрополитами Киевским; Петроградским и Тифлисским в сослужении 9 архиепископов и епископов и многочисленного духовенства» [3, с. 362–368].

В следующем, № 45–46 от 25 ноября, – сообщение о московском кровопролитии, понесшем человеческие жертвы, и о продолжении работы Всероссийского Поместного Собора (с.370-373) в этих драматичных условиях (28 октября – 3 ноября) [3, с. 373–375]. В № 47–48 – сообщение об интронизации Патриарха Тихона в Успенском соборе [3, с. 382].

Репортажи о деятельности Собора были представлены до конца 1917 г. – завершились № 51–52 от 23 декабря, а также продолжились в 1918 г. циклом статей «Письма с Собора». В № 51–52 номере опубликована статья Павла, Епи-

скопа Суздальского «Патриаршество», в которой разъясняется смысл восстановления патриаршества в России после 200-летнего перерыва и историческое значение этого события [3, с. 397–398].

Таким образом, как «Московский церковный голос», так и «Владимирские епархиальные ведомости» максимально точно и четко представили драматизм происходящих событий в истории государства Российского и Русской Православной Церкви, запечатлев происходящие события с документальной точностью и составив своеобразную историческую летопись тех знаменательных месяцев работы Всероссийского Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг.

Список источников

1. Костромской церковно-общественный вестник. 1917. № 10-11. Официальная часть.

2. Краткий обзор Соборных деяний (Конец октября и начало ноября) // Московский церковный голос. 1917. № 38.

3. Владимирские епархиальные ведомости. 1917. № 34, 35, 36–52.

4. Владимирские епархиальные ведомости. 1918. № 51, 52.

УДК281.93:261(059)

Жигалов Михаил Иванович
зам. директора Центра подготовки церковных специалистов
Костромской епархии,
зам. директора Церковного научно-исследовательского центра
Костромской митрополии,
преподаватель Ярославской духовной семинарии
г. Кострома, Российская Федерация
brfhec2@yandex.ru

Взаимоотношения церкви и государства в контексте календарной реформы в Советской России(1918–1923)

Аннотация. *В настоящей статье описываются взаимоотношения Русской Православной Церкви и молодого Советского государства в условиях календарной реформы 1918 года. Подробно рассмотрен вопрос о переходе богослужебной жизни Русской Церкви на новый стиль, или же, так называемый григорианский календарь. Следует отметить, что хоть эти события состоялись более века назад, они не утратили своей актуальности и сегодня.*

Ключевые слова: *Русская Православная Церковь, Патриарх Тихон, богослужебная жизнь, Советская власть, новый стиль, григорианский календарь.*

© Жигалов М. И., 2025

Zhigalov Mikhail Ivanovich
deputy director of the Center for the training of church specialists of the Kostroma diocese,
deputy director of the Church research center of the Kostroma metropolitan,
lecturer at the Yaroslavl theological seminary
Kostroma, Russian Federation

The relationship between the church and the state in the context of the calendar reform in Soviet Russia (1918–1923)

Annotation. *This article describes the relationship between the Russian Orthodox Church and the young Soviet state in the context of the calendar reform of 1918. The issue of the transition of the liturgical life of the Russian Church to a new style, or the so-called Gregorian calendar, is considered in detail. It should be noted that although these events took place more than a century ago, they have not lost their relevance today.*

Keywords: *Russian Orthodox Church, Patriarch Tikhon, liturgical life, Soviet government, new style, Gregorian calendar.*

Октябрьская революция 1917 года принесла для нашей страны коренные изменения, которые отражались и на жизни обычных людей: рушился старый и создавался новый уклад бытования. Молодое советское государство во сразу начало наступление на Церковь. Первыми декретами, которые ослабляли роль Церкви в жизни народа стали «О расторжении брака» и «О гражданском браке» (декабрь 1917 г.), а также «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (20 января 1918 г.). Сюда же можно отнести и решение о переходе государства на новый стиль: декрет СНК «О введении западноевропейского календаря» от 24 января (6 февраля) 1918 года. Все делалось так быстро, что уже ближайшее 1 февраля было объявлено 14 февралем.

Однако именно в это сложное время в нашей Церкви произошло восстановление патриаршего правления. В Основах социально концепции РПЦ отмечается, что при монархии *«власть остается богоданной, но для своей реализации использует уже не столько духовный авторитет, сколько принуждение»* [1]. Итак, упала богоданная монархия, стало рушиться государство – Российская империя. Более того, в результате октябрьской революции к власти пришли люди, политическая программа которых была основана на атеистическом мировоззрении. Вот исторический фон времени, когда в России было восстановлено патриаршество. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон является ключевой фигурой в истории Русской Православной Церкви XX века.

Календарная реформа оказалась серьезным вызовом для Церкви. Уже 27 января 1918 года на очередном заседании Поместного собора РПЦ был поставлен календарный вопрос: как поступить Церкви, переходить ли на новый гражданский календарь или оставаться в церковной календарной традиции [2, с. 171–172].

В результате уже 30 января Церковь приняла решение о необходимости сохранения старого стиля, и более того, – Она (Церковь) в настоящее время не может перейти на стиль новый. «Все Православные Церкви пользуются юлианским календарем. Поэтому введение нового стиля в Русской Церкви было бы в некотором отношении разрывом ее с другими Православными Церквами. Во-

прос о перемене стиля должен стать предметом обсуждения и быть решенным всеми Православными Церквами совместно» [2, с. 238]. Также было предложено Патриарху Тихону просить Патриарха Константинопольского обратиться к предстоятелям всех автокефальных православных церквей с запросом об их мнении о возможности замены в церковной практике старого стиля новым.

В итоге, 21 января 1919 года было направлено Послание Патриарха Тихона к Константинопольскому Патриарху Герману о переходе на новый календарный стиль. В этом послании Патриарх Тихон предложил четыре варианта решения календарного вопроса:

– Православная Восточная Церковь всецело остается при своем Юлианском стиле, допуская разве лишь перенесение празднования гражданского новолетия;

– второй ответ противоположен первому: Святая Православная Восточная Церковь принимает полностью новый стиль. Наиболее удобным днем для начала счисления по этому стилю указывается для 1919 года 3 июня, которое считается 16;

– третий ответ стремится примирить оба предшествующие решения вопроса. По нему праздник Св. Пасхи и соединенные с ним праздники подвижные (Триоди) совершаются по старому Юлианскому календарю, праздники же и память святых неподвижные (Минеи месячной) переводятся на новый стиль;

– возможен и такой ответ: признавая по существу наиболее правильным первый ответ и потому желательным повсюду соблюдения Юлианского стиля, каждой автокефальной» поместной Православной Церкви предоставить свободу [3, с. 90–100].

Спустя пять лет, именно в мае-июне 1923 года в Константинополе был созван Всеправославный конгресс в повестке дня которого значился календарный вопрос [4, с. 473]. Следует признать, что всеправославным он остался лишь по названию, так как в его работе не участвовали представители Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Русской и большинства других поместных Церквей. Вместе с тем, на нем было принято решение введении исправлений в Юлианский календарь. Суть нововведений заключена следующем:

а) 1 октября 1923 считать 14 октября 1923 года;

б) непереходящие праздники остаются в своем числе, но по новому стилю;

в) переходящие праздники (Пасха и т. д.) – рассчитываются и отмечаются по старому стилю [5].

Именно это решение конгресса спровоцировало в Советской России новую антицерковную кампанию. 3 сентября 1923 года Е. А. Тучкову была поручена работа по разложению и компрометации Церкви через навязывание Патриарху Тихону реформ. Так 18 сентября 1923 года антирелигиозная комиссия при ЦК ВКПБ приняла решение: «признать целесообразным, чтобы Тихон и К-о в первую очередь фактически провели в церкви новый стиль». Целью данной операции стала провокация раскола в церковной среде, так как новый стиль ассоциировался с обновленчеством.

Это был вызов для Церкви, находящейся под жутким давлением атеистических властей. Власти аргументировали необходимость введения нового стиля

в богослужение хозяйственными нуждами: многие рабочие отмечали церковные праздники по новому стилю официально и по-старому неофициально, из-за этого имели место массовые прогулы. 24 сентября 1923 года состоялось совещание епископов при Святейшем Патриархе, на котором были принято решение о принятии нового стиль в церковную жизнь, который вводился по принципу Всеправославного конгресса (Константинополь, 1923), т. е. 1 октября стало 14 октября 1923 года. Это решение можно назвать «вынужденным компромиссом».

В это же время Тучков пытается устроить интригу, через очернение Патриарха в глазах других, имеющих особый авторитет в Церкви епископов, находящихся в Московском Даниловом монастыре. В частности, Тучков обратился с предложением епископу Феодору (Поздеевскому), выпускнику Костромской духовной семинарии 1896 года, выступить против Патриарха Тихона в календарном вопросе. «Вы слышали, что Патриарх заводит новый стиль? Для чего это? Кому это нужно? Неужели вы согласитесь с этим? Отделитесь от Патриарха, вас вся Москва любит и за вами пойдет, мы вас поддержим». Владыка Феодор отказался.

И все-таки решение календарного вопроса в Церкви требовало решения. Во исполнение «вынужденного компромисса» ближайший помощник Патриарха Тихона архиепископ Иларион (Троицкий) испросил у Тучкова разрешение указов о введении нового стиля в провинции не посылать пока не будет отпечатано патриаршее послание, объясняющее указ. В результате указы о введении нового стиля были разосланы только благочинным Москвы, а епархиальные архиереи их не получали.

Новый стиль был введен только в Москве. 1(14) октября 1923 года. Патриарх Тихон после Литургии поручил зачитать послание о введении нового стиля прот. Василия Виноградова, имевшего очень тихий голос. В результате этого прочтения, послание осталось непонятым прихожанами.

Позже архиепископ Иларион (Троицкий) стал выступать в московских храмах с пояснительными проповедями. Так в одной из сводок «Заметки по религиозникам» ГПУ отмечалось, что в конце октября 1923 г. он произнес проповедь в храме Рождества Богородицы на тему: «Новый стиль. Неизменность впредь веры православной». После службы, как сказано в документе владыку «тащили его до извозчика на руках». Такая восторженная реакция была бы невозможна, если бы архиепископ показал себя сторонником нового стиля.

Сам Патриарх Тихон с 15 октября официально начал служить по новому стилю. Этот длился две недели. Вместе с тем, в «Докладе о деятельности тихоновской группы за октябрь месяц 1923 г.», составленном Московским отделом ГПУ, говорилось о том, что Патриарх «служит по приглашению церковные праздники и тогда, когда они служатся по новому стилю и по старому стилю». Но уже с 1 ноября Патриарх служит только по старому стилю. Заметим, что в это время по инициативе Тучкова газете «Известия» 25 октября появляется сообщение о том, что «Всеправославный Конгресс», вынесший решение о введении нового стиля, носил обновленческий характер. Это было сделано для того, чтобы выставить Патриарха обновленцем и скомпрометировать его.

Как отмечено выше, Патриарх Тихон, вновь стал служить только по старому стилю с 1 ноября 1923. По сути, этот возврат стал возможным благодаря сентябрьскому «вынужденному компромиссу». Дело в том, что патриаршее послание переходе на новый стиль было напечатано тиражом 5000 экземпляров только к началу ноября. А, следовательно, разослать его в регионы так, чтобы новый стиль был введен с 15 ноября, т. е. с начала Рождественского поста не успевали.

Итак, пользуясь тем, что отпечатано не в срок, Патриарх 8 ноября 1923 г. выпустил распоряжение № 422, в котором отложил введение нового стиля. «24-го Сентября сего года совещание епископов, возглавляемое мною, постановило принять в церковное употребление новое времяисчисление со 2-го октября старого стиля и осведомить об этом российскую церковь чрез особое послание… По независящим от нас обстоятельствам послание о введении нового времяисчисления вышло из печати лишь в начале Ноября, когда удобное время для перехода на новый стиль уже прошло… Во время печатания послания стало известно, что другие православные церкви, с которыми российская церковь всегда должна быть в единении, временно введение нового стиля отложили. Поэтому и мы признаем необходимым повсеместное и общеобязательное введение нового стиля в церковное употребление временно отложить». Таким образом, была одержана дипломатическая победа.

Очевидно, для Тучкова это был провал, который он не мог оставить без последствий для Патриарха Тихона. В течение нескольких дней события развивались стремительно. 13 ноября в ОГПУ у Тучкова состоялся жесткий разговор с Патриархом Тихоном. И все-таки, 15 ноября из патриаршей канцелярии было отправлено 8 воззваний Патриарха об отмене нового стиля. Вечером 15 ноября проведена спецоперация ОГПУ по разгрому Патриаршего Управления. В ночь на 16 ноября арестован помощник Патриарха архиепископ Иларион (Троицкий) как главный виновник провала операции по введению нового стиля. Арестовано все окружение Патриарха. С 23 ноября 1923 года началось единоличное управление Патриарха Русской Церковью [6, с. 354–374].

Именно в этот период, в связи с провалом кампании ОГПУ по введению нового стиля, в хронике взаимодействия Советского правительства и Русской Православной Церкви появляется первый в истории подложный документ от имени Патриарха, выпущенный ГПУ. 19 декабре 1923 г. Тучков опубликовал подложное послание от имени Патриарха, в котором сообщалось, что Патриарх объявленного им нового стиля не отменял, но что разрешается на местах, с согласия местных советских властей праздновать наступающий праздник Рождества Христова и по старому стилю [6, с. 380].

В завершение следует привести слова митрополита Петра (Полянского), выпускника Костромского духовного училища 1879 года, в которых он раскрывает причины и последствия происходивших событий по вопросу календарной реформы. «Что касается перехода нашего на новый стиль, то ваша тревога совершенно напрасна, передайте умненько всем своим товарищам и прихожанам, что на новый стиль мы никогда ни за что не перейдем, потому что этого не желает народ. Но нас могут заставить перейти гражданская власть и мы тогда

подчинимся и выпустим соответствующее послание. Но вы не обращайте на это внимание и считайте такие наши послания необязательными» [7].

Список источников

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (дата обращения: 16.09.2025).
2. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 7 (кн. 1). Деяния Собора с 66 по 103. М. : Изд-во Новоспасского монастыря, 2018. 1280 с.
3. «В годину гнева Божия…»: послания, слова и речи / Св. Патриарх Тихон. М. : Правосл. Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2009. 290 с.
4. Протоиерей Владислав Цыпин. Курс церковного права. Клин : Христианская жизнь, 2004. 704 с.
5. Якимчук И. З. Всеправославный конгресс // Православная энциклопедия. Т. 9. М. : Православная Энциклопедия, 2002. С. 680–683.
6. Священник Димитрий Сафонов. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М. : Познание, 2019. 608 с.
7. Священник Димитрий Сафонов. К 100-летию блаженной кончины Святителя Тихона, патриарха Московского. Был ли Святейший Патриарх Тихон сторонником введения нового стиля? URL:https://blagogon.ru/digest/1298 (дата обращения: 16.09.2025).

УДК 281.93(092)

Сидоров Игорь Александрович
преподаватель Центра подготовки церковных специалистов
Костромской епархии Русской Православной Церкви
Кострома, Российская Федерация
spdakods@yandex.ru

Архимандрит Макарий (Пе́тровичъ) и его «Церькви восточныя православное учение»

Аннотация. *В статье рассмотрена догматическая система выдающегося русского богослова, проповедника Славяно-греко-латинской академии, архимандрита Желтикова монастыря и ректора Тверской духовной семинарии Макария (Пе́тровича). Будучи ректором и преподавателем Тверской семинарии, архимандрит Макарий предложил собственную и оригинальную догматическую систему, обогатив отечественную догматическую школу синодального периода. По результатам исследования сделан вывод, что труд архимандрита Макария заслуживает самой высокой богословской оценки. Изложение православного учения о вере архимандритом Макарием явило собой гармоничный синтез схоластической методологии и православной догматики в русском богословии XVIII века.*

Ключевые слова: *архимандрит Макарий (Пе́тровичъ), ректор Тверской духовной семинарии, догматическое богословие, схоластика, вероучение, русское богословие XVIII века.*

© Сидоров И. А., 2025

Sidorov Igor Alexandrovich
teacher at the Training Center for Church Specialists
of theKostroma Diocese of the Russian Orthodox Church
Kostroma, Russian Federation

**Archimandrite Makariy (Petrovich)
and his "Church of the eastern orthodox teaching"**

Annotation. *The article examines the dogmatic system of the outstanding Russian theologian, preacher of the Slavic-Greek-Latin Academy, Archimandrite of the Zheltikov monastery and rector of the Tver Theological Seminary Makariy (Petrovich). As rector and teacher of the Tver Seminary, Archimandrite Makariy proposed his own and original dogmatic system, enriching the Russian dogmatic school of the synodal period. Based on the results of the study, it was concluded that Archimandrite Macarius' work deserves the highest theological assessment. Archimandrite Macarius' presentation of the Orthodox doctrine of faith was a harmonious synthesis of scholastic methodology and Orthodox dogma in 18th-century Russian theology.*

Keywords: *Archimandrite Makariy (Petrovich), rector of the Tver Theological Seminary, dogmatic theology, scholasticism, doctrine of the faith, Russian theology of the XVIII century.*

Пе́трович Марк (имя в монашестве Макарий), родился в Венгрии в 1733 году в семье священника. Первоначальное образование получил в родном городе в Темесваре, впоследствии продолжил учебу в Киево-Могилянской академии и с 1753 года уже обучался богословию, философии и риторике в Славяно-греко-латинской академии (с 1814 года Московская духовная академия). После монашеского пострига, в 1758 году он назначается учителем риторики и уже через год становится проповедником Академии. В 1764 году иером. Макарий направлен в Тверской Желтиков Монастырь, где возведен в архимандриты и определен ректором в Тверскую семинарию, где пишет свои труды и активно преподает. Скончался архимандрит Макарий 24 декабря 1765 года после тяжелого приступа в возрасте всего 32 года.

Архим. Макарий, несмотря на нероссийское происхождение, был и превосходным проповедником. Его проповеди опубликованы в 1786 году в Москве и не уступали по уровню самым выдающимся проповедям того времени, являясь образцовыми [1, с. 385]. Следует отметить, что архим. Макарий, будучи ректором Тверской семинарии «начал преподавать богословие на Российском языке». Это было еще беспримерным явлением в жизни духовных семинарий и академий того времени» [2, с. 132]. Об этом же сообщает и словарь русских писателей XVIII века: «Логику и богословие православное начал впервые читать на русском языке, одновременно создавая русскую научную терминологию» [5, с. 433].

Центральным и основным богословским трудом архим. Макария является его система догматического богословия или «Церкви восточной православное учение, содержащее все, что Христианину, своего спасения ищущему, знать и делать надлежит» [3].

Митрополит Киевский и Галицкий Евфимий (†1837) дал хоть и краткую, но емкую характеристику догматики архим. Макария: «Правильное расположе-

ние, ясность слога и отборные доказательства, взятые из Св. Писания и Св. Отцов, отличают сию книгу от других, подобных ей» [1, с. 385].

Одной из самых главных характеристик богословия архим. Макария (Пе́тровича) является строгая приобщенность к святоотеческой православной традиции, синтез веры и разума, полностью соответствующий религиозному опыту Церкви. Догматика архим. Макария написана на церковнославянском языке с элементами русского, характерном для духовной литературы XVIII–XIX вв., логика изложения строго богословская, с опорой на святоотеческое предание и символические тексты. Богословие написано в положительной схоластической манере (деление труда на параграфы, четкость и структурированность, методология вопрос-ответ, педагогическая ясность, ссылки на главы и стихи Священного Писания, тезисы, доказательства и др.), в котором автор достиг предельной четкости изложения вероучения и строгой логически выстроенной аргументации. «Церъкви восточныя православное учение…» архим. Макария состоит из 12 глав («О Священном Писании», «О Боге и Его свойствах», «О таинстве Пресвятые Троицы», «О создании», «О человеке», «О грехе», «О Христе», «О вере», «О законе», «О таинствах», «О Церкви», «О последних». В приложении к труду «Церъкви восточныя...» архим. Макарий привел восемьдесят шесть догматов богословских, которые были предметом полемики и защиты на публичных семинарских диспутах в период его ректорства [2, с. 134]. В завершении труда приведен «реестр достопамятных вещей» в котором автор свел богословские термины, употребленные в его сочинении со ссылкой на соответствующий параграф. Во вступлении автор обосновывает необходимость богопознания и самопознания для спасения. Основная идея, приведенная архим. Макарием: естественный разум поврежден грехом и недостаточен для спасения, поэтому необходимо Божественное Откровение. В главе I «О Священном Писании», автор формулирует учение о Библии как о единственном непогрешимом источнике веры. Ключевым моментом главы является подробный список свойств Писания, доказывающих его богодухновенность (древность, отличный стиль, наличие глубочайших таинств, откровения и пророчества, удивительное сходство пророков и апостолов, непротиворечивость, полнота всего для утверждения в вере и исправления жизни и истребления пороков, чудное действие на человека, сохранение от дьявольских коварств, свидетельство всей Церкви и пр.). Глава II «О Боге и Его свойствах» содержит классическое вероучение о Боге и о Его бытии и атрибутах. По поводу ограниченности способностей человека к познанию Божественных свойств, архим. Макарий дословно говорит: «Наш ум, будучи от природы туп и слаб, оные постигнуть никогда не может; да и Бог больше не изволил нам открыть; столько открыл, сколько понимаем, и сколько ко спасению довольно» [4, с. 32]. Глава III: «О таинстве Пресвятой Троицы» содержит, пожалуй, центральный пункт всей догматической системы архим. Макария – догмат о Триединстве Бога. В триадологии своей догматики, архим. Макарий применяет следующий метод: в первую очередь доказывается единство Божие через Писание и доводы разума. Затем приводятся доказательства троичности Лиц так же через явные указания Писания. Основными темами Главы IV «О создании» является творение мира, ангелология

и промысл Божий. Здесь архим. Макарий излагает учение о творении мира «из ничего» и подчеркивает, что творение – это акт всемогущей воли Бога, а не удовлетворение какой-либо Его нужды, а целью творения служит явление славы Божией и блаженство твари. Бестелесность ангелов при явлении их людям он описывает так: «оное тело брали они от воздуха, на время, пока дело посольства своего отправят; а едали не акибы требуя пищи, но утаивая свое естество пред людьми» [4, с. 47]. Глава V «О человеке» посвящена изложению антропологии. Основные темы, на которых он акцентирует внимание это непосредственно природа человека, его сотворение и состояние до падения, излагается вероучение что человек - сложное существо («микрокосм»). Глава VI «О грехе» излагает темы грехопадения и его последствий, дано понятие первородного греха, изложена классификация грехов. В главах о создании, о человеке, о грехе, архим. Макарий в систематическом порядке выстроил четкую логическую цепочку: творение совершенного человека – его свободное падение – страшные последствия грехопадения – невозможность исцеления собственными силами – необходимость Искупителя. Несмотря на то, что это классическая схоластическая модель, архим. Макарий настолько искусно ее применил, что это привело к простому, ясному и непротиворечивому объяснению вероучительных истин. Глава VII «О Христе» полностью посвящена христологии с акцентом на обоснование необходимости искупления человека через Иисуса Христа как единственного Посредника между Богом и человеком. Глава VIII «О вере» отражает учение о вере, как средстве усвоения каждым христианином заслуг Иисуса Христа. Причем автор различает внешнее оправдание и внутреннее (возрождение). Глава IX («О законе») раскрывает тему законов и заповедей, их толкование и применение в жизни христианина. Архим. Макарий подразделяет закон на церемониальный, судебный и нравоучительный. Глава X«О таинствах» в систематическом порядке последовательно раскрывает тему таинств Церкви, их установление, смысл и практическое значение. Глава X («О Церкви») определяет Церковь как собрание верных, объединенных верой и таинствами и целью наследования Царства Небесного. Глава XI«О последних» содержит определение смерти, рассматривается частный и страшный суд, посмертное пребывание грешников и праведников. Несмотря на то, что смерть является прямым следствием греха, архим. Макарий указывает что она ныне становится спасительным средством к лучшей жизни. Примечательно как архимандрит Макарий аргументирует не уничтожение мира после Страшного суда, а его изменение: «И есть ли скажешь, что мир вовсе уничтожится, то где тогда обитать праведным и грешным? Тварь бо без места не может быть» [4, с. 209].

Завершает свой труд архим. Макарий особенным разделом под названием «Догматы богословские», в которых в восьмидесяти шести пунктах кратко излагает все догматы православного вероучения.

Итак, догматическая система архим. Макария представляет собой классическую систему вероучения и отражает традиционное ее православное изложение в синодальный период. В своем труде, архим. Макарий преодолел так называемый разрыв между языком академического богословия, в основном говорившего на латыни и языком простого народа, жаждущего изучить вероучение

на доступном и понятном ему языке. Именно архим. Макарию удалось создать простую, но глубокую и одновременно ясную догматическую систему, которая была направлена на преодоление доминирования западной схоластики, хоть и были использованы ее методы. Как пишет историк В. И. Колосов в труде «История тверской духовной семинарии» со ссылкой на специалиста по истории Русской Церкви П. В. Знаменского: «многие схоластические тонкости того времени были здесь замещены разумным и основательным изучением истин православного вероучения. Неудивительно поэтому, что «Православное учение Восточной церкви» Макария вскоре после своего издания сделалось лучшим руководством (!) для семинарий почти наравне с богословием Платона и после, при Императоре Александре I, рекомендовано комиссией о усовершенствовании духовных училищ к классическому употреблению» [2, с. 136]. Догматика архим. Макария, в попытке создания унифицированного учебника для духовных семинарий повлияла на русское богословие и способствовала трансляции Киево-Могилянских богословских традиций и подходов в богословское поле центральной России.

Список источников

1. Евгений (Болховитинов Евфимий Алексеевич, митр. Киевский и Галицкий; 1767–1837.). Словарь исторический о бывших в России писателях духовнаго чина, Греко-россійския церкви. СПб. : В типографии Н. Греча, 1818.

2. Колосов В.И. История Тверской духовной семинарии. Тверь: Тип. Губ. Правления, 1889. 464 с.

3. Макарий (Петрович, Марк, архимандрит). Церькви восточныя православное учение, содержащее все, что христианину, своего спасения ищущему, знать и делать надлежит; собранное из Священнаго Писания святых отец и систем богословских, и порядочно расположенное для пользы и употребления юношеству иеромонахом Макарием. СПб. , 1778. 173 с.

4. Макарий (Петрович, Марк, архимандрит). Собрание всех сочинений бывшаго Московской славено-греко-латинской академии проповедника, потом префекта и философии учителя; а наконец Желтикова монастыря архимандрита, Тверской семинарии ректора и священной богословии учителя Макария / Иждивением Типографической компании. Т. 1. М. : В типографии Компании типографической с указаннаго дозволения, 1786. 266 с.

4. Словарь русских писателей XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом); редкол.: А. М. Панченко (отв. ред.) и др. (К – П). Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988–, 1999. 507 с.

УДК 271.217.024

Иерей Александр Шишлов
преподаватель Алматинской православной духовной семинарии,
клирик Астанайской и Алматинской епархии Митрополичьего округа
Русской православной церкви (Московского Патриархата)
в Республике Казахстан
г. Алма-Ата, Республика Казахстан
seminaria.kz@yandex.ru

Преподобный Сергий Радонежский как выразитель школы исихастского подвижничества на Руси

Аннотация. *В статье рассмотрены три исторических периода исихазма, роль в истории и религиозной жизни. Проанализировано, связанное с именем преподобного Сергия Радонежского, возрождение так называемой Северной Фиваиды русского монашества.*

Ключевые слова: *духовная практика, исихазм, молитва, Сергий Радонежский, подвижничество.*

Priest Alexander Shishlov
lecturer at the Almaty Orthodox Theological Seminary,
cleric of the Astana and Almaty Dioceses of the Metropolitan Area
The Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
in the Republic of Kazakhstan, Alma Ata, Republic of Kazakhstan
Alma-Ata, Republic of Kazakhstan

St. Sergius of Radonezh as the exponent of the school of hesychastic asceticism in Russia

Annotation. *The article examines three historical periods of hesychasm, its role in history and religious life. It analyzes the revival of the so-called Northern Thebaid of Russian monasticism associated with the name of St. Sergius of Radonezh.*

Keywords: *spiritual practice, hesychasm, prayer, Sergius of Radonezh, asceticism.*

Слово «*Исихазм»* (от греч. ησυχια – спокойствие, покой, освобождение, тишина, молчание, мир, уединение) обозначает древнюю традицию духовной практики, которая складывается с первых шагов христианского монашества, являет собой основу православного аскетизма и заключает в себе многостороннюю совокупность представлений о человеке, его сознании и деятельности. Исихазм – сложное явление и имеет многовековую историю формирования.

Для правильного понимания термина «исихазм», его роли в истории и религиозной жизни, нам, прежде всего, необходимо уточнить какие значения вкладывают в этот термин. Исследователи выделяют следующие значения данного термина:

© Шишлов А. П., 2025

1.«Древнейший (начальный) смысл: уединенное, отшельническое монашество (в отличие от общежительного), протекающее в безмолвии, молчальничество;

2.Особая школа и техника молитвы, часто именуемая «умны́м деланием» (πραξιζνοερα), развившаяся на Синае и Афоне и достигшая расцвета в XIV в., имеющая своим ядром непрестанное творение в уме молитвы Иисусовой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»;

3.Учение св. Григория Паламы (1296–1359), или паламизм, богословское выражение и обоснование исихазма в смысле техники «умно́й молитвы», в центре которого – концепция нетварных Божественных энергий, действующих в мире и человеке;

4.Наиболее поздний смысл: широкое явление в религиозной жизни России XIV–XVI вв., охватывающее все влияния и отражения перешедшего на Русь исихазма в духовной практике, монашеской и монастырской жизни, духовной культуре и даже государственном строительстве» [5, с. 132].

Здесь мы видим три исторических периода, в каждом из которых исихазм по- своему проявлялся. Причем, надо заметить, что различные проявления этого термина никак не противопоставляются друг другу. Наоборот, мужи, практикующие исихазм во все времена, составляли как бы единую православную традицию.

За все время существования и формирования исихастской практики, мы можем, выделить неотъемлемые элементы, составляющие ядро данной практики:

1) очищение сердца как средоточия духовной жизни человека;

2) сочетание ума и сердца или «сведение» ума в сердце;

3) Непрестанная молитва;

4) безмолвие, трезвение и внимание;

5) призывание имени Божия как реальной преображающей силы;

6) явление нетварного Фаворского света как вступление подвижника в Богообщение и Боговедение.

Из чего видно единое русло традиции и преемство от отцов III века – Антония Великого к преподобному Григорию Синаиту и свт. Григорию Паламе до святых мужей Руси.

Так, по свидетельству сборников X–XV вв. с выборками из древних патериков о молитве и внутреннем делании, найденных в Афонских библиотеках Преосвященнейшим Порфирием Успенским, видно, что «истоки исихазма возводятся к Антонию Великому (III в.), Макарию Великому (IV в.), Иоанну Лествичнику (VI в.) и т. д.». Где Антоний Великий учил уже о безмолвии: «будем молчальниками и исихастами». Так же он поучает о необходимости успокоиться и молчать, сидеть в своей келье и собирать ум в себе. А святому VI века, Иоанну Лествичнику принадлежат такие слова: «успокоение от забот, молчание и сокровенное парение ума порождает страх Божий и целомудрие. Сокровенное парение ума есть непрестанная молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»» [3].

С преподобным Иоанном Лествичником связан и следующий период в истории формировании исихазма (прибл. V–IX вв.), именуемый обычно «си-

найским исихазмом». Основой традиции синайского исихазма становится школа молитвенного делания, стоящая из двух частей: творение молитвы и «внимание» – контроль сознания, обеспечивающий непрерывность молитвы. Такое двоякое делание представляет собой некий духовный процесс восхождения по ступеням, из которых основные следующие: «покаяние – борьба со страстями – исихия – сведение ума в сердце – бесстрастие – чистая молитва – созерцание нетварного Света – преображение и обожение» [9].

Известно, что на Афоне первым знаменитым исихастом-отшельником был прп. Петр Афонский, который и был основоположником исихазма на Святой Горе.

Большой вклад в исихастское учение внес преп. Симеон Новый Богослов (ск. 1022), который был величайший мистик своего времени. Он ясно показал, что высшая цель подвигов есть лицезрение Божественного света, который исихастами часто отождествляется с Фаворским светом, озарившим Христа во время Преображения. Преподобный Симеон пишет о себе (в третьем лице): «был весь сраствoрен с невещественным оным светом, и ему казалось, что он сам стал светом... и сподобился увидеть сладчайший оный свет мысленного Солнца правды, Господа нашего Иисуса Христа» [7, с. 253].

Подобное состояние некоторые подвижники называли не всем доступным (даже из совершенных), высшим видом молитвы.

Наконец, в XIV веке традиция исихазма получила богословское обоснование в Византии – этот этап в истории развития учения исихазма получил название «Исихастское возрождение в Византии». В 30-е годы XIV века разгораются так называемые «исихастские споры», когда калабрийский монах Варлаам выступает с богословской критикой против созерцательной практики и исихазма в целом. На защиту афонского монашества и движения исихазма выступил Григорий Палама́ с учением «о Божественных энергиях». Вследствие этих споров Церковь разделилась на две видных партии сторонников и противников исихазма. Прения этих двух партий переплетается с политической борьбой и гражданской войной, но венчаются Торжеством Православия. В соборных решениях 1341-го и последующих годов исихастский опыт был догматически закреплен и признан как соответствующий духу православной церковной традиции.

На фоне этих событий мы сталкиваемся с таким понятием как «политический исихазм». Это понятие предложил и развил современный ученый Г. М. Прохоров. Этим термином он попытался обозначить тот исторический период, когда приверженцы учения Григория Паламы́, занимали большую часть государственных и церковных должностей и имели сильное влияние как на государственную, так и на церковную деятельность. Такие видные сторонники «политического исихазма» как патриарх Филофей и митрополит Киприан стремились объединить силы славянских народов для борьбы за независимость. Они действовали по всей Восточной Европе, и, в частности, на Руси.

История русского исихазма начинается с того момента, как на Руси появляется монашество. Мы имеем свидетельства о том, что на Русь исихастское делание как практика непрестанной «умно́й молитвой» попадает вместе с пер-

вым монашеством. Леонид Успенский находит сведения о том, что исихастская практика была в домонгольской Руси. Преподобному Антонию Печерскому приходилось дважды жить на Афоне, где он и знакомился с исихастской практикой. Так и преподобный Феодосий предпочитал уединяться в пещере для «умно́го делания», призывая имя Христово - силу Божью, и в результате чего, преподобный сподоблялся причастия Божественного света. Еще одно свидетельство о распространения исихии в монастырях можно обнаружить в «Слове о преподобном Святоше князе Черниговском» из Киево-Печерского патерика: «В оустех же всегда имаше молитву Иисусову безпрестани: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» [4].

Последующим крупным этапом в истории развития русского исихазма является эпоха преподобного Сергия Радонежского, наиболее яркого представителя школы исихастского подвижничества на Руси XIV века, много потрудившегося на благо Православной Церкви, земли Русской и народа русского. С именем преподобного Сергия Радонежского связано возрождение так называемой Северной Фиваиды русского монашества.

Преподобный Сергий в своем лице явил миру истинного подвижника исихастской традиции. С раннего детства Варфоломей, будущий преподобный Сергий, возлюбил пост и молитву, чуждался детских игр и возрастал в страхе Божием, тяготел к уединенной иноческой жизни. После смерти своих благочестивых родителей он удаляется за 10 верст от Радонежа в дремучие леса для уединенной жизни. Как повествует нам Епифаний Премудрый, преподобный Сергий имел такое упование на Бога, что решился удалиться в пустыню, «чтобы уединиться и в одиночестве безмолвствовать» [1, с. 21]. А «вкусив божественной сладости безмолвия, он уже не хотел от нее отказаться и оставить ее» [1, с. 21]. Данное упоминание о познании безмолвия в житии преподобного разбивает всевозможные сомнения и противоречивые мнения о том, что преподобный Сергий был чужд исихастской традиции. Так как само слово «безмолвие» в переводе на греческий язык звучит как «*исихия*».

Находясь в пустыне и видя аскетический образ жизни, преподобный возрастал в добродетелях. Среди его различных добродетелей была и «непрестанная молитва» [1, с. 24]. Даже по ночам, которые преподобный Сергий проводил без сна, ум его не покидала молитва. «И что бы он ни делал, на устах его всегда были слова псалмов» [1, с. 26]. Из жития игумена Сергия мы имеем сведения о видениях ему горних сил, разговаривающих с ним «на языке огня и света» [8, с. 150]. Этим видениям были причастны и некоторые из учеников святого, которые, по-видимому, и сообщили о них Епифанию Премудрому.

По мнению Георгия Петровича Федотова, (русского историка и религиозного мыслителя), мы можем смело назвать преп. Сергия первым мистиком из русских святых. Мистиком, конечно, с православной точки зрения. Святой, который является «носителем особой, таинственной духовной жизни, не исчерпываемой подвигом любви, аскезой и неотступностью молитвы» [8, с. 151]. Тайны его духовной жизни, к сожалению, нам не известны. Но оставшиеся упоминания о видениях преподобного «суть лишь знаки, отмечающие неведомое» [8, с. 151]. Развивая мысль дальше, Г. П. Федотов, учитывая «мистиче-

скую традицию, которая утверждается среди учеников преп. Сергия» [8, с. 151], сопоставляет светоносные видения Сергия с Фаворским светом видимый исихастами.

В свете мистических видений прослеживается родственность духовной жизни преп. Сергия современному ему мистическому движению исихастов на православном Востоке. Приверженцами этого движения были, помимо святого Григория Паламы́, и Ты́рновский патриарх Евфимий с патриархом Константинопольским Филофеем.

«Возрождение так называемой Северной Фиваиды русского монашества прямым образом связано с византийским исихастским возрождением», считал протоирей Иоанн Мейендорф, «не даром даже в житии преподобного Сергия Радонежского существуют сведения о его личной переписке с Патриархом Константинопольским Филофеем» [5, с. 65].

Патриарх Константинопольский Филофей (человек из семьи еврейского происхождения), будучи учеником Григория Паламы́ и сторонником исихастского движения, узрел в преподобном Сергии близкого по духу подвижника и продолжателя традиции исихазма. И, в знак своего признания, Константинопольский патриарх счел необходимым послать преподобному подарки: крест, параманд, схиму и грамоту с благословением на учреждение общежития в Троицком монастыре. В дальнейшем крепкая духовная связь объединит преподобного Сергия со святителем Киприаном, близким соработником патриарха Филофея. Между митрополитом Киприаном и преподобным Сергием велась переписка, но до нас дошли только лишь три письма. Из писем видно, что «Святитель не имел людей, более Сергия и Феодора близких по духу, пред которыми он мог бы раскрыть все свое горе и облегчить душу излиянием скорбных чувств» [6, с. 111]. Святитель Киприан был очень хорошо знаком с богатой традицией византийского монашества и, вероятно, рассказывал преподобному Сергию об исихазме, как родному человеку по духу.

Начиная от преподобного Сергия Радонежского, как от добротного ствола многочисленными крепкими ветками произросла исихастская традиция в лице его учеников. Монастырская жизнь того времени переживает на Руси духовный подъем. С момента введения общежительного устава в Троице-Сергиевой обители начинается быстрое распространение в Северо-Восточной Руси монастырей-общежитий. Подобно Византии на Руси начали появляться иноки «молчальники», т. е. монахи-исихасты. Так, например, нам известно, что ближайший ученик преподобного Сергия Исаакий, отказываясь от предложенного ему сана игумена в Благовещенской обители, просил преподобного Сергия благословить «его на полное молчание, такое, чтобы никогда не произнести ни слова» [1, с. 41]. И после полученного благословения от преподобного Сергия, Исаакий «с того времени… пребывал в молчании бесстрастно» [1, с. 41].

Так же преподобный Савва Сторожевский, приняв пострижение от преподобного Сергия Радонежского, и был одним из первых его учеников и сподвижников. «Пребывал в его обители в совершенном послушании, монашеской жизни обучаясь нраву, воздержанию и бдению, чистоту во всем соблюдая, как украшение всего иноческого жития» [2, с. 47]. Основывая обитель на горе Сто-

рожевской, вслед за своим духовным наставником Сергием Радонежским был последователем византийского духовного движения – исихазма. «Работая много руками своими, в пении молясь беспрестанно, никогда ни с кем не беседуя, но больше уединяясь и в молчании пребывая» [2, с. 319].

Влияние преподобного Сергия и круга его учеников на духовную жизнь Руси имело поистине грандиозное значение по своим культурным и историческим последствиям. Русь поднялась на новую ступень в своем миропонимании и развитии. Это стало решающей предпосылкой расцвета искусства и подъема национального самосознания, определившего политическое возвышение Московского государства.

В заключение хотелось бы сказать, что для нас преподобный Сергий является ориентиром в духовной жизни, сыгравшим главную роль в духовном возрождении Руси, выражая в своем лице продолжателя традиции исихазма. И мы, следуя этому ориентиру, должны считаться с той существующей традицией, которую преподобный Сергий собой являл.

Список источников

1. Житие и чудеса Преподобного Сергия Игумена Радонежского, записанные Преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и Старцем Симоном Азарьиным. М. : Православная энциклопедия, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

2. Ковалев Константин. Савва Сторожевский. Жизнь замечательных людей. М. : Молодая гвардия, 2007.

3. Концевич И. М. Исихазм / Ин-т Русской Цивилизации Имени Митрополита Иоанна (Снычева). URL: http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=524 (дата обращения: 04.09.2025).

4. Лепахин В. В. Исихазм: содержание понятия и его границы. URL: http://www.portal-slovo.ru/art/35904.php?element_id=35904&pagen_1=2 (дата обращения: 04.09.2025).

5. Иоанн Мейендорф. Прот. Православие и современный мир. (Лекции и статьи). Минск : Лучи Софии, 1995.

6. Никон Рождественский. Архиеп. Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского. М. : Ковчег, 2011. 408 с.

7. Симеон Новый Богослов. Преп. Творения. Слова и гимны. Книга первая. М. : Сибирская Благозвонница, 2011.

8. Федотов Г. П. Святые древней Руси. М. : Московский рабочий, 1991. 268 с.

9. Хоружий С. С. Православная аскеза – ключ к новому видению человека. URL: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/ascetic/4.html. (дата обращения: 04.09.2025).

УДК 271.217.024

Диакон Рустик (Руслан) Якупов
преподаватель Алматинской православной духовной семинарии,
клирик Астанайской и Алматинской епархии Митрополичьего округа
Русской православной церкви (Московского Патриархата)
в Республике Казахстан
г. Алма-Ата, Республика Казахстан
seminaria.kz@yandex.ru

Взгляд Русской Православной Церкви на искусственный интеллект

Аннотация. *Совокупность взглядов со стороны Церковных иерархов склоняется к невозможности разработки искусственного интеллекта, который способен обладать полноценной личностью. На настоящее время все возможности нейросети являются не более чем простой имитацией человеческой деятельности, которая не в состоянии выйти за пределы встроенной программы. Отсутствие возможности сконцентрировать нормы православной этики в единую систему делает его возможности в этическом плане крайне ограниченными, что представляет собой еще один признак неполноценности искусственного интеллекта. По мнению представителей Русской Православной Церкви, основная опасность нейросети заключается в бездуховном состоянии ее пользователей, так как, при условии отсутствия духовно-нравственных аспектов в человеческой жизни, использование искусственного интеллекта способно привести к массовой деградации.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейросеть, Русская Православная Церковь.*

Deacon Rustik (Ruslan) Yakupov
lecturer at the Almaty Orthodox Theological Seminary,
cleric of the Astana and Almaty Dioceses of the Metropolitan Area
The Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
in the Republicof Kazakhstan, Alma Ata, Republic of Kazakhstan
Alma-Ata, Republic of Kazakhstan

St. Sergius of Radonezh as the exponent of the school of hesychastic asceticism in Russia

Annotation. *The Church hierarchy's collective view is that it is impossible to develop artificial intelligence that possesses a fully-fledged personality. Currently, the capabilities of neural networks are limited to mere imitation of human behavior, unable to exceed the boundaries of their built-in programs. The inability to integrate Orthodox ethics into a cohesive system restricts the ethical implications of artificial intelligence, further emphasizing its limitations. According to representatives of the Russian Orthodox Church, the main danger of a neural network lies in the lack of spirituality among its users, as the use of artificial intelligence can lead to mass degradation in the absence of spiritual and moral aspects in human life.*

Keywords: *artificial intelligence, neural network, Russian Orthodox Church.*

Внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе в области образования, культуры и религии, привлекло

© Якупов Р. Б., 2025

к себе особое внимание не только светских исследователей, но и представителей Русской Православной Церкви из числа духовенства и мирян. Духовенство рассматривает применение православным обществом современных цифровых технологий и, в особенности, деятельность искусственного интеллекта с неопределенной позиции. Преимущественное большинство придерживается мнения, что современные технологии, которые являются неотъемлемыми частями повседневной жизни практически каждого человека, представляют собой обширные возможности для жизни Церкви. Здесь заключаются возможности молитвенного общения с православными христианами из разных стран, поиска древних христианских письменных источников и документов, ознакомиться с разнообразными аспектами церковной жизни и т.д.

Из данного положения следует, что современные технологии выполняют вспомогательные функции для Церкви в ее многогранном просветительском служении. И тем не менее остается глобальный вопрос о применении цифровых возможностей людьми для идеологического влияния на культуру. Таким образом происходит неоднозначная позиция со стороны православного духовенства на использование искусственного интеллекта, современных цифровых возможностей и их влияние на жизнь человека. Основная часть священнослужителей, основываясь на традиционные подходы к своему разностороннему служению, призывают использовать цифровые технологии рационально и умерено, однако молодые представители православного духовенства имеют к искусственному интеллекту и виртуальному миру более благосклонное отношение.

Начиная с постсоветского периода Русская Православная Церковь, как и другие традиционные религии, подверглась влиянию цифровизации, в результате чего появились индивидуальные сайты епархий и отдельных приходов, православные приложения, а также многочисленные блогеры из числа священнослужителей и простых верующих людей, которые реализовывают свою деятельность на популярных интернет-платформах и социальных сетях. Здесь явным образом прослеживается постепенное принятие Православной Церковью цифровых инноваций и их глобальное использование обществом для возможности получения духовного блага, путем виртуальных технологий.

При данном раскладе, отношение Русской Православной Церкви на развитие искусственного интеллекта, преимущественно, сохраняется нейтральным, однако многие ее представители относятся к данному прогрессу с опасением. Здесь необходимо выделить градацию между искусственным интеллектом и интеллектом в основном понимании. Понятие интеллект подразумевает умение совершать выбор, осуществления анализа полученной информации, способность к определенному стремлению, а также возможность рационального принятия решения при возникновении определенных обстоятельств [3, с. 262]. В данном случае стремление к поставленной цели у искусственного интеллекта является исключительно запрограммированной в то время, когда человек способен самостоятельно обозначить свою цель вне зависимости от его функций и естества. Следовательно, интеллект представляет собой отличительный признак, присущий только человеку, который обладает возможностями от-

личить свою личность от окружающего мира, всесторонне развиваться, изменять свою личность и отношения с другими людьми.

С православной точки зрения, отличительная черта между разумом человека и искусственным интеллектом заключается в фрагменте из Ветхого Завета: «*И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему*» (Быт. 1:26). В данных словах прослеживается отождествление Святой Троицы и человека, которое проявляется в подобии. Пресвятая Троица заключает в себе единую природу и три ипостаси, также и человек способен обладать одним естеством и обильным количеством личностей. Таким образом создание сложнейших механизмов и технологий представляют собой лишь пустое стремление искусственно сформировать самостоятельный разум человека, который никогда не сможет обрести уникальную личность.

Также необходимо выделить, что личность человека «*это не душа и не тело, а синтез тела и души и нечто, превосходящее этот синтез*»[5, с. 6]. Очевидно, что при разработке искусственного интеллекта его создатели концентрировали свое внимание на человеческое мышление, опуская важность человеческой природы. Основываясь на учениях Церкви о теле человека, следует вывод, что наша физическая составляющая представляет собой важную часть для тварного мира. «*Бог явился во плоти*» (1 Тим. 3:16) – такими словами апостола Павла мы находим подтверждение важности человеческой природы для Господа.

На основании того, что личность не заключается лишь во внутреннем мире человека или в его природе, следует вывод о невозможности разработки искусственного интеллекта, обладающего полноценной личностью, а человек, наделенный образом и подобием Творца, всегда будет возвышен над сложнейшими изобретениями цифровых технологий.

Согласно возможности человека достичь обожения, ему не следует уступать цифровому прогрессу за счет собственных страстей и безрассудства. И в том случае, если человечество будет движимо пороками, деньгами и СМИ, потеряв в данной суете свою уникальную личность, то люди, со временем, будут подчинены искусственному интеллекту. В данном случае людям придется претерпеть серьезные потери из-за собственных жизней в мире, где правит цифровизация.

Необходимо выделить, что искусственный интеллект априори был создан с целью выполнения стандартной повседневной деятельности человека. У него отсутствует возможность самостоятельно изменять свою матрицу и принимать решения по своему усмотрению. По этой причине искусственный интеллект представляет собой лишь робота, который может осуществлять свои функции исключительно по заложенной в него программе.

На данный момент сформирована специальная комиссия Межсоборного присутствия, которая занимается вопросами общественной жизни, культуры, науки и информации под председательством митрополита Климента (Капалина), председателя Издательского совета Русской Православной Церкви. Именно данная комиссия занимается изучением развития искусственного интеллекта и его влияния на общественную жизнь. Неоспоримым фактом является то, что

Церковь не имеет возможности остановить прогрессирование искусственного интеллекта, но, в крайнем случае, в ее силах заявить о своей оппозиции и оказать определенное влияние на общество.

Многих людей сейчас одолевают опасения о возможных проблематичных исходах в связи с развитием искусственного интеллекта. Митрополит Климент о данном положении сказал следующее: «*Все христианские конфессии говорят: это вызов Богу, если искусственный интеллект будет развиваться бесконтрольно*» [2]. На данный момент у человечества имеется возможность воздействовать на ограничение деятельности искусственного интеллекта на этическом основании. Также владыка Климент заявил о важности для ограничения цифровых технологий со стороны государственной власти.

При условии возможности в будущем создания технологического существа с искусственным интеллектом и со свободной волей, которому человек будет уступать по уровню интеллекта, протоиерей Михаил Захаров в своем исследовании «**Православный взгляд на проблему искусственного интеллекта**» задается вопросом «*будет ли это означать, что это существо – человек?*» [3, с. 272]. Если допустить данное положение, то следует учитывать, что человек представляет собой результат Божественного творческого акта, следовательно, наделенный искусственным интеллектом робот входит в состав творений Божьих.

Отец Михаил начинает развивать данную мысль, опираясь на волю Божью, без которой «*ничего не происходит в этом мире*» [3, с. 272]. Так как человек наделен Божественным Подобием, то он, подобно Создателю, имеет власть творить в видимом мире. Появление новых творений, возникших в результате человеческих усилий, по мнению Захарова, можно рассматривать в качестве Божественных созданий. Данная мысль обусловлена тем, что в настоящее время методом генетики было создано несколько новых видов флоры и фауны, которые являются Божьими тварями. По этой причине протоиерей Михаил заявляет, что машина, способная на самостоятельное мышление, при этом не обладающая биологическим естеством, может иметь идентичный статус с искусственно выведенными видами животных и растений.

Для полного признания машины с искусственным интеллектом творением Божьим, отец Михаил рассматривает следующие слова из Священного Писания: «*И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою*» (Быт. 2:7). В том случае, если искусственный интеллект является действительным подобием человека, то нет никаких преград, чтобы Господь наделил его «*душею живою*».

Продолжая свою мысль Захаров приводит отождествление механического естества искусственного интеллекта с «*кожаными ризами*» (Быт. 3:21) и делает вывод: «*Тогда это тоже человек, тоже падший Адам, согрешивший в раю и нуждающийся в спасении*» [3, с. 274].

Однако необходимо помнить, что теологумен протоиерея Михаила является лишь размышлением о вероятных событиях, связанных с действительным развитием искусственного интеллекта. Автор сам признает, что вся деятельность современных цифровых технологий является не более чем простой ими-

тацией человеческой деятельности, которая не в состоянии выйти за пределы встроенной программы.

Подобное мнение разделяет глава синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ Владимир Романович Легойда, который заявляет, что искусственный интеллект может лишь копировать деятельность определенного человека или группы конкретных специалистов. На данный момент искусственный интеллект заключает в себе большую часть из разновидностей деятельности человека, в том числе и в области культуры. Специальные программы способны сгенерировать речь, картину, поэму и другие произведения искусства в стиле великих исторических ораторов, проповедников, художников и поэтов. Здесь Владимир Романович выделяет важный фактор, который находится за пределами возможностей искусственного интеллекта: «*для человеческой культуры важна категория удивления*» [4].

Разумеется, искусственный интеллект способен находить подходящие словосочетания и расставлять их в нужном порядке, однако вероятность особого проявления глубинного смысла данных произведений искусства на эстетов, или даже на простых граждан, остается крайне незначительной. Произведение, созданное настоящим гением, способно передать другому человеку саму душу творца и оказать определенное влияние на наш разум или на нашу душу. К тому же копия никогда не сможет сравниться с оригиналом. Заканчивая свою мысль, Владимир Романович указывает на отсутствие необходимости искусственного интеллекта в делах Православной Церкви такими словами: «*Ни один нормальный священник не обратится к прихожанам с проповедью, написанной искусственным интеллектом*» [4].

Таким образом, становится очевидно, что на данное время искусственный интеллект является ничем иным как вспомогательным механизмом, который способен лишь выполнять конкретные функции, встроенные в его систему. Однако для полной ясности влияния искусственного интеллекта на общество, необходимо рассмотреть его этику, обязательность которой заключается в его программировании и использовании. Руководитель комиссии Межсоборного присутствия по богословию и богословскому образованию епископ Переславский и Угличский Феоктист, при исследовании данного вопроса, отдельно рассматривает этику использования искусственного интеллекта людьми и его конкретную этику.

Этика искусственного интеллекта имеет своей отличительной особенностью проблему, возникающую в связи с генерированием какого-либо решения, которое напрямую или косвенно относится к человеку. Здесь необходимо выделить, что работоспособность искусственного интеллекта по выявлению определенного решения по своей скорости и по анализирующим обширные материалы свойствам превосходит деятельность человека. Данное положение позволяет сделать логический вывод, что у человека отсутствует возможность проверить истинность результата, полученного искусственным интеллектом.

Таким образом, на первый план выходит проблема в действительной истинности ответа, сформулированного искусственным интеллектом, и его соот-

ношение с этическими принципами. Отсюда следует заключение о необходимости формирования этики для роботов, а именно для их системного обеспечения, занимающегося обработкой данных.

Христианское вероучение относит к этике духовно-нравственные наставления, которые были произнесены Самим Богом. Сопоставление Божественного учения и возможностей искусственного интеллекта представляет собой дополнительную проблему по той причине, что система требует формализации для программного осуществления в то время, когда Господь нередко указывал на «*недопустимость формализации морали*» [7, с. 77].

Формализация Божественного учения была облечена Иисусом Христом, Который напрямую объяснял, что данная система лишь подчиняет себе человека, тем самым удаляя его от Создателя. Данный пример содержится во фрагменте Евангелия от Матфея, где в 23 главе повествуется о словах Христа, направленных против дел фарисеев и книжников. Во времена Ветхого Завета этика была сконцентрирована на Пятикнижии пророка Моисея, с помощью которого были выявлены законы, направленные на различные жизненные ситуации. Иудейское представление о Божественном Законе представляет собой яркий пример для формализации Слова Божьего, что является возможным сценарием для понимания искусственным интеллектом христианской этики.

Епископ Феоктист выделяет главные нормативы этики для общества следующим образом: «*правильно то, что считает таковым большинство; правильно то, что считает таковым государство*»[7, с. 78]. Из данного высказывания следуют конкретные этические нормативы, на основании которых искусственный интеллект способен дедуктивным методом избрать наилучшее решение. Однако использование этики христианского вероучения может привести к сбою в его системе. Это связано с тем, что новозаветные заповеди никаким образом нельзя сопоставить в определенную систему по той причине, что возникает противоречие на основании их формулировки. Все дело в том, что в системе, при восприятии информации, доминирующую роль играет формальная логика, с помощью которой человек может составить четкое представление о чем-либо. Однако данный прием не может подходить к заповедям Спасителя, так как они были составлены Божественным Разумом, но никак не человеческим, следовательно, здесь происходит возвышение их логики, которую невозможно заключить в единую систему, над пониманием человека.

Вся глубинная суть христианства заключается лишь в одном важнейшем качестве – в любви. В Евангелие от Матфея Иисус Христос, отвечая на вопрос законника о наибольшей заповеди, ставит любовь во главе всех добродетелей таким образом: «*Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим*» (Мф. 22:37) и «*Возлюби ближнего твоего, как самого себя*» (Мф. 22:39). Проявление любви может отображаться самым разнообразным способом, в зависимости от многочисленных обстоятельств нашей жизни. Таким образом, в связи с невозможностью концентрирования многогранных реализаций любви в одной системе, выбор правильного решения для рационального проявления главной христианской добродетели не может быть сформулирован искусственным интеллектом.

Бесспорно, искусственный интеллект оказывает замечательную вспомогательную функцию для достижения множества целей, требующих быстрой и четкой аналитики, но его возможности в этическом плане являются крайне ограниченными, что указывает на отсутствие рационального к нему обращения с вопросами о каком-либо человеке. Данные вопросы, несмотря на быстрые и обширные возможности искусственного интеллекта, должны решаться живым человеком. Здесь появляется необходимость для человека, занимающегося подобными вопросами, в руководстве учениями Господа нашего, с целью четкого представления богоподобия в другом человеке. Данные свойства присущи исключительно человеку, которому содействует Святой Дух. Для робота же, владеющего самыми совершенными функциями с наилучшим системным обеспечением, эти свойства никогда не будут доступными.

Похожая ситуация происходит по отношению к самостоятельному сознанию, которое, в соответствии с восточным богословием, имеет прямую связь с личностью. Ранее было сказано об отсутствии личности у искусственного интеллекта и ее наличии лишь у Бога и у человека. Из данных умозаключений мы можем справедливо сказать, что нейросеть никаким образом не способна обрести сознание.

Данной мысли придерживается иеромонах Мефодий (Зинковский), выдвинувший в своей работе «**Православное богословие личности и проблематика искусственного интеллекта**» четкое условие для полной свободы от технологических плодов цифрового прогресса, заключающееся в «*самосознании в рамках православного богословия и аскетики и индивидуальном развитии на этом пути*»[5, с. 7].

Согласно православному богословию, между мозгом и сознанием существует действительная связь, однако, по Божьему замыслу, составляющие элементы человека находятся в иерархическом подчинении таким образом, что положение человеческого тела находиться в зависимости от души, а положение души пребывает в зависимости от ума.

В связи с последствиями грехопадения в Эдеме, человеческая природа претерпела повреждения, которые имеются у каждого человека. Повреждение природы человека сказалось и на его сознании, получившим ограничение своих возможностей. Согласно современным исследованиям, мозг человека не производит свои функции в полноценном осуществлении[5, с. 9]. В данной области возникает опасность из-за прогрессирования греховной жизни человека и его использования технологических приспособлений и искусственного интеллекта. Это обусловлено отсутствием необходимости разумного рассуждения для принятия правильного решения в то время, когда современные технологии способны без труда предоставить необходимую информацию, что способно привести к массовой деградации[8]. При активном развитии цифровых технологий, у человека, в жизни которого нет молитвы, духовной жизни и Божественной благодати, все важные решения будут принимать нейронные сети машины, в результате чего несвоевременно возникнет мозговое истощение.

Наибольшие проблемы, связанные с деятельностью искусственного интеллекта и его влиянием на общество, были обозначены Святейшим патриар-

хом Кириллом во время его выступления на X Санкт-Петербургском международном форуме объединенных культур «**Культура XXI века: суверенитет или глобализм?**». В первую очередь Первосвятитель указал на опасность, возникновение которой напрямую связана с развитием нейросети – возможность создания искусственным интеллектом себе подобных, что является угрозой для всего человечества. На настоящее время данная опасность является лишь гипотезой и не имеет никаких признаков своей реализации. Исследователи нейросети на сегодняшний день не имеют никаких научных подтверждений для возможности создания искусственным интеллектом другого искусственного интеллекта, однако вероятность данного процесса в будущих временах существует. Первостепенной задачей в данном вопросе является ограничение развития нейросети с той целью, чтобы она не имела возможности для самостоятельного создания нового интеллекта и выйти из-под контроля человека [1].

Если первая опасность, обозначенная патриархом Кириллом, находиться на уровне философских размышлений, то вторая проблема искусственного интеллекта имеет более реальные проявления. Современные показатели работы искусственного интеллекта демонстрируют нам потрясающую скорость его вычислительных функций, которая в несколько раз превосходит возможности человека. Продолжение его развития способствует созданию невообразимых возможностей искусственного интеллекта во всех сферах жизнедеятельности человека. С одной стороны, данный прогресс цифровых технологий способен принести человечеству значительную пользу, а с другой – возникает проблема нанесения вреда человеку. Каждое творение, появившееся в результате научно-технического прогресса, имеет нейтральный характер, однако человек самостоятельно наделяет его благим или пагубным применением, в зависимости от своего духовного состояния.

С целью предотвратить отрицательное развитие событий, связанных с прогрессом нейросети, патриарх Кирилл призвал людей «*становиться лучше – нравственно, духовно*» [6]. В противном случае человек может оказаться во власти бездушных машин и потерять свою личность. По данной причине патриарх обосновывает, что человеку необходимо сохранять свою религиозность, так как потеря веры в атмосфере технологического прогресса приведет целый мир в «*эпоху апокалипсиса*» [6].

В заключение следует отметить, что человечеству следует продолжать развиваться в научно-техническом направлении, при условии отсутствия вреда для мира и для человечества, а также с учетом духовно-этических норм.

Список источников

1. Ахмедов Р. М., Эриашвили Н. Д., Иванова Ю. А. «Цифровой диктат» как вызов православной нравственности // Современная жизнь в науке. 2021. № 6. С. 26–30.

2. В РПЦ изучат опасения верующих, связанные с развитием ИИ. URL: https://tass.ru/obschestvo/20159361 (дата обращения: 17.10.2025).

3. Захаров М., прот. Православный взгляд на проблему искусственного интеллекта // Христианство и наука : сб. докл. конф. Международные Рождест-

венские образовательные чтения. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2009. С. 262–277.

4. Легойда В. Р. Мир машинного разума: погубит ли нас искусственный интеллект? URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/mir-mashinnogo-razuma-pogubit-li-nas-iskusstvennyy-intellekt/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 17.10.2025).

5. Мефодий (Зинковский), иером. Православное богословие личности и проблематика искусственного интеллекта // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 1–15.

6. Патриарх Кирилл назвал две главные опасности развития искусственного интеллекта и рассказал, как им противостоять. URL: https://www.google.com/amp/s/foma.ru/patriarh-kirill-nazval-dve-glavnye-opasnosti-razvitija-iskusstvennogo-intellekta-i-rasskazal-kak-im-protivostojat.html%3famp (дата обращения: 17.10.2025).

7. Феоктист (Игумнов), еп. Мораль для робота. Евангельский взгляд на этические проблемы технологических инноваций // Журнал Московской Патриархии. 2021. № 12. С. 74–79.

8. Худиев С. Л. Не уходи безропотно во тьму: поиски искусственного бессмертия и Благая Весть. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Hudiev/ne-uhodi-bezropotno-vo-tmu-poiski-iskusstvennogo-bessmertija-i-blagaja-vest/#source (дата обращения: 17.10.2025).

Научное издание

Сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне)

(г. Кострома, 19 сентября 2025 года)

Текстовый электронный сборник

16+

Составители:
Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников,
Д. Н. Лукоянов, Л. А. Хлестакова

Ответственный редактор:
Г. Г. Бриль

Компьютерная верстка О. В. Тройченко

Системные требования:
ПК не ниже класса Pentium IV; 512 МБ RAM;
свободное место на HDD 1,5 ГБ;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию .12.2025. 4,28 МБ. [Печ. л. 25,5]
Заказ . Электронное издание. Тираж 300.

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11.
Тел.: 63-49-00, доб. 3110. E-mail: rio-kgtu@yandex.ru

Титул **Сведения об издании** **Выпускные данные** **Содержание**